

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ГЕОГРАФИЯ И РЕГИОН

Том III

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Материалы международной
научно-практической конференции
(23–25 сентября 2015 г.)

Пермь 2015

УДК 332.1

ББК 65.04

Г 35

География и регион: материалы между-
нар. науч.-практ. конф. (23–25 сентября 2015 г.):
Г 35 в 6 т. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь,
2015. – Т. III: Социально-экономическая геогра-
фия. – 316 с.

ISBN 978-5-7944-2583-3 (т. III)

ISBN 978-5-7944-2580-2

Сборник содержит материалы международной научно-практической конференции «География и регион», секции «Социально-экономическая география», проведенной на географическом факультете Пермского государственного национального исследовательского университета. В издание включены результаты современных исследований в области социально-экономической географии.

Материалы конференции могут представлять интерес для научных работников, сотрудников администраций, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

УДК 332.1

ББК 65.04

*Печатается по решению оргкомитета
международной научно-практической конференции «География и регион»*

ISBN 978-5-7944-2583-3 (т. III)

ISBN 978-5-7944-2580-2

© Пермский государственный
национальный исследовательский
университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лядова А.А.</i> Культурные инновации: понятие и роль социально-экономической географии в их изучении.....	6
<i>Мифтякова Э.Ф., Федоров В.Н.</i> К вопросу о плотности населения Ульяновской области.....	11
<i>Мошков А.В.</i> Пространственные особенности формирования структурных различий в экономике Дальневосточного федерального округа.....	14
<i>Нагорнюк О.И., Иванова М.Б.</i> Модернизация российских регионов: социальные, экономические и политические аспекты.....	21
<i>Начинова Ю.В.</i> Формирование логистической сети Тюменской области в послевоенный период.....	27
<i>Николаев Р.С.</i> К вопросу о соотношении транспорта и логистики в исследованиях территориальных общественных систем.....	34
<i>Обедков А.П.</i> Эволюция городской сети и трансформация урбанистической структуры Российского Севера.....	40
<i>Осипов А.В.</i> Экономическая оценка земельных участков на основе данных дешифрирования космических снимков (на примере юго-западной части Тюменской области).....	47
<i>Осипов В.А.</i> О пятом измерении пространства.....	53
<i>Осоргин К.С.</i> Современный этап реформы местного самоуправления в РФ.....	60
<i>Ощепкова А.З., Столбов В.А.</i> Территориальные схемы обращения с отходами в системе стратегического и территориального планирования субъектов Российской Федерации.....	64
<i>Петров Ю.В.</i> Среднесрочное планирование местного налогообложения для сбалансированного территориального развития.....	71
<i>Плачинта И.Г.</i> Современные исследования миграционных процессов в регионах мира.....	76
<i>Поляков Н.Е.</i> Геополитические аспекты урегулирования территориальных конфликтов.....	82
<i>Пономарева З.В.</i> Сельское расселение Воронежской области как фактор территориальной организации местного самоуправления.....	89
<i>Преображенский Ю.В.</i> Динамика доходов домохозяйств графств США в 1969–2012 гг.....	95
<i>Райда Г.И., Быков Н.И.</i> География похоронного дела.....	101
<i>Ридевский Г.В.</i> Сравнительная оценка расслоения регионов российско-белорусского приграничья по уровню заработной платы.....	105

Саввинова А.Н., Гнатюк Г.А. Урбанизированность территории Республики Саха (Якутия): проблемы пространственной организации.....	112
Салиев А.С., Федорко В.Н. Устьевые оазисы – своеобразные территориальные природно-хозяйственные системы Средней Азии.....	118
Саматов И.Р. Географические аспекты изучения информационной сферы жизнедеятельности населения.....	125
Саттарова Г.А. Экологическая инфраструктура региона: основные функции и подходы к оценке.....	131
Сафиуллин Р.Г., Афанасьев А.К. Основы территориальной экономической политики Республики Башкортостан в начале XXI в.....	136
Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Ибрагимова З.Ф. Концептуально-стратегические направления развития г. Уфы	146
Седегов Д.П., Лядова А.А. Российские города как центры креативной экономики: географический анализ.....	151
Сидоркина З.И. Особенности региональной взаимосвязи «крупный город–периферия».....	155
Соболева Т.А. Городские округа и городские поселения муниципальных районов в системе административно-территориальных единиц в субъектах Дальневосточного федерального округа.....	161
Соколов С.Н. Современное экономико-географическое положение Югры.....	167
Соловьев И.А. Пространственно-временные аспекты адаптации мигрантов в городах Ставропольского края.....	174
Столбов В.А. Концептуальные основы управления капиталом территории.....	178
Субботина Т.В., Бояршинова Е.М. Регион в социально-экологическом измерении	185
Суменкова Л.А. Роль нормативно-правовой базы в развитии страхового сектора России.....	192
Сысоева Н.М. Укорененный сектор в планировании социально-экономического развития региона.....	198
Сысоева О.В. Банковский сектор Сибири: пространственные особенности (1817–1987 гг.).....	204
Требушкова И.Е. География агропромышленного комплекса Курской области.....	210
Трифонова З.А. Трудовые мигранты: типы взаимодействия приезжего и местного сообщества (по материалам исследования Чувашской Республики).....	217

Ушаков Е.А. Проблемы и перспективы развития арктических районов Республики Саха (Якутия).....	223
Фаронова Ю.В. Городское планирование: экономико-географический подход (на примере Республики Башкортостан)....	230
Халина Н.В. Оценка транспортно-коммуникационных условий Байкальского региона	236
Хачатуров М.З. Географические особенности организации муниципальной системы образования Ульяновской области.....	240
Худякова Т.М. Рациональная структура специализированных хозяйственных комплексов регионов – основа территориальной организации российского общества.....	246
Хуснутдинова С.Р. Городские агломерации на современном этапе социально-экономического развития региона (на примере Республики Татарстан).....	252
Чаплыгина О.Г., Рудакова С.А., Нестеров В.Р., Плохих А.С., Симченко Е.А. Продовольственная обеспеченность региона.....	258
Чеботкова А.Д. Традиции и инновации в культуре коми-пермяков	263
Чекменева Л.Ю., Незговорова П.В., Еропкина Н.Д. Социально-демографическая ситуация в субъектах Уральского региона.....	269
Чернышев К.А. Постсоветская трансформация социально-культурной сферы в Кировской области.....	274
Чихичин В.В. Ставропольский край на этнической карте Юга России: изменения за последнее полвека.....	277
Чугунова Н.В., Литовченко Ю.В., Игнатенко С.А. Проблемы устойчивого развития сельского расселения Белгородской области в новых социально-экономических условиях.....	283
Чупина Л.Б. Эволюционные процессы в географическом пространстве-времени.....	288
Шарьгин М.Д. Социально-экономические регионы: проблемы познания и организации.....	292
Ширинкин П.С. К вопросу о проблематике возможных направлений деструктивного воздействия на этническое поле.....	298
Шкуринский Б.В. Влияние социально-экономических условий на заболеваемость населения Западно-Казахстанской области.....	308
АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	314

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 911.3:008

КУЛЬТУРНЫЕ ИННОВАЦИИ: ПОНЯТИЕ И РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В ИХ ИЗУЧЕНИИ

А.А. Лядова

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: geografizpermi@yandex.ru

В сообщении рассматривается позиция автора об одном из актуальных направлений изучения в социально-экономической географии.

Ключевые слова: инновационная культура; культурные инновации; диффузия инноваций; система центр и периферия.

Одной из главных тенденций развития современного мира является активное и постоянное создание новых культурных элементов, которое выразилось в направлении по изучению *инновационной культуры*. В отличие от традиционной, она представляет собой совокупность целей и ценностей, ориентирующих индивида и общество на изменение своей жизнедеятельности, на количественное и качественное расширение удовлетворяемых потребностей индивида, социальных групп, общества в целом. Сейчас данное направление является одним из самым динамично развивающихся, поэтому изучение инновационной культуры также актуально для географических исследований.

Важным атрибутом инновационной культуры являются культурные инновации и инновационность. Культурные инновации изначально изучались отдельными областями гуманитарного знания (преимущественно, в этнографии и некоторых областях культурологии), позже географией [2] и экономикой культуры [3]. Данные подходы разнятся настолько, насколько различны сами научные области. Общее определение культурных инноваций сформулировано в области гуманитарных наук [1]. В смежных областях исследования происходит уточнение и обогащение данного понятия. По нашему мнению, *культурная инновация* представляет собой все стороны существования культуры (материальные и ментальные), приводящие к созданию новых по форме и тематике (содержанию) явлений, объектов, которые

позволяют вовлекать в социально-культурный процесс все сообщества (особенно молодёжь) территориальной системы и формировать альтернативные направления развития культуры и территориальной системы в частности. Особенно ценно, когда инновации опираются на потенциал территориальной системы.

Наличие инноваций подразумевает их оценку, особенно с позиций улучшения составляющих культуры, в особенности важно проанализировать возможности для создания инноваций или инновационность. Данный термин возник в политэкономии, но разные авторы выделяют отличные особенности и разную степень научно-технической или инновационной новизны [4], хотя инновационность культуры не рассматривалась специально.

Однако самым важным является объяснение отнесения той или иной инновации к культурной. При выявлении культурных инноваций, на наш взгляд, следует руководствоваться следующими основаниями.

Во-первых, количество созданных инноваций и их разнообразие прямо пропорционально зависит от сложности деятельности объекта. Чем сложнее объект, тем больше новаций будет воплощено в жизнь и тем более комплексными будут инновации. К подобным сложным объектам можно отнести все виды театров, филармонии, галереи, музеи, вузы, киностудии. Данное обстоятельство не исключает увеличение числа и разнообразия (по форме и содержанию) инноваций в определённых случаях, а именно при создании материальной базы деятельности любого объекта. Это обусловлено рядом причин: 1) в современном мире любая профессиональная деятельность не обходится без достижения НТП, отсюда это яркий пример применения научно-технических инноваций для создания нового в других сферах общества; 2) сложные объекты не могут быть созданы без достижений в смежных сферах. Это пример проявления экономической составляющей культурных инноваций. Поэтому, к подобным воплощениям инноваций можно отнести следующее:

1. постройка новых зданий или их реконструкция. Фактические данные инновации являются базисными, поэтому это самые значимые инновации. Новое здание или реконструкция подразумевает применение последних архитектурных и дизайнерских разработок, значит, оно уже само по себе инновационно. Количество последующих порождённых инноваций также существенно: а) появления новых видов деятельности у объектов культуры (например, создание в кинотеатрах залов для просмотра фильмов в новых форматах); б) повышение эф-

фективности работы объектов культуры (например, новые системы безопасности позволяют организовывать в музее, галерее определённого рода выставки).

2. обновление «средств производства» (оборудования, инструментов, компьютеризация, в т.ч. применение компьютерных технологий). Данные инновации (по виду улучшающие) вносят новое в деятельность объектов: а) интернет позволяет транслировать свою деятельность и открывает широкие возможности общения с аудиторией (сайты, социальные сети, системы покупки и бронирования билетов); б) компьютерные технологии создают новые виды приобщения к культуре, способствуя её повсеместному распространению (интерактивные стенды в музеях, запись CD и DVD, виртуальные экскурсии, мастер-классы средствами интернета); в) новые музыкальные инструменты расширяют репертуар и не только повышают качество исполнения, но и создают новые образовательные возможности.

Высоко инновационной и актуальной деятельностью является также та, что содержит в себе последние достижения, способная изменять традиционное содержание. Суть подобных инноваций заключается в том, что в деятельности объектов культуры (спектакли, выставки, показы, концерты и т.д.) постоянно присутствует современное произведение. Под современным произведением или современной культурой мы понимаем созданное в период с 1950 г. по сегодняшний день. Постановка спектаклей или выставок современных авторов подразумевает комплексность, которая приводит к появлению новых форм работы с творческим коллективом, внедрению новых технологий в работу обслуживающих служб. Более того, таким способом можно оценить инновационную роль творческих лидеров. Более того, инновационной подобного рода деятельностью будет ещё и потому, что в современной российской культуре для неё существует ряд препятствий (проблема авторских прав, высокая стоимость зарубежного «культурного продукта», слабая подготовка выпускников вузов в области современной культуры, слабая подготовленность зрителей/посетителей/читателей). Поэтому в данном виде инноваций важно также учитывать то, что некоторые объекты являются местами проведения российских и мировых премьер, а также могут заказывать создание новых произведений.

В условиях дефицита государственных средств на постоянную поддержку объектов культуры инновациями, по нашему мнению, могут считаться изменения формы работы объекта. Такими изменениями

являются постоянное внимание к репертуару театра, программе выставок, обучению в вузах. Иными словами ежегодное обновление репертуара театра или программ выставок галереи и музея (не обязательно благодаря современным произведениям), поддержание современной интерпретации постановок (актуализация классических произведений), обучение студентов на основе совместной деятельности с профессионалами (большинство вузов не всегда могут организовать практическую деятельность с профессионалами, что понижает опытность и кругозор выпускников). Изменение формы проявляется и в трансформации традиционной деятельности (например, уличные постановки традиционных спектаклей). С одной стороны, это изменяет характер представления, его восприятия аудиторией, с другой – создаёт как большие возможности, так и трудности.

Важно отметить, что у некоторых современных объектов (театров, домов культуры) прослеживается антиинновационная деятельность. Она проявляется в изменении прежних сфер деятельности, их упрощении. Оперные театры увеличивают в своём репертуаре долю мюзиклов, оперетт (музыкальных комедий) и детских спектаклей, театры юного зрителя напротив занимаются постановкой спектаклей для взрослых, драматические театры концентрируют внимание на развлекательных программах и детских спектаклях. Поэтому театры, способные сохранять свою деятельность на прежнем высоком уровне, рассматриваются нами как способные создавать инновации при сохранении своего наследия. Отметим, что необходимый уровень детских спектаклей в театрах, не нацеленных на детскую аудиторию, необходимо сохранять, поскольку так воспитывается будущая аудитория данных театров.

Следует отметить также фактор значимости открытости культурному взаимодействию. В первую очередь, это проявляется в проведении театрами и их участии в различных фестивалях, конкурсах и мастер-классах, организация гастролей, либо предоставление своей площадки для гастролей. Ярким примером открытости можно считать работу объектов культуры с иными сферами общества (банки, турфирмы, музеи), которая позже приводит к появлению новых функций.

Социально-экономической география, по нашему мнению, обладает достаточным методологическим материалом для изучения культурных инноваций. Изучение пространственных взаимодействий в сфере культуры (также как и в других сферах общества) связано с диффузией инноваций Т. Хегестранда. Следствия внедрения иннова-

ций объясняет эволюционная парадигма. Поскольку именно инновация является тем «событием», которое приведёт территориальную систему в положение «ядро» (стержень эволюции) или «периферия» (типик эволюции) пространственной структуры. На основе этих парадигм можно говорить о том, что нововведение (инновация) не охватывает всю территорию сразу, а возникает сначала в исходной точке и распространяется отсюда по определенным законам [6]. Эволюционная парадигма напрямую связана с теорией «Центр–Периферия» (Ц–П). Потенциал теории Ц–П позволяет использовать ее положения при постановке различных задач политического, социального и экономического анализа на всех уровнях иерархии территориальных систем [5].

В итоге, данное обстоятельство позволяет изучать культурные инновации, как и любой другой вид инноваций в рамках географических исследований (в первую очередь в рамках культурной географии), также изучать взаимосвязь культурных инноваций и социально-экономического развития территориальных систем.

Библиографический список

1. *Грушевицкая Т.Г.* Культурология: учебник для студентов вузов / Т.Г. Грушевицкая, А.П. Садокин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 687 с.

2. *Дружинин А.Г.* Теоретические основы географии культуры. – Ростов на / Д: изд-во СКНЦ ВШ, 1999. – 114 с.

3. *Евменов А.Д.* Инновационная деятельность как фактор интенсификации развития сферы культуры Российской Федерации // Петербургский экономический журнал. 2013. № 1(1). – С. 44–48.

4. *Лядова А.А.* Территориальная организация инновационной сферы: многообразие подходов к изучению // Вестник молодых учёных ПГНИУ: сб. научн. тр.: в 2 т. – Пермь, 2011. – Т.1. С. 53–64.

5. *Пространство* циклов: Мир–Россия–регион / Под ред. В.Л. Бабурина, П.А. Чистякова. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 320 с.

6. *Социально-экономическая география: понятия и термины.* Словарь-справочник. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – 328 с.

CULTURAL INNOVATION: CONCEPTION AND ROLE OF SOCIO-ECONOMIC GEOGRAPHY IN RESEARCH

A.A. Lyadova

Perm State University

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15; e-mail: geografizpermi@yandex.ru

The report examines author position that cultural innovations is the one of the current direction of socio-economic geography.

Key words: innovative culture; cultural innovations; innovation diffusion; the core and periphery conception.

К ВОПРОСУ О ПЛОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Э.Ф. Мифтякова, В.Н. Федоров

УлГПУ им. И.Н. Ульянова

432700, г. Ульяновск, площадь 100-летия

со дня рождения В.И. Ленина; e-mail: elmira03.92@yandex.ru

Научный руководитель: к.г.н., доцент Фёдоров В.Н.

В данной статье проанализирована проблема сельских территорий крупного города. Так же рассмотрен вопрос развития сельских территорий в условиях урбанизации на примере Ульяновской области.

Ключевые слова: население; город; плотность; урбанизация; муниципальные образования.

В современных условиях территория города является важным элементом развития социальной инфраструктуры области. Город в совокупности с дорогами и другими коммуникациями является ведущим элементом каркаса территории субъекта.

Законом Ульяновской области № 043-ЗО от 13.07.2004 г. «О муниципальных образованиях Ульяновской области» установлены границы (в виде картографического описания) и определен статус муниципальных образований. Муниципальные образования первого уровня – 3 городских округа и 21 муниципальный район – образованы в пределах территорий прежних 25 муниципальных образований. Муниципальные образования второго уровня – городские и сельские поселения – являются вновь образованными, их число в Ульяновской области составляет 143, из них 31 являются городскими поселениями, 112 – сельскими поселениями. Таким образом, общее число муниципальных образований первого и второго уровня в Ульяновской области составляет 167 населенных пунктов [1].

Доля городского населения составляет 74 % (табл. 1), что почти в 3 раза больше, чем сельского населения. Таким образом, в Ульяновской области население больше проживает в городской местности.

Таблица 1

Население Ульяновской области на январь 2014 г.

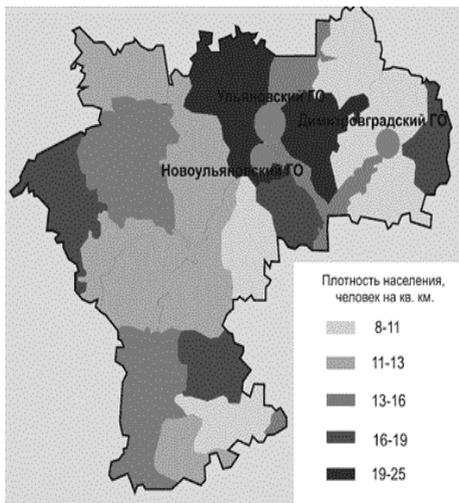
<i>Население, тыс. чел.</i>	<i>Городское население, тыс. чел.</i>	<i>Сельское население, тыс. чел.</i>
1267561	940852	326709

Составлена автором по [4].

Наиболее плотно населенной территорией Ульяновской области является город Ульяновск и прилегающие к нему муниципальных образований: Ульяновское, Чердаклинское, Сенгилеевский (рисунок). Относительно слабо заселены левобережные муниципальные образования:

и Меле-

Старомайнское
кесское.

Плотность населения районов Ульяновской области [3]

В Димитровграде проживает 9% населения области (табл. 2.), в четырех малых городах – менее 5% населения Ульяновской области. Такую ситуацию, экономико-географы связывают с тем, что сельское население вынуждено уезжать из села в поисках работы и учебы.

Таблица 2

Население городов Ульяновской области

<i>Города</i>	<i>Численность населения, тыс. чел.</i>	<i>Доля в городском населении, %</i>	<i>Доля в общей численности области, %</i>
Ульяновск	616 672	65	48
Димитровград	118 513	12	9
Инза	18 127	1,9	1,4
Барыш	16 608	1,7	1,3
Новоульяновск	15 104	1,6	1,2
Сенгилей	6783	0,7	0,5

Составлена автором по [3].

Ульяновская область имеет средне российский показатель доли городского населения (74%), что ненамного превышает средний показатель по Приволжскому ФО (70,4%).

Большие города обросли полугородскими–полусельскими окраинами и пригородами, которые в самой малой степени отвечали высоким городским стандартам. Это обуславливается процессом урбанизации. Под урбанизацией в экономической географии понимается резко усилившийся в эпоху научно-технической революции социально-экономический процесс, выражающийся в росте городских поселений, концентрировании населения в них и, особенно, в больших городах, в распространении городского образа жизни на всю сеть поселений и являющийся отражением глубоких структурных сдвигов в экономике и социальной жизни, происходящих в современный период [1].

Причин урбанизации множество, но для Ульяновской области можно выделить две наиболее важные:

1. возрастание роли областного центра в экономическом плане;
2. освобождение рабочей силы из сельского хозяйства, на смену которой приходят современные технологии.

Таким образом, областной центр области увеличивает площадь городской зоны за счет прироста прилегающих пригородных территорий. При присоединении территорий к городскому округу качество жизни населения сельской местности не изменяется, так как городской уклад жизни распространяется на данной территории замедленными темпами.

Библиографический список

1. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев – М.: Мысль 1983. – 205 с.
2. *Население* Ульяновской области // Википедия 10.03.2015 г.. URL: [https:// ru.wikipedia.org/wiki/Население_Ульяновской_области](https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Ульяновской_области) (дата обращения: 11.05.15).
3. *Куликов Г.* Социальный атлас российских регионов // Социальный атлас российских регионов. 21.02.04 URL: <http://atlas.socpol.ru/portraits/ul.shtml> (дата обращения: 09.07.15).
4. *Территориальный* органа Федеральной службы государственной статистики по Ульяновской области //Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://uln.gks.ru/> (дата обращения: 02.05.15).

**TO THE QUESTION OF THE DENSITY OF THE POPULATION
OF THE ULYANOVSK REGION**

E.F. Mifyakova

Ulyanov State Pedagogical University

Russia, 432700, Ulyanovsk, Ploshad 100 so dnya rozhdenia V.I. Lenina;

e-mail: elmira03.92@yandex.ru

Research advisor: Candidate of Geography, Associate Professor Fedorov V.N.

This article analyzes the problem of rural areas of a large city. Also considered the issue of rural development in terms of urbanization on the example of Ulyanovsk region.

Key words: population; city; density; urbanization; the municipality.

УДК 338:911.3 (571.6)

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
СТРУКТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ЭКОНОМИКЕ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

А.В. Мошков

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН

690041, Владивосток, ул. Радио, 7; e-mail: mavr@tig.dvo.ru

В сообщении рассматриваются пространственные особенности формирования структурных различий в экономике субъектов Дальневосточного федерального округа. Приводятся расчеты обобщенной характеристики этих различий с помощью индекса В. Рябцева. Отмечена прямая зависимость между уровнем доходов населения и долей промышленности в структуре экономики субъекта региона.

Ключевые слова: субъект Дальневосточного федерального округа, виды экономической деятельности, структурные различия, доходы населения.

Особенности структуры экономики субъектов Дальневосточного федерального округа (ДВФО) Российской Федерации возникают под воздействием совокупности социально-экономических, природно-ресурсных факторов и условий. Для «северных» субъектов ДВФО (Республика Саха, Магаданская область, Чукотский автономный округ, Камчатский край) важнейшими факторами формирования структуры экономики выступает богатейший природно-ресурсный потенциал и слабая инфраструктурная освоенность территории, низкая плотность населения. Для «южных» субъектов ДВФО (Амурская и Сахалинская области, Приморский и Хабаровский края, Еврейская автономная область) ведущими факторами формирования и развития структуры экономики выступают природно-ресурсный потенциал, вы-

годное экономико-географическое положение относительно ведущих мировых центров Азиатско-Тихоокеанского региона.

Для оценки структурных различий в экономике субъектов ДВФО нами была проанализирована сложившаяся пространственная дифференциация отраслей хозяйства за период с 2004-2013 гг. (табл. 1). При анализе сложившихся различий в структуре экономики субъектов ДВФО важно получить обобщенную характеристику этих различий. Для этого может быть использован индекс В. Рябцева, поскольку значения этого показателя существенно не зависят от числа градаций структур, что особенно важно, учитывая значительную дифференциацию структуры экономики субъектов ДВФО. Оценка структурных различий производится путем нахождения максимально возможной величины расхождений между компонентами структуры, т.е. производится соотношение фактических расхождений отдельных компонентов структур с максимально возможными значениями [3;6]:

$$K_{\text{Рябцева}} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_{i1} - d_{i0})^2}{\sum_{i=1}^n (d_{i1} + d_{i0})^2}}$$

где d_{i1} , d_{i0} – удельные веса отдельных элементов двух сравниваемых совокупностей (в субъекте ДВФО и в ДВФО в целом); n – количество элементов (групп) в совокупности.

Инерционность пространственной структуры экономики ДВФО России можно оценить через динамику структурных различий в субъектах региона за период с 2004 г. по 2013 г. В табл. 2 приводятся результаты оценки динамики структурных различий отраслевой структуры валовой добавленной стоимости субъектов Дальневосточного федерального округа, от структуры ДВФО в целом (по индексу В. Рябцева). В 2013 г. структура экономики «северных» субъектов ДВФО (Республика Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ) отличалась достаточно большим сходством, поскольку уровень отличия от структуры экономики ДВФО в целом характеризовался как «существенные», т.е. немного выше низкого уровня различий структур. Следует отметить, что за период с 2004 г. у данных субъектов различия со структурой экономики ДВФО в целом несколько уменьшились. В первую очередь за счет увеличения доли обслуживающих видов экономической деятельности в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости «северных» субъектов ДВФО. В 2013 г. структура экономики Магаданской области была достаточно похожа на структуру экономики Республики Саха (Якутии) – различия со структурой экономики

ДВФО в целом оцениваются как «существенные». Структура экономики Камчатского края отличается «значительным» различием со структурой экономики ДВФО в целом. За период с 2004 г. у «северных» субъектов ДВФО различия со структурой экономики ДВФО в целом несколько уменьшились, благодаря увеличению доли обслуживающих производств (транспорта и связи, социального страхования, торговли и т.п.). В «южных» субъектах ДВФО - Приморский и Хабаровский края, Амурской и Сахалинской областей, Еврейской автономной области) отмечался «значительный» уровень различия структуры со структурой экономики ДВФО в целом. В структуре экономики Амурской области и Еврейской автономной области различия от структуры экономики ДВФО в целом были меньшими, т.е. характеризовались как «существенные». Это объясняется особенностями структуры экономики этих субъектов ДВФО, характеризующейся не только высокой долей обрабатывающих производств, но и более сбалансированной структурой, с хорошо развитыми обслуживающими видами экономической деятельности.

В целом уровень существенности структурных различий в экономике субъектов ДВФО по индексу В. Рябцева ($I_{\text{Ряб.}}$) можно характеризовать как преимущественно «существенный уровень различий структур» (значение $I_{\text{Ряб.}} = 0,151-0,300$) и «значительный уровень различий структур» ($I_{\text{Ряб.}} = 0,301-0,500$). Среди всех субъектов ДВФО выделяется Сахалинская область, у которой сложился «противоположный» и «весьма значительно различный» с большинством субъектов региона тип структуры экономики (значение индекса находится в диапазоне $0,701-0,900$). Наиболее близка по структуре экономики Сахалинской области экономика Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа. Низкий уровень различий структур отмечается только между экономикой Приморского и Хабаровского краев ($I_{\text{Ряб.}} = 0,118$).

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости, произведенной в субъектах ДФО в 2004 г. и 2013 г. (в текущих ценах, в % к итогу)

ВЭД	ДФО	субъекты ДФО								
		Республика Саха (Якутия)	Камчатский край	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Магаданская область	Сахалинская область	Берейская автономная область	Чукотский автономный округ
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,0/ 5,9	2,3/ 4,7	3,4/ 6,2	4,2/ 5,1	4,4/ 8,6	5,2/ 10,1	1,4/ 2,9	0,9/ 2,2	6,5/ 14,5	1,9 / 3,9
Рыболовство, рыбоводство	2,4/ 4,0	0,1/ 0,1	12,6 / 18,0	4,2/ 8,3	1,4/ 2,1	0,0/ 0,0	3,1/ 2,1	2,5/ 4,7	0,0/ 0,0	1,2 / 4,3
Добыча полезных ископаемых	26,5 / 14,9	43,0 / 40,6	3,2/ 4,7	1,0/ 1,4	5,7/ 5,7	11,6 / 4,6	17,4 / 31,9	61,1 / 17,0	0,8/ 0,6	31, 3/ 6,4
Обрабатывающие производства	5,4/ 9,3	1,7/ 3,6)	10,0 / 10,7	9,0/ 10,0	7,8/ 17,3	4,6/ 5,6	2,5/ 6,3	3,7/ 9,6	6,0/ 9,6	0,2 / 3,0
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,2/ 5,5	3,8/ 2,6	6,7/ 10,0	3,8/ 5,8	4,9/ 5,1	7,1/ 10,7	9,4/ 12,2	1,2/ 3,1	5,2/ 1,8	14, 6/ 9,2
Строительство	6,8/ 9,3	8,1/ 6,3	4,8/ 3,9	5,9/ 4,6	6,9/ 4,9	7,9/ 10,5	7,9/ 3,6	6,2/ 28,7	13,5/ 8,8	3/ 31, 1
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, бытовых изделий и пр.	11,0 / 13,0	7,2/ 10,1	10,1 / 12,1	18,8 / 20,6	14,0 / 11,3	12,0 / 13,3	13,4 / 7,8	4,7/ 9,9	9,8/ 13,4	13, 7/ 6,0

Гостиницы и рестораны	1,0/0,9	0,7/0,5	1,2/1,1	1,5/1,3	1,1/0,9	1,0/1,0	1,1/0,5	0,5/0,8	1,2/0,9	0,4/1,1
Транспорт и связь	13,3/14,3	9,5/6,5	7,9/7,6	20,5/20,5	21,2/17,8	21,7/25,2	6,7/7,8	4,3/8,0	17,4/28,5	5,2/10,2
Финансовая деятельность	0,2/0,3	0,2/0,1	0,1/0,1	0,4/0,8	0,3/0,3	0,2/0,1	0,2/0,1	0,1/0,1	0,2/0,0	0,1/0
Операции с недвижимым имуществом	6,9/7,3	4,7/10,5	5,8/4,3	10,4/6,8	8,6/9,7	4,9/2,9	5,7/4,8	5,8/5,3	6,8/3,1	1,8/4,6
Государственное управление и обеспечение военной безопасности	8,7/4,9	6,8/3,2	18,0/7,3	9,4/5,1	10,8/5,3	10,3/5,1	16,2/8,7	4,2/3,9	16,4/6,4	13,7/8,9
Образование	4,2/4,5	5,7/5,4	5,7/5,5	3,9/4,1	5,2/4,8	5,9/4,5	5,2/4,5	1,6/2,4	5,3/5,1	4,9/5,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	5,0/4,6	4,6/4,6	8,7/6,8	5,3/4,3	6,0/4,7	6,3/5,4	7,7/5,3	2,5/(3,5)	8,7/5,6	6,6/4,2
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,4/1,3	1,6/1,2	1,8/1,7	1,7/1,3	1,7/1,5	1,3/1,0	2,1/1,5	0,7/0,8	2,2/1,7	1,4/1,8

Источник: [7, 9]. В скобках – данные за 2004 г.

Таблица 2

Оценка структурных различий отраслевой структуры валовой добавленной стоимости субъектов ДВФО, от структуры ДВФО в целом (по индексу В. Рябцева)

Субъекты ДФО	2004 г.		2013 г.	
	Индекс Рябцева ($I_{Ряб.}$)	Уровень структурных различий*	Индекс Рябцева ($I_{Ряб.}$)	Уровень структурных различий*
Республика Саха (Якутия)	0,393	значительный	0,224	существенный
Камчатский край	0,348	значительный	0,489	значительный
Приморский край	0,281	существенный	0,438	значительный
Хабаровский край	0,224	существенный	0,352	значительный
Амурская область	0,277	существенный	0,255	существенный
Магаданская область	0,327	значительный	0,230	существенный
Сахалинская область	0,322	значительный	0,391	значительный
Еврейская автономная область	0,415	значительный	0,232	существенный
Чукотский автономный округ	0,427	значительный	0,240	существенный

Источник: [4;6;7;9]. * – по шкале оценки меры существенности структурных различий по индексу В. Рябцева [3].

Величина среднедушевых доходов населения в субъектах ДВФО находится в обратной зависимости от доли сельского хозяйства в валовой добавленной стоимости субъекта. В 2013 г. наиболее высокая доля сельского хозяйства отмечена в валовой добавленной стоимости Еврейской автономной области (6,5%), Амурской области (5,2). При этом среднее значение этого показателя по ДВФО в целом достигало в 2013 г. 3,0 %. За период с 2004-2013 гг. эти субъекты никогда не были лидерами в Российской Федерации по размерам среднедушевых доходов на душу населения, например, Еврейская автономная область в 2013 г. занимала 45 место среди субъектов Российской Федерации, Амурская область (23 место). Существует прямая зависимость между размерами среднедушевых доходов населения в субъекте ДВФО и долей промышленности в валовой добавленной стоимости [5, 8]. За период с 2004-2013 гг. лидирующие позиции в Российской Федерации по размерам среднедушевых доходов на душу населения занимали Чукотский автономный округ, Сахалинская и Магаданская области, Республика Саха (Якутия). Именно в этих субъектах ДВФО отмечается высокая доля промышленности в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости, например, в Сахалинской области на добычу полезных ископаемых; обрабатывающие производства; производство и распределение электроэнергии, газа и воды приходилось в 2013 г. 66,0% ва-

ловой добавленной стоимости области, в Республике Саха (48,5%), Чукотском автономном округе (46,1%), Магаданской области (29,3%). Для этих же субъектов характерна низкая доля сельского хозяйства в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости.

Проявляется, хотя и слабовыраженная, прямая зависимость между высокими среднедушевыми доходами населения и значительной долей отраслей сферы услуг в валовой добавленной стоимости субъектов ДВФО [5, 8]. Например, в Приморском крае на долю сферы услуг в 2013 г. приходилось 62,5% валовой добавленной стоимости, а в Хабаровском крае – 58,1%. При этом, по среднедушевым доходам населения Приморский и Хабаровский края в 2013 г. занимали 25 и 14 место среди субъектов Российской Федерации. Положительные тенденции в перестроении экономики субъектов ДВФО (рост доходов занятого населения) связаны в первую очередь с высокой долей в структуре занятого в экономике населения и в производстве валовой добавленной стоимости таких видов экономической деятельности, как промышленность и сфера услуг.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Факторы, механизмы и типы структурной трансформации и модернизации территориальных социально-экономических систем Тихоокеанской России» (№ 14-18-03185).

Библиографический список

1. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Пространственная дифференциация структуры экономики регионов Арктической зоны России // Экономика региона, № 1 (41). 2015. С. 53-63.
2. Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Территориальные структуры хозяйства и экономические районы в долгосрочном развитии российского Дальнего Востока // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2011. № 2. С. 18-28.
3. Зарова Е.В., Чудилин Г.А. Региональная статистика. Учебник. – М.: Финансы и статистика, 2006. 624с.
4. Кучмаева О.В., Егорова Е.А., Иванова Т.А. Социальная статистика: Учебно-практическое пособие / Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. - М.: МЭСИ, 2003. 130с.
5. Мошков А.В. Структурные сдвиги в промышленном производстве Тихоокеанской России // Учёные записки ЗабГУ. 2015. №1 (60). С. 98-106.

6. *Перстнёва Н.П.* Критерии классификации показателей структурных различий и сдвигов// Fundamental Research. Economic sciences, № 3. 2012. P. 478-482.

7. *Регионы России.* Социально-экономические показатели. 2007. Стат. Сб./ М.: Росстат, 2007. 991с.

8. *Савалей В.В., Филичева Т.П.* Региональная экономика и финансы. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2002. 196с.

9. *Валовой* региональный продукт по субъектам Российской Федерации за 1998-2013 гг./ М.: Росстат, 2014. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vvp2.htm (обращение - 3.06.2015 г.).

SPATIAL FEATURES IN FORMATION OF STRUCTURAL DIFFERENCES IN THE ECONOMY OF THE FAR-EASTERN FEDERAL DISTRICT

A.V. Moshkov

Pacific Geographical Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia 690041, Vladivostok, Radio St., 7; e-mail: mavr@tig.dvo.ru

In the report, the spatial features in formation of structural differences in the economy of the Far-Eastern Federal District entities are considered. The calculations of the generalized characteristic of these differences with the use of the V. Ryabtsev's index are presented. The direct dependence between the household income level and share of manufacturing industry in the economic structure of the region entity is noted.

Key words: entity of the Far-Eastern Federal District, types of economic activity, structural differences, household incomes.

УДК 911.3:316

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: СОЦИАЛЬНЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

О.И. Нагорнюк, М.Б. Иванова

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: nagornuyk.oleg@gmail.com,
ivmary@mail.ru

Научный руководитель: к.г.н., доцент Иванова М.Б.

В статье рассматривается понятие модернизации. Представлена авторская методика количественной оценки как самого процесса модернизации, так и его аспектов. Приводятся результаты оценки социальной модернизации регионов России.

Ключевые слова: модернизация; аспекты модернизации; социальная модернизация.

Обширный процесс модернизации, охвативший все страны нашей планеты, оказывает всё большее влияние на развитие современного общества. Перед главами государств, управленцами самого различного уровня, а также участниками рынка стоит необходимость экономической, социальной и политической модернизации. В каждом государстве необходимость модернизационного процесса обуславливается конкретной ситуацией. Для России характерен «догоняющий» характер модернизации, т.к. существует разрыв между уровнем жизни в нашей стране и в странах с высоким уровнем и темпами социально-экономического развития. Помимо этого характерна территориальная дифференциация качества жизни в субъектах Российской Федерации. Для осуществления качественного процесса модернизации необходима выработка национальной стратегии, учитывающей особенности экономического, социального и политического развития не только России в целом, но и каждого её региона. В связи с этим, исследование модернизационного процесса является актуальным.

В настоящее время, модернизация (в широком смысле) – это усовершенствование, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми, современными требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества [5]. Данное определение отсылает, в основном, к модернизация машин, оборудования и технологических процессов.

Современные исследователи модернизации имеют серьезную теоретическую базу для изучения этого процесса. Во второй половине XX в. были разработаны теории модернизации общества, определены качественные характеристики, типы и аспекты этого процесса. Однако нас, в первую очередь, интересует его количественная оценка.

Одним из первых, индикаторы для оценки так называемой *первичной модернизации* (переход от традиционного общества к индустриальному) предложил американский ученый, профессор А. Инкелес, в лекции в Пекинском университете в 1980-х гг.

На основе этих индикаторов группа китайский ученых Центра исследований модернизации Китайской академии наук (ЦИМ КАН) во главе с профессором Хэ Чуаньци разработала индикаторы для оценки вторичной (переход от индустриального общества к постиндустриальному) и интегрированной модернизации (совокупное состояние первичной и вторичной модернизации), а также провела их количественную оценку по 131 стране мира (97% населения Земли), в т.ч. России, по состоянию на 2006 г. [3].

В 2012 г. ЦИСИ ИФРАН (Центр изучения социокультурных изменений Института Философии Российской Академии Наук) под руководством профессора Н.И. Лапина на основе методики китайских ученых провел измерений уровней, стадий и фаз модернизации регионов России [4].

Применяемая в вышеперечисленных исследованиях методика считается в научном сообществе удачной и может применяться и в дальнейшем при изучении динамики этого процесса. Однако важно также установить количественное развитие аспектов, или составляющих модернизации, а именно: экономической, социальной и политической.

Нами была осуществлена попытка создания такой методики, при помощи которой возможна оценка аспектов модернизации субъектов Российской Федерации. Для этого была проведена рейтинговая оценка по методу интегральной балльной оценки.

Все три стороны такого процесса как модернизация характеризуются неравномерным их развитием как на планете в целом, так и в нашей стране, в частности. Поэтому для каждого из аспектов были составлены перечни показателей и индикаторов, которые, на наш взгляд, могут раскрыть территориальную дифференциацию модернизационного процесса на территории России.

В блоке показателей экономической модернизации были выбраны показатели, которые, на наш взгляд, могут напрямую или косвенно повлиять на приведение экономической составляющей жизни региона к современным условиям (табл. 1).

Таблица

Показатели экономической модернизации*

<i>Индикаторы (показатели)</i>	<i>Примечание</i>
Уровень экономической активности населения, %	Положительный индикатор
Степень износа основных фондов, %	Обратный индикатор
Плотность железнодорожных путей (на конец года), км/10000 км ²	Положительный индикатор
Использование специальных программных средств в организациях, %	Положительный индикатор
Инновационная активность организаций, %	Положительный индикатор
Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.	Положительный индикатор

* Составлено автором

В блоке показателей политической модернизации представлены показатели как объективные, которые напрямую оказывают влияние на политическую составляющую жизни нашего общества, так и субъективные.

ективные (опросы общественного мнения), раскрывающие политическую направленность населения (табл. 2.).

Таблица 2

Показатели политической модернизации*

<i>Индикаторы (показатели)</i>	<i>Примечание</i>
Доля респондентов, доверяющих институтам власти в 2013 г., %	Положительный индикатор
Доля респондентов, уважающих и соблюдающих закон в 2012 г., %	Положительный индикатор
Число работников органов исполнительной власти субъектов РФ и органов МСУ, чел.	Положительный индикатор
Явка на голосовании в местный парламент, %	Положительный индикатор
Рейтинг эффективности губернаторов, балл	Положительный индикатор

*Составлено автором

Показатели социальной модернизации были подобраны с целью наиболее разносторонне отобразить данный процесс (табл. 3).

Таблица 3

Показатели социальной модернизации*

<i>Индикаторы (показатели)</i>	<i>Примечание</i>
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	Обратный индикатор
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры на 10000 чел.	Положительный индикатор
Уровень младенческой смертности	Обратный индикатор
Ожидаемая продолжительность жизни	Положительный индикатор
Число зарегистрированных преступлений на 100 000 чел.	Обратный индикатор
Доля продуктов питания и безалкогольных напитков в структуре потребительских расходов домашних хозяйств, %	Обратный индикатор
Доля жителей, занимающихся в спортивных секциях, %	Положительный индикатор

*Составлено автором

Для каждого субъекта Российской Федерации проводится балльная оценка по всем показателям каждой составляющей модернизации. В результате расчётов объект, характеризующийся самой позитивной характеристикой соответствующего показателя, получает балл, равный 1.

Очевидно, что влияние каждого фактора на модернизацию не одинаково. Поэтому первоначально был выявлен вес каждого показателя. Для этого были опрошены эксперты, т.е. компетентные в исследуемой области специалисты. Экспертам была поставлена задача проанализировать показатели соответствующей составляющей модернизации.

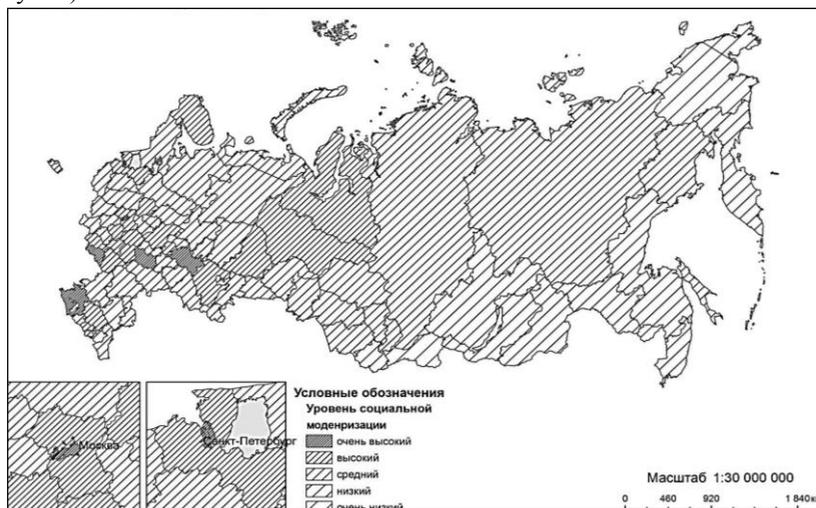
ции по степени важности. При этом они не могли присваивать один ранг двум или более показателям.

Согласованность мнений экспертов проверяют при помощи коэффициента конкордации, который в блоках показателей политической, экономической и социальной модернизации составил 0,784, 0,955 и 0,865 соответственно.

Далее каждому показателю присваивается балл весомости, отражающий относительную значимость показателя, который формируется с учётом мнения экспертов, после чего рассчитывается интегральная балльная оценка [2].

Приведем результаты оценки социального аспекта модернизации российских регионов.

По результатам расчётов было получено пять групп субъектов Российской Федерации по уровню их социальной модернизации (рисунк).

Уровень социальной модернизации регионов России

Социальная модернизация предполагает формирование открытого общества с динамичной социальной системой. Такое общество возникло и развивалось на основе рыночных отношений, правовой системы, регулирующей отношения собственников, и демократической системы, возможно, не достаточно совершенной. Демократия в таком социуме необходима для того, чтобы было возможно быстро

вносить изменения в правила игры в меняющейся обстановке и следить за их выполнением [1]

В целом, в европейской части России и на Урале показатель социальной модернизации имеет более высокие значения, нежели в Сибири и на Дальнем Востоке.

Лидерами оказались два города федерального значения: г. Санкт-Петербург и г. Москва. Можно также выделить Краснодарский край, Республику Татарстан, Белгородскую и Пензенскую области. Данные регионы имеют одни из лучших показателей по всем показателям социальной модернизации. При этом выделяются г. Санкт-Петербург, который имеет наименьший в России показатель младенческой смертности, г. Москва, лидирующий по числу выпускаемых студентов и Краснодарский край, занимающий 1-е место в России по доле жителей, занимающихся в спортивных секциях.

К сожалению, с отрицательной стороны можно выделить три субъекта Российской Федерации, находящихся в группе с «очень низким» показателем социальной модернизации, а именно: Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ и Республика Тыва. Эти субъекты Российской Федерации занимают самые низкие строчки по всем индикаторам социальной модернизации, в т.ч. по ключевым индикаторам: ожидаемой продолжительности жизни и уровню младенческой смертности.

Таким образом, в ходе проведённого анализа была выявлена существенная территориальная дифференциация российских регионов по уровню социальной модернизации. Следует заметить, что это же касается и двух других составляющих модернизационного процесса: экономической и политической. Это накладывает отпечаток на общую ситуацию в стране и место России в мире.

Библиографический список

1. *Алимарин С.И.* Социальная эволюция и идеология // МОЛ (Московская Организация Литераторов). 2003, № 1.

2. *Иванова М.Б.* Математические методы в социально-экономической географии: учеб.-метод. / М.Б. Иванова; Перм. ун-т. – Пермь, 2007. – 315 с.

3. *Латин Н.И.* Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // 2012. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_9/Latin.pdf

4. *Нагорнюк О.И.* Социально-политический потенциал модернизации российских регионов. // Географическое изучение территории

альных систем: сб. материалов IX Регион. науч.-практ. конф. студ., асп. и молодых ученых (18-19 ноября 2014 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – 287 с.

5. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. – 2-е изд., испр. – М.: ИНФРА-М. – 1999. – 479 с.

**MODERNIZATION OF THE RUSSIAN REGIONS:
SOCIAL, ECONOMIC AND POLITICAL ASPECTS**

O.I. Nagornuk, M.B. Ivanova
Perm State University

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str, 15; e-mail: nagornuyk.oleg@gmail.com, ivmary@mail.ru
Research advisor: Candidate of Geography, Associate Professor Ivanova M.B.

The concept of modernization is considered in this article. The author's method of a quantitative assessment both the process of modernization, and its aspects is presented. Results of an assessment of Russian regions social modernization are given.

Key words: modernization; aspects of modernization; social modernization.

УДК 656.13.072:338

**ФОРМИРОВАНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СЕТИ ТЮМЕНСКОЙ
ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

Ю.В. Начинова

Тюменский государственный университет
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10
Научный руководитель: д.г.н., профессор Осипов В.А.

Рассматривается становление транспортной сети и ее трансформация в послевоенный период. Исследованы причины, влияющие на развитие транспорта Тюменской области. Подведены итоги развития транспорта за период и выявлены грузовые и пассажиропотоки в регионе.

Ключевые слова: транспорт, логистика, транспортный коридор, логистическая сеть.

Состояние логистики до 1960-х гг. В период формирования Тюменской области большая часть людей проживала вдоль Транссибирской железной магистрали. Население области было занято, в основном, в сельском хозяйстве. Крупных предприятий на тот момент не было. Наибольший объем производства приходился на выпуск продуктов питания и заготовку древесины. С 1948 г. в области начали проводиться геологоразведочные работы. Поисковые работы проводились

вдоль Транссиба, однако результатов не было и экспедиция переместилась на север. В 1953 г. возле районного центра Березово было открыто первое месторождение газа, а позднее в 1960 г. – крупное нефтяное месторождение возле п. Шаим. Добыча нефти в промышленных масштабах началась в 1964 г. Первая нефть водным транспортом была отправлена на переработку в Омск.

В послевоенный период в области использовался в основном железнодорожный, автомобильный, внутренний водный транспорт. Причем, железные дороги до конца 1960-х гг. были представлены участком Транссибирской магистрали, пересекающие Юг области с запада на восток. Протяженность этого участка в период с 1945 по 1960 гг. составляла 0,4 тыс. км [6].

Железнодорожным транспортом было отправлено 1,2 млн т грузов в 1945 г. В восстановительный период экономика страны налаживалась и к концу 1955 г. железнодорожным транспортом было перевезено уже 2,6 млн т грузов [9].

В области достаточно развито машиностроение, производство строительных материалов, лесная и деревообрабатывающая промышленность, пищевая промышленность, промышленный лов рыбы. Большая доля отправляемых грузов железнодорожным транспортом приходилась на лесные грузы (65% в 1945 г. или 588 тыс. т) и хлебные грузы (9% в 1945 г. или 82 тыс. т.). На конец 1960 г. эти показатели составляли 54% или 1966 тыс. т и 15% или 535 тыс. т соответственно [9;10].

Протяженность автомобильных дорог в послевоенное время увеличилась с 11,7 тыс. км в 1945 г. до 13,8 тыс. км на конец 1955 г. Однако, дороги с твердым покрытием появились лишь в конце 1950-х гг.

С появлением автомобильных дорог началось развитие транспорта. Общее число автомобилей (включая находящиеся в собственности граждан) возросло с 1,3 тыс. единиц в 1945 г. до 15,2 тыс. единиц на начало 1960 г.

На автомобильном транспорте перевозилось достаточно большое количество грузов. В период с 1945 г. по 1960 г. количество перевозимых грузов увеличилось с 0,5 млн т до 24,4 млн т, что в разы превышало перевозки на других видах транспорта.

Протяженность водных путей сообщения после войны составляла 8 тыс. км. и к 1960 г. увеличилась до 11,8 тыс. км. Особенно ве-

лико значение внутреннего водного транспорта в перевозках нефтепродуктов, лесных, строительных и зерновых грузов [9;10].

Трансформация логистической сети в период пионерного нефтегазового освоения. К 60-м гг. главным транспортным коридором региона оставался участок Транссиба и водные пути, связывающие юг области с малозаселенными северными территориями области. За время до начала промышленного нефтегазового освоения, протяженность путей сообщения области практически не менялась.

Эксплуатационная длина железных дорог возросла с 414 км в 1945 г. до 1 тыс. км в 1965 г., автомобильных дорог – с 11,7 до 11,9 тыс. км, причем с твердым покрытием на конец периода из них было только около 200 км дорог. Протяженность использовавшихся водных транспортных путей в 1965 г. составила 12,6 тыс. км [6].

В этот период из области вывозятся хлебопродукты, лес и лесоматериалы. В свою очередь, объем ввозимых грузов приходился на уголь, нефтепродукты, стройматериалы, в которых область испытывала недостаток.

По завершению геологических изысканий в начале 1960-х гг., когда стало известно о крупных залежах углеводородов, встал вопрос о строительстве железной дороги на север области. Маршрут предполагалось вести от Тюмени до Сургута и далее через крупные месторождения до Самотлора.

14 ноября 1976 г. первый поезд дошел до г. Нижневартовска. От Сургута маршрут проходил через Ноябрьск, Пурувск, Старый Уренгой, Коротчаево. В это время протяженность железных дорог увеличилась с 1,0 тыс. км в 1960 г. до 3,8 тыс. км к 1985 г. [7;8;10].

Железная дорога стала осуществлять завоз в район труб, нефтегазопромыслового оборудования, строительных материалов и другой продукции, вывоз нефтепродуктов, лесоматериалов. [4]

В ноябре 1982 г. в Тюмени было учреждено Обь-Иртышское пароходство. Крупными портами выступали Тобольск, Тюмень, Сургут, Уренгой, Лабитнанги. Рост речных перевозок Западно-Сибирского бассейна вызван освоением нефтяных и газовых ресурсов, а также лесных массивов. Пароходство осуществляло поставки необходимого оборудования и материалов для обустройства нефтяных и газовых месторождений Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Однако из-за короткого навигационного периода доставка материалов задерживалась на долгий срок.

Развал страны в 1990 г. повлиял на экономику области. Бюджетные средства резко сократились и железная дорога дальше Коротчаево была не введена в эксплуатацию.

Таким образом, транспортной жилой области стала железная дорога Тюмень-Сургут-Уренгой, которая способствовала интенсивному освоению месторождений и росту городов на севере области.

До конца 1980-х гг. экономика региона набирает быстрый рост за счет открытия нефтегазодобывающих, транспортных, строительных и других предприятий. Нефтегазовая промышленность становится ведущей отраслью, в связи с чем меняется картина логистической сети.

В 1965 г. построен первый в области магистральный трубопровод Шаим-Тюмень, затем в 1967 г. – Усть-Балык-Омск, что дало возможность осуществлять подачу нефти на переработку непрерывно в течение года.

Объем производимой продукции в машиностроении увеличивается: выпускается оборудование для нефтегазовой промышленности, деревообрабатывающие станки, комплектующие для автомобильной промышленности, аккумуляторы. К концу 1980-х гг. по многим видам промышленной продукции были достигнуты наивысшие результаты за всю историю области.

В 1960–70-е гг. в связи с государственной финансовой поддержкой и капитальных вложений в строительство железных и автомобильных дорог началось активное развитие лесопромышленного комплекса, вывоз древесины, строительство жилья и объектов социальной сферы. Развиваются и в дальнейшем становятся ведущими центрами по заготовкам древесины районы западной части ХМАО (Советский, Кондинский, Октябрьский районы). Пик по объемам заготовок был достигнут в 1980-е гг., после чего началось сокращение, связанное с уменьшением запасов качественной древесины.

В период с 1965–1985 гг. возросла общая протяженность транспортных путей на территории области. Произошел резкий скачок в развитии автомобильного транспорта, построено свыше 9,8 тыс. км дорог с твердым покрытием. Многократно увеличилось объемы перевозок пассажиров и грузов. Протяженность железнодорожных путей сообщения увеличились до 3,8 тыс. км на конец 1985 г. С 1970-х гг. интенсивно развивается трубопроводный транспорт, которым доставляются до потребителей большая часть добываемой в области нефти и весь газ. В 1970 г. протяженность составляла 2,2 тыс. км, а к концу 1985 г. этот показатель составлял уже 26,5 тыс. км [6].

После окончания Великой Отечественной войны, хотя и не сразу, и постоянно, но достаточно интенсивно тюменская авиация начала пополняться прошедшими войну летными и техническими кадрами. Уже в первом квартале 1946 г. самолеты Обского отряда летали практически по всем районам области, было организовано в зависимости от времени года от двух до пяти постоянных авиарейсов, действовало более 30 посадочных площадок. Сухопутная, постоянно действующая площадка была лишь в Тюмени, все остальное – гидровариант. Основные задачи: перевозка почты, пассажиров и грузов, патрулирование лесных пожаров, выполнение санитарных заданий.

Тюмень развивала авиацию, что называется «по чину» - все воздушные трассы вели сюда, здесь закладывается авиакомплекс в Плеханово, где осваивалась новая техника, ковались, обучались кадры для всего региона. Из года в год наращивались объемы грузовых и пассажирских перевозок, расширялась номенклатура выполняемых работ по применению авиации в народном хозяйстве. Ввод аэропорта Рощино не мог, особенно на первых порах, кардинально решить проблему транспортировки пассажиров и грузов через главные воздушные ворота области на север области, в Москву, другие регионы страны, но тем не менее ситуацию в этом плане существенно разрядило. Если в 1962 г. было отправлено из Рощино 162,4 тыс. пассажиров, то в 1970 г. – уже более 346 тыс., а в 1977 г. – 425,7 тыс. Еще более интенсивно увеличивалась перевозка грузов – 5758 т в 1968 г., 23800 т в 1970-м, 42314 т в 1972 г.

В 1970 г. был введен в строй новый аэропорт с бетонной взлетно-посадочной полосой в Сургуте, на следующий год – в Нижневартовске. Через некоторое время здесь появились типовые здания аэровокзалов, Сургут и Нижневартовск, наряду с Салехардом, неплохо комплектовался авиационной техникой. Районы Среднего Приобья интенсивно обживались, здесь появилась сеть наземных дорог, налаживалось железнодорожное сообщение с «большой землей».

На территории области образовались две крупные авиакомпании: «Тюменьавиатранс» и Тюменское авиатранспортное предприятие, которое затем трансформировалось в компанию «Тюменские авиалинии». Первая поначалу базировалась в аэропорту «Плеханово», заполучив, в частности, вертолетный парк и став крупнейшей в мире вертолетной компанией. Компания «Тюменьавиатранс» сначала перерегистрировалась в Сургуте, затем в Ханты-Мансийске, а затем провела ребрендинг и получила название «Ютэйр» («Utair»). [2]

Воздушный транспорт стали широко использовать для доставки грузов и перемещения персонала организаций. Рейсы непрерывно осуществлялись из Тюмени на север. В этот период в Тюменской области был сосредоточен самый крупный парк воздушного транспорта, а также развивалась соответствующая инфраструктура.

В целом, в 1980-е гг. были достигнуты высокие результаты по многим показателям. В среднем за год строилось свыше 1 тыс. км автодорог, более 7 тыс. нефтяных скважин.

Логистика в период перестройки (кризисные 1990-е гг.). В период перестройки страна находилась в состоянии экономического кризиса. Во всех сферах экономики наблюдалось сокращение производства, объемы инвестиций также сокращались.

Наиболее волнительным для области в первой половине 90-х гг. стало сокращение объемов добычи нефти и газа. Число вводимых в эксплуатацию новых скважин снизилось и во второй половине десятилетия было принято решение по стабилизации добычи нефти за счет использования скважин, введенных в разработку до наступления кризиса.

По данным на 1991 г. на железнодорожном транспорте было перевезено 4328 тыс. т нефти и нефтепродуктов. Значительное превосходство имел трубопроводный транспорт – перевезено 308861,5 тыс. т. Объемы перевозок на водном транспорте значительно сокращаются [8;10].

В этот период происходит спад производства различных видов продукции машиностроения, лесного комплекса, легкой, пищевой промышленности. Эти проблемы дополнительно усугубляются региональными особенностями, связанными с отдаленностью основных рынков сбыта. В связи с этим начинает активно развиваться автомобильный транспорт, способный доставить груз быстро до конечной точки. С 1990 г. показатель общей эксплуатационной длины автомобильных дорог с твердым покрытием растет. В 1990 г. этот показатель составляет 15,6 тыс. км, а через 3 года – 20,0 тыс. км. Таким образом, на юге области автомобильный транспорт становится основным. Дороги проложены в 22 районах (Тюменский, Тобольский, Уватский, Ярково-Восточный, Ялуторовский, Заводоуковский, Омутинский, Ишимский, Сладковский районы и т.д). Необходимым становится строительство металлических мостов через реки. В 1990 г. на юге области построено два моста: через р. Ишим у с. Викулово на а/д Викулово-Озерное-Катай и через р. Тура у д. Воронина, который связал Ирбитский тракт

с Салаирским и Велижанским. В последующие годы построены мосты через р. Пышма у п. Винзили, через р. Тобол у с. Ново-Лыбаево [3].

Несмотря на экономическую ситуацию в стране, авиатранспорт продолжает развиваться. К 1990 г. в области было построено 20 аэропортов, способных принимать современные самолеты. Отмечался повышенный спрос населения области на услуги авиатранспорта. В 1990 г. из аэропортов региона отправлено 8,6 млн чел., это столько же, сколько и по железной дороге. По показателям пассажироместимости и грузоподъемности воздушного транспорта область заняла ведущее место в стране [6].

Библиографический список

1. *Аксенов И.Я.* Единая транспортная система: Учебник для вузов, по специальности «Эксплуатация автомобильного транспорта. М.: Транспорт, 1980. 213 с.

2. *Горбачев В., Князев В.* Обнимаю небо... Страницы истории тюменской авиации. Т.: ЗАО «Сибирский издательский дом», 2007 г. 568 с.

3. *Иванов О.В., Иваненко А.С.* История автомобильных дорог Тюменской области. Т.: Издательская фирма «Слово», 1999. 416 с.

4. *Казанский Н., Варламов В.С., Галабурда В.Г. и др.* Экономическая география транспорта: Учебник для вузов . М.: Транспорт, 1991. 280 с.

5. *Хегай Ю.А.* Современные проблемы транспортного освоения Севера и конкурентоспособность транспортных коридоров России в системе международных транспортных коридоров // Теория и практика общественного развития. 2014. № 7. С. 101-104.

6. *Янин А.Н.* Основные этапы развития экономики Тюменской области за 60 лет. // Налоги. Инвестиции. Капитал. № 5-6 2004 г.: интернет-журн. URL: http://налоги-инвестиции-капитал.рф/2004_5_6/2004_5_6_042.html (дата обращения: 14.07.2015).

7. *Основные* показатели развития автомобильного и железнодорожного транспорта в Тюменской области: Статистический сборник. Т., 1974 г.

8. *Транспорт* и связь Тюменской области: Статистический сборник. Т.,1991 г.

9. *Тюменская* область за 50 лет: Статистический сборник. О.: Статистика. 1967 г.

10. *Тюменская* область: прошлое и настоящее в цифрах (к 70-летию образования): Статистический сборник. Т.,2014. 560 с.

FORMATION OF THE LOGISTIC NETWORK OF THE TYUMEN REGION DURING THE POST-WAR PERIOD

Yu. V. Nachinova

Tyumen state University

Russia, 625003, Tyumen, Semakov St., 10

Research advisor: Doctor of Geography, Professor Osipov V.A.

Discusses the formation of the transport network and its transformation in the post-war period. Researched the causes influencing the transport development of the Tyumen region. The results of development of transport for the period are summed up and revealed cargo and passenger traffics in the region.

Key words: transport, logistics, transport corridor, logistic network.

УДК 910.1

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ТРАНСПОРТА И ЛОГИСТИКИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ

Р.С. Николаев

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева 15; e-mail: roommaa27@mail.ru

В современных исследованиях территориальных транспортных систем важное значение стали приобретать логистические процессы, ориентированные на оптимизацию и рационализацию процессов транспортировки, повышение эффективности осуществления потоков, организации производства и потребления. Логистика выделяется в новый вид деятельности, который охватывает не только этап транспортировки, но и вовлекает в товаропотоки все компоненты территориальных систем, изменяя структуру добавленных стоимостей и влияет на процессы трансформации пространственной организации общества.

Ключевые слова: логистика, территориальная транспортная система, территориальная логистическая система.

В научной литературе сложилось множество формулировок понятия «транспортная система» (ТС) и «территориальная транспортная система» (ТТС), которые изменяются и трансформируются во времени с учетом складывающихся социально-экономических особенностей. Наиболее распространенным является определение ТТС, данное С.А. Тарховым: «территориальные транспортные системы – совокупность сетей транспортных узлов и линий, объединенных общими потоками грузов и пассажиров в пределах определенной территории» [1].

Другое его определение, сформулированное совместно с И.А. Сёминой обозначает ТТС, как комплекс видов (или один вид) транспорта в ограниченном социально-экономическом пространстве, образующий целостную систему. В этом пространстве происходит активное взаимодействие разных видов транспорта, взаимно дополняющих друг друга и одновременно конкурирующих друг с другом за географические направления перевозок, зоны тяготения (хинтерланды) или отдельные транспортные линии [2].

В.П. Сидоров определяет ТТС следующим образом: «географическая система, включающая транспортные узлы и транспортные пункты, связанные перегонами транспортной сети; инженерные сооружения; обслуживающие организации и персонал (инфраструктурные компоненты); транспортные средства (подвижной состав), а также пассажиров, грузоотправителей и грузополучателей, грузы, то есть потребителей транспортных услуг» [3].

А.Н. Приваловский транспортную систему видит в «сочетании транспортной сети с деятельностью по перевозке грузов и пассажиров, согласованной по объему, месту и времени маршрутов». А ТТС по его мнению – «форма территориальной организации транспорта, взаимосвязанная с другими территориальными социально-экономическими системами, которые и образуют территориальную организацию хозяйства» [4].

Если обратиться к трудам представителей других специальностей, изучающих транспорт и транспортные системы, то можно найти подобные определения. С.А. Ваксман, И.Н. Пугачёв, Ю.И. Куликов под понятием «территориальная транспортная система подразумевают совокупность объектов и субъектов транспортной инфраструктуры, транспортных средств, функционирующих в территориально ограниченном социально-экономическом пространстве» [5].

А.Э. Горев формулирует понятие транспортная система в наиболее общем случае как «образующая связанное целое совокупность работников, транспортных средств и оборудования, элементов транспортной инфраструктуры и инфраструктуры субъектов перевозки, включая систему управления, направленная на эффективное перемещение грузов и пассажиров» [6].

Во многих определениях кроется логистическая сущность всех транспортных систем, учитывая, что основной принцип логистики – это оптимизация и рационализация, которые ведут к сокращению различного рода издержек. Географы-обществоведы в области географии

транспорта в своих работах всегда затрагивали и ориентировались на оптимизационные аспекты, а их исследования придерживались принципов логистизации, которые были выделены позднее.

В целом же логистика есть часть экономической науки, предмет которой заключается в организации рационального процесса 1) продвижения товаров и услуг от поставщиков сырья к потребителям, 2) функционирования сферы обращения продукции, товаров, услуг, 3) управления товарными запасами, 4) создания инфраструктуры товародвижения [7].

Более широкое определение логистики трактует ее как науку о планировании, управлении и контроле движения материальных, информационных и финансовых ресурсов в различных системах. Логистика включает ряд взаимосвязанных разделов, в частности логистику снабжения, производства, сбыта, транспорта и др. В рамках логистических систем решается множество задач: прогнозирование потребности в продукции и транспортных мощностях; контроль за наличием и состоянием запасов; выстраивание, сбор и обработка заказов; определение последовательности и звенности продвижения потока и т.д. [8, 9]

Исходя из работ и публикаций отечественных географов, например Д.С. Романова [10], В.П. Сидорова [3;11], П.М. Крылова [12;13], В.С. Григорьева [14;15] и ряда других, а также зарубежных географов, таких как Rodrigue, J-P, С. Comtois и В. Slack [16], можно сделать вывод о том, что логистика есть естественная составляющая территориальных транспортных систем. И с этим можно согласиться. Как справедливо замечает В.П. Сидоров, «логистический характер ТТС можно подтвердить логистическими по форме и сути основными связями (потоками) в ней» [11].

В таком случае может возникнуть неопределенность соотношения понятий «транспорт» («транспортная система») и «логистика» («логистическая система»). И действительно, изучив множество определений «ТС» и «ЛС», мы приходим к выводу, что 1) определения достаточно сильно разнятся между собой, в т.ч. касаясь внутренней структуры и содержания самих систем; 2) ТС и ЛС полностью или частично подменяют друг друга (нет четкого разграничения по их содержанию и функционалу). В результате, можно выделить несколько различных подходов к разграничению транспорта и логистики (рисунк).

Транспорт – часть логистики, которая шире и всеобъемлюще (1), т.к. охватывает не только элементы транспортной системы, но и

иные объекты и субъекты транспортно-логистической деятельности, а также в отличие от дисциплин по транспорту изучает нематериальные потоки. В таком случае транспорт – составляющая часть, которая исследуется в рамках транспортной логистики.

Схема вариантов соотношения «транспорта» и «логистики»

Логистика – есть суть транспорта, а, следовательно, она является подсистемой или составляющей частью (2), которая может рассматриваться отдельно либо в рамках транспортных процессов. При этом часто говорится о применении «логистических подходов» и «принципов логистизации». В таком случае самостоятельная роль логистики заключается в наличии принципа и подхода к изучению транспортных процессов (в том числе транспортировки/перемещения финансов, информации).

Мы будем придерживаться позиции, что транспорт и логистика – есть два нераздельных взаимосвязанных и взаимодополняющих явления, которые протекают в территориально-общественных системах (ТОС) любого ранга, и затрагивают абсолютно все компоненты этих ТОС (3), вовлекая их в глобальный транспортно-логистический оборот в качестве производителей и (или) потребителей различных потоков. Разделить их сложно, и подчас и невозможно вовсе. Логистика есть идея, но без транспорта она пуста. А эффективность использования транспорта без логистики значительно снижается. Транспортно-логистический оборот при этом заключается не только в пространственно-временном перемещении, но и в других операциях, которые осуществляются с материальными и нематериальными объектами (хранение, распределение, фрагментация, обработка, трансформация и др.).

Сложность территориальных транспортно-логистических систем состоит в том, что в своей деятельности они вовлекают в единый процесс перемещения все компоненты ТОС.

Опираясь на проведенные размышления, можно выделить сделать вывод:

1. Логистика – шире транспорта и охватывает дополнительные пред- и пост-операции: прежде всего это складирование, а также различные процессы по обработке, (де)фрагментации, (де)консолидации, маркированию, упаковке и распределению грузов.

2. Логистика шире транспорта по рассматриваемым объектам перемещения, т.к. охватывает не только материальные потоки, но и нематериальные потоки (финансовые, сервисные, информационные, трудовые, культурные, интеллектуальные). Но при этом материальный поток является основополагающим к прочим потокам, т.к. модели, методы, принципы управления направлены на изучение потока именно этого вида.

3. Как результат 1 и 2 пункта – логистические системы включают больше инфраструктурных элементов и дополнительные компоненты.

4. Логистика имеет целью не только перемещение груза, но и процесс оптимизации, рационализации, повышения эффективности перевозки, что позволяет говорить об управлении движением.

5. Логистика свойственна не только транспортным организациям, а охватывает все виды деятельности и все территориальные уровни (начиная с микроуровня).

Таким образом, транспорт – это перемещение потоков в пространстве и времени, логистика – это управление перемещением потоков с использованием пространственно-временных и функционально-структурных форм с целью их оптимизации и повышения эффективности перемещения. При этом логистика сама по себе (без причастности к транспорту) слишком обширна в своем предмете для общественно-географических исследований, в связи с чем логично рассматривать транспортно-логистические системы.

Учитывая современные реалии и текущее положение общественно-географической науки, которая все чаще специализируется на вопросах регионального управления, включающего разработку документов (концепций, стратегий, стратегических планов, территориальных планов) социально-экономического развития территориальных систем, упор в исследованиях все больше должен делаться на изучение не столько транспортного комплекса или транспортной подсистемы, а транспортно-логистических аналогов. Именно переход на транспортно-логистические аспекты позволит более широко взглянуть на географию потоков, более детально и многоаспектно изучать территориальную организацию общества, пространственные процессы и сдвиги,

успешно разрабатывать и составлять прогнозы, планы, моделировать социально-экономические и политические процессы.

Библиографический список

1. *Тархов С.А.* Типы территориальных транспортных систем // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / под ред. А.Г. Дружинина, В.Е. Шувалова: материалы Междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону, 4–8 мая 2010 г. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. С. 82–89.

2. *Тархов С.А., Семина И.А.* География транспорта как отраслевая географическая наука // Актуальные проблемы географии и геоэкологии. Электронное научное издание. 2009. № 1 (5). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://geoeko.mrsu.ru/>, свободный. – Загл. с экрана.

3. *Сидоров В.П.* Проблемы отечественной географии транспорта // Вестник удмуртского университета. Биология. Науки о земле. 2012. Вып. 4. С. 149–151.

4. *Приваловский А.Н.* Типология локальных транспортных систем России : автореферат дис. ... кандидата географических наук : 25.00.24 / Приваловский Алексей Никитич; [Место защиты: Ин-т географии РАН] - Москва, 2008 - Количество страниц: 23 с.

5. *Ваксман С.А.* Транспортные системы городов: терминологический словарь / С.А. Ваксман, И.Н. Пугачев, Ю.И. Куликов. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. – 151 с.

6. *Горев А.Э.* Основы теории транспортных систем: учеб. пособие / А.Э. Горев. – СПб: СПбГАСУ, 2010. – 214с.

7. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 512 с.

8. *Гаджинский А.М.* Логистика. – М.: МОСКВА, 1999.

9. *Сербин В.Д.* Основы логистики Учебное пособие. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2004. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://aur.ru/books/m97/>, свободный. – Загл. с экрана.

10. *Романов Д.С.* Формирование логистических центров в территориальной транспортной системе Санкт-Петербурга : Дис. ... канд. геогр. наук : 25.00.24 СПб., 2006. – 182 с.

11. *Сидоров В.П.* Возможность применения логистики в географии транспорта // Вестник удмуртского университета. Биология. Науки о земле. 2011. Вып. 2. С. 139–141.

12. *Крылов П.М.* Транспортная уязвимость населения России в начале XXI в. // Известия РАН. Сер. Географ. 2012, №1. С. 26–35.

13. *Крылов П.М.* О системе свойств региональных транспортных систем // Транспортная инфраструктура как фактор устойчивого раз-

вития регионов России: матер. Всерос. науч.-практ. конф. / Перм. ун-т. – Пермь, 2007, С. 18–25.

14. *Григорьев В.С.* Изучение внутриобластных транспортно-экономических связей (на примере территориально-производственного комплекса Пермской области): автореф. ... канд. геогр. наук. М., 1972.

15. *Шарыгин М.Д., Григорьев В.С.* Методика экономико-географического исследования промышленных и транспортных узлов. Уч. пособие по спецкурсу. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 1981, 88 с.

16. *Rodrigue J-P.* The Geography of Transport Systems. Third edition. –New York: Routledge, 2013. P. 416.

ABOUT THE TRANSPORT AND LOGISTICS RELATIONS IN TERRITORIAL PUBLIC SYSTEMS RESEARCHES

R.S. Nikolaev

Perm State University

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15; e-mail: roommaa27@mail.ru

In recent studies of territorial transport systems have become essential to acquire logistics processes focused on optimizing and streamlining transportation processes, improving the efficiency of the flows, organization of production and consumption. Logistics is allocated to the new activity, which covers not only the transportation phase, but also involves in trade flows all components of territorial systems, changing the structure of added value and impact on the processes of transformation of the spatial organization of society.

Key words: logistic, territorial transport systems, territorial logistic systems.

УДК 911.375(985)

ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДСКОЙ СЕТИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА

А.П. Обедков

Филиал Санкт-Петербургского государственного
университета в г. Сыктывкар

167002, г. Сыктывкар, Сысольское шоссе, 64;

e-mail: obedkovap@gmail.com

Раскрыты динамика развития городской сети и тенденции урбанистического развития Российского Севера. Рассмотрены особенности северной урбанизации и факторы трансформации урбанистической структуры зоны Севера. Показана возрастающая роль больших городов и процессов городского агломерирования в экономическом развитии и расселении северных территорий.

Ключевые слова: сеть поселений; городское расселение; урбанистическая структура; эволюция; трансформация; северная урбанизация; Российский Север.

Хозяйственное освоение и заселение северных территорий России объективно связано с индустриализацией, стимулировавшей активизацию миграционных и урбанизационных процессов. Главной движущей силой северной урбанизации выступает экономическая целесообразность освоения природных ресурсов, в которых испытывают нарастающий дефицит районы старого промышленного освоения. Между тем эффективное освоение природных ресурсов и хозяйственное развитие северных территорий невозможно без целенаправленного формирования рационально организованной сети поселений и разновысоких систем городского расселения, обеспечивающих необходимые социальные условия для адаптации населения к проживанию в дискомфортных условиях зоны Севера.

В формировании сети городов Российского Севера можно выделить четыре этапа: начальный (до 1930 г.), предвоенный и военный (1931–1945 гг.), послевоенный (1946–1991 гг.) и постсоветский (с 1992 г. по настоящее время). Они отличаются особенностями динамики и тенденциями, характером и проблемами урбанистического развития, вызванными сменой ведущих факторов хозяйственного освоения территории и направлением трансформации экономики. Становление сети северных городов в дореволюционный период лишь наметило первоначальные центры колонизации и заселения северных территорий. Современные черты пространственной структуры городского расселения зоны Севера сложились в советское время в ходе активизации её хозяйственного освоения, заселения и обживания. Сохраняя инерционность в своём развитии, она приобрела ряд характерных черт, определяющих специфику северной урбанизации.

По данным всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., на севере страны насчитывалось 40 городов. На долю северных городов приходилось 9,3% от общего числа российских городов и всего 1,5% городского населения в современных границах РФ. Наиболее типичным элементом городской сети зоны Севера в то время были мелкие города. Только в шести северных городах людность превышала 5 тыс. чел. В самом людном северном городе – Архангельске – проживало 20,9 тыс. чел., или 18,3% всех горожан зоны Севера страны. Наиболее населённым городом Западно-Сибирского Севера был Берёзов (1,4 тыс. чел.), Восточно-Сибирского Севера – Енисейск (11,5 тыс. чел.), Дальневосточного Севера – Якутск (6,5 тыс. чел.). Характер размещения сложившейся к концу XIX в. сети северных городов отразил исторический ход колонизации северных территорий страны. Аб-

солютное большинство северных городов располагалось на Европейском Севере (21) и Дальневосточном Севере (12). В совокупности на их долю приходилось 82,5% всех городов Российского Севера.

В период с 1898 по 1917 г. в современных границах Российского Севера было образовано всего 5 новых городов. Ко времени установления Советской власти на Севере страны насчитывалось 45 городов, которые входили в состав восьми губерний и пяти областей на правах губерний. Ещё 8 северных городов, основанных в дореволюционный период, в разные годы были упразднены и лишены городского статуса. Среди них – Акланск, Зашиверск, Кеврола, Мангазея, Нарым, Нижнекамчатск, Паданск и Софийск.

В 20-е гг. прошлого столетия сеть городов зоны Севера подверглась корректировке в ходе подготовки и реализации реформы административно-территориального деления (АТД) 1923–1929 гг. Её результатом стал пересмотр административного статуса ряда северных городов, переставших отвечать городским критериям и оказавшихся в стороне от перспективных трасс освоения, а также появление первых посёлков городского типа (ПГТ), которые в последующие годы стали преобладающей категорией городских населённых пунктов (ГНП) зоны Севера. В 1922 г. утратил городской статус и был отнесён к категории сельских населённых пунктов (СНП) Устьвашк (образован в 1921 г.), в 1923 г. – Красноборск, в 1924 г. – Пустозёрск и Яренск, в 1925 г. – Емецк (образован в 1922 г.), Пинега, Туруханск и Холмогоры, в 1926 г. – Александровск, Берёзов, Гижигинск, Жиганск, Кола и Сургут. При этом городскую сеть зоны Севера дополнили лишь 2 новых города (Томмот, 1923 г.; Бодайбо, 1925 г.). Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала 32 северных города. Год спустя в СНП были преобразованы города Олонек, Охотск и Повенец. С этого времени и до конца 1920-х гг. сеть северных городов не претерпела никаких изменений.

В последующие десятилетия советского времени характер развития сети северных городов определялся масштабами и темпами динамики промышленного освоения природных ресурсов северных регионов страны. В условиях слабой хозяйственной освоенности и заселённости зоны Севера необходимым и закономерным компонентом освоения её природных ресурсов и территории стал процесс урбанизации, сопровождавшийся расширением сети ГНП, увеличением численности и удельного веса горожан. Наиболее значительные темпы роста городской сети наблюдались в период между переписями насе-

ления 1939 и 1959 гг., когда число городов зоны Севера увеличилось в 1,9 раза. В 1960– 80-е гг. темпы прироста сети северных городов стали постепенно замедляться, оставаясь более высокими по сравнению с другими регионами страны. В межпереписной период с 1959 по 1970 г. рост числа северных городов составил 119,5%, с 1970 по 1979 г. – 113,0%, с 1979 по 1989 г. – 123,1%. По данным переписи населения 1989 г., в тогдашних границах районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей насчитывалось 128 городов. В межпереписной период с 1989 по 2002 г. число северных городов увеличилось на 114,8%. Таким образом, завершился весьма продолжительный период между переписями населения 1926 и 2002 г., когда наблюдался устойчивый рост сети северных городов. За этот период число северных городов увеличилось в 4,6 раза, а их доля в общем числе российских городов – с 6,9% до 13,4% (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика развития сети городов макрорегионов Российского Севера
(в современных границах районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей)**

Макрорегионы зоны Севера	Годы									
	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2014
Российский Север	40	32	40	77	92	104	128	148	142	142
Европейский Север	21	17	22	34	39	41	49	54	53	53
Западно-Сибирский Север	2	-	2	3	6	10	19	26	27	27
Восточно-Сибирский Север	5	4	4	8	10	12	15	21	19	19
Дальневосточный Север	12	11	12	32	37	41	45	47	43	43

Источник: [1;2].

В период с 1992 по настоящее время в результате преобразования ПГТ в города на Российском Севере появилось всего 9 новых городов, из них 6 (Лянтор, 1992 г.; Покачи, 1992 г.; Югорск, 1992 г.; Губкинский, 1996 г.; Советский, 1996 г.; Тарко-Сале, 2004 г.) на Западно-Сибирском Севере и 3 (Билибино, 1993 г.; Нюрба, 1997 г.; Покровск, 1997 г.) – на Дальневосточном Севере. Помимо этого, городская сеть районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей пополнилась за счёт включения в их состав в 1994 г. Республики Тыва

с её пятью городами, получившими городской статус в предыдущие десятилетия.

В постсоветское время впервые за послевоенные годы 5 северных городов Камчатского края (Ключи) и Сахалинской области (Горнозаводск, Красногорск, Лесогорск, Чехов) были преобразованы в СНП. В 2005 г. число северных городов сократилось на две единицы за счёт включения в черту города Норильска его городов-спутников Кайеркана и Талнаха. С этого времени и поныне в границах законодательно утверждённых северных территорий насчитывается 142 города. Наметившиеся тенденции замедления развития и стабилизации с последующим сокращением городской сети наблюдаются не только в большинстве его регионов, но и на уровне макрорегионов Российского Севера. Первым среди макрорегионов зоны Севера, где прекратился рост городской сети, стал Европейский Север. С 1991 г. здесь не появился ни один новый город. Вслед за стабилизацией с 2004 г. началось сокращение городской сети на Дальневосточном Севере, а с 2005 г. – на Восточно-Сибирском Севере. В последние годы развитие сети городов происходит только на Западно-Сибирском Севере. Здесь имеются немало перспективных ПГТ, которые уже давно отвечают всем основным критериям для получения городского статуса.

Непрерывный рост числа северных городов, наблюдавшийся на протяжении всего советского периода, со временем привёл к трансформации урбанистической структуры зоны Севера России. С конца 30-х гг. прошлого века, когда на Российском Севере появился первый большой город (Архангельск), в его урбанистической структуре представлены города всех основных категорий людности. В полувековой период между переписями населения 1939 и 1989 гг., когда общее число северных городов увеличилось в 3,2 раза (с 40 до 128), число малых городов зоны Севера возросло в 2,7 раза (с 35 до 94), средних городов – в 5,7 раза (с 3 до 17), больших городов – в 8,5 раза (с 2 до 17) (табл. 2).

Урбанистическая структура северных городов характеризуется повышенной долей малых и крупных городов на фоне пониженной доли средних городов при полном отсутствии крупнейших городов с численностью постоянного населения свыше 500 тыс. чел. При этом высокая доля малых городов (людностью до 50 тыс. чел.) обеспечивается главным образом за счёт мелких (людностью до 5 тыс. чел.) и полусредних (людностью от 20 до 50 тыс. чел.) городов. С конца 1980-х гг. на фоне непрерывного уменьшения числа средних городов и на-

блюдается расширение сети малых городов как за счёт преобразования ПГТ в города, так и вследствие перехода средних городов в категорию малых городов.

Существующие на Севере большие города сформировались как форпосты хозяйственного освоения, значительные промышленные и транспортные узлы, важные информационные, транзитно-коммуникационные, научно-образовательные и культурные центры периферийных северных территорий. В новых условиях будет возрастать роль больших городов как полюсов роста и пространственного развития, центров «новой индустриализации», инновации и модернизации северных территорий России. В условиях зоны Севера возрастает роль больших городов как ядер агломерирования.

Таблица 2

Динамика урбанистической структуры городов районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей

(по данным переписей населения; в современных границах)

Категории городов по численности, тыс. чел.	Годы									
	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2014
Российский Север	40	32	40	77	92	104	128	148	142	142
из них: малые города (до 49,9)/ доля малых городов, %	40 100	31 96,9	35 87,5	64 83,1	76 82,6	80 76,9	94 73,4	117 79,1	113 79,6	114 80,3
средние города (50,0-99,9)/доля средних городов, %	- -	1 3,1	3 7,5	8 10,4	5 5,4	9 8,7	17 13,3	14 9,5	12 8,5	11 7,8
большие города/доля больших городов, %	- -	- -	1 2,5	4 5,2	9 9,8	12 11,5	11 8,6	11 7,4	10 7,0	10 7,0
крупные города/доля крупных городов, %	- -	- -	1 2,5	1 1,3	2 2,2	3 2,9	6 4,7	6 4,0	7 4,9	7 4,9

Источник: [1, 2].

Первыми точками роста городских агломераций на Российском Севере стали первые большие города – Архангельск и Мурманск. Однако для того, чтобы они стали ядрами полноценных агломераций, потребовалось более трёх десятилетий. В результате начавшегося в первой половине 1960-х гг. широкомасштабного промышленного освоения северных территорий на Европейском Севере ускорилось формирование Петрозаводской, Сыктывкарской, Воркутинской, Ухтинской, Апатитско-Мончегорской и Котласской городских агломераций. В пределах Западно-Сибирского Севера обозначились контуры и состав Сургутско-Нефтеюганской и Нижневартовской городских агломераций, Восточно-Сибирского Севера – Норильской и Братской городских агломераций, на Дальневосточном Севере – Камчатской, Комсомольской-на-Амуре, Магаданской, Петропавловск-Камчатской, Южно-Сахалинской и Якутской городских агломераций. В границах Российского Севера сформировалось 15 городских агломераций с численностью постоянного городского населения свыше 100 тыс. чел., из них 2 (Архангельская и Сургутско-Нефтеюганская) являются крупными (свыше 500 тыс. чел.) и 12 средними городскими агломерациями.

В условиях курса на модернизацию и инновационный сценарий развития агломерации становится ключевым инструментом развития северных территорий, создающим более комфортную среду для появления новых видов экономической деятельности, повышения уровня занятости и качества жизни населения. В этих условиях дальнейшее совершенствование территориальной организации производства и расселения населения на Российском Севере связано с реализацией системы мер, направленных на укрепление опорного каркаса системы расселения на основе более согласованного развития его линейно-узловой и агломерационно-городской подсистем, транспортной инфраструктуры и расселенческой сети. Это позволит сформировать агломерацию как единое административно-правовое, природно-экологическое, социально-экономическое и инвестиционное пространство с общей инфраструктурой и единой схемой развития.

Библиографический список

1. *Обедков А.П.* Особенности и проблемы формирования городских агломераций в условиях Российского Севера. Серия препринтов «Научные доклады по проблемам развития экономики и сервиса в регионе». Выпуск 6. Сыктывкар, 2013. 44 с.
2. *Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2014 г.* М: Росстат, 2014. 528 с.

EVOLUTION OF URBAN NETWORK AND TRANSFORMATION URBAN STRUCTURE OF THE RUSSIAN NORTH

A.P. Obedkov

Branch of St. Petersburg State University of Economics in Syktyvkar
Russia, 167002, Syktyvkar, Sysolskoe highway 64; e-mail: obedkovap@gmail.com

Disclosed the dynamics of urban networks and urban development trends of the Russian North. The features of the northern urbanization and urban transformation of the structure factors of the North. It is shown that the growing role of large cities and urban agglomeration processes in economic development and resettlement of the northern territories.

Key words: network of settlements; urban settlement; urban structure; evolution; transformation; northern urbanization; Russian North.

УДК 911.9

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ДЕШИФРИРОВАНИЯ КОСМИЧЕСКИХ СНИМКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

А.В. Осипов

Тюменский государственный университет
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10;
e-mail: av_osipov85@mail.ru

В статье рассматривается возможность применения данных дистанционного зондирования Земной поверхности в сумме с существующими методами экономической оценки для оптимизации процесса экологически сбалансированной оценки земельных участков. Предложена схема сквозной экономической оценки земельных участков на примере юго-западной части юга Тюменской области.

Ключевые слова: земельный участок, дифференциальная рента, дистанционное зондирование, дешифрирование космических снимков, экономическая оценка, ландшафтное картографирование.

В условиях рыночной экономики большое значение приобретает экономическая оценка природных ресурсов. Земельные участки являются уникальным природным ресурсом, предложение которого на рынке ограничено. Два соседних участка могут очень сильно различаться как по физическим, так и по природным характеристикам, кроме того, земельные участки являются весьма ограниченным ресурсом, поэтому для определения их стоимости необходимо учитывать возможность альтернативного использования. Традиционная кадастровая оценка земельных участков требует значительных капитальных вло-

жений и временных затрат, кроме того данный вид оценки далеко не всегда корректно отражает стоимость и ценность земельного участка, совершенно не учитывая экологическую значимость участка [4]. Таким образом, необходима экономическая оценка земельных участков для операций по купле-продаже, налогообложению, а так же для сохранения природной целостности, биоразнообразия и поддержания природного потенциала территории.

По мнению автора статьи, наиболее перспективное решение данной проблемы заключается в использовании современных информационных инструментов, в частности данных дистанционного зондирования (ДДЗ) Земной поверхности и геоинформационных баз данных, что позволит существенно снизить затраты на проведение полевого этапа традиционной оценки земельных участков. Целью настоящего исследования является анализ возможности применения данных дистанционного зондирования Земной поверхности в сумме с существующими методами экономической оценки. Объединение вышеуказанных направлений исследования образует схему сквозной экономической оценки земельных участков. Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

1. Изучить методы экономической оценки земельных участков;
2. Провести ландшафтно-экологический анализ;
3. Сформировать геоинформационную базу данных;
4. Дать экономическую оценку земельным участкам в пределах выделенных ландшафтных комплексов.

Апробация возможности применения сквозной экономической оценки земельных участков проводилась на территории юго-западной части юга Тюменской области. В качестве основных методов оценки стоимости земельных участков выступают: рентный (доходный) метод, затратный метод, метод сравнительных продаж. Наиболее рационально, для экономической оценки земельных участков, использовать рентный метод оценки.

Упрощенная формула дифференциальной ренты [6] имеет вид:

$$R = Y \times (C - Z) - UDT,$$

где R – полная дифференциальная рента; Y – урожайность (ц/га); C – рыночная цена 1 ц; Z – производственные издержки на 1 ц; D – расстояние участка от рынка (км); T – транспортные издержки на 1 т. км.

Вычислив дифференциальную ренту, можно определить цену земельного участка. Цена земли рассчитывается по формуле [6]:

$$P = \frac{R}{S} \times 100\%$$

где P – цена земли, R – дифференциальная рента, S – ссудный банковский процент.

В качестве основы для капитализированной оценки наиболее рационально использовать данные дистанционного зондирования Земной поверхности. Они позволяют быстро и эффективно выделить контуры участков поверхности, обладающие однородными свойствами, а, следовательно, имеющие специфические оценочные характеристики.

Проблема выделения контуров земельных участков решается составлением ландшафтной карты. Ландшафтная дифференциация поверхности производилась по методике, разработанной профессором В.В. Козыным [3]. Основу данной методики составляют три базисных процедуры ландшафтно-экологического обеспечения: инвентаризация информации, картографическое обобщение данных и целевая интерпретация знаний.

Основная информация для изучения ландшафтной структуры и ландшафтно-экономического потенциала территории извлекалась из космофотоснимков. В процессе полевого ландшафтно-индикационного дешифрирования, выявлялись взаимосвязи между ландшафтной структурой, процессами на местности и структурой их изображения на космофотоснимках. При этом использовался принцип фотоструктурного единства (ФСЕ) и методы ландшафтно-индикационных исследований [3].

Окончательное составление ландшафтной карты проводилось в камеральных условиях с применением традиционных методов и приемов [1;2;5]. С использованием вышеописанной методики была составлена ландшафтно-экологическая карта юго-западной части юга Тюменской области. Эта карта послужила основой дальнейшей экономической оценки земельных участков. Контуры ландшафтных комплексов, выделенные в ходе ландшафтной дифференциации, были приняты в качестве единичных границ земельных участков. Информация о качественных и пространственных характеристиках земельных участков была сведена в единую геоинформационную базу данных, которая позволила в процессе исследования перевести качественные показатели в количественные и провести экономическую оценку участков [8].

Результаты экономической оценки земельных участков заносятся в базу данных географической информационной системы и могут быть отображены картографически по запросу пользователя ГИС как

по каждому возможному виду использования земельного участка, так и с учетом выборки наиболее экономически эффективного вида использования для каждого конкретного участка. Полученные значения в базе данных могут изменяться автоматически при изменении базовых показателей (ссудный процент, стоимость с/х продукции, потребность в с/х продукции, изменение транспортных издержек и др.), что позволяет оперативно поддерживать базу данных геоинформационной системы в актуальном состоянии.

В настоящее время юго-западная часть Тюменской области является районом с развитым агропромышленным комплексом, но в то же время значительные площади покрыты лесными массивами, что предполагает учет альтернативного использования данных земельных участков. Таким образом, для полной и объективной оценки стоимости земельных участков данного региона необходима оценка возможности альтернативного использования земельных участков не только внутри агропромышленного комплекса, но и в сравнении с лесохозяйственным использованием территории.

Рентная оценка лесопокрытых земель имеет ряд специфических особенностей. Во-первых, важную роль в экономике лесного хозяйства играют «побочные» ресурсы – сенокосные угодья, грибы, ягоды, лекарственные травы и иные возобновляемые ресурсы. Во-вторых, леса являются средой существования многих животных и птиц, имеющих промысловое значение. Оценка лесов не сводится к определению запаса древесины и его рыночной стоимости, поэтому отдельные оценки (по разным видам ресурсов) в ряде случаев могут исключать друг друга, а в других случаях суммироваться. Оценка «побочных» ресурсов лесопользования, как правило, суммируется с оценкой ресурса «главного» пользования – древесины [6].

В соответствии с требованиями Лесного кодекса Российской Федерации, для всех лесничеств Тюменской области разработаны лесохозяйственные регламенты, содержащие свод нормативов и параметров комплексного освоения лесов применительно к территориальным особенностям, лесорастительным условиям лесничества и определяющие правовой режим лесных участков. Согласно данным регламентам, лесоустроительным и лесотаксационным материалам проводится оценка ресурса «главного пользования» (древесины) и побочных ресурсов лесопокрытых земель [7].

В ходе исследования оценка стоимости земельного участка при агропромышленном виде его использования проводилась, исходя из

возможности получения максимального рентного дохода при выращивании следующих сельскохозяйственных культур: горох, картофель, кукуруза, многолетние и однолетние травы, овес, озимая пшеница и рожь, ячмень, яровая пшеница. Результаты исследования показали, что наибольший рентный доход можно получить при выращивании картофеля на территории ровных песчаных дренированных пойм с пашнями на аллювиальных луговых почвах [8]. Стоимость земельного участка, в границах данного ландшафта, вычисленная с помощью рентного подхода, составляет 901467,83 руб./га.

Данные по рентным показателям альтернативных вариантов агропромышленного использования земельных участков сравнивались с возможностью использования земельного участка в лесохозяйственных целях. Рентная оценка земельного участка при лесохозяйственном использовании определялась на основе следующих показателей: рентный доход от ягодных и грибных ресурсов участка, годового прироста древесных ресурсов и возможности получения рентного дохода от такого вида ресурса, как березовый сок. Наибольший рентный доход при лесохозяйственном использовании участка, по отношению к иным альтернативным вариантам использования, можно получить в пределах пологоволнистых легкосуглинистых дренированных равнин с березняками разнотравно-злаковыми на дерново-подзолистых глеевых почвах. Стоимость земельного участка, в границах данного ландшафта, вычисленная с помощью рентного подхода, составляет 86690,70 руб./га. Результаты анализа альтернативных вариантов приоритетного использования земельных участков в юго-западной части юга Тюменской области приведены в таблице.

Результаты анализа альтернативных вариантов приоритетного использования земельных участков

<i>Вид приоритетного использования земельного участка</i>	<i>Вид ландшафта</i>	<i>Стоимость земельного участка, руб./га</i>
Горох	Плосковолнистые среднесуглинистые дренированные надпойменные террасы с пашнями на дерново-сильноподзолистых почвах	90313,65
Картофель	Ровные песчаные дренированные поймы с пашнями на аллювиальных луговых почвах	901467,83
Кукуруза	Мелкогрядистые легкосуглинистые дренированные поймы с ивняками кустарниковыми на аллювиальных дерновых почвах	42121,74

<i>Вид приоритетного использования земельного участка</i>	<i>Вид ландшафта</i>	<i>Стоимость земельного участка, руб./га</i>
Многолетние травы	Мелкогривистые среднесуглинистые дренированные поймы с ивняками кустарниковыми на аллювиальных дерновых почвах	35726,09
Однолетние травы	Плоские слабодренированные гривы с осоково-злаковыми лугами с березовыми и березово-ивовыми редколесьями на низинных торфяных почвах	55600,00
Овес	Плосковолнистые среднесуглинистые дренированные надпойменные террасы с ивняками кустарниковыми на дерново-сильнопodzolistых почвах	173817,39
Озимая пшеница	Плосковолнистые легкосуглинистые дренированные надпойменные террасы с пашнями на луговых почвах	36069,57
Озимая рожь	Пологие среднесуглинистые дренированные склоны с разнотравно-злаковыми лугами и березовыми колками на серых лесных почвах	14760,00
Ячмень	Плоские тяжелосуглинистые слабодренированные равнины с осоково-злаковыми лугами на лугово-черноземных почвах	39553,48
Яровая пшеница	Мелкогривистые песчаные дренированные поймы с пашнями и березовыми редколесьями на аллювиальных луговых почвах	66991,3
Рациональное лесопользование	Пологоволнистые легкосуглинистые дренированные равнины с березьями разнотравно-злаковыми на дерново-подзолистых глеевых почвах	86690,7

Главным итогом проделанной работы стала апробация и доказательство возможности применения методики сквозного ландшафтно-экологического анализа данных дистанционного зондирования земной поверхности для экономической оценки земельных участков с целью дальнейшей выработки экологически сбалансированных решений по хозяйственному освоению территорий и управлению земельным фондом.

Библиографический список

1. *Исаченко А.Г.* Методы прикладных ландшафтных исследований. Л.: Наука, 1980. 222 с.
2. *Козин В.В.* Ландшафтные исследования в нефтегазоносных районах. Тюмень: изд-во ТюмГУ, 1984. 58 с.
3. *Козин В.В.* Ландшафтный анализ в решении проблем освоения нефтегазоносных регионов: Автореф. дис. докт. геогр. наук. Иркутск, 1993. 44 с.

4. *Кухтин П.В., Левов А.А., Морозов В.Ю. и др.* Управление земельными ресурсами: Учебное пособие. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. 448 с.

5. *Михеев В.С.* Ландшафтно-географическое обеспечение комплексных проблем Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 207 с.

6. *Осипов В.А.* Природопользование. Учебно-методический комплекс для дистанционного обучения. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. 260 с.

7. *Лесной* кодекс Российской Федерации (с изменениями на 2 июня 2015 г.) Федеральный закон от 12.04.2006 г. № 200-ФЗ.

8. *Географические* подходы к моделированию экономической ситуации на земельных и аграрных рынках (на примере юго-запада Тюменской области): монография / отв. ред. В.А. Осипов. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2011. 160 с.

**ECONOMIC ASSESSMENT OF LAND PARCELS, BASED INTERPRETATION
OF SATELLITE IMAGES
(FOR EXAMPLE IN SOUTH-WESTERN PART OF TYUMEN REGION)**

A.V. Osipov

Tyumen State University

Russia, 625003, Tyumen, Semakova Str., 10; e-mail: av_osipov85@mail.ru

The article deals with the possibility of the use of remote sensing the Earth's surface in the amount of the existing methods of economic evaluation. The author suggests a scheme of through economic evaluation of land parcels on the example of the south-western part of the south of the Tyumen region.

Key words: land parcel, differential rent, remote sensing, satellite image interpretation, economic evaluation, landscape mapping.

УДК 910.1

О ПЯТОМ ИЗМЕРЕНИИ ПРОСТРАНСТВА

В.А. Осипов

Тюменский государственный университет

625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10; e-mail:

oval1950@mail.ru

Рассматривается классификация понятий «время» и их применение к определению содержания географического пространства. Исследован вклад линейного (векторного) и циклического времени в формирование объемных пространственных структур, их устойчивость и определенность. Сделан вывод об определяющем влиянии совпадающих в гармонике инфразвуковых ритмов на образование современных геосистем, получающих название, используемое в качестве пятого измерения пространства.

© Осипов В.А., 2015

Ключевые слова: линейное время, цикличное время, ритм, гармоника, пласты времени.

Понятия «время» и «пространство» являются основой современной культурной жизни и используется в многочисленных целях: управления, синхронизации событий, прогнозирования, описания процессов, для инженерных расчетов, описания геологических структур, истории народов и государств и т.д. Другими словами, это базовые понятия цивилизации.

Сложность применения этих понятий состоит в их двойственности. И. Кант определяет их как совершенно безусловные, т.е. не обусловленные ничем, как умопостигаемые понятия или ноумены [5]. Для современной науки такая позиция недостаточна. Критика И. Канта состоит в том, что удаляя из пространства все физические объекты и заявляя, что для наблюдателя и пространство, и время в таком случае исчезают, остаются лишь понятия (или представления) о них, он забывает о существовании собственно наблюдателя. Но если последним является физический объект, то у него существует собственное время. Собственное время объекта (объектное время) – это уже феномен, первый уровень дифференциации феноменального времени. Систему взаимодействующих объектов отображает системное время. В сложных системах существует множество процессов, протекающих с разной скоростью на разных иерархических уровнях, в подсистемах и во входящих в них объектах. Соответственно, главной задачей является выявить механизму управления этими системами, или их самоуправления.

Научные расчеты требуют квантификации или перевода качеств в количества. Для этого необходимо привязать процессы к стабильной временной шкале, каждая отметка на которой характеризуется одним значением. Такое время можно назвать скалярным. Такковы исходные условия последующего изложения.

Переходя к географии, следует отметить предельную конкретность этой науки. Любые действия и процессы, происходящие в пределах нашей Земли, имеют совершенно конкретную привязку к месту. Место – это пространство, занимаемое системой физических объектов – системное, или географическое пространство, геосистема. Вся Земля представляет собой геосистему и для синхронизации происходящие на ней процессов необходимо единое время, геовремя.

Для квантификации геовремени принято воздействие важнейших объектов надсистемы (Солнечной системы) – Солнца, Луны, а

также наклон орбиты планеты к плоскости эклиптики и его изменение (прецессия). В результате мы получаем скалярные величины – год, сезон, месяц, неделя, сутки, день, ночь, час, минута, секунда и т.д. Они отражают циклы вращения этих астрономических объектов. Циклы нумеруются, выстраиваются в последовательность, образуя скалярную шкалу. Таким образом, скалярное время (шкала), которое мы назовем базовым, включает в себя и линейное, и цикличное. На цикличном оно основано, а линейное используется для скачков (переходов) и управления в целом.

Линейное (векторное) время мы назовем «первым», поскольку оно «лежит на поверхности», используется всеми в самых разнообразных видах деятельности. Вектор линейного времени направлен к определенной точке в астральном и (или) ментальном виртуальном пространстве и предполагает совершение определенных действий за определенный временной отрезок для получения желаемого результата. Достижение желаемого характеризуется как событие, поэтому последовательность характеризуется как событийный ряд. Прошлое в астральном плане (плане желаний) заполнено эмоционально окрашенными событиями, а в ментальном (казуально-логическом) – достижениями, точками отсчета для планирования и прогнозирования перспектив. Успешные события, особенно кульминационные точки прошлого, здесь рассматриваются как основание (культ) для повторения, тиражирования. Здесь мы переходим к цикличному времени.

Цикличное время можно назвать «вторым», поскольку оно скрыто, погребено под первым. Оно связано с технологиями, т.е. выстроенными в определенном порядке, энергетически эффективными последовательностями действий, дающими желаемый результат. Их тиражирование дает фрактальный эффект, заполняющий определенное географическое пространство (геосистему в территориальном разрезе) однородными подсистемами. Следствием является появление геологического, технологического, археологического, исторического, культурного и пр. слоев. «Скрытость» цикличного времени объясняется его обыденностью. Цикличное время никуда не направлено, оно течет медленно, привычно, образуя ритм. Действительно, кто задавался проблемами смены дня и ночи, недель, сезонов, лет? Идет монотонное повторение одних и тех же действий при полном отсутствии значимых событий, а, следовательно, и фиксировать их незачем.

Ритмы могут быть вложены друг в друга, синхронизированы. Так, суточный ритм вложен в годовой и изменяется для объектов по

амплитуде и длительности витка в зависимости от сезона года, но в годовом цикле и эти изменения ритмичны. Климатические ритмы вызывают ритмичность в живой и даже в неживой природе, генерируя вторичную ритмичность у животных, растений, рек, озер, почв, денудационных процессов и т.д. Витки (отдельные циклы) в ритме характеризуются накоплением известных внутренних изменений (совершенствование технологии), преобразующими простое повторение в спираль. На смену ритмов могут повлиять и внешние воздействия. Поэтому ритм (в смысле технологии) действует на протяжении известной длительности, экспозиции.

Цикличное время, как мы уже отмечали, является объектным временем. Это значит, что каждый объект функционирует в собственном индивидуальном ритме. При этом он сам является системой или входит в надсистемы в качестве подсистемы или элемента. Следовательно, система может функционировать только в том случае, если индивидуальные ритмы составляющих ее автономных элементов совпадают. Совпадение индивидуальных ритмов называется гармонией или соразмерностью. Более того, система сама может продуцировать новые или трансформировать имеющиеся элементы под свой большой ритм. Об этом, в частности, писал создатель теории морфогенетических полей Р. Шелдрейк [10].

С данных позиций мы можем рассматривать ландшафт, например, как самонастраивающуюся на основе совпадения (гармонии) ритмов объектов и подсистем природную систему, фрактально заполняющую географическое пространство там, где имеются генерирующие его исходные условия. В этом состоит чрезвычайная их устойчивость к изменениям, включая человеческое вмешательство. Самоуправление ландшафта основано на гармонии подсистем. Напомним, что самоуправление возникает, когда субъект управления вписан в объект.

Культурный же ландшафт требует постоянной поддержки человека, т.е. управления, и в том заключена существенная часть технологий его использования. Определенный культурный ландшафт возникает на месте столь же определенного природного ландшафта, образуя фрактальные пространства нового типа. Альтернатива использования природного ландшафта, разумеется, есть всегда, но альтернативное использование природного ландшафта часто предполагает революционные изменения со сменой хозяина, поскольку технологии использования природы человеком так же устойчивы, как и природа. Они фор-

мируют, по Л.Н. Гумилеву [4], основу этнического позитивного мироощущения. С переходом к альтернативному использованию ландшафта фактически формируется новый этнос.

Ритмы обладают громадной энергетикой, заставляющей природу и общество работать синхронно и согласовано. Волны, образующие описываемые ритмы, относятся к инфразвуковым и имеют длину – сутки, неделя, сезон, год и более. Такие волны проникают всюду, не встречая препятствий, и созидают или разрушают с невероятной мощностью. Попробуйте, например, нарушить производственный ритм в достаточно крупной фирме и убытки будут гарантированы. Московия, не знавшая крестьянских бунтов до отмены Юрьева дня, получила их в виде Смутного времени, восстаний И. Болотникова, С. Разина, Е. Пугачева и множества более мелких эксцессов, вплоть до 1861 г.

Исследованию феномена «географическое пространство» («геопространство») только в последнее время посвящены работы П.Я. Бакланова [1;2], В.Л. Бабурина [3], Ю.Г. Пузаченко [8], М.Д. Шарыгина [9], а также автора [6;7] и др. исследователей. Справедливости ради, надо отметить, что любое географическое исследование связано с геопространством, поскольку последнее является не только главным объектом исследования в этой науке, но и предельным случаем конкретизации «моделей». Автор исходит из того факта, что реальное геопространство – это не просто *территория*, полигон, очерченный контуром границ (Евклидова модель), а имеет присущую пространству трехмерность, объем. Как известно, время является четвертым измерением пространства в векторной системе координат. Поэтому рассматривать геопространство можно и как пространственно-временной континуум, измеряемый векторным временем.

Направив вектор времени вниз от поверхности территории, мы обнаружим пласты горных пород, залегающие один под другим вплоть до кристаллического фундамента. Каждый пласт представляет собой определенную геологическую эпоху или, другими словами, овеществленное время. Совокупность геологических пластов от фундамента до поверхности характеризует *однонаправленность* и *линейность* «*стрелы времени*». Другими словами, геохронология дает нам ясное представление о линейном времени, которое мы будем называть *первым*.

Теперь рассмотрим отдельно взятый пласт горных пород. В свое время он был поверхностью, примерно такое же, как мы ее видим сейчас, покрытый биотой и подверженной воздействию климата. В нем происходили те же процессы денудации, седиментации, накопления

осадочных толщ однородного или смешанного состава. Все шло своим чередом, пока не наступило некое *событие*, изменившее этот мир. Подобные *события* в целом хорошо изучены в геологической литературе, важно, что на смену старому пришел новый мир, предположим, что в рамках контура той же поверхности. Сменился климат, по другому пути пошли процессы в биотической и абиотической сферах. Над прежним пластом стал формироваться новый. Этот экскурс в географию средней школы содержит несколько интересных моментов, на которых мы остановимся подробнее.

Первый, для геохронологии процесс осадконакопления в одном мире не является событием. Событием является смена миров и порядок накопления осадочных толщ, пластов. Поэтому *первое* время представляет собой событийный ряд, каждое событие в котором приносит порцию новой информации.

Второй. Происходит процесс формирования собственно горных пород из аллювиальных, морских или терригенных осадков. Он происходит под воздействием давления, температуры, рассолов, растворов и других внешних факторов. Этот постепенный процесс, не содержащий событий первого порядка, можно охарактеризовать термином *экспозиция*. Степень метаморфизации горных пород, помимо внешних факторов, зависит лишь от длительности процесса, выдержки. Это «безсобытийное» время можно охарактеризовать как *второе время*.

Третий. Геологические пласты с момента своего образования вступают между собой во взаимодействие, формируя системы. В процессе метаморфизации одни становятся пористыми коллекторами, другие приобретают свойства покрышек, удерживающих вытесняемые гравитацией из недр жидкости и газы. Возникают поднятия – купола, своды, валы и т.д., часто проявляющие себя на современной поверхности.

Второе время «работает» аналогичным образом и в социальной сфере. Культура состоит из пластов арте-, социо- и ментифактов, «залегающих» подобно геологическим. Каждый пласт продолжает незаметную деятельность, взаимодействует с соседними, и проявляется на поверхности в виде ориентиров, основ принятия решений, архитектурных форм, особенностей общения, поведения и пр. Вообще-то это называется традицией, тем, что отличает одно пространство от другого.

Что же такое пятое измерение пространства? По нашему мнению, это результирующая сторона первых трех измерений, задающих контур территории и четвертого измерения (вектора), предполагающе-

го объем. На качественном уровне пятое измерение характеризуется ёмкими содержательными терминами «болото», «лес», «степь», «русский мир» и т.д. За каждым из них скрыто множество незаметно протекающих ритмично процессов, придающих системе устойчивость и оригинальность. Пятое измерение пространства эмоционально окрашено, имеет свой «запах» и «колорит», и в этом качестве является неотъемлемой частью культуры в целом и географического исследования, частности.

Библиографический список

1. *Бакланов П.Я.* Подходы и основные принципы структуризации географического пространства // Известия российской академии наук. Серия географическая, 2013, № 5. С. 7-18.

2. *Бакланов П.Я.* Структуризация географического пространства - основа теоретической географии // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития: Мат-лы междунар. конф. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного Федер. Ун-та, 2010. С. 12-21.

3. *Бабурин В.Л.* Эволюция социально-экономического пространства России // География социально-экономического развития. М.: Изд. дом "Городец", 2004. С. 496-514.

4. *Гумилев Л.Н.* Этносфера: История людей и история природы. М.: Экспресс, 1993. 544 с.

5. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994. 574 с.

6. *Осипов В.А.* О структуре географического пространства // Вестник Тюменского гос. ун-та, 2010. № 3. С. 126-133.

7. *Осипов В.А.* О структуре геовремени // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 10. С. 14-21.

8. *Пузаченко Ю.Г.* Структура географического пространства // Ю.Г. Пузаченко и др. Информацион. бюл. РФФИ. 1996. Т. 4. № 5. С. 588.

9. *Шарыгин М.Д., Чутина Л.Б.* Подходы к изучению географического пространства-времени и проблемы, связанные с ним // Географический вестник, 2013, №2. С. 4-8.

10. *Шелдрейк Р.* Новая наука о жизни / Пер. с англ. М.: РИПОЛ классик, 2005. 352 с.

ABOUT THE FIFTH DIMENSION OF SPACE

V. A. Osipov

Tyumen state University

Russia, 625003, Tyumen, Semakov Str., 10; e-mail: oval1950@mail.ru

Discusses the classification of the concepts «time» and their application to the determination of geographical space. Investigated the contribution of the linear (vector) and cyclical time in the formation of the volumetric spatial structures, their stability and certainty. The conclusion of the decisive influence in matching infrasonic harmonic rhythms of modern education geosystems, receiving the name used as a fifth dimension of space.

Key words: linear time, cyclical time, rhythm, harmonics, the layers of time.

УДК 352/354-1

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РФ

К.С. Осоргин

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: kosorgin@bk.ru

Научный руководитель: доцент Резвых В.В.

В сообщении рассматриваются детали новой реформы местного самоуправления в Российской Федерации, анализируются функции, особенности и характер тенденций в развитии местного самоуправления в целом.

Ключевые слова: местное самоуправление; реформа МСУ; местное развитие; тенденции местного развития.

В мае 2014 г. законодательно была утверждена новая фаза формирования местного самоуправления (далее – МСУ) в Российской Федерации. Федеральный закон от 4 июня 2014 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» практически свёл на нет шансы городов быть самими хозяевами своей судьбы.

Города сегодня как в Российской Федерации, так и в целом в мире являются и главной надеждой, и главной проблемы развивающегося по численности и экономическому укладу населения Земли. Эффективное управление городов – это едва ли не главный залог процветания человечества в будущем. Многие эксперты¹ утверждают, имен-

© Осоргин К.С., 2015

¹ Katz B., Bradley J. (2013). The Metropolitan Revolution; Barber B. (2013). If Mayors Rule the World; Glaeser E. (2011). The Triumph the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier and Happier.

но выбранный самими местным населением мэром города, а на более низовом уровне, например, староста или управляющий, являются залогом решения множества городских проблем.

Реформа МСУ, осуществленная в 2014 г., теоретически оставила возможность прямого избирания мэра, но ключевые идеи реформы иначе как новыми звеньями построения «вертикали власти» назвать нельзя. В частности, все решения об организации местного самоуправления, включая варианты устройства местной власти, оказались переданы на рассмотрение властей регионального уровня, что само по себе является залогом «вертикализации».

Прямые выборы зачастую остаются альтернативным вариантом, вместо которого предпочитают формирование городской думы, которая, в свою очередь, назначает сити-менеджера из числа предложенных региональными властями кандидатур. Подобная модель самоуправления используется, например, в Челябинске, Екатеринбурге и ряде других крупных городов страны.

В служебной записке к рассматриваемому вопросу также отмечается, что обоснованием очередной реформы МСУ стала неприспособленность существующей модели к расширению городских территорий². Впрочем, почему это ставится в минус именно модели МСУ, а не, например, органам ответственным за градостроительную политику, остаётся неясным.

Также интересным моментом является следующая фраза в служебной записке: «В связи с реализацией в регионах требований Указов Президента РФ (в части повышения зарплат в социальной сфере и пр.) и ответственностью глав субъектов РФ за их исполнение у губернаторов возникает объективный запрос на расширение возможностей влиять на социально-экономическую политику в городских округах и муниципальных районах». По сути, прямым текстом указывается административный характер предлагаемых реформ. Можно также искать здесь и политические мотивы, связанные с успехом оппозиционных кандидатов в ряде крупных городов: Ярославль (Евгений Уралшов³), Екатеринбург (Евгений Ройзман), Петрозаводск (Галина Ширшина).

При этом остается непонятным, почему на фоне общемировых тенденций к децентрализации власти, в Российской Федерации идет

² <http://regcomment.ru/investigations/reformirovanie-sistemy-organizatsii-msu-v-krupnykh-gorodakh-i-gorodskikh-aglomeratsiyakh-vozmozhnye-/>.

³ «Благополучно» осужден и временно отстранен от должности мэра города решением Басманного суда от 18.07.2013.

обратный курс, нацеленный на минимизацию самостоятельности местных властей. Переход к так называемой «мэрской» модели многие считают нецелесообразным ввиду уникальности социально-культурных, социально-политических и экономических условий Российской Федерации. Кроме того, считается, что новая реформа может помочь избегать конфликтов между региональными властями и местными. Довод весьма слабый, поскольку местные власти – это понимающие уникальность, специфику территории, её особенности. В то время как региональные власти зачастую являются лишь проекцией центральной, «слепо» повторяющей то, что передано сверху.

Особенно сложно понять логику реформы в условиях социально-экономического развития России сегодня. В первую очередь, ввиду колоссальных диспропорций в уровне городского развития (Москва – около 20% ВВП страны), экспорте (около 70% – углеводородное сырьё и его производные). Постоянный прирост Москвы, Санкт-Петербурга и нескольких других крупнейших городов и их агломераций сопровождается депопуляцией средних и малых городов. Делегирование вниз существенных полномочий в политической, социальной и экономической сферах могло бы снизить эти процессы, дать местным жителям стимул оставаться и участвовать в развитии своих родных территорий. Разработка уникальных стратегий местного социально-экономического развития, соответствующих местной специфике, могло бы способствовать преодолению депрессии в экономике, её диверсификации и оживлению. Но в текущей ситуации, когда местные власти практически несамостоятельны и фактически подотчётны региональным властям, а не жителям, такая схема представляется малореализуемой. Подобные явления неизбежно ведут к падению уровня квалификации и искажению мотивов политических местных элит, уменьшению интереса к укреплению и развитию территорий; одновременно все более укрепляется желание личного или узкогруппового обогащения при тесном срастании бизнеса, силовых структур и местных властей.

Дезорганизация местного самоуправления, его институтов и механизмов, неструктурированность вокруг конструктивных программ – все это замедляет и сводит практически на нет развитие гражданского общества. Сможет ли сегодня общество и федеральная власть изменить совместно вектор движения в сторону демократизации общества, развитию и укреплению местного самоуправления, созданию подлинно самостоятельного поколения в стране?

Формально местные власти сегодня оказались полностью встроенными в вертикаль власти как экономически, так и политически. Однако на деле вся вертикаль оказывается разделенной на целый ряд ведомственных структур, которые зачастую вместо успешного кооперирования и взаимного сотрудничества противоречат и мешают друг другу. Силовой прессинг, мелочное регулирование, контроль и частые проверки, требования по повышению результативности деятельности при отсутствии должного финансирования и реализации откровенно популистских требований – вот незавидный перечень сегодняшних черт муниципальной и региональной политики в России.

Технически оставленная возможность мэрских выборов на деле практически не реализуется: региональным властям просто невыгодно иметь сильную местную власть. Почему представления о разделении полномочий между уровнями власти в Российской Федерации столь сильно отклоняются от общемирового тренда? Аргументы автором последней реформы МСУ не дают убедительного ответа на этот вопрос.

Библиографический список

1. *Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.07.2015) // СПС «Консультант-плюс».*
2. *Бабичев И.В., Смирнов Б.В.* Местное самоуправление в современной России: становление и развитие. Историко-правовые аспекты: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 527 с.
3. *Глезер О.Б., Бородина Т.Л., Артоболевский С.С.* Муниципальное и административно-территориальное устройство субъектов Российской Федерации // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / под общ. ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезера. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2011. С. 241–264.
4. *Ладыгин В.В.* Механизмы общественного участия в процессе стратегического планирования // Городской альманах: вып. 5/науч. ред. Г.Ю. Ветров. – Москва: Институт экономики города, 2012. – 282 с.
5. *Маркварт Э.* Реалии муниципальной реформы: проблемы и выводы // Актуальные вопросы развития местного самоуправления в России и за рубежом. М.: Европейский клуб экспертов местного самоуправления, 2009. С. 35-47.
6. *Реальный федерализм, местное самоуправление, межбюджетная политика.* URL: <http://www.gzt.ru/addition/-doklad-realjnyi->

federalizm-mestnoe-samoupravlenie-/353873.html (дата обращения – 07.07.2015).

CURRENT STAGE OF LOCAL GOVERNMENT REFORM IN THE RUSSIAN FEDERATION

K.S. Osorgin

Perm State University

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15; e-mail: kosorgin@bk.ru

Research advisor: Associated Professor Rezykh V.V.

In the message details of new local government reform in Russian Federation are considered; functions, features and character of local government development are analyzed.

Key words: local government; reform of local government; local development; trends of local development.

УДК 504.064.4; 338.264

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СХЕМЫ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.З. Ощепкова¹, В.А. Столбов²

¹ФГБУ УралНИИ «Экология»

614039, г. Пермь, Комсомольский проспект, 61а;

e-mail: anna-z@ecology.perm.ru

²Пермский национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: Stolbov210857@mail.ru

В сообщении рассматривается современная система стратегического и территориального планирования в Российской Федерации. Раскрывается логика построения плановых документов, их содержание и взаимосвязь. Особое внимание уделяется территориальным схемам обращения с отходами, которые являются новым обязательным документом для субъектов Российской Федерации и, несомненно, вызовут много трудностей при создании для действующих администраций.

Ключевые слова: стратегическое и территориальное планирование, плановые документы субъектов федерации, территориальные схемы обращения с отходами.

Задача поддержания комфортных условий окружающей среды для населения приобретает особую актуальность на мезорегиональном уровне, где сходятся долговременные интересы государства, стратегические цели субъектов федерации и вопросы местного ведения муниципальных образований. Особую роль при этом играют вопросы поддержания качественного состояния окружающей сре-

ды и обеспечения рационального природопользования при эксплуатации природных ресурсов. В наиболее комплексном виде этими вопросами, как на уровне страны, так и регионов, занимается экологическая инфраструктура – специализированный комплекс технологических объектов, учреждений и организаций, оказывающих или предоставляющих в интересах населения следующие услуги:

- профилактику загрязнения окружающей среды;
- снижение выбросов и сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду;
- сбор, обработку, утилизацию, обезвреживание, размещение отходов производства и потребления (далее обращение с отходами);
- оптимизацию природной среды территории;
- выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ;
- управление территориальной экологической инфраструктурой;
- организацию экологического образования, воспитания и просвещения.

Одной из ведущих в этом комплексе взаимосвязанных функциональных образований является подсистема обращения с отходами. Именно с ней сопрягается деятельность всех остальных подсистем. Задачи подсистемы обращения с отходами заключаются в минимизации образования отходов, в том числе путем внедрения наилучших доступных технологий, вовлечение отходов в хозяйственный оборот путем восстановления их потребительских свойств или использования в качестве вторичного сырья, обеспечения максимальной безопасности при вынужденном хранении и захоронении. Поэтому сфера обращения с отходами характеризуется, как экологической, так и социально-экономической значимостью.

Начиная с 2005 г., основная нагрузка за организацию обращения с отходами была возложена на органы местного самоуправления. Последние десять лет показали, что поставленная перед ними задача оказалась невыполнимой, как по причине недостатка ресурсов, так и в связи с масштабом решаемых проблем. Это явилось причиной внесения изменений в действующее законодательство, направленных на перераспределение полномочий в области регулирования обращения с отходами.

Статьей 6 Федерального закона «Об отходах производства и потребления» (в ред. от 29.12.2014) субъектам Российской Федерации с 1 января 2016 г. будет предоставлено право разработки и утверждения

территориальных схем в области обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами. Создание территориальной схемы должно осуществляться в целях организации и реализации деятельности по сбору, транспортировке, обработке, утилизации, обезвреживанию, захоронению отходов на территории субъекта РФ.

Согласно статье 13.3 Федерального закона «Об отходах производства и потребления» территориальная схема обращения с отходами разрабатывается в соответствии с документами территориального планирования и должна включать информационный массив данных об обращении с отходами на территории, в том числе данные о нахождении мест сбора и накопления отходов на территории субъекта Российской Федерации и данные о месте нахождения объектов по обработке, утилизации, обезвреживанию, захоронению отходов, в том числе твердых коммунальных отходов.

Градостроительным кодексом документы территориального планирования подразделяются на документы территориального планирования Российской Федерации, документы территориального планирования субъектов Российской Федерации, документы территориального планирования муниципальных образований. Территориальное планирование направлено на определение функционального назначения территорий исходя из совокупности социальных, экономических, экологических и иных факторов в целях обеспечения устойчивого развития территорий, совершенствования инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры, реализации интересов граждан и их объединений. Документами территориального планирования субъектов Российской Федерации являются схемы территориального планирования субъектов Российской Федерации. Согласно Градостроительному кодексу подготовка документов территориального планирования осуществляется на основании:

- стратегий (программ) развития отдельных отраслей экономики;
- приоритетных национальных проектов;
- межгосударственных программ, программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, планов и программ комплексного социально-экономического развития муниципальных образований, реализуемых за счет бюджетов всех уровней, предусматривающих создание объектов федерального значения, объектов регионального значения, объектов местного значения;
- инвестиционных программ субъектов естественных монополий, организаций коммунального комплекса;

– сведений, содержащихся в федеральной государственной информационной системе территориального планирования.

Применительно к сфере обращения с отходами к программам, которыми может быть предусмотрено создание объектов в области обращения с отходами, следует относить не только специальные программы в области обращения с отходами, разрабатываемые государственными и муниципальными органами власти, но и программы социально-экономического развития территорий, направленные на реализацию стратегий социально-экономического развития, программы в области охраны окружающей среды, программы развития коммунальной инфраструктуры и т. д.

Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» существенно расширяет перечень документов федерального уровня, материалы которых необходимо учитывать в схеме территориального планирования субъекта. При разработке документов территориального планирования, предусмотренных Градостроительным кодексом (по всем предметам ведения) должна учитываться стратегия пространственного развития Российской Федерации (статья 20), стратегия социально-экономического развития макрорегионов (статья 21), отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации (статья 38). Законом вводится еще один уровень стратегических плановых документов – макрорегиональный – территория двух и более субъектов федерации.

Наряду с этими положениями в Законе «О стратегическом планировании...» указывается, что вопросы состояния окружающей среды и природных ресурсов обязательны к учету в материалах стратегического планирования, разрабатываемых в рамках прогнозирования, - прогнозах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации на долгосрочный и среднесрочный период (статьи 24, 26, 33). Эти стратегические документы разрабатываются либо на среднесрочную (от трех до шести лет), либо на долгосрочную (более шести лет, как правило, двенадцать) перспективу.

Согласно Градостроительному кодексу схемы территориального планирования субъектов Российской Федерации содержат положения о территориальном планировании и карты планируемого размещения объектов регионального значения, относящихся к полномочиям субъектов Российской Федерации. В схемах территориального планирования субъектов Российской Федерации, указываются сведения:

– о видах, назначении и наименованиях планируемых для размещения объектов регионального значения;

- их основные характеристики;
- их местоположение (указываются наименования муниципального района, поселения, городского округа, населенного пункта);
- характеристики зон с особыми условиями использования территорий в случае, если установление таких зон требуется в связи с размещением данных объектов.

На картах отображаются планируемые для размещения объекты регионального значения.

С 01.01.2016 в состав материалов по обоснованию схем территориального планирования субъектов Российской Федерации предусматривается включать сведения об образовании, утилизации, обезвреживании, размещении твердых коммунальных отходов, содержащиеся в территориальных схемах в области обращения с отходами. Соответственно на карты, включаемые в состав материалов по обоснованию схемы территориального планирования субъекта Российской Федерации, с 01.01.2016 предусматривается наносить также объекты, используемые для утилизации, обезвреживания, захоронения твердых коммунальных отходов, включенные в территориальную схему в области обращения с отходами.

Таким образом, объекты, используемые для утилизации, обезвреживания, захоронения твердых коммунальных отходов, включенные в территориальную схему в области обращения с отходами, Градостроительным кодексом определяются как объекты регионального значения.

Документами территориального планирования муниципальных образований являются: 1) схемы территориального планирования муниципальных районов; 2) генеральные планы поселений; 3) генеральные планы городских округов.

Схема территориального планирования муниципального района содержит: 1) положение о территориальном планировании; 2) карту планируемого размещения объектов местного значения муниципального района; 3) карту границ населенных пунктов (в том числе границ образуемых населенных пунктов), расположенных на межселенных территориях; 4) карту функциональных зон, установленных на межселенных территориях, в случае, если на межселенных территориях планируется размещение объектов федерального значения, объектов регионального значения, объектов местного значения (за исключением линейных объектов).

На карте планируемого размещения объектов местного значения муниципального района отображаются объекты местного значения

муниципального района, относящиеся, в том числе, к обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению твердых коммунальных отходов. Генеральный план городского округа или поселения содержит: 1) положение о территориальном планировании; 2) карту планируемого размещения объектов местного значения поселения или городского округа; 3) карту границ населенных пунктов (в том числе границ образуемых населенных пунктов), входящих в состав поселения или городского округа; 4) карту функциональных зон поселения или городского округа. На карте планируемого размещения объектов местного значения поселения или городского округа отображаются объекты местного значения, относящиеся, в том числе, к обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению твердых коммунальных отходов.

Все документы территориального планирования должны содержать информацию о планируемых и существующих объектах обработки, утилизации, обезвреживания, размещения твердых коммунальных отходов и не предусматривают отображение объектов обработки, утилизации, обезвреживания, размещения прочих групп и видов отходов.

С 2014 г. в России Федеральным законом от 27 мая 2014 г. № 136–ФЗ кроме муниципальных районов и городских округов введены еще два вида муниципальных образований: 1) городской округ с внутригородским делением - городской округ, в котором в соответствии с законом субъекта Российской Федерации образованы внутригородские районы как внутригородские муниципальные образования; 2) внутригородской район – внутригородское муниципальное образование на части территории городского округа с внутригородским делением, в границах которой местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления.

Происшедшие изменения в административно-территориальном делении дают основания рассмотреть необходимость соответствующих дополнений в нормативном обеспечении территориального планирования. Планирование расположения объектов утилизации, обезвреживания, размещения отходов должно производиться с учетом градостроительного зонирования территории. При градостроительном зонировании территории могут выделяться жилые, общественно-деловые, производственные зоны, зоны инженерной и транспортной инфраструктур, зоны сельскохозяйственного использования, зоны рекреационного назначения, зоны особо охраняемых территорий, зоны специального назначения, зоны размещения военных объектов и иные виды территориальных зон. Анализ состава указанных зон показал, что объекты обработки, утилизации, обезвреживания, отходов могут рас-

полагаться только в производственных зонах, а объекты размещения отходов могут входить только в состав зон специального назначения.

Таким образом, документами территориального планирования на основе стратегии социально-экономического развития страны, макрорегиона и региона задаются условия размещения объектов обработки, утилизации, обезвреживания, размещения отходов, в том числе твердых коммунальных, территориальными схемами определяется местоположение конкретных объектов для конкретных групп отходов, программными документами устанавливаются сроки создания этих объектов, условия и источники финансирования их строительства. Проведенный анализ показывает, что развитие инфраструктуры в области обращения с отходами является важной частью социально-экономической и экологической деятельности администрации, должно осуществляться в неразрывной связи со стратегическим и территориальным планированием, интересами населения, разработкой соответствующих планов и программ. Особенностью современного этапа является необходимость учитывать не только современное состояние территории, но и перспективы ее средне- и долгосрочного развития.

**TERRITORIAL SCHEMES OF WASTE MANAGEMENT IN STRATEGIC AND
TERRITORIAL PLANNING
OF TERRITORIAL ENTITIES OF THE RF**

A.Z. Oshchepkova¹, V.A. Stolbov²

¹UraRI «Ecology»

Russia, 614039, Perm, Komsomosky Av., 61a; e-mail: anna-z@ecology.perm.ru

²Perm State University

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15; e-mail: Stolbov210857@mail.ru

The authors view modern strategic and territorial planning strategic and territorial planning: structure, composition, consistent and interrelation.

Key words: strategic and territorial planning; planning documents of territorial entities of the RF; territorial schemes of waste management.

**СРЕДНЕСРОЧНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ МЕСТНОГО
НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДЛЯ СБАЛАНСИРОВАННОГО
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

Ю.В. Петров

Тюменский государственный университет

625002, Тюмень, ул. Семакова, 10; e-mail: petrov19811201@mail.ru

В сообщении рассматривается роль местного налогообложения в процессе планирования сбалансированного территориального развития на среднесрочную перспективу. Выделены подходы в географическом учете особенностей местного налогообложения.

Ключевые слова: местные налоги, рейтинги муниципальных образований.

В современных геополитических реалиях наиболее отчетливо стали проявляться контуры новой экономической политики, направленной на проведение диверсификации экономики. Собственно, о самой диверсификации и отказа от «тюменской нефтяной иглы» разговоры внутри отечественного истеблишмента ведутся с момента «перестройки», однако, до их материализации всегда было мучительно далеко, да, и в условиях соблюдения правил Всемирной торговой организации (ВТО) завоевывать новые позиции в структуре международного географического разделения труда невозможно. Сегодня, благодаря внешнеполитическим факторам, появилась возможность ввода продуктового эмбарго, с одной стороны, были введены ограничения со стороны западных партнеров поставок высокотехнологичного оборудования, прежде всего, двойного назначения, с другой. И если текущую конъюнктуру полноценно использовать для достижения стратегических государственных задач, то открываются перспективы для сбалансированного поступательного социально-экономического развития. А далее, «лишь бы не было войны»...

На сегодняшнем этапе уже можно констатировать, что экономика, в целом, не «разорвана» в клочья, а политика финансово-экономического блока Правительства просматривается на ближайший бюджетный период, что позволяет говорить о целесообразности средне- и долгосрочного планирования. Но главным итогом эффективной работы Правительства РФ можно считать укрепление инвестиционной привлекательности экономики, формирование инвестиционного климата, благоприятного для потенциального инвестора, интересы которого не ограничиваются лишь сырьевыми направлениями. И в этом

случае очевидна необходимость комплексного подхода в синхронизированной работе всеми участниками «вертикали»: от федерального центра до городского и сельского поселения. В современных административно-управленческих границах муниципальные образования можно рассматривать как самостоятельные территориальные общественные системы (ТОС), с наличием отдельных исключений. В нашем случае, под ТОС рассматриваем дефиницию М.Д. Шарыгина [2]. В границах муниципального образования территориальная общность людей находится в одной плоскости юрисдикции, в единых демократических условиях, культурно-просветительском пространстве. Исключение, которое выделено нами в границах сложноустроенного субъекта – Тюменской области: наличие территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера (ТТП КМНС) в границах муниципальных районов со своими укладами управления, иногда присутствующими на уровне квазинатуральной экономики. Социально-экономическая самодостаточность ТОС предопределяет основные характеристики инвестиционного климата, а также возможности страхования инвестиционных рисков, которые тем ниже, чем выше транспарентность заданных векторов территориального развития. Наиболее значимым инструментом достижения поставленных целей выступает нормирование в области налогообложения, так как именно органичное сочетание направлений налогообложения, направлений использования полученных налогов и однозначное понимание налогооблагаемой базы, приоритетов ее вовлечения в социально-экономическую деятельность позволяют производить стратегическое территориальное планирование.

Выделенные задачи, при благоприятном сочетании, выступают в качестве взаимных катализаторов. Но, в целом, считаем, что дифференциация необходима с позиций определения приоритетов. Не всегда максимальное достижение результатов в области привлечения инвестиций в экономику конкретной территориальной общественной системы можно расценивать в качестве позитивного примера для социального благополучия. Дисбаланс регионального развития нередко приводит к противоречивым движениям: когда на одной территории чувствуется острая нехватка инвестиций, а на другой – их значительный объем провоцирует рост инфляции. Соответственно, сбалансированное территориальное развитие целесообразно рассматривать как результат управленческой деятельности, то есть, как цикличная последовательность следующих стадий: планирование, мотивация, организация и контроль [1]. Для проведения территориальной дифференциации налогообложения на сегодняшний день существует доступная база

данных Федеральной налоговой службы [4], Росстата [5]. В качестве объекта исследования зададим муниципалитеты Тюменской области. Если в целом рассматривать Тюменскую область, то за период между двумя последними переписями численность населения увеличилась примерно на 1%. В пределах аналогичного значения произошло увеличение рассматриваемого показателя только в одном муниципалитете – нефтедобывающем Уватском районе. Следовательно, по остальным муниципалитетам сложились территориальные диспропорции. В целом, текущую ситуацию на данных анализа результатов двух переписей можно охарактеризовать следующим образом: более половины населения стало проживать в двух муниципалитетах – региональном центре и «столичном» муниципальном районе, в это же время в 15 (2/3 от общего числа муниципальных образований) муниципалитетах население снизилось на существующую численность Гольшмановского района. Дифференциация населения позволяет выделить приоритеты муниципального налогообложения: стимулирование на уровне муниципального и регионального налогообложения районов, в которых происходит существенное сокращение численности населения и, напротив, увеличение налогового бремени в местах активного демографического роста, в ТОС, где изменение численности населения коррелирует с региональными тенденциями, сохранить существующую схему налогообложения. Для более корректного заключения необходимо учесть и другие элементы демографической характеристики: роль естественного и механического прироста населения.

Вес для показателя «миграционный прирост» принимаем равным 2/3, «естественный прирост» – 1/3, на основе расчета по формуле $i_1 = n_{\max} / \text{алгебр. прогн}^n$; $i_2 = n_{\max} - 1 / \text{алгебр. прогн}^n$ [3], где n – количество участвующих показателей. Полученные значения весов используем при получении интегрального значения $I = \sum i^* (x_{\text{тек}} - x_{\text{мин}}) / (x_{\text{макс}} - x_{\text{мин}})$. Для учета кратковременной динамики, которая прослеживается после проведения переписи населения 2010 г., находим среднее значение по интегральному рейтинговому значению за 3 года (табл. 1). Полученные результаты позволяют оперативно произвести следующие заключения: местную политику налогообложения внутри Тюменской области целесообразно адаптировать к существующим демографическим процессам с учетом мониторинга регулярных изменений. На наш взгляд, целесообразно следующее направление в части муниципальных налогов (земельный и налог на имущество физических лиц): в районах, в которых интегральное рейтинговое значение превышает за трехлетний период 0,75, установить максимальное значение ставок, предусмотренных отечественным налоговым законодательством, а в тех, в которых

значение ниже 0,25 – установить минимальную ставку. Ставки в муниципалитетах II и III групп пропорционально увеличивать относительно превышения порога 0,25.

Таблица 1

**Оценка интегрального рейтингового значения (ИРЗ)
по муниципальным образованиям в 2010-2012 гг.**

Муниципальное образование	Естественный прирост, чел			Механический прирост			ИРЗ
	2010	2011	2012	2010	2011	2012	
Абатский	-71	-42	-48	-175	-1084	-608	0,0741
Армизонский	-5	21	17	-35	-300	-162	0,3440
Аромашевский	-6	-43	-17	-128	-293	-239	0,2004
Бердюжский	-13	0	-10	-109	-245	-179	0,2635
Вагайский	21	62	12	-72	-691	-449	0,3394
Викуловский	-10	-7	36	-105	-345	-136	0,3495
Гольшмановский	21	53	40	-122	-384	-199	0,4143
Исетский	70	84	125	18	-316	-210	0,5280
Ишимский	-32	2	19	-180	-198	-95	0,3921
Казанский	38	5	44	-31	-237	-155	0,4480
Нижнетавдинский	2	136	92	128	-48	217	0,6440
Омутинский	-71	6	-9	20	-240	-165	0,3768
Сладковский	-38	-36	-21	-159	-306	-270	0,1420
Сорокинский	23	14	30	-37	-244	-102	0,4143
Тобольский	17	43	47	-208	-475	-242	0,3532
Тюменский	557	659	773	304	1044	1116	0,7717
Уватский	109	94	110	44	-138	-120	0,6154
Упоровский	82	53	60	7	-207	-109	0,5261
Юргинский	-63	-57	-26	-32	-220	-166	0,2333
Ялуторовский	31	46	40	-40	-4	-142	0,4953
Ярковский	-38	15	15	-60	-487	-106	0,3758
Тюмень	3151	3785	4688	8997	20976	19736	0,9921
Тобольск	274	233	421	-654	-1657	-596	0,4523
Ишим	-64	53	99	37	-400	-85	0,4675
Ялуторовск	-53	-24	-60	399	483	524	0,5953
Заводоуковский	55	45	97	-68	-748	-266	0,4414

На сегодняшний день действующее федеральное законодательство определило пороги ставки по земельному налогу: от 0,3 до 1,5% [4]. В упрощенном виде можно все виды налогооблагаемой базы 2014 г. разделить на 2 группы: «льготные категории земель» и «прочие» (табл. 2). Исходя из ранее произведенных расчетов, можно привести пропорциональные налоговые ставки для муниципалитетов.

Таблица 2

Моделирование земельного налогообложения по отдельным муниципальным образованиям (по состоянию на 2014 г.)

МО	Льготные категории, %	Прочие, %	Поступления в 2012 г., тыс. руб.		Предложение, % (льготная категория/прочие)
			ЮЛ	ФЛ	
Тюмень	0,05	0,75	-	-	0,3/1,5
Ялуторовск	0,001	0,85	16 081	4 243	0,179/0,893
Уватский	0,3	1,5	630	383	0,185/0,923
Тобольск	0,05	1,5	108 076	6 605	0,136/0,678
Ишим	0,07	0,56	20 610	8 996	0,14/0,701
Тобольский	0,3	1,5	1 008	1 288	0,106/0,53
Вагайский	0,3	1,5	302	629	0,102/0,509
Заводоуковский	0,1	1,5	7 967	3 942	0,132/0,662
Сладковский	0,3	1,5	325	907	0,043/0,213

Аналогичным образом можно произвести разработку модели под налогообложение по имуществу физических лиц. Таким образом, проведенные нами расчеты позволяют создать модель дифференциального налогообложения на местном уровне в пределах региональных задач социально-экономического развития. С учетом корректировки приоритетов в области принятия управленческих решений данную модель можно уточнять под планируемые результаты. В этом случае налогообложение помимо фискальной функции становится инструментом выстраивания долгосрочных экономических взаимоотношений с налогоплательщиками для достижения целей сбалансированного социально-экономического развития на среднесрочную перспективу.

Библиографический список

1. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 2002. 704 с.
2. Шарыгин М.Д. Основные проблемы экономической и социальной географии. Пермь: Изд-во ПГУ, 1997. 272 с.
3. Экономическая статистика. Под ред. Ю.Н. Иванова. М.: Инфра-М, 1999. 480 с.
4. Официальный сайт Федеральной налоговой службы URL: <http://www.nalog.ru>. (дата обращения 11.07.2015).
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики URL: <http://www.gks.ru>. (дата обращения 11.07.2015).

MEDIUM-TERM PLANNING OF LOCAL TAXATION FOR BALANCED TERRITORIAL DEVELOPMENT

J.V. Petrov

Tyumen State University

Russia, 625002, Tyumen, Semakova Str., 10; e-mail: petrov19811201@mail.ru

The report describes the role of local taxation in the planning of balanced territorial development in the medium term. Selected approaches in geographical account of the peculiarities of local taxation.

Key words: local taxes, the ratings of municipalities.

УДК 314.74

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНАХ МИРА

И.Г. Плачинта

Башкирский государственный университет

e-mail: plachinta-ivan@mail.ru

Научный руководитель: д.г.н., профессор Р.Г. Сафиуллин

В сообщении приводится обзор зарубежных работ по исследованию проблем миграции. Указываются проблемы исследований миграций, которые охватывают большую часть макрорегионов. Отдельное внимание уделяется Европейскому региону, так как является одним из главных центров притяжения рабочей силы.

Ключевые слова: международная миграция, социально-экономическая напряженность.

Миграция является социально-экономическим явлением современного развития мирового хозяйства, встречаясь в понятиях «миграция капитала», «миграция рабочей силы». Взгляды на миграцию имеют различную траекторию, что связано с социальным аспектом этого явления. В работах ученых из стран СНГ миграция, как правило, рассматривается как экономическое явление. Но зарубежные ученые имеют большую «гибкость» в исследовании, и поэтому рассматривают миграцию с позиции не только экономики и экономической географии, но с позиции психологии, здравоохранения, социологии и даже педагогики. Обзор был сделан на основе статей и монографий, имеющих в базе цитирования Scopus и поисковой системе Google Scholar.

Работа по теме миграции имеют широкое распространение и их основой служат обычно отчеты ООН о развитии народонаселения, хотя отдельные ученые пытаются внести свои подсчеты. Современные

оценки численности мигрантов разнятся и достигают 200 млн [2, с.150], которые проживают или родились в иностранных государствах. По оценкам ООН динамика численности мигрантов увеличилась с 155 млн в 1990 г. до 214 млн чел. в 2010 г. [1], в 2013 г. данный показатель стал равняться 232 млн [10]. Если рассматривать по отдельным направлениям, то выходит, что на направление Север-Север из 214 млн мигрантов приходится 53,5 млн, на Север-Юг – 13,3 млн мигрантов, на Юг-Север – 74,3 млн, на Юг-Юг – 73,2 млн. Рассматривая данные показателя, нельзя не обратить внимание на феноменальные явления – как масштабные внутрирегиональные потоки, которые формируются в рамках одной страны, и не регистрируются в показателях международной миграции. При 214 млн международных мигрантов достаточно колоритно смотрятся 80 млн внутренних мигрантов Китая, чье передвижение связано не только с трудовой деятельностью, но и рекреационной (особенно в период восточного нового года).

Численность мигрантов ныне составляет 3% от численности всего населения. Величина потоков мигрантов варьирует от 2% роста в период 1970 и 1980 гг. до 4,3% с 1980 по 1990 гг. и до 1,3% с 1999 по 2000 гг. Наибольшее число эмигрантов выезжает теперь из стран со средними доходами, в первых рядах которых Бангладеш, Китай, Египет, Индия, Мексика, Марокко, Пакистан, Филиппины и Турция. Однако в списке стран-лидеров по численности эмигрантов на 2000 г. зафиксированы Великобритания, Италия, Германия [2, с. 150–151]. В первом случае предположительно лидерство связано с миграцией неквалифицированной рабочей силы.

Картина международной миграции претерпевала изменения на протяжении последних 50 лет. Направления миграции, согласно докладу МВФ, смещаются с вектора Юг-Север на Юг-Юг. При том, что наряду с главными принимающими странами – США, ФРГ, Франция, являющиеся членами Организации экономического сотрудничества (ОЭСР), в список стран данной категории входят Кот-Д'Ивуар, Индия, Иран, Иордания, Пакистан. Но не смотря на это страны Севера по-прежнему являются лидерами по приему иммигрантов (около 37% на 2000г.). Еще 16% миграционных потоков проходит внутри развитых стран, и только 24% приходится на миграционные потоки внутри стран Юга. Среди развивающихся стран в векторе Юг-Юг в качестве стран назначения лидируют Аргентина, Китай, Кот-Д'Ивуар, Индия, Иран, Иордания и страны Южной Африки [2, С.152].

Миграция рабочей силы имеет место между странами, имеющими общую сухопутную границу, что можно наблюдать на примере Лихтенштейна [6]. В то время как 30% иммигрантов направляются в США, 20% во Францию и 10% в Германию из соседних стран, аналогичная картина фиксируется в развивающихся странах: 81% иммигрантов в Кот-Д'Ивуар, 99% в Иран и 93% в Индию также направляются из соседних стран.

Трансграничная миграция внутри субрегиональных образований соседствующих стран имеет четкую направленность в те страны, которые служат своеобразным локомотивом экономического роста в развивающихся регионах. В данном случае примерами могут служить Кот-Д'Ивуар в Западной Африке, Таиланд для стран Большого Меконга (Юго-Восточная Азия), Аргентина для Боливии, Чили, Парагвая и Перу.

В следующей половине статьи рассмотрим отдельные зарубежные работы, не заостряя внимание на проблемы миграции регионов в целом. Начнем с исследований S.G. Araujo и T. González-Fernández, которые изучали явление латиноамериканской миграции в Европу на примере Испании. Согласно приведенным данным Испания стала основным местом иммиграции для граждан Латинской Америки уже в начале 21 в., что объясняется финансовым кризисом в регионе (только в Аргентине с 2000 г. прошло 2 дефолта), обнищанием населения в данных странах, ухудшение условий труда. Все это вылилось в растущую миграцию. Интересен факт, что в данной миграции существует ориентирование на женский труд, что связано с преобладанием непродовольственного сектора в экономике Испании. В отличие от современных трендов миграции латиноамериканская миграция приводит к повышению роли женщины, за которой следует ее семья. Рассматривая численные значения миграции, приводят на 2013 г. 5,5 млн мигрантов, что составляет 11,7%. В разрезе регионов 21,1% всех мигрантов приходится на страны Латинской Америки, при этом 61,5% из их числа это женщины [10].

В странах Прибалтики, согласно исследованию d'Artic Kancs, отмечался первоначальный отток населения, в первую очередь русскоязычного, который в дальнейшем сменился миграцией в более развитые страны ЕС. При этом выражен географический аспект миграции. Так граждане Эстонии направляются в Финляндию и ФРГ, для граждан Латвии и Литвы – Израиль, США, ФРГ. Собственно говоря, ФРГ является одним из ведущих центров миграции в регионе. Потоки

мигрантов с 2004 г. резко менялись – в связи с некоторым улучшением экономической обстановки в странах Прибалтики, наступление экономических мировых кризисов. В географии миграции страны на данный момент немного изменились – в ряде случаев, местом назначения для трудовых мигрантов стала Великобритания и Ирландия.[5] В Польше миграция претерпевала несколько периодов в развитии. Начальный этап, его можно назвать классическим, когда поляки работали в агро-секторе соседних стран, в частности ФРГ. Тогда миграция стала одним из средств к поступлению средств в страну. Сейчас миграция затрагивает квалифицированные кадры, с чем связана проблема «национальной утечки умов» [7].

В Европе достаточно часто можно заметить внутреннюю проблему по притоку мигрантов из Турции, особенно это характерно для ФРГ. По данной теме рассмотрим исследование G. Oguz. В своей работе им ставится тезис о том, что экономика ЕС, имея низкую безработицу, нуждается в квалифицированных кадрах из Зарубежья, в качестве которых могут выступать граждане Турции. В подтверждении данного тезиса указывается, что экономические соглашения ФРГ и Турции 1961 г. и аналогичные договора с Австрией, Нидерландами, Бельгией и другими странами Западной Европы привели к массовым трудовым миграциям.

В одной только Германии, приток мигрантов за 1961–75 гг. составлял максимум 100–110 тыс. чел. в год. И только с 1973 г. во всех западных странах данные показатели резко упали до 10 000 чел. в год в связи с экономической рецессией и повышением цен на нефть. На том этапе фиксировались противоположные силы в миграции – с одной стороны, отток квалифицированных кадров («заказ Европы»), с другой стороны – сопротивление официальных властей Турции «утечки умов». На данном этапе (2000-е гг.) потоки мигрантов из Турции намного сократились, но и они сводятся к приезду низкоквалифицированных кадров для работы в сфере строительства, сельского хозяйства и даже здравоохранения [8].

Среди работ, связанных с другими регионами Мира, отметим исследование, проведенное Scott T. Yabiku, Victor Agadjanian, Voaventura Cau. Их работа была посвящена изучению трудовой миграции жителей Мозамбика и влияние ее на семью. В ходе исследования они отметили, что мужская миграция, особенно международная, может действительно поддержать развитие семьи в стране через финансовые поступления. К тому же проведенные ими наблюдения в

Белизе, Камеруне, Анголе и других странах показывают, что дети, перемещающиеся вместе с родителями постоянно испытывают негативные социальные явления, начиная от простого стресса. Они также сравнивали развитие детей, живущих по месту рождения в селе и переехавших в город в раннем возрасте. Эти наблюдения показали, что детская смертность меньше в первом случае. Поэтому мужская миграция в этом отношении полезна для семьи, проживающей в Мозамбике. Негативной стороной миграции является некоторая отрешенность мужчины от развития самой семьи, воспитания [11]. Для экономики слаборазвитых стран, таких как Мозамбик, миграция порой является одной из важных статей доходов.

Другое исследование, проведенное Basant Kumar Potnuru и Vishishta Sam, направлено на изучение взаимоотношений между Индией и ЕС в сфере миграционных процессов [9]. В ходе изучения потоков миграции граждан Индии было выявлено, что с 1960-х гг. многократно менялись географические векторы перемещения. В миграции граждан Индии можно даже выделить несколько этапов – британский, канадский и американский. Выделенные этапы указывают на приоритетное направление мигрантов. На 2012 г. в США уехало 66 тыс. граждан Индии. Когда в Великобританию вдвое меньше. Аналогичные показатели можно встретить в отношении Австралии и Канады. Следует отметить, что иммиграция из Индии связана в основном с квалифицированными кадрами, не смотря на то, что в стране немалая часть населения живет за чертой бедности.

Исследования Центральной Азии проводились не только российскими демографами, но и индийскими. К примеру данные из исследования Aijaz A. Bandy, F. Ahmad Rather. Ими проводились наблюдения с 1990 по 2003 г. над этническими миграциями. Они указывают на 10 млн мигрантов (из них 60% – русские), которые покинули страны Центральной Азии. В качестве причин были выделены следующие факторы: неблагоприятные политические условия и гражданская война (Таджикистан), неэффективные реформы и обнищание сельских жителей (Кыргызстан). Но основной причиной был сам распад СССР. В каждой стране выявлены собственные особенности миграции. Так из Таджикистана уехала большая часть всех некоренных народов. Из Узбекистана фиксировалась увеличенная доля мигрантов среди славянских (украинцы, белорусы) и романских народов. Самая малая диаспора русских, согласно приведенным данным, остается в Туркменистане (менее 2% населения), но это связано с тем, что изна-

чально их доля не превышала 10% на 1989 г. В целом, авторы исследования указывают, что катализаторами миграции некоренных народов, в частности русских, стало разрушение экономической базы стран Центральной Азии, националистические и религиозные движения, «выдавливание» из государственных аппаратов, и относительно благоприятные условия проживания в России, Украине, Беларуси, ФРГ, странах Восточной Европы [4].

В заключении к данному пункту работы приведем исследование по вопросу миграции Австралии, проведенное А. Levatino. В Австралии приоритетным является привлечением квалифицированных кадров из других стран. При этом борьба с миграцией неквалифицированных трудовых ресурсов проводится достаточно жестко. Австралия проводит образовательную политику, принимая до 1 млн иностранных студентов из Китая, Индии, ЮАР, стран Северной Америки и Европы [3]. Таким образом, в Австралии создают условия для перекачивания квалифицированных кадров для развития своей экономики.

Обобщая вышесказанное, отметим следующую тенденцию – к сожалению, было найдено больше исследований, связанных с миграцией квалифицированных кадров. Хотя наибольшую актуальность имеют социальные проблемы, связанные с нелегальной миграцией, или миграцией людей, имеющих противоположные отличительные социально-культурные черты.

Библиографический список

1. *Новый* взгляд на экономическую географию. Доклад о мировом развитии ВБ/ пер. на рус.: Журавлева Е.А., и др. М.: «Весь Мир», 2009 г. -384 с.
2. *Международная* миграция и развития. Доклад Генерального секретаря, 67 сессия Генеральной Ассамблеи ООН. 3.08.2012 г. - 26 с.
3. *Antonina Levatino*. Transnational higher education and skilled migration: Evidence from Australia//International Journal of Educational Development 40 (2015) - P. 106–116
4. *Bandey Aijaz A., Rather Farooq Ahmad*. Socio-economic and political motivations of Russian out-migration from Central Asia// Journal of Eurasian Studies 4 (2013) - P. 146–153
5. *Kanacs D'Artis*. The economic geography of labour migration: Competition, competitiveness and development//Applied Geography 31 (2011) - P. 191-200
6. *Marxer. W*. Migration - fakten und analysen zu Liechtenstein. September 2012. Bendner: Lichtenstein-Institut, 2012 - S. 8 -35

7. *Oded Stark*. The dynamics of international migration: Introduction//International Review of Economics and Finance 28 (2013) - P.1–2

8. *Oguz Gönül*. The Impact of Turkish Labour Migration on the Human Resources in the European Union//Procedia Social and Behavioral Sciences, 24 (2011) - P. 696–715

9. *Potnuru Basant Kumar, Sam Vishishta*. India - EU engagement and international migration: Historical perspectives, future challenges, and policy imperatives//IIMB Management Review (2015) XX ,P. 1-9

10. *Sandra Gil Araujo, Tania González-Fernández*. International migration, public policies and domestic work Latin American migrant women in the Spanish domestic work sector//Women's Studies International Forum, 46 (2014) - P. 13–23

11. *Yabiku Scott T., Agadjanian Victor, Boaventura Cau*. Labor migration and child mortality in Mozambique//Social Science & Medicine 75 (2012). P. 2530-2538

MODERN RESEARCHES OF MIGRATORY PROCESSES IN REGIONS OF THE WORLD

I.G. Plachinta

Bashkir State University

e-mail: plachinta-ivan@mail.ru

The review of foreign works on research of problems of migration is provided in the message. Problems of researches of migrations which cover the most part of macroregions are specified. The separate attention is paid to the European region as is one of the main centers of gravity of labor.

Key words: international migration, social and economic intensity.

УДК 327.5

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Н.Е. Поляков

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15;

e-mail: nikcolss@yandex.ru

Научный руководитель: д.г.н., профессор Шарыгин М.Д.

В сообщении рассматриваются различные подходы к определению и классификации территориальных конфликтов. Приводится вариант типологии территориальных конфликтов на современной политической карте мира

© Поляков Н.Е., 2015

Ключевые слова: международный конфликт, территориальный спор, классификация и типология конфликтов, урегулирование конфликтов

Стабильность развития мирового сообщества подрывается чередой международных конфликтов, значительное число которых относится к категории территориальных. Современная практика урегулирования территориальных конфликтов, с одной стороны, характеризуется значительным положительным опытом, с другой стороны, в ряде случаев противоречит нормам международного права, основным нарушением которого выступает применение силы.

Статьи главы VI Устава Организации Объединённых Наций [6] межгосударственные конфликты подразделяют на «споры» и «ситуации». Под ситуацией понимается такое состояние межгосударственных отношений, которое в своём дальнейшем развитии может превратиться в международный конфликт, угрожающий миру и безопасности. Международный спор представляет собой столкновение интересов двух или нескольких государств, выразившийся в предъявлении взаимных или односторонних претензий.

А.К. Штанько [7] указывает, что международные конфликты в зависимости от причин могут быть территориальными, экономическими, этническими, религиозными и т. д. В специальной литературе территориальные конфликты подразделяются на территориальные споры, территориальные претензии и пограничные конфликты [1].

Л.П. Кураков [2] определяет территориальный спор как международный спор между государствами по поводу юридической принадлежности определенной территории. В территориальном споре каждая сторона обычно утверждает, что определенная территория юридически принадлежит именно ей, поскольку она осуществляла или осуществляет свою власть над этой территорией и ничто не является достаточным доказательством обратного. Свидетельством такой власти является, как правило, осуществление государственных функций.

Наиболее универсальной и соответствующей международному праву следует признать структуру спора, предложенную Б.М. Клименко [1], согласно которой территориальный спор характеризуется тремя элементами в совокупности: субъектами-государствами, наличием оспариваемой границы или территории и четко определенным совпадением объекта и предмета спора. Именно объект и предмет спора позволяют отделить территориальные споры от споров, связанных с решением вопросов территориального характера, но не имеющих це-

лю установление территориального суверенитета над определенной территорией или осуществления ее делимитации.

Иначе обстоит дело с односторонними территориальными претензиями. Государство, которое, предъявляет претензию на определенную часть территории другого государства, не оспаривает суверенитета этого последнего над этой определенной территорией, то есть не сомневается в юридической принадлежности этой территории данному государству, но считает, по каким-либо основаниям, справедливым или несправедливым, что эта территория должна принадлежать ему.

От территориального спора следует также отличать пограничный конфликт. Последний состоит в нарушении границы, перестрелке через границу и т.п. Территориальному спору нередко сопутствуют пограничные конфликты и инциденты, но последние сами по себе не означают наличия территориального спора. Пограничные инциденты обычно разрешаются пограничными комиссарами [1].

Для разрешения международных споров большое значение имеет их разделение на политические и юридические. Целесообразность и правомерность данной классификации дискуссионна. А.М. Ладыженский и И.П. Блищенко [3] считают нецелесообразным делить межгосударственные споры на чисто правовые, которые подлежат решению арбитражей и судов, и политические, которые могут быть урегулированы дипломатическим путем, и делают при этом вывод, что все споры между государствами носят как правовой, так и политический характер.

Д.Б. Левин [4], соглашаясь с двойственной природой международного спора, отмечает преобладание в конкретных спорах либо юридических, либо политических моментов, доказывая при этом, что нередко стороны в зависимости от этого избирают и средства мирного разрешения споров.

Широко распространена классификация по числу участников спора. Как правило, субъектами территориального спора выступают два государства, впрочем, их число может возрасти, когда на определенную территорию заявляют претензии несколько государств, в частности, если спорная территория расположена на стыке трех или четырех границ.

В рамках критерия времени возникновения спора (времени появления оснований территориальных претензий) выделяются споры, имеющие длительную историю, требующие применения к ним между-

народного права соответствующего исторического периода. Спецификой применяемого права и особенностями разрешения будут обладать споры, вытекающие из существования и разрушения системы колониализма.

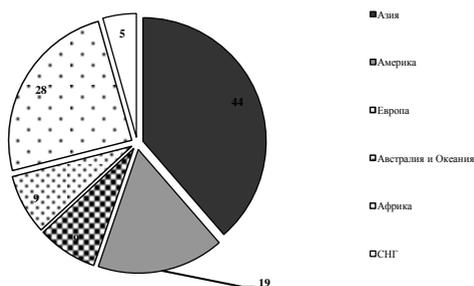
В зависимости от вида объекта спора выделяют споры о принадлежности участков сухопутной и морской территории, а также как особый случай, островов. Отличие в процедуре доказывания будет выражаться, прежде всего, в применении норм различных отраслей права.

Критерий юридического статуса территорий позволяет выделять споры о государственных территориях, территориях со смешанным режимом и даже о территориях с международным режимом.

На современном этапе развития мировой политической системы по разным источникам [5;6] в глобальном масштабе можно выделить 115 неурегулированных территориальных конфликтов.

По данным рисунка можно составить представление о распределении территориальных конфликтов по регионам мира.

Очаги современных территориальных конфликтов, отличаясь по ряду важнейших признаков, имеют схожие черты в своих проявлениях в различных регионах мира. Данное положение позволяет предпринять попытку создания типологии конфликтов на основе ныне существующих классификаций.

Количество территориальных конфликтов по регионам мира

В основу авторской типологии территориальных конфликтов были положены следующие отличительные черты:

- 1) создание конфликтом угрозы миру и безопасности в регионе;
- 2) тип территории, на которую распространяется данный конфликт;

- 3) генезис конфликта;
- 4) доминирующая линия в его решении (юридическая или политическая).

В ходе исследования нами были выделены следующие типы конфликтов:

1. Конфликты в активной военной фазе, создающие постоянную угрозу миру и безопасности в регионе (3 конфликта).
2. «Спящие» военно-политические конфликты (21 конфликт).
3. Конфликты, возникшие как следствие приобретения территории военным путём, но не представляющие угрозы миру и безопасности на данный момент (8 конфликтов).
4. Конфликты за территорию, имеющую неопределённую принадлежность.

Данный тип широко распространён в мире. Он включает в себя 3 подтипа:

- 4.1. Острова и скалы в океане, не имеющие постоянного населения (6 конфликтов).
- 4.2. Ненаселённые и малонаселённые территории на суше (15 конфликтов).
- 4.3. Острова на приграничных реках и озёрах (5 конфликтов).
5. Конфликты, имеющие корни в колониальном прошлом государств.

Данный тип также разбивается на 2 подтипа:

- 5.1. Стратегически важные «осколки» колониальных империй (12 конфликтов).
- 5.2. Нечётко проведённые границы между колониями после предоставления им суверенитета (12 конфликтов).
6. Конфликты, возникшие в результате распада некогда единых государств и нечёткого проведения границ (13 конфликтов).
7. Конфликты за территорию со смешанным режимом.
 - 7.1. Конфликты юридического характера (6 конфликтов).
 - 7.2. Конфликты политического характера (9 конфликтов).
8. Конфликты за территории с международным статусом (1 конфликт).

9. Очаги сепаратизма, тяготеющие к соседнему приграничному государству (4 конфликта).

Из 9 выделенных нами типов конфликтов 2 представляют на сегодняшний день прямую угрозу военного столкновения, 7 прочих типов такой угрозы не представляют. Наиболее опасны «конфликты в

активной военной фазе, создающие постоянную угрозу миру и безопасности в регионе», они требуют наиболее пристального внимания мирового сообщества. Наибольшее количество конфликтов (21) было отнесено нами к категории «спящих военно-политических конфликтов», для которых характерно отсутствие активной военной фазы и очень хрупкие мирные отношения сторон. Значительного уточнения и дополнения в типологии требует категория «очаги сепаратизма, тяготеющие к соседнему приграничному государству», поскольку она смыкается с вопросами о непризнанных, частично признанных и повстанческих государствах, на которых в данном исследовании не концентрировалось внимание.

В разработке рекомендаций мы исходили из того, что урегулирование территориальных конфликтов всех типов должно базироваться на императиве мирного разрешения, с привлечением международных миротворческих сил лишь в исключительных случаях (они допустимы в конфликтах, находящихся в активной военной фазе). Как наиболее гибкое и эффективное средство разрешения конфликта во всех типах должны присутствовать переговоры для уточнения и конкретизации позиций сторон, для определения возможностей достижения компромисса. Средства и механизмы привлечения сторон к переговорам различны в каждом из выделяемых типов. В случае доминирования юридической линии разрешения рекомендуются различные формы судебного урегулирования.

Наиболее опасными для мирного развития, как на глобальном, так и региональном уровне оказываются выделяемые нами конфликты 1 и 2 типов – это конфликты, находящиеся в активной военной фазе и «спящие» военно-политические конфликты. Для данных категорий существенное значение в урегулировании занимает вмешательство международных и региональных организаций, которые призваны не допустить развития отношений сторон конфликта по военному сценарию, обеспечить, в т.ч. силовыми средствами, возможности для переговорного процесса.

Конфликты с 3 по 7 и 9 типов отличаются сравнительно меньшим накалом международной напряжённости, поэтому их разрешение должно быть преимущественно сосредоточено на межгосударственном уровне с привлечением крупных региональных держав в ранге посредников в наиболее сложных ситуациях. В случаях, когда предмет конфликта имеет спорную историческую трактовку либо неопределённое географическое положение эффективным средством урегулирования

могут выступить создание межгосударственных следственных комиссий.

Непосредственного участия мирового сообщества также требуют конфликты, относимые к 8 типу – за территории с международным статусом, для которых необходима выработка действенных международно-правовых механизмов, обеспечивающих особый статус территорий и отмечающих как возможность те или иные попытки территориальных претензий.

Как на уровне международных организаций мирового, так и регионального уровня существует множество механизмов мирного разрешения межгосударственных конфликтов. На современном этапе развития международных отношений объективно возникает необходимость координации действий различных организаций, выработка ими согласованных механизмов сотрудничества в снятии напряжённости в отношениях между странами.

Библиографический список

1. *Клименко Б.М.* Мирное решение территориальных споров М., Международные отношения, 1982. 184 с.
2. *Кураков Л.П., Кураков В.Л., Кураков А.Л.* Экономика и право: словарь-справочник. М., Вуз и школа, 2004. 1072 с.
3. *Ладыженский А.М., Блищенко И.П.* Мирные средства разрешения споров между государствами. М., Госюриздат, 1962. 173 с.
4. *Левин Д.Б.* Принцип мирного разрешения международных споров. М., Международные отношения, 1977. 128 с.
5. *Официальный сайт ЦРУ США.* URL: <http://www.cia.gov> (дата обращения: 15.07.14).
6. *Устав Организации объединённых наций.* URL: <http://www.un.org/ru/documents> (дата обращения: 15.07.14).
7. *Штанько М.А.* Региональные конфликты в современном мире: учеб. пособие / М.А. Штанько. Томск, Изд-во ТПУ, 2006. 93 с.

GEOPOLITICAL ASPECTS OF THE SETTLEMENT OF TERRITORIAL CONFLICTS

N.E. Polyakov

Perm State University

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15; e-mail: nikcolss@yandex.ru

Research advisor: Doctor of Geography, Professor Sharygin M.D.

The report discusses the various approaches to the definition and classification of territorial conflicts. The author presents typology of territorial conflicts in the modern political world map.

Key words: international conflict, territorial dispute, classification and typology of conflicts, the settlement of conflicts.

СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

З.В. Пономарева

Воронежский государственный педагогический университет
394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86; e-mail: zinda36@mail.ru

В статье проводится анализ сельского расселения Воронежской области как фактора территориальной организации местного самоуправления. Обосновывается необходимость учета влияния сельского расселения региона на процесс совершенствования территориальной организации местного самоуправления в системе сельских поселений. Предлагаются направления формирования современной политики и оптимизации сельского расселения Воронежской области.

Ключевые слова: сельское расселение, трансформация, территориальная организация, местное самоуправление, сельское поселение.

Становление местного самоуправления в России осуществляется в соответствии с федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ, вступившим в силу 06 октября 2003 г. Согласно федерального законодательства была введена двухуровневая система местного самоуправления с четырьмя видами муниципальных образований: городское и сельское поселение (на первом уровне), городской округ и муниципальный район (на втором уровне).

Федеральным законодательством были определены критерии территориальной организации местного самоуправления сельских поселений:

– численность населения (для территории с высокой плотностью населения – более 3000 чел.)

– пешеходная доступность административного центра сельского поселения и обратно в течение рабочего дня для жителей всех населенных пунктов, входящих в состав сельского поселения (глава 2, ст. 11, п. 6, 11) [4].

Сложившаяся система сельского расселения, влияющая на территориальную организацию местного самоуправления, в процессе реализации федерального закона 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» на территории Воронежской области не учитывалась. По состоянию на 9 октября

2002 г. административно-территориальное деление Воронежской области было представлено следующими АТЕ:

- административные районы – 32;
- города – 15 из них:
 - города областного подчинения - 7 (Воронеж, Борисоглебск, Россошь, Лиски, Нововоронеж, Острогожск, Поворино);
 - внутригородские районы областного значения (г. Воронеж) – 6;
 - города районного подчинения - 8 (Бобров, Богучар, Бутурлиновка, Калач, Новохоперск, Павловск, Семилуки, Эртиль);
 - поселки городского типа – 21;
 - сельсоветы – 493.

В результате проведенных административно-территориальных преобразований в области было сформировано 534 муниципальных образований двух уровней, в том числе:

- муниципальных районов – 31;
- городских округов – 3 (Воронеж, Нововоронеж, Борисоглебск)
- городских поселений – 29,
- сельских поселений – 471.

Сельское расселение области характеризуется преобладанием сельских населенных пунктов людностью до 500 чел., сокращением численности сельского населения, деформацией половозрастной структуры, резким ежегодным сокращением числа сельских населенных пунктов, неудовлетворительной инфраструктурной обеспеченностью. Проведенное сопоставление показателей, характеризующих систему расселения, показывает, что 1970 г. в среднем на 1 сельсовет приходилось 6 населенных пунктов и около 3000 чел. сельского населения, в 2005 г. уже на 1 сельское поселение – соответственно 3,6 СНП и 1890 чел., в 2011 г. – 3,3 СНП и 1680 чел. Таким образом, почти в 2 раза уменьшилась и густота СНП, и среднее расстояние между ними.

Воронежская область относится к числу густозаселенных территорий Российской Федерации. Средняя плотность сельского населения Воронежской области на 01.01.2015 г. составляла 15,4 чел./км², что в 7 раз выше среднероссийского показателя.

По показателю средней людности (число жителей сельских поселений) административные районы условно можно разделить на три группы:

1. Со средней людностью до 500 чел.: Каменский, Новохоперский, Ольховатский, Панинский, Подгоренский, Рамонский, Россошанский, Таловский, Эртильский, Верхнехавский, Грибановский,

Нижнедевицкий, Репьевский, Семилукский. В этой группе преобладает мелкоселенность.

2. Со средней людностью. 500–800 чел.: Аннинский, Бутурлиновский, Кантемировский, Лискинский, Бобровский, Борисоглебский, Павловский, Терновский. Для данной группы характерна среднеселенность

3. Со средней людностью более 800 чел.: Верхнемамонский, Калачеевский, Каширский, Новоусманский, Петропавловский, Поворинский. Эта группа отличается крупноселенностью.

При формировании состава сельских поселений необходимо учитывать неравномерность размещения сельского населения и людность сельских населенных пунктов и расстояние между населенными пунктами, так как во многих районах сельские муниципальные образования включают в свой состав, как правило, от трех до десяти сел, хуторов, деревень. Стали проявляться новые тенденции в концентрации населения вокруг крупнейшего города – Воронежа, ускорились процессы формирования Воронежской агломерации; происходит «сжатие» сельских территорий муниципальных районов области и дальнейшая трансформация сельского расселения за счет сокращения числа мельчайших и мелких сел, хуторов, разъездов, кордонов.

Таким образом, проведенная территориальная реформа местного самоуправления в Воронежской области осуществлялась без учета критерия численности населения. В результате было сформировано 471 сельское поселение.

Больших изменений в составе сельских муниципальных образований в 2011 г. по сравнению с сельскими советами в 1970 г. не произошло, о чем свидетельствуют данные табл. 1.

В Воронежской области только 56 сельских поселений (или 12,1%) имеют численность населения более 3000 чел., из них 9 сельрайцентров: Верхняя Хава (8146 чел.), Верхний Мамон (8513 чел.), Воробьевка (4072 чел.), Каширское (4320 чел.), Нижнедевицк (5805 чел.), Новая Усмань (16105 чел.), Петропавловка (5212 чел.), Репьевка (5319 чел.), Терновка (5632 чел.).

Таблица 1

Сравнительная характеристика сельских советов и сельских поселений

<i>Показатели</i>	<i>1970 г. (перен.)</i>	<i>01.01. 2006 г.</i>	<i>01.01. 2011 г.</i>
Количество сельских советов /сельских поселений, ед.	479	471	463
Количество сельских населенных пунктов на 1 сельсовет/ 1 сельское поселение, ед.	6	3,5	3,3
Численность населения сельсовета/ сельского поселения, чел.	2872	1890	1680

Особенности трансформации системы сельского расселения Воронежской области отражены в табл. 2, рисунок.

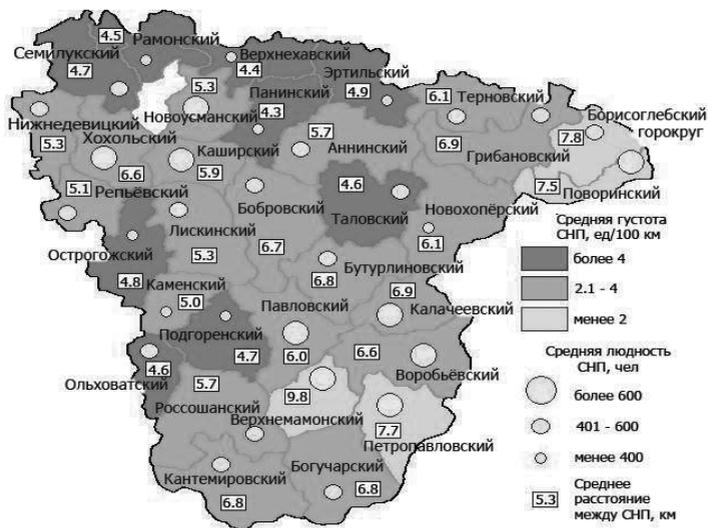
Таблица 2

Сравнительные показатели системы сельского расселения Воронежской области

<i>Показатели</i>	<i>1970 г.</i>	<i>2007 г.</i>	<i>2011 г.</i>
Средняя людность СНП, чел.	521	502	505
Средняя густота СНП / 100 км ²	5,1	3,4	3,0
Среднее расстояние между СНП, км	4,4	5,4	5,7

Сокращение числа сельских поселений на 01.01.2011 г. произошло за счет укрупнения (слияния) сельских поселений в Семилукском районе в соответствии с законом от 30 ноября 2009 г. № 145-ОЗ «О преобразовании некоторых муниципальных образований Семилукского муниципального района Воронежской области». На 01.01.2015 г. в области насчитывается 444 сельских поселений [1]. Сопоставление показателей системы сельского расселения региона доказывают необходимость совершенствования территориальной организации местного самоуправления в системе сельских поселений, так как постоянно сокращается численность сельского населения, число сельских населенных пунктов, средняя людность сел. Соответственно почти в 2 раза снизился показатель густоты сельских населенных пунктов и среднее расстояние между ними.

Сложившаяся система сельского расселения населения, особенности ее трансформации необходимо учитывать при проведении работ по совершенствованию территориальной организации местного самоуправления в системе сельских поселений. Современная политика сельского расселения ориентирована на реализацию предпосылок для выполнения комплекса функций сельской местности (экистической, организационно-хозяйственной, воспроизводственной, административно-управленческой, рекреационной, экологической и др.) с целью улучшения условий и повышения уровня жизни селян.

Система сельского расселения Воронежской области

Таблица 3

Группировка сельских поселений Воронежской области по критерию численности населения на 01.01.2011 г. (по предварительным данным Всероссийской переписи населения 2010 г.)

Показатели	До 500 чел.	501-1000 чел.	1001-2000 чел.	2001-3000 чел.	более 3000 чел.	Всего по области
Число сельских поселений, ед.	32	158	163	54	56	463
в % к итогу	6,9	34,1	35,2	11,7	12,1	100,0
Численность населения сельских поселений, чел.	12441	120904	230129	127597	287612	778683
в % к итогу	1,6	15,5	29,6	16,4	36,9	100,0

Для этого необходимо сконцентрировать внимание на решение задач, связанных с сохранением сложившейся сети сельских населенных пунктов, всего многообразия сложившихся форм сельского расселения – от мелкопоселковых до средне- и крупнопоселенных. Оптимизация сельского расселения должна осуществляться с учетом уникальных особенностей региона для устойчивого социально-экономического развития. Формирование в сельских поселениях опорных пунктов, выполняющих роль центров социально-культурного и

торгово-бытового обслуживания населенных мест позволит создать минимальный набор базовых услуг социального комфорта. Главным условием оптимизации сельского расселения является ликвидация изолированности сельских населенных пунктов, особенно малочисленных, путем развития транспортной инфраструктуры, что обеспечит их взаимосвязь между собой, с центрами муниципальных районов, а также малыми и средними городами и улучшит социального обслуживание сельского населения. Реализация программы дачной амнистии может стать механизмом перевода поселков постоянного проживания, возникших на месте дачных и садовых некоммерческих объединений граждан, в сельские населенные пункты.

Библиографический список

1. *Воронежская область* в цифрах. 2015: Стат. сб. / Воронеж-стат. – В 75 Воронеж, 2015. 80 с.
2. *Итоги Всесоюзной переписи* населения 1970 г. по Воронежской области (статистический сборник). – Воронеж : Статистическое управление Воронежской области, 1971. 110 с.
3. *Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г.* [сайт]. – URL: <http://www.mcx.ru/documents/document/show/14914.77.htm> (дата обращения 29.03.2015).
4. *Федеральный закон* от 06.10.2003 №131-ФЗ (ред. от 03.02.2015) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – URL: Режим доступа: – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173882/ [дата обращения 29.03.2015].

RURAL SETTLEMENT OF VORONEZH REGION AS A FACTOR TERRITORIAL ORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

Z.V. Ponomaryova

Voronezh State Pedagogical University

Russia, 394043, Voronezh, Lenina Str., 86; e-mail: zinda36@mail.ru

The article analyzes the rural settlement of the Voronezh region as a factor of territorial organization of local self-government. The author substantiates the need to integrate the influence of the rural settlement in the region on the process of improvement of territorial organization of local self-government in countryside system. The article offers the directions of the formation of modern politics and optimization of rural settlement of the Voronezh region.

Key words: rural settlement, transformation, territorial organization, local self-government, countryside.

УДК 910.3

ДИНАМИКА ДОХОДОВ ДОМОХОЗЯЙСТВ ГРАФСТВ США В 1969–2012 гг.

Ю.В. Преображенский

Саратовский государственный университет

410012 г. Саратов, ул. Астраханская, 83; e-mail: topofag@yandex.ru

В сообщении рассматриваются вопросы изменения доходов домохозяйств США за сорокалетний период, анализируются факторы, определяющие доходы домохозяйств наиболее богатых и бедных округов страны.

Ключевые слова: доходы домохозяйств, графство, США, региональная дифференциация.

Вопросы социально-экономического развития США продолжают оставаться актуальной темой исследования в связи с сохраняющейся ролью этой страны как наиболее значимого в мировом масштабе рынка, формирующего спрос на товары и услуги из практически всех стран мира. Глобальная экономика во многом замыкается именно на США и создание цепочек добавленной стоимости в различных регионах мира зависит от спроса на конечную продукцию именно на американском рынке. В связи с этим перспективным представляется рассмотреть такой статистический показатель, как доходы домохозяйств, поскольку именно расходы домохозяйств составляют значительную долю ВВП США.

Если рассмотреть динамику роста доходов домохозяйств по стране в целом, то обращают на себя внимание два максимума исследуемого показателя; один пришелся на 1999–2000 гг., второй – на 2007 г. (рис. 1). Уровень доходов домохозяйств страны в 2012 г. сопоставим с уровнями 1996 г. и 1989 г.

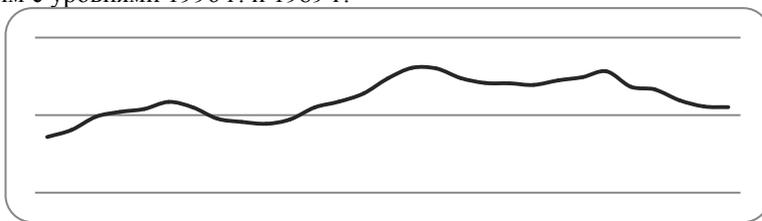

Рис. 1. Динамика реальных доходов домохозяйств в США
(составлено автором по [5])

Региональная дифференциация в доходах домохозяйств может быть прослежена на микроуровне – уровне графств или округов

(county). Округ является административно единицей США, всего в их состав входят 3144 округов [1]. В одном штате может быть до 254 округов (как в Техасе). Они различны по составу населения, по соотношению городских и сельских жителей, половозрастному составу, по структуре занятости, по отраслевой специализации. В целом, средний доход домашних хозяйств, как правило, самый высокий в наиболее урбанизированных северо-восточных штатах, северных штатах Среднего Запада и прибрежных штатах Западного макрорегиона, в то время как в сельских районах, в основном в южных и горных штатах (таких как Нью-Мексико, Монтана и Айдахо), отмечается самый низкий средний уровень доходов домохозяйств.

Рассмотрим динамику роста доходов домохозяйств в наиболее и наименее богатых округах, основываясь на данных за 1969, 1989 и 2012 гг. Доходы домохозяйств в текущих (номинальных) ценах за период 1969 по 2012 г. увеличились в несколько раз. Однако реальные доходы, в ценах, например, 2009 г., увеличились не столь значительно. Так, в период 1969–1989 гг. рост реальных доходов домохозяйств был существенно выше, чем в сопоставимый по продолжительности период 1989–2012 гг. Это характерно как для наиболее богатых домохозяйств (рис. 2), так и для США в целом.

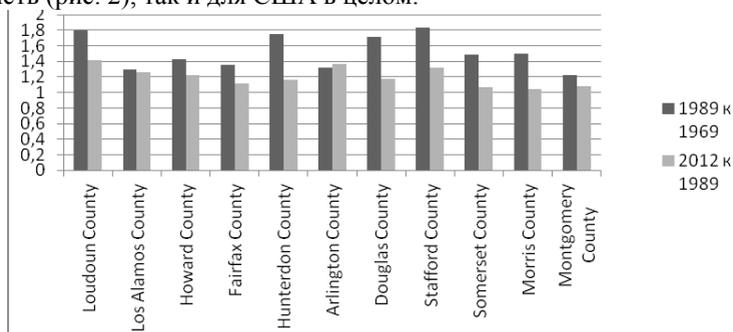

Рис. 2. Рост реальных доходов наиболее богатых домохозяйств США, 1969–2012 гг., раз (расчеты автора по материалам [6])

Несколько другая картина наблюдается в отношении наиболее бедных домохозяйств, где сложно обнаружить временную закономерность роста реальных доходов (рис. 3).

Какие факторы позволяют богатым округам оставаться богатыми, и закрепляют отставание бедных по показателю доходов домохозяйств? Очевидно, большое значение имеют представленные в соответствующих округах компании и фирмы. Рассмотрим группу округов

с наибольшими доходами домохозяйств. Наибольшие средние доходы домохозяйств в 2012 г. отмечены в округе *Лаудон*, штат Виргиния – 118 934 ам. долл. (здесь и далее данные по среднему доходу домохозяйств даны по [6]). Оставаясь долгое время руральным округом, районом выращивания пшеницы, виноградарства и разведения лошадей, в 1980-е гг. Лаудон испытал сервисный бум, связанный с размещением здесь головных офисов таких высокотехнологичных компаний, как Verizon Business, Telos Corporation (телекоммуникации и сетевые услуги), Orbital Sciences Corporation (производство и запуск спутников), и Raхfire. Помимо указанных компаний, жители округа заняты в сфере здравоохранения и образования, в обслуживании Международного аэропорта Вашингтон Даллес. Здесь также расположен обширный дата-центр, через который проходит существенная часть американского и мирового интернет-трафика. Большое значение для экономики округа имеет т.н. «технологический коридор Даллеса», являющийся кластером высокотехнологичных компаний и фирм, обслуживающих оборонную промышленность.

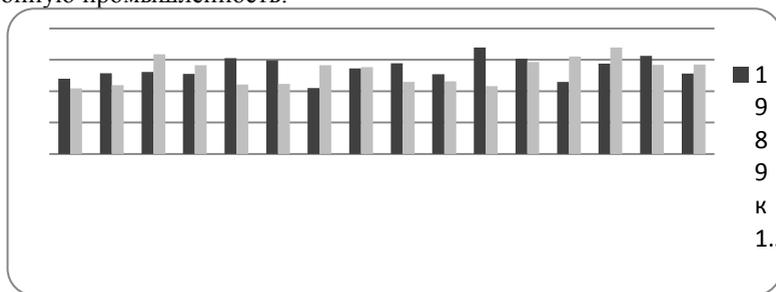

Рис. 3. Изменение в реальных доходах наиболее бедных домохозяйств США, 1969–2012 гг., раз (составлено автором по материалам [6])

Коридор Даллеса расположен также на территории округа *Фэр-факс*, средний годовой доход домохозяйств в котором составлял 106 690 долл.. В округе проживает более 1 млн чел. [1], а объем ВРП сопоставим с ВВП такой страны, как Марокко [2]. Высокие доходы домохозяйств здесь объясняются близостью округа к столице США, Вашингтону, поэтому среди жителей округа велико число чиновников, высокооплачиваемых служащих. Также среди занятых работники консалтинговой компании Booz Allen Hamilton, инжиниринговой компании Science Applications International Corporation, компании Northrop Grumman, производящей вооружение, финансовой компании Freddie

Мас. Велико также число жителей, занятых в сфере образования и здравоохранения.

Округ *Лос-Аламос* расположен в штате Нью-Мехико, его относительно небольшое население занято в Лаборатории Лос-Аламоса, основными направлениями деятельности которой являются исследования в области ядерной энергетики, а также связанные с безопасностью США. Средний доход домохозяйств – более 112 тыс. долл.

Недалеко от Вашингтона расположен и округ *Хауард*, в котором доход домохозяйств составил более 108 тыс. долл. Численность населения округа около 300 тыс. чел., часть жителей занята в таких высокотехнологичных компаниях как Verizon Wireless, Science Applications International Corporation, MICROS Systems и компании, работающей в банковской сфере, Wells Fargo. Также значительная часть работающего населения занята в здравоохранении и образовании.

Округ *Арлингтон*, в котором средний доход домохозяйств составляет почти 100 тыс. долл., также расположен близко к Вашингтону. Здесь велика доля работающих в правительстве страны (34 тыс. чел.), компании Deloitte, оказывающей консалтинговые, аудиторские и прочие услуги, компании Lockheed Martin, специализирующаяся в области авиастроения, авиакосмической техники, судостроения, компании Marriott International, инжиниринговой компании SRA International и др.

Пятым по величине дохода домохозяйств среди всех округов США (103,3 тыс. долл.) является *Хантердон*, входящий в метрополитенский ареал Нью-Йорка. Высокий доход домохозяйств здесь связан, очевидно, с близостью Нью-Йорка, в котором работает существенная часть населения округа, высокая заработная плата позволяет им жить в сельской местности. Далее в списке округов с наиболее высокими средними показателями дохода домохозяйств следуют округ *Стафффорд* (также как и Лаудон и Фэрфакс, расположенный в северной Виргинии) – 96 тыс. долл., округ *Патнам* (штат Нью-Йорк) – около 93 тыс. долл., округ *Сомерсет* (штат Нью-Джерси) – более 95 тыс. долл., округ *Даглас* (штат Колорадо), в котором находится штаб-квартира компании Вестерн Юнион, а существенная часть жителей занята в системе образования, телекоммуникационных компаниях EchoStar и TW Telecom, инжиниринговой компании CH2M Hill – более 98 тыс. долл. В округе *Моррис* (штат Нью-Джерси, 95 тыс. долл.) зарегистрированы штаб-квартиры, офисы или крупные заводы таких компаний как AT&T, Honeywell, Colgate-Palmolive, Pfizer, Johnson & Johnson, Exx-

onMobil, Novartis, BASF, Verizon, Bayer и Wyeth. Как можно заметить из перечня данных компаний, основные отрасли промышленности включают финансы, страхование, недвижимость, фармацевтику, медицинское обслуживание, исследования и разработки.

Таким образом, можно отметить общие закономерности в характеристике десяти округов с наибольшими средними доходами домохозяйств. Во-первых, они расположены преимущественно на Северо-Востоке, недалеко от Вашингтона и Нью-Йорка. Большинство работающего населения занято в сфере образования и здравоохранения, а также в известных на международном уровне фирмах, имеющих прежде всего консалтинговую, финансовую, инжиниринговую, телекоммуникационную специализацию. Немаловажным фактом является большое число штаб-квартир международных компаний в данных округах.

Среди более чем 3 тыс. американских округов территориальными образованиями с наиболее низкими средними доходами домохозяйств являются следующие. Ниже всего этот показатель в округе *Уилкокс*, штат Алабама, – 22 126 долл. Население округа, в начале XX в. составлявшее около 35 тыс. чел., к настоящему времени уменьшилось почти втрое, до 11 тыс. чел. [4]. Занятость обеспечивает бумажная фабрика и фабрика по производству медных труб.

Округ *Оусли* в штате Кентукки также теряет население: с 1940-х гг. оно уменьшилось вдвое, до 4,7 тыс. чел. Основной удар по экономике округа пришелся в начале 2000-х гг., когда правительство страны сокращало количество табачных плантаций, на которых производилась высокая доля добавленной стоимости продукции округа. Примерно тот же показатель среднего дохода домохозяйств показывает другой округ штата Кентукки – *Клей*. В том же штате Кентукки расположен ещё один округ, *МакКрири*, который так и не смог найти свое место в экономике штата и страны после закрытия угольных шахт в 1980-х гг. В упадке находится и округ *Холмс*, штат Миссисипи, население которого также активно сокращалось на протяжении XX в., до 19,2 тыс. чел. в 2010 г. Здесь самая низкая продолжительность мужчин и женщин среди всех округов США [3]. Округ *Хамфрис*, штат Миссисипи, из-за ухудшившихся экономических условий также испытывает отток населения, так, за первое десятилетие XXI в. оно составило более 16% [4].

Анализируя пространственное распределение величины доходов домохозяйств по территории США, можно отметить следующее. Наиболее высокие доходы домохозяйств свойственны округам северо-

восточных штатов (например, Виргинии) а также прибрежным округам Калифорнии. Достаточно высоки они в штатах Северная Дакота, Юта, Колорадо. Напротив, в Миссисипи, Арканзасе, Луизиане, Кентукки высока доля округов с низкими доходами домохозяйств. Также неблагоприятно положение домохозяйств западного Техаса и Нью-Мехико.

Библиографический список

1. *County Totals Datasets: Population, Population Change and Estimated Components of Population Change: April 1, 2010 to July 1, 2012. 2012 Population Estimates.* United States Census Bureau, Population Division. March 2013

2. *GDP/breakdown at current prices in US Dollars (all countries)*
// URL: <http://unstats.un.org/unsd/snaama/dnltransfer.asp?fID=2>
(дата обращения 26.10.2014)

3. *Life expectancy in U.S. trails top nations* // URL:
<http://edition.cnn.com/2011/HEALTH/06/15/life.expectancy.united.states/>
(дата обращения 21.10.2014)

4. *Population of Counties by Decennial Census* // URL:
<http://www.census.gov/population/cencounts/al190090.txt> (дата обращения 21.10.2014)

5. *U.S. Census Bureau, Current Population Survey, Annual Social and Economic Supplements* // URL:
<http://www.census.gov/hhes/www/poverty/publications/pubs-cps.html> (дата обращения 13.11.2014)

6. *1970, 1980, and 1990 Censuses of Population and Housing Income Statistics Branch/HHES Division U.S. Census Bureau* // URL:
<http://www.census.gov/hhes/www/income/data/historical/county/county1.html> (дата обращения 21.10.2014)

DYNAMIC OF HOUSEHOLDS INCOME IN USA COUNTIES IN 1969-2012

Yu.V. Preobrazhenskiy
Saratov State University
410012 Saratov, Astrachanskaya Str., 83; e-mail:topofag@yandex.ru

The report deals with the changes in household income of the United States in the period of forty years, analyzes the factors determining the household income of the richest and the poorest counties of the country.

Key words: household income, county, United States, regional differentiation.

ГЕОГРАФИЯ ПОХОРОННОГО ДЕЛА

Г.И. Райда, Н.И. Быков

Алтайский государственный университет
656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61; e-mail: nikolai_bykov@mail.ru

Научный руководитель: к.г.н., доцент Быков Н.И.

В сообщении рассматриваются особенности географии ритуальных услуг и инфраструктуры похоронного дела на страновом, региональном и локальном уровнях. Данные особенности рассматриваются на примере России, Алтайского края и города Барнаула.

Ключевые слова: ритуальные услуги, инфраструктура, похоронное дело, Россия, Алтайский край, г. Барнаул..

Похоронное дело является важным видом хозяйственной деятельности, который в Российской Федерации регулируется соответствующими правовыми актами. Согласно федеральному закону от 12 января 1996 г. N 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле», похоронное дело является самостоятельным видом деятельности, осуществляющимся органами местного самоуправления и включающим в себя, помимо погребения умершего, услуги сопутствующих данному процессу служб и организаций [6].

В «Рекомендациях о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации» похоронное дело трактуют как отрасль хозяйства Российской Федерации или ее субъекта, включающую в себя деятельность по оказанию ритуальных, юридических, производственных, обрядовых и иных сопутствующих услуг, связанных с созданием и эксплуатацией объектов похоронного назначения, а также организацией и проведением похорон [4].

Согласно ГОСТу Р53107-2008 – «Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения» ритуальные (похоронные) услуги – это результат непосредственного взаимодействия исполнителя и потребителя (заказчика), а также деятельности исполнителя по погребению (захоронению) тел (останков) умерших (погибших), проведению похорон, содержанию мест захоронений и сохранению памяти об умерших [1]. Таким образом, похоронное дело можно считать синонимичным ритуальным услугам.

Ритуальная сфера обслуживания или похоронная отрасль на сегодняшний день рассматривается, в основном, в работах экономической и юридической направленности, где прорабатываются вопросы

рентабельности функционирования тех или иных элементов ее инфраструктуры и правовые аспекты. Наряду с юридическими аспектами функционирования данной отрасли хозяйства территориальная организация похоронного дела является важным элементом территориального планирования, так как показывает взаимодействие населения, территории его проживания и хозяйственно-бытовой сферы. Рациональное планирование размещения элементов ритуальной сферы обслуживания должно способствовать развитию данной отрасли, улучшению ее функционирования и комфорта населения.

Географию похоронного дела можно характеризовать различными показателями. На страновом и региональном уровнях возможно использование такого показателя как объем платных ритуальных услуг, под которым понимают валовой доход предприятий различных форм собственности, а также индивидуальных предпринимателей производителей ритуальных услуг – в размере средств, поступивших непосредственно от граждан или организаций в уплату за оказанные услуги [6]. Поскольку объем ритуальных услуг в регионах может отличаться в разы, то удобнее использовать долю региона в общем объеме произведенных в стране услуг подобного рода (или долю муниципального района в общем объеме произведенных в регионе ритуальных услуг).

Анализ территориальной дифференциации объема ритуальных услуг в стране [7] показал их неравномерное распределение. Например, в 2000 г. на г. Москва приходилось 42%, хотя в 2013 г. уже только 17%. С другой стороны в Ингушетии в 2006 г. был отмечен нулевой результат, что может свидетельствовать либо об отсутствии учета [5], либо о том, что этот вид услуг выведен за скобки общественного сектора экономики. Неравномерность в распределении объема ритуальных услуг между регионами во многом объясняется численностью населения этих регионов и связанной с ней смертностью. Однако доля некоторых регионов в общем объеме ритуальных услуг существенно выше, чем их доля в общем числе смертей (Москва, Санкт-Петербург и др.), что, вероятно, связано с доходами населения этих регионов и стоимостью услуг.

Внутрирегиональные различия в распределении объема ритуальных услуг также значительные. Как правило, по этому показателю лидируют самые большие по численности муниципалитеты. Прежде всего, это городские округа и, в первую очередь, административный центр региона. Однако такая картина иногда нарушается (например,

доля г. Бийска в 2006 г. была ниже, чем доля прилегающего к нему Бийского района), что обусловлено выносом некоторых объектов инфраструктуры похоронного дела городов (производственные предприятия, кладбище) в пригородные зоны, которые находятся в границах соседних муниципальных образований. На фоне более или менее постоянного лидерства городских округов по данному показателю положение сельских районов в рейтинге сильно меняется от года к году, что, вероятно, связано с успешностью деятельности похоронных бюро.

Для характеристики географии похоронного дела на локальном уровне необходимо уже рассматривать размещение объектов инфраструктуры. Инфраструктура похоронного дела включает ряд объектов социального пользования (рисунок). Чем крупнее населенный пункт, тем шире перечень элементов инфраструктуры, в то время как нехватка элементов в мелких поселениях способствует созданию хозяйственных связей с соседними населенными пунктами. Связь между элементами инфраструктуры формирует хозяйственные связи двух видов – прямые (непосредственно взаимодействующие между собой) и опосредованные.

Анализ инфраструктуры похоронного дела в г. Барнауле позволил установить, что многие объекты тяготеют друг к другу, образуя территориальные сочетания [3]. При этом «ядром кристаллизации» такого сгустка инфраструктуры похоронного дела в различных функциональных зонах выступают различные объекты. В производственных зонах таким ядром является предприятие, которое производит ритуальные принадлежности. Рядом с ним возникают магазины ритуальных принадлежностей и похоронные бюро. В жилых и общественно-деловых зонах ядрами выступают отделы ЗАГС или морги, в зонах специального назначения – кладбища [2,8]. Выявленные особенности размещения объектов инфраструктуры похоронного дела можно использовать в градостроительном планировании.

Элементы инфраструктуры ритуальной сферы услуг.

Благодаря исключительности предоставляемых услуг сфера ритуального обслуживания в наименьшей степени зависит от экономической ситуации в стране и является относительно стабильной. Основными факторами, оказывающими влияние, являются демографические показатели. Как и в любой сфере платных услуг – объем спроса диктует объем предложений.

Библиографический список

1. ГОСТ Р 53107-2008 «Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения».
2. Илясова Г.К., Быков Н.И. Кладбища как элемент планировочной структуры населенных пунктов: индикационные возможности и современные проблемы планирования // Известия Алтайского государственного университета, 3/2 (79), 2013. – С. 156-161.
3. Илясова Г.К., Быков Н.И. География инфраструктуры похоронного дела в Барнауле и Новоалтайске // География и природопользование Сибири: сборник статей / под ред. проф. Г.Я. Барышникова. – Вып. 17. – Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2014. - С. 55-60.
4. МДК 11-01.2002 «Рекомендации о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации».
5. Указания по заполнению форм федерального статистического наблюдения показателя «Объем платных услуг населению». Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Утверждены приказом Росстата от 23.07.2009 № 147.

6. Федеральный закон от 12 января 1996 г. N 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (с изменениями и дополнениями).

7. *Платное* обслуживание населения в России – 2013 г. //Федеральная служба государственной статистики. Официальный интернет-сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_78/Main.htm.

8. *Iliasova G., Bykov N.* Cemeteries as the element of planning structure of settlements: indication possibilities and modern problems planning // The Social Transformation of the Cities and Regions in the Post-communist Countries / Edited by Cezary Madry. – Poznan: Bogucki Wydawnictwo Naukowe, 2014. – P.57-64.

GEOGRAPHY OF THE INFRASTRUCTURE OF BURIAL BUSINESS

G.I. Raida, N.I. Bykov

Altai State University

Russia, 656049, Barnaul, Lenina prospekt, 61; e-mail: nikolai_bykov@mail.ru

Research advisor: Doctor of Geography, Professor Bykov N.I.

The report examines features of death rite geography and the infrastructure of burial business on state, regional and local levels. These features are examined on the example of Russia, Altai Krai and the city of Barnaul.

Key words: death rite service, infrastructure, burial business, Russia, Altai Krai, Barnaul.

УДК332:331.2:911.3

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА РАССЛОЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ ПО УРОВНЮ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Г.В. Ридевский

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь

220086, г. Минск, ул. Славинского, 1, корп. 1; e-mail: ridgeo@yangex.ru

В статье дана сравнительная оценка уровня заработной платы работников организаций в регионах шести областей российско-белорусского приграничья в 2014 г. Выявлены основные пространственные закономерности различий в заработной плате, сделаны выводы о глубине расслоения приграничных регионов двух стран по уровню оплаты труда в разрезе административных (муниципальных) районов и городов областного подчинения (городских округов).

Ключевые слова: номинальная начисленная среднемесячная заработная плата, глубина различий, пространственные закономерности, районы, города, приграничье

Различия в оплате труда – один из важнейших факторов межрегиональной дифференциации по комплексу показателей

© Ридевский Г.В., 2015

социально-экономического и демографического развития. В силу этого анализ глубины различий в оплате труда между регионами разного иерархического уровня важен не только с точки зрения выявления пространственных закономерностей распределения заработной платы по территории той или иной страны (региона), но и для осуществления государственного регулирования системы оплаты труда.

Россия традиционно воспринимается на пространстве СНГ и в Европе как страна с большими межрегиональными диспропорциями, в том числе и с большими различиями в уровне оплаты труда. Так, в 2013 г. разница в оплате труда занятых в организациях между субъектами федерации в России составила 4,1 раза [2].

В значительной степени межрегиональные различия в оплате труда в России носят объективный характер. Огромные размеры страны и порождённая ими разница в условиях жизни россиян (климат, транспортная доступность, жилищные условия, цены на товары и услуги) не могли не способствовать формированию значимых региональных различий в том числе в сфере оплаты труда. Объективный характер этих различий может быть частично сгладен на основе рассчитываемого Росстатом для каждого субъекта федерации показателя «величина прожиточного минимума». В 2013 г., например, величина прожиточного минимума между субъектами федерации в России различалась почти в 3 раза (Ненецкий автономный округ Архангельской области и Тамбовская область). С учётом величины прожиточного минимума уровень реальной заработной платы между субъектами федерации различается в России не в 4,1 раза, а только в 2,2 раза, но и это величина свидетельствует о глубоких межрегиональных различиях между субъектами федерации, которые нельзя объяснить только размерами страны и разными условиями жизни россиян. Белоруссия почти в 83 раза меньше России по занимаемой площади, но различия в ней между субнациональными регионами (г. Минск и шесть областей) тоже достаточно велики (номинальная среднемесячная заработная плата в Брестской области в 2013 г. составила всего 66,7 % от заработной платы в г. Минске) [1, с. 163-166], что также свидетельствует о значительных межрегиональных диспропорциях в уровне оплаты труда в Белоруссии в сравнении с большинством европейских стран, где различия в уровне заработной платы между регионами более чем на 25-30% считаются чрезмерно большими и не справедливыми [4].

Целью настоящей публикации является сравнительная оценка уровня межрегиональных различий в области оплаты труда на уровне городских округов и муниципальных районов России, городов областного подчинения и административных районов Белоруссии. На этом пространственном уровне изучение расслоения регионов в межстрановых исследованиях осуществляется гораздо реже, чем на уровне субнациональных регионов, и судить о глубине различий в сфере оплаты труда на местном уровне можно только на основе специальных исследований по возможности географически близких регионов двух стран. Для сравнения величины различий в уровне оплаты труда между двумя странами были взяты данные о номинальной начисленной среднемесячной заработной плате работников организаций за 2014 г. по шести областям российско-белорусского приграничья в составе: Псковской, Смоленской и Брянской областей России и Витебской, Могилёвской и Гомельской областей Белоруссии.

В составе российско-белорусского приграничного региона насчитывается 10 городских округов и 76 муниципальных районов в пределах российской части приграничья и пять городов областного подчинения и 63 административных района в белорусской части приграничья. Всего в составе шести областей приграничья 154 единицы административно-территориального устройства местного уровня. Для того, чтобы не утратить пространственные закономерности в распределении заработной платы по приграничным регионам двух стран заработная плата в городских округах (городах областного подчинения в Белоруссии) пересчитывалась с учётом заработной платы в окружающих их районах, центрами которых они являются. С учетом вышеназванного методологического уточнения глубина различий в оплате труда (соотношение заработной платы между районами с максимальным и минимальным уровнем оплаты труда) в 76 муниципальных районах России составила 189,6%, а в 63 районах Белоруссии – 171,4%. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в российской части российско-белорусского приграничья в 2014 г. составила 23429,6 российский руб., в белорусской части приграничья – 5516,2 тыс. белорусских руб. Средняя заработная плата в российских рублях в белорусских регионах приграничья по средневзвешенному курсу Национального банка Республики Беларусь в 2014 г. составила 20504,8 российских руб., т.е. оказалась меньше, чем в российской части приграничья на 14,3%.

По величине оплаты труда все районы российско-белорусского приграничья были разделены на четыре группы: с относительно высоким (более 105,0% от средней заработной платы по российской или белорусской части пограничья), средним (от 90,1 до 105,0%), относительно низким (75,1-90,0%) и низким (менее 75,0%) уровнем оплаты труда. Распределение районов российско-белорусского приграничья по четырём основным группам, выделенным по уровню оплаты труда отражает табл.

Данные табл. свидетельствуют, что из-за более высокого уровня расслоения районов российского приграничья по величине заработной платы более 40,0% районов Псковской, Смоленской и Брянской областей, концентрирующих 15,2% их населения имеют низкий уровень оплаты труда, а в белорусской части приграничья таких районов менее 10% и в них проживает только 3,0% населения Витебской, Могилёвской и Гомельской областей.

Таблица 1
Распределение районов российско-белорусского приграничья на четыре группы с различным уровнем оплаты труда занятых в организациях в 2014 г.

<i>Группы районов по уровню оплаты труда</i>	<i>Число районов</i>		<i>Численность населения на начало 2015 г., %</i>	
	<i>Россия</i>	<i>Белоруссия</i>	<i>Россия</i>	<i>Белоруссия</i>
С относительно высоким уровнем оплаты труда	5	6	43,3	42,2
Со средним уровнем оплаты труда	13	11	16,8	30,8
С относительно низким уровнем оплаты труда	26	40	24,7	24,0
С низким уровнем оплаты труда	32	6	15,2	3,0
Все районы приграничья	76	63	100,0	100,0

Основной закономерностью распределения районов по уровню заработной платы среди областей приграничья двух стран является их поляризованный характер, т.е. более высокий уровень оплаты труда характерен для тех районов, в которых располагаются города-центры внутриобластных систем расселения, хозяйствования и природопользования или социально-эколого-экономических районов (СЭЭР). В границах СЭЭР активно протекают центр-периферийные процессы регионополизации, т.е. концентрации населения и экономического потенциала в региональных центрах. По сути процессы регионополизации и порождают поляризованный характер протекания всех социально-экономических процессов в границах СЭЭР, в том числе и распределение заработной платы в зависимости

от центрального или периферийного положения того или иного района в пределах соответствующего СЭЭР (рис.).

СЭЭР российско-белорусского приграничья были впервые выделены в 2005 г. и представляют собой зоны жизнеобеспечения возглавляющих их городских центров-регионополисов [3]. 16 СЭЭР российско-белорусского приграничья представлены моноцентричными и полицентричными регионами. В моноцентричных СЭЭР исторически сложился один доминирующий регионополис, а в полицентричных СЭЭР можно выделить 2-3 регионополиса. Ярко выраженный моноцентричный характер имеют Псковский, Смоленский, Брянский, Великолукский, Гомельский, Могилёвский, Витебский, Мозырский, Оршанский и Полоцкий СЭЭР, т.е. все СЭЭР, центрами которых являются большие города с населением 100 и более 1000 чел.

Города: А – Города-регионополисы; Б – прочие значимые городские центры.

Границы: В – районов; Г – СЭЭР; Д – граница России и Белоруссии

Районы: 1 – с относительно высоким уровнем оплаты труда; 2 – со средним уровнем оплаты труда; 3 – с относительно низким уровнем оплаты труда; 4 – с низким уровнем оплаты труда

Распределение районов российско-белорусского приграничья на группы с различным уровнем оплаты труда в 2014 г. в границах СЭЭР

В пяти СЭЭР приграничья, где отсутствуют крупные городские центры, сложились полицентричные СЭЭР: Сафоновский (с регионополисами Сафоново, Ярцево, Дорогобуж-Верхнеднепровский), Клинцовский (Клинцы, Новозыбков, Унеча), Вяземский (Вязьма, Гагарин), Рославльский (Рославль, Десногорск) и Кричевский (Кричев, Климовичи, Костюковичи). Из-за дефицита больших городов в российской части приграничья двух стран из пяти полицентричных

СЭЭР приграничья четыре находятся в пределах Российской Федерации.

Бобруйский СЭЭР фактически моноцентричный регион, но в его границах главным полюсом экономической жизни в последние десятилетия стал г. Жлобин с крупным заводом передельной металлургии, в силу этого Жлобин можно назвать квазирегионополисом, т.е. городом, активно претендующим на роль регионального центра, но пока не в полной мере способным конкурировать с Бобруйском из-за относительно малой численности населения. Как правило, наиболее высокий уровень заработной платы имеют районы размещения регионополисов, имеющих статус областных центров. Возглавляемые ими СЭЭР имеют и наиболее значительный уровень оплаты труда в целом. Уровень оплаты труда в моноцентричных СЭЭР, центры которых не имеют статуса областной столицы, существенно ниже, но наиболее низких значений оплата труда достигает в полицентричных СЭЭР. Самая низкая оплата труда среди СЭЭР приграничных регионов России в Клинцовском СЭЭР, Белоруссии – в Кричевском СЭЭР. Менее выраженная закономерность пространственного распределения заработной платы – приуроченность районов со средним или относительно низким уровнем оплаты труда к прочим важным городским поселениям – субрегиональным центрам.

Значительная дифференциация в оплате труда в границах СЭЭР российско-белорусского приграничья и между регионами России и Беларуси субнационального уровня порождает существование в двух странах местных (локальных) и обширных субнациональных зон социально-экономической депрессивности, приводит к периферизации регионов разного иерархического уровня, что ставит задачу депериферизации, т.е. преодоления периферийности в качестве категорического императива устойчивого и инклюзивного развития [4]. Одним из главных инструментов сближения регионов России и Белоруссии по уровню социально-экономического развития должна быть государственная политика в области оплаты труда, в частности – постепенное сближение уровня минимальной заработной платы к уровню средней заработной платы по стране. Сегодня подобная политика в странах ЕС становится важнейшим инструментом сокращения межрегиональных диспропорций.

Библиографический список

1. *Регионы* Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2014. Т. 1. Минск, 2014. 735 с.

2. *Регионы* России. Социально-экономические показатели. 2014. М., 2014. 900 с.

3. *Ридевский Г.В.* Моделирование социально-экономического и экологического развития приграничных регионов России и Беларуси // Российско-белорусское порубежье: устойчивость социально-культурных и эколого-хозяйственных систем. Псков, 2005. С. 251-282.

4. *Rydzeuski H., Shadrakou A.* Minimum wages as the regulator of interregional imbalance of remuneration in Belarus and EU countries // Proceedings of the 5th International Academic Congress «Science, Education and Culture in Eurasia and Africa». Paris, 2015. P. 314-321.

COMPARATIVE ASSESSMENT OF THE SALARY LEVEL LAYERING IN THE REGIONS OF RUSSIAN-BELORUSSIAN BORDER ZONE

H.V.Rydzeuski

The Economy research institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus
Republic of Belarus, 220086, Minsk, Slavinsky Str., 1, building 1; e-mail: ridgeo@yangex.ru

The article provides the comparative assessment of the salary level of employees at organizations in the regions of six areas within Russian-Belarusian border zone in 2014. The basic spatial patterns of the difference in the salary have been observed in the article, the conclusions on the layering depth of the salary level in the bordering regions concerning administrative (municipal) regions and federal cities (city districts) has been made.

Key words: nominal average monthly salary, depth of difference, spatial patterns, districts, cities, border zone.

УДК 911.37

УРБАНИЗОВАННОСТЬ ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ): ПРОБЛЕМЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

А.Н. Саввинова, Г.А. Гнатюк

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова
677000, Россия, Якутск, ул. Белинского; 48, e-mail: sava_73@mail.ru

Поступательный ход процесса урбанизации, опережающий рост промышленного, несельскохозяйственного, городского и урбанизированного населения – наиболее характерные черты урбанизации в наше время, в том числе и в северных регионах. Ее пространственная организация является результатом взаимодействия экономических, природных, исторических факторов. В статье рассмотрены вопросы пространственной организации процессов урбанизации в Республике Саха (Якутия).

Ключевые слова: урбанизация, пространственная организация, расселение.

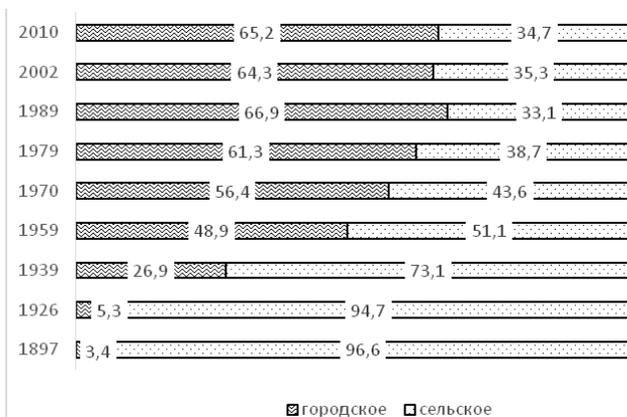
Признание урбанизации как исключительно многопланового и весьма динамичного глобального процесса, оказывающего многостороннее влияние на все сферы общественного производства, на формирование городского и сельского расселения, на окружающую человека среду его обитания, выдвигает на первый план целый ряд исследовательских задач. Урбанизация – это междисциплинарный объект исследования, она привлекает внимание специалистов различных отраслей знаний. По мнению Г.М. Лаппо совершенно особое место в исследовании урбанизации принадлежит географам. «В значительной мере это обусловлено тем - что урбанизация кардинально меняет окружающую среду. Исследованием же окружающей среды занимаются все отрасли географической науки. Урбанизация преобразовывает и территориальную структуру хозяйства – предмет исследования экономической географии. Внимание к урбанизации, проявляемое географией, имеет глубокие корни, поскольку урбанизации свойственны географическая выраженность и географическая обусловленность. Научное объяснение механизма и особенностей урбанизации настоятельно требует географического мышления и подхода. Изучение урбанизации – дело географии, поскольку урбанизация является важнейшей пространственной формой современной социально-экономической эволюции, теснейшим образом связана с географическим разделением труда» [2]

Если говорить о географических подходах изучения урбанизации, то судя по потоку научных публикаций, все еще остается не решенным до конца вопрос о системе количественных и качественных показателей, дающих возможность наиболее полно оценивать пространственные различия в достигнутом уровне урбанизированности территорий. Это особенно относится к поиску систем показателей при необходимости комплексного географического изучения урбанизации, когда учитываются не только различные социально-экономические, но и природно- и социально-экологические проявления процесса урбанизации.

Процесс урбанизации в Якутии имеет свои специфические черты. В конце XIX в. доля горожан в Якутии составляла 3,4% [5] Одной из характерных причин, в значительной мере влияющих на процесс урбанизации Якутии в течение последних сорока лет, является преимущественное развитие горнодобывающей промышленности и весьма неравномерное ее размещение. Вследствие развития инфраструктуры, около месторождений появились промышленные города, в которых доминировали внешние мигранты: на западе – города Мирный (в

1959 г.) и Ленск (в 1963 г.), и на юге – Алдан (в 1939 г.) и Нерюнгри (в 1975 г.). «Пик» урбанизации наблюдается в начале 1990-х гг. после распада Советского Союза, когда местное население массово втянулось в процесс урбанизации. Эту волну спровоцировали не только социально-политические трансформации, но и миграционные оттоки приезжего населения за пределы республики. Внешние мигранты покидали города, высвобождая рабочие места для внутренних мигрантов, продавая свое жилье, тем самым, увеличив рынок более доступного вторичного жилья в городских поселениях. К 2014 г. доля городского населения достигла 65%, а к 2050 г. доля горожан может возрасти до 75% (по «среднему» варианту демографического прогноза) [4].

Интенсивность урбанизации в 1959–1970 гг. была намного выше, чем в 2002–2010 гг. что связано с интенсивным промышленным освоением новых территорий под промышленные разработки полезных ископаемых. В период 1959-1970 гг. отрицательный коэффициент интенсивности наблюдается в трех районах (Вилуйский, Нерюнгринский, Верхоянский), высокая интенсивность урбанизации в этот период наблюдается в трех районах (Олекминский, Хангаласский, Усть-Янский). В период с 1970–1979 гг. наибольшая интенсивность наблюдается в Южной Якутии (в связи с появлением в 1975 г. нового промышленного города Нерюнгри), также наблюдается в Вилуйском и Томпонском районах). С 1979–1989 гг. наблюдается увеличение показателя в некоторых северных районах (Абыйский, Среднеколымский). Процесс урбанизации, прежде происходивший довольно интенсивно, в период между переписями 1989 г. и 2002 г. пошел на спад. В эти годы закрываются рабочие поселки, некоторые из них были упразднены или переключались в категорию - сельские поселения. Такая ситуация была вызвана ликвидацией нерентабельных промышленных предприятий, которая в свою очередь вызвала отток населения из поселков. Например, в 1994 г. началась ликвидация многих поселений золотодобытчиков АО «Куларзолото», с 1996 г. АО «Индибирзолото» - Ольчан, Эльгинский, Бриндакит, Нерский. Эти ликвидации были вызваны нерентабельностью предприятий, которые располагались в чрезвычайно сложных транспортно-экономических условиях. Это особенно характерно для северных и восточных районов Якутии (Усть-Янский, Верхоянский, Кобяйский). С 2002–2010 гг. происходит некоторая стабилизация показателей, резких колебаний и скачков не наблюдается (табл.1).

Соотношение доли городского и сельского населения по переписям населения Якутии

Рассмотрение по улусам соотношения доли городского населения и количества городских поселений дает возможность отметить, что в процесс урбанизации вовлечены не все районы республики (62,8% в 2010 г.) (табл.2).

Среди районов, вовлеченных в процесс урбанизации видно, что городское население концентрируется в одном-двух городских поселениях определяя «точечное» автономное расселение. Для городского населения характерна высокая степень концентрации. По данным на 1 января 2015 г. наибольшая часть городского населения (47,8%) сосредоточена в городе Якутске. В городе Нерюнгри проживает 9,3% горожан. В городах Мирный, Алдан, Ленск размещается 12,7% городского населения. Таким образом, к пяти наиболее крупным городам относится 70% городского населения республики. [3]

Таблица 1
Динамика коэффициента интенсивности урбанизации по районам Республики Саха в межпереписные периоды

Административные районы	1959-1970	1970-1979	1979-1989	1989-2002	2002-2010
Абыйский	8,7	-5,5	46,5	-8,9	3,2
Алданский	2	-12,9	2,8	7	-0,5
Аллайховский	-	-	-	3,6	-4,3
Булунский	14,7	-2,4	3,6	-15,8	4,3
Верхнеколымский	0	-13,1	-2,3	-1	9,0
Верхоянский	-8,3	-7,2	7,6	-26,2	1,0
Вилуйский	-6,1	74,9	5,4	-7,9	2,6
Кобяйский	21,2	21,3	-7,3	-31,7	-7,6
Ленский	9,8	2,1	2,5	5,1	0,5

Мегино-Кангалаский	-	-	7,5	-19,5	0
Мирнинский	17,7	-5,6	3,0	1,9	0,7
Нижнеколымский	-	-0,2	-3	-21	-5,2
Нюрбинский	18,6	3,9	5	-4,3	0
Оймяконский	0,9	-23,0	5,4	8,4	0,8
Олекминский	33,9	0,4	2,1	-8	-12,5
Среднеколымский	-1,6	6,8	19,5	-7,7	-1,3
Томпонский	3,7	35,2	2,1	3,2	-3,1
Усть-Майский	0,7	-6,5	5	-6	1,9
Усть-Янский	71,5	-7,2	15,7	-28,9	-4,7
Хангалаский	64,8	11,1	15,1	-9	2,0
Нерюнгри с.п.т.	-6,9	35,5	3,2	0,5	0,2
Якутск	2	1,7	1,7	-0,1	-0,6

Другая существенная особенность урбанизации в РС(Я) – доминирующая роль столицы республики. Доля городского населения, сосредоточенная в г. Якутске составляет 48%. Город Якутск, по существующей типологии городов, можно отнести к полифункциональным, т.к. он является административным, научно-образовательным, медико-диагностическим центром региона. Развивая городские функции, он сохраняет и предыдущие сельские черты в застройке (например, традиционные частные дома), архитектурно-строительной планировке и образе жизни жителей. Известно, что мигранты из сел длительное время сохраняют многие признаки сельского образа жизни, поэтому происходит рурализация города. Притягивающим фактором молодых сельчан-выпускников средних школ является их желание продолжить образование. Молодых специалистов-мигрантов город привлекает рынками труда и жилья, системой жизнеобеспечения, разнообразием организации досуга и т.п.

Таблица 2

Соотношение доли городского населения Якутии и количество городских поселений 2010 г. [1]

Группа	Количество районов (улусов)		Средняя доля городского населения, %	Количество городских населенных пунктов в улусе
	Всего	%		
1	9	41,0	48,0	1
2	6	27,3	66,4	2
3	3	13,7	63,5	3
4	4	18,2	89,7	6–8

Еще одной особенностью г. Якутска является то, что здесь достаточно четко прослеживается процесс трансформации города, развитие его периферийной части. Выход города за пределы границ разви-

тие пригородов, которое по существу представляют «форму захвата городом своей сельской окружности». В последние годы наблюдается строительство индивидуального жилья в пригороде и периферийной части города. С одной стороны, на это подтолкнула острая нехватка жилья из-за небывалого наплыва внутренних мигрантов, с другой – непривлекательность и ветхость старого жилого фонда побудила состоятельных людей строить индивидуальные дома повышенной комфортности на пригородных участках. Более скромные дома традиционного типа строят те, кто не может позволить себе его приобрести на вторичном рынке жилья. Следствием такой застройки стал своеобразный современный «постгородской» тип расселения в Якутске. Это, как утверждают исследователи, закономерности процесса урбанизации, которые приведут к формированию новых систем расселения и более совершенного уклада жизни – комфорт в виде благоустройства и уединения на собственном земельном участке. Подобный тип расселения к тому же более органичен северным климатическим условиям.

Важным показателем, характеризующим пространственную составляющую урбанизации, является сформированность систем городского расселения как взаимного упорядоченного размещения крупных городов (как главных экономических центров), средних и малых городов, находящихся в зоне их влияния. В Республике Саха (Якутия) в последние годы наблюдается изменение пространственной организация городского расселения, увеличилась неравномерность размещения городских поселений по территории республики, изменился рисунок сети поселений. Анализ ареалов городских поселений показывает, что на значительной территории Якутии происходит переход от групповой формы расселения, вновь в «точечную», которая была характерна на ранних этапах Советского периода.

Библиографический список

1. *Всероссийская* перепись населения 2010 г. Том 11: Сводные итоги по республике Саха (Якутия) URL: <http://sakha.gks.ru/> (дата обращения: 21.07.14.)
2. *Латто Г. М.* Развитие городских агломераций в СССР. М.: Наука, 1978. 152 с.
3. *Распределение* городов и поселков городского типа по численности населения на 1 января 2015 г. URL: <http://sakha.gks.ru/> (дата обращения: 21.07.14.)

4. *Республика Саха (Якутия) – 2050. Форсайт-исследование / Е.И. Михайлова, В.С. Ефимов, У.С. Борисова и др. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. – 184 с.*

5. *Федорова Е.Н.* Население Якутии: прошлое и настоящее (геодемографическое исследование). – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. – 207 с.

**URBANIZATION OF THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF SAKHA
(YAKUTIA): THE PROBLEMS OF SPATIAL ORGANIZATION**

A.N. Savvinova, G.A. Gnatyuk

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Russia, 677000, Yakutsk, Belinskogo Str., 48; e-mail: sava_73@mail.ru

The steady progress of urbanization, rapid industrial growth, non-agricultural urban, and urbanized population - the most characteristic features of urbanization in present time, including in the Northern regions. Its spatial organization is the result of the interaction of economic, natural, historical factors. In the article the questions of spatial organization of the processes of urbanization in the Republic of Sakha (Yakutia).

Key words: urbanization, spatial organization, resettlement.

УДК 910.1 (575.1)

**УСТЬЕВЫЕ ОАЗИСЫ – СВОЕОБРАЗНЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬ-
НЫЕ ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ СРЕДНЕЙ
АЗИИ**

А.С. Салиев, В.Н. Федорко

Национальный университет Узбекистана имени М.Улугбека

Средняя общеобразовательная школа №233

100700, Республика Узбекистан, г. Ташкент, Вузгородок, e-mail:

soliev.a@mail.ru, viktor-f-89@mail.ru

Научный руководитель: к.г.н., доцент Федорко В.Н.

В сообщении рассматривается определение понятия «устьевой оазис», показывается место этих интегральных геосистем в территориальной структуре природопользования Узбекистана и сопредельных стран Центральной Азии. Анализируются типичные черты природно-хозяйственных условий этих геокомплексов.

Ключевые слова: территориальная природно-хозяйственная система, устьевой оазис, интегральная геосистема, культурный ландшафт, природопользование.

В становлении среднеазиатской цивилизации роль устьев рек исключительна. Р.Я. Рассудова [3, с.150] отмечает: «На заре развития ирригации, в эпоху неолита, человеком использовались, прежде всего, самые низинные земли в районах предгорных речек и в наиболее удобных местах рек, чаще – в самых низовьях (Амударья, ферганских рек Исфайрама, Соха и др.)». В востоковедческой литературе имеется точка зрения о том, что орошаемое земледелие в Средней Азии зародилось в VI тысячелетии до н.э. в низовьях небольших речек, стекающих со склонов Копетдага, где сформировались очаги так называемой неолитической джейтунской культуры. Первые же крупные оазисы в регионе были созданы в V-IV тысячелетиях до н.э. в дельтах Теджена и Мургаба [1]. Устьевым зонам среднеазиатских рек присущи определённые черты единства ландшафтного облика. Такая схожесть во многом обусловлена общностью генезиса природно-территориальных комплексов, приуроченных к устьям различных рек региона. Формируются же исследуемые географические целостности на основе аккумулятивных литолого-геоморфологических систем – дельт, конусов выноса, приустьевых террасовых равнин, образующихся вследствие интенсивного накопления флювиальных (главным образом, аллювиальных и пролювиальных) отложений в специфических гидрологических и геотектонических условиях устьевых участков речных бассейнов.

С особенностями литогенного строения и рельефа поверхности устьевых аккумулятивных образований связаны характерные черты их гидрогеологических условий, в частности, значительные запасы грунтовых вод, их относительно близкое к поверхности залегание, специфический химический состав и т.д. Своеобразие гидрогеологических организации в существенной мере способствовало развитию в пределах устьевых участков речных бассейнов гидроморфных и полугидроморфных типов почв и ландшафтов, особенно, в равнинной части Средней Азии. В целом, именно литолого-геоморфологические, гидрогеологические и почвенные условия играют определяющую роль в формировании интразональных признаков природного облика устьевых геокомплексов региона.

Рассматриваемым районам присущи характерные черты гидрографии. В пределах дельт и конусов выноса речные потоки становятся неустойчивыми, блуждают по собственным отложениям, зачастую образуя систему рукавов. В результате развития орошения гидрографические сети этих территорий дополнились искусственными водотоками – отводами, каналами, арыками и коллекторами, трансформировавшись в ирригационные, или оросительные, «веера». Примечательно, что мно-

гие среднеазиатские реки вследствие интенсивного водозабора на орошение в современных условиях заканчиваются подобными ирригационными веерами, не впадая в какой-либо водный объект. Устья таких рек, как известно, называются «слепыми» [2]. «Слепыми» являются, к примеру, устья Зарафшана, Мургаба, Теджена, Кашкадарьи, Соха, Чу, Таласа, Исфары, Исфайрамса, Акбуры и многих других рек Средней Азии. Устьем этого типа, в сущности, является в настоящее время и дельта Амударьи, не доносящая своих вод до Аральского моря уже многие годы.

Формирование густой гидрографической сети ирригационных водотоков является одним из наиболее заметных, но далеко не единственным последствием антропогенного преобразования природно-территориальных комплексов устьев рек Среднеазиатского региона. Многовековой опыт хозяйственной деятельности человека, прежде всего, поливного земледелия, в дельтах, устьевых конусах выноса и террасовых равнинах вызвал также существенные изменения литологии поверхностных отложений, рельефа, гидрогеологических условий, почвенного покрова, органического мира этих геокомплексов. Так, поверхность характеризуемых районов во многих случаях отличается наличием мощных толщ агроирригационных наносов и широким развитием сельскохозяйственных и техногенных форм рельефа. В тесной связи с глубокой трансформацией режима поверхностных вод претерпели коренные изменения уровень залегания, режим и минерализация подземных вод. Кроме того, в устьях среднеазиатских рек, как равнинных, так и предгорно-горных, отмечается смена естественных почв их оазисными вариантами, сукцессия естественных биоценозов агробиоценозами и ощутимое изменение микроклиматических условий в связи с особенностями преобразованной человеческой деятельностью подстилающей поверхности. Следовательно, рассматриваемые территории представляют собой глубоко преобразованные многовековой хозяйственно-селитебной эксплуатацией природно-антропогенные геосистемы.

В пределах устьевых геосистем исторически сложились своеобразные по структурно-морфологическим, функциональным и динамическим свойствам системы производства и расселения, стержневую (опорно-каркасную) основу которых составляет орошаемое земледелие. В некоторых дельтах и конусах выноса сформировались и сравнительно крупные формы городского и сельско-городского расселения агломерационного характера. Эти территории, являющиеся колыбелями земледельческой цивилизации и городской культуры Средней

Азии, и в наше время остаются крупными природно-хозяйственными районами, регионообразующими ядрами. Достаточно назвать дельты Амударьи, Зарафшана, Мургаба, Теджена, Кашкадарьи, конусы выноса Соха, Таласа, Нарына, Акбуры, чтобы убедиться в справедливости этого.

Особенности ландшафтных комплексов устьев рек, их хозяйственно-селитебное использование и конечное расположение в пределах бассейновых систем природопользования способствуют развитию специфических геоэкологических процессов – ухудшения качества водных ресурсов, вторичного засоления земель, эрозии почв, накопления загрязняющих веществ в различных природных средах. В устьях рек Средней Азии формируются характерные нозогеографические комплексы с очаговой концентрацией заболеваний органов пищеварения, мочекаменной болезни, эндемического зоба и других болезней. Можно сказать, что природно-антропогенные ландшафты рассматриваемых территорий и взаимодействующие с ними местные социально-экономические структуры образовали самобытные комплексы географической, техногенной и общественной среды жизни населения, которые во многих случаях имеют отчётливые пространственные контуры, в частности, явно выделяются на топографических картах и космофотоснимках. Эти районы представляют собой характерные для аридных и семиаридных регионов мира (в частности, для Средней Азии, Синьцзяна, Афганистана, Ирана, Восточного Закавказья, Северной Африки) территориальные природно-хозяйственные системы, которые нами предлагается именовать устьевыми оазисами [4]. Определение данного понятия представляется возможным сформулировать следующим образом: *устьевые оазисы* – это территориальные природно-хозяйственные системы, приуроченные к устьевым аккумулятивным образованиям – дельтам, конусам выноса, приустьевым террасовым равнинам рек аридных и семиаридных регионов, пространственно-временная структура, функционирование и развитие которых обусловлены особенностями процессов взаимодействия общества и местной географической среды, связанных, прежде всего, с развитием и размещением орошаемого земледелия.

Пространственные контуры исследуемых ТПХС определяются, в первую очередь, физико-географическими (конкретнее, гидрографическими, литолого-геоморфологическими, почвенными) рубежами, очерчивающими дельты, внешние конусы выноса и устьевые террасы рек. В некоторых случаях целесообразно учитывать территориально-

хозяйственную целостность устьевых ландшафтных образований и прилегающих участков, ведущим фактором которой является водохозяйственный, заключающийся в единстве ирригационных систем этих территорий. Кроме того, выявление географических границ рассматриваемых районов осложняется в некоторых случаях наличием, наряду с современными устьевыми образованиями той или иной реки, сопряжённых с ними одной или нескольких древних, в частности, отмерших, схожих литоморфных систем. Наиболее часто эта особенность отмечается в устьях среднеазиатских рек, образующих дельты, например, Амударьи, Теджена, Мургаба, Зарафшана, Чу и других. В подобных случаях представляется допустимым определять границы объекта исследования, в известной степени, произвольно, исходя из целей и задач выполняемой работы. Автором устьевые оазисы рассматриваются в основном в пределах современных дельт и конусов выноса, в отдельных же случаях с учётом тесной хозяйственной интеграции и единства ирригационно-мелиоративных условий контуры изучаемых ТПХС несколько расширяются (например, Нижнекашкардарьинский оазис в низовьях Кашкадарьи). Специфика нашего подхода к изучению устьев рек Средней Азии состоит во взгляде на них как на своеобразный генетико-морфологический тип территориальных природно-хозяйственных систем региона. При этом типологическое единство характеризуемых территорий понимается весьма широко и многогранно, включая следующие аспекты:

– *геопозиционный*: устьевые оазисы, расположенные на различных гипсометрических уровнях региона, занимают специфическое физико- и эколого-географическое положение в пределах речных бассейнов соответствующего порядка. Это накладывает существенный отпечаток, как на природные (гидрологические, гидрохимические, гидрогеологические, литолого-почвенные и т.д.) условия, так и на геоэкологическую обстановку. Последняя складывается не только под влиянием местного природопользования, но и в тесной связи с процессами социоприродного взаимодействия в пределах гидрографических бассейнов в целом;

– *ландшафтно-генетический*: природная литоморфная и почвенная основа, гидрографические и гидрогеологические условия, общие черты ландшафтной структуры устьевых геосистем региона связаны с интенсивными процессами флювиальной аккумуляции терригенного материала в устьевых частях бассейнов и формированием здесь специфических геоэкосистемных образований одного, по сути,

генетического ряда – дельт, конусов выноса, устьевых террасовых равнин;

– *культурно-ландшафтный*: равнинные дельты, конусы выноса предгорий и гор Средней Азии отличаются высокой степенью антропогенной преобразованности всех компонентов природы и их пространственных сопряжений – геосистем, принявших во многих случаях форму культурных (оазисных) ландшафтов, что связано с длительной историей освоения изучаемых районов под орошаемое земледелие и высокой плотностью хозяйственно-селитебного использования этих территорий. Характерно, что и дельты рек в равнинно-пустынной части региона, и мелкие конусы выноса высокогорных долин являются наиболее густонаселёнными и интенсивно освоенными геосистемами соответствующих гипсометрических ступеней Средней Азии;

– *экономико-географический*: исследуемые территориальные природно-хозяйственные системы образуют своеобразные ядра пространственной организации производительных сил тех или иных высотных природно-экономических зон, в которых они располагаются: дельты – по отношению к равнинным пустыням; предгорные конусы выноса – в подгорных равнинах и межгорных котловинах (например, Ферганской или Китаб-Шахрисабзской); горные конусы выноса – в пределах горных и высокогорных долин. В предгорно-горной части региона анализируемые интегральные геосистемы образуют сопряжённые линейно вытянутые ряды и превращаются в каркасные линии (полосы) территориальной структуры экономики и населения. Ведущие направления хозяйственной специализации этих территорий также во многих случаях близки и связаны с развитием многоотраслевого сельского хозяйства, обычно, земледелия. Вместе с тем, устьевые оазисы отличаются достаточно высоким уровнем урбанизации и значительным потенциалом агроиндустриального развития;

– *геоэкологический*: в связи с тем, что устьевые оазисы выделяются высокой плотностью и интенсивностью хозяйственно-селитебного освоения, динамичностью и неустойчивостью природных комплексов, а также специфическим эколого-географическим положением в пределах бассейновых (в т.ч. трансграничных) систем природопользования, эти районы характеризуются весьма сложной, зачастую неблагоприятной, геоэкологической обстановкой, качественные характеристики которой выражены в развитии своеобразного комплекса типичных природно-антропогенных процессов. К числу последних можно отнести вторичное засоление земель, ирригационную эрозию, ксероморфизацию ландшафтов, подъём уровня грунтовых вод,

загрязнение водной, воздушной и почвенной среды техногенными веществами;

– *структурно-пространственный*: взаимодействие речного стока и рельефа аккумулятивных устьевых геоморфообразований, на которое существенный отпечаток накладывают неотектонические движения территории, обуславливая формирование своеобразной пространственной структуры ландшафтов дельт и конусов выноса. Географическая неоднородность анализируемых природно-территориальных комплексов может проявляться в следующих формах: 1) фациальности – чередовании областей аккумуляции терригенного материала различного механического состава от вершины к периферии конусов выноса – и связанной с ней склоновой ландшафтной микрозональности; 2) сегментности – сочетании разновозрастных частей дельт и конусов выноса, сопряжённых в веерообразной или древовидной форме; 3) ярусности – ступенчатообразной смене гипсометрических «ярусов» дельт и конусов выноса. Кроме того, взаимодействие гидрологических, тектонических и геоморфологических факторов приводит к образованию специфического рисунка пластики рельефа устьевых образований.

Охарактеризованные виды пространственной дифференциации устьевых геосистем проявляются в структуре ряда компонентов природной среды, особенно, поверхностных отложений, рельефа, гидрологических и гидрогеологических условий, почвенно-растительного покрова и определяют неоднородность природно-мелиоративных реалий, хозяйственного и селитебного освоения территории. Тесная взаимосвязь хозяйственно-поселенческих комплексов с ландшафтами территории способствует формированию своеобразного морфологического рисунка географических систем производства и расселения в пределах устьевых оазисов, закономерно сопряжённых с теми или иными элементами природно-антропогенных мелиоративных комплексов. Определённые изменения в морфологию и внутреннюю структуру ландшафтов изучаемых территорий внесло активное антропогенное преобразование природы, в т.ч. водохозяйственное строительство, мелиорация сельскохозяйственных угодий, освоение приоазисных земель, расширение сети населённых мест, кальмотаж привершинных участков конусов выноса, отвод грунтовых и коллекторно-дренажных вод за пределы устьевых оазисов и другие инженерно-технические мероприятия.

Библиографический список

1. *История Древнего Востока* / Под ред. В.И. Кузицина. М.: Высшая школа, 1979. 456 с.

2. *Кирста Б.Т.* Реки пустынь. Ашхабад: Ылим, 1980. 100 с.

3. Рассудова Р.Я. Естественные условия и система хозяйственно-социальных отношений в позднефеодальный период в истории народов Средней Азии // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л.: Наука, 1984. С.144-166.

4. Федорко В.Н. Общегеографическое понятие об устьевых оазисах Среднеазиатского региона // Известия Географического общества Узбекистан. 2012. 40-том. С.96–99.

ESTUARY OASIS - A KIND OF TERRITORIAL NATURAL-ECONOMIC SYSTEMS OF CENTRAL ASIA

A.S. Saliev, V.N. Fedorko

The National University of Uzbekistan named after Ulugbek

Secondary school №233

Uzbekistan, 100700, Tashkent, Vuzgorodok; e-mail: soliev.a@mail.ru, viktor-f-89@mail.ru

Research advisor: Candidate of Geography, Associate Professor Fedorko V.N.

The report examines the definition of «estuary oasis», shows the location of these integral geosystems in the territorial structure of nature management in Uzbekistan and neighboring Central Asian countries. Analyzes the typical features of natural and economic conditions of these geocomplexes.

Key words: territorial natural-economic system, estuary oasis, integral geosystem, cultural landscape, nature management.

УДК 91:[004:002]

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

И.Р. Саматов

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: sir91@bk.ru

Научный руководитель: к.г.н., доцент Казаков Б.А.

В сообщении раскрываются вопросы изучения информационной среды жизнедеятельности человека в системе общественно-географических дисциплин, в том числе определяется инфосфера в составе территориальных общественных систем, ее структура и уровни территориальной организации.

Ключевые слова: информационная сфера, территориальная общественная система, информационные взаимодействия, территориальные уровни информационных процессов.

Современное развитие человечества сопровождается усилением внимания различных научных дисциплин к понятиям «информация», «информационное общество», «информационная сфера» и пр. Оно связано с необходимостью оценки возрастающей роли информации в жизни человеческих коллективов, отдельных хозяйствующих субъектов, а также стран и регионов. По мнению М. Кастельса, информация и обмен информацией имели особую важность на всех этапах развития цивилизации. В то же время зарождающееся «информационное общество»¹ строится таким образом, что «генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти» [1]. К тому же данный процесс развивается на фоне ускоряющихся, но противоречивых процессов глобализации, затрагивающих все точки земного шара и всю деятельность людей. Это дает нам основание выделить особый вид общественного потенциала в развитии территориальных общественных систем – информационный – и особую сферу жизнедеятельности населения – информационную. В связи со своим широким наполнением последняя получила различное понимание в отдельных науках.

В частности, философ и социолог профессор В.Д. Попов дает следующее определение: «информационная сфера общества – структурный элемент социосферы, в котором информация рассматривается в качестве основы общественных отношений. К информационной сфере относятся средства массовой информации (телевидение, радио, печатная пресса), технические средства хранения и распространения информации (библиотеки, Интернет), средства индивидуальной связи и коммуникации (телефоны, телеграф, почта). Если исходить из усиления тенденции информатизации общества, то в широком смысле к информационной сфере можно отнести также всю сферу интеллектуально-духовного производства – науку, философию, религию, искусство, политику» [3].

В этой дефиниции информация является основой общественных отношений, а следовательно речь пойдёт не об информации вообще, а о *социальной информации*, под которой понимается «любая информация, циркулирующая в обществе, которая обеспечивает выполнение им функций именно как социальной системы» [2]. В этом смысле, по нашему мнению, социальная информация представляет собой совокупность сообщений, идей, знаний и других сведений об окружающем мире и протекающих в нем процессах, которая перерабатывается человеческим сознанием и реализуется в общественно-политической или

¹ Определение автора. Шире применяется понятие «информационное общество».

экономической деятельности людей. В таком содержании понятие «социальная информация» может быть воспринята и использоваться в других науках, в частности в общественной географии.

Однако в географических изысканиях в отличие от социологических исследований важным становится не столько анализ понятия «социальная информация», сколько изучение внутренней структуры информационно-сферной системы как блока жизнедеятельности населения в составе территориальных общественных систем (ТОС) и выявление их отношений с другими блоками и компонентами ТОС.

Увеличение потоков информации, технологий, капитала, товаров, услуг и людей вызывает необходимость изменения внутренних и внешних параметров ТОС разного иерархического уровня. Подобные трансформации способствуют расширению понятия «ТОС» и позволяют выделить информационное пространство в составе общего географического пространства. Последнее формируется в результате процессов создания, передачи, хранения и использования социальной информации внутри ТОС. Согласно мнению Т.В. Субботиной, благодаря новому содержанию в географическом пространстве помимо ширины и длины (площадное и локализованное измерение) появляется высота (информационная оболочка, отображающая в себе в виде информационных потоков площадной рисунок системы). Из этого следует, что ТОС из площадных превращаются в объемные системы [5].

Феномен информатизации оказывает преобразующее воздействие на все стороны жизнедеятельности системы – экономику, политику, безопасность, социальную сферу, науку, культуру, образование и досуг. По мнению А.И. Смирнова [4], бурное распространение локальных, региональных и глобальных информационных сетей создает принципиально новое качество трансграничного информационного обмена и инструментария воздействия на массовое сознание, усиливая значение социально-психических и культурно-информационных аспектов в региональном развитии (в самом широком понимании этих слов). Кроме того, важнейшей предпосылкой усиления роли информации в общечеловеческих процессах является всевозрастающая потребность людей жить в открытом обществе. Все это является предпосылками формирования особого информационного пространства в жизни человека², определяющего существование информационной сферы в составе ТОС.

В нашем случае данная система (сфера) является подсистемой или блоком сложной интегральной системы: 1) отображающей собственно информацию обо всех составляющих ТОС; 2) имеющей самостоятель-

² В иных исследованиях применяются и иные определения – киберпространство, киберсреда, инфосфера и пр.

ное внутреннее содержание, возникающее в процессе жизнедеятельности территориальной общности людей. Таким образом, с географических позиций можно определить *информационную сферу* как область деятельности людей, разворачивающуюся в определенном пространстве и времени, связанную с поиском, обработкой, хранением, передачей и использованием информации, способствующей или ограничивающей развитие иных компонентов территориальных общественных систем.

Как и любой другой блок жизнедеятельности человека, информационная сфера обладает сложной структурой. Основными ее составляющими являются:

- информация (информационные ресурсы, знания, сведения, информационные объекты);
- объекты информационного взаимодействия (пользователи информационных ресурсов и объектов);
- владельцы и собственники информационных ресурсов (информационных объектов) и средств (систем) добычания, упаковки, транспортировки, распространения, хранения, обработки и визуализации информационных ресурсов;
- информационно-коммуникационная инфраструктура;
- информационные процессы и отношения между объектами и субъектами информационного взаимодействия.

В структуре взаимодействия человека и общества выделяются сферы деятельности, которые тесно взаимосвязаны друг с другом за счет проникновения каждой из них в смежные сферы. Так, на формирование информационного общества влияют факторы научно-технического, экономического, социально-политического и иного характера. В свою очередь информационная сфера, может быть, и является источником трансформаций в экономической (ускорения экономической глобализации, увеличение темпов международной экономической деятельности и пр.), социальной (повышение/понижение степени комфортности проживания человека в социальной среде, создание новых форм общения, в частности в виртуальном пространстве и др.), политической (изменения политических предпочтений людей, создание медиа-образов, ведение информационных войн и пр.). В результате их взаимодействия возникает информационно-политическая, информационно-экономическая и иная дифференциация, которая усложняет ТОС, способствует формированию новых компонентов в ее составе, увеличивает объем взаимодействий между разными сферами жизни человека. Таким образом, информационные процессы воздействуют на жизненный цикл развития отдельных территорий и регионов.

Информация всегда сопровождала политические (геополитические) процессы, имевшие конечным итогом разные внешнеполитические процессы (заключение мира, объявление войны, создание блоков государств, попытки вмешательства в жизнь иных территорий). Однако ранее она была лишь одним из средств, компонентов или составляющей (часто вспомогательной) борьбы за геополитическое пространство. В настоящее время информация становится в какой-то степени самостоятельным актором в политических, в том числе геополитических, процессах. Многими исследователями современных международных процессов информация наряду с финансовыми инструментами признается основным оружием, изменяющим расстановку геополитических сил. В составе геополитики, которая как наука находится на стыке множества общественных дисциплин, появилось отдельное направление, получившее название информационная геополитика.

Феномен современной информационной геополитики следует рассматривать в контексте социокультурного процесса, т.е. через теснейшую взаимозависимость политики, культуры, морали, психологии и поведения человека. Также политика становится способом эксплуатации культурных норм и ценностей. Особенно ярко это проявляется в условиях информационного и глобализирующегося общества. В современных условиях политическая активность перемещается в информационное пространство, субъекты политики оперируют набором информационных сообщений, идей, влияющих на взгляды, убеждения и поведение людских масс.

Но не стоит забывать, что информационная геополитика включает не только направленность на международные отношения и информационную экспансию других стран, она также анализирует внутреннюю информационную политику и ее связи с политико-географическим развитием ГОС на мезо- и микроуровне. Тем самым данное направление сближается с политической географией.

Таким образом, мы можем утверждать, что информационная сфера является частью любой ГОС, следовательно имеет несколько иерархических уровней (масштабов) своей территориальной организации: глобальный, на котором раскрывается информационное взаимодействие на международной арене, национальный, связанный с анализом информационных отношений на уровне отдельных стран, региональный – на уровне отдельных административных единиц государств мира и локальный – в пределах низовых территорий. Исходя из этого, инфосреду можно характеризовать через территориальный масштаб, в том числе он показывает концентрацию информационных взаимодействий, количество субъектов и объектов пользования, состояния инфраструктуры ИКТ среды. Каждый из информационных центров, формирую-

щихся на определенном территориальном уровне, будет отражать масштаб интересов субъектов и объектов пользования, представляя собой ареал (поле) создания, хранения и распространения информации.

Библиографический список

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура; пер. с англ. под ред. О. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 505 с.

2. *Манойло А.В.* Государственная информационная политика в особых условиях: монография / А. В. Манойло. – М.: МИФИ, 2003. – 388 с.

3. *Попов В.Д.* Социальная информациология: Словарь / сост. Л.И. Мухамедова ; под общ. ред. В.Д. Попова. – 2-е. изд. – М.: РАГС, 2007. – 172 с.

4. *Смирнов А.И.* Информационная глобализация в России: вызовы и возможности / А. И. Смирнов. – М.: Парад, 2005. – 331 с.

5. *Субботина Т.В.* Территориальные социально-эколого-экономические системы: монография / Т.В. Субботина, М.Д. Шарьгин; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2011. – 269с.

GEOGRAPHICAL ASPECTS OF STUDYING INFORMATIONAL LIFE SPHERE

I.R. Samatov

Perm State University

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15; e-mail: sir91@bk.ru

Research advisor: Candidate of Geography, Associate Professor Kazakov B.A.

The issues of studying informational life sphere in the system of social and geographical disciplines, including infosphere in the territorial social systems, its structure and levels of territorial organization, are described in this report.

Key words: information sphere, territorial social system, communication, territorial levels of informational processes.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА РЕГИОНА: ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ И ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ

Г.А. Саттарова

Башкирский государственный университет

e-mail: satt-gu01@mail.ru

В статье рассматривается понятие экологической инфраструктуры, её значение и структура. Обоснована необходимость изучения экологической инфраструктуры региона, представлены основные подходы к оценке функционирования экологической инфраструктуры на территории.

Ключевые слова: экологическая инфраструктура, функции экологической инфраструктуры, оценка функционирования экологической инфраструктуры.

Инфраструктура – совокупность предприятий и организаций, создающих условия для функционирования производства и обращения товаров, а также жизнедеятельности людей. Инфраструктура территории является важнейшим фактором регионального социально-экономического развития. Функционирование инфраструктуры обеспечивает взаимодействие всех секторов экономики, создает необходимые условия для жизни населения, поддерживает промышленное и сельскохозяйственное производство, способствует укреплению внутри- и межрегиональных связей. Уровень развития инфраструктуры определяет возможности и степень социально-экономического развития территории, качество жизни населения, привлекательность территории для инвесторов и туристов.

Смирнова О.А. предлагает под инфраструктурой региона понимать совокупность связанных между собой обслуживающих институтов, необходимых для обслуживания и нормального развития территории [5]. Инфраструктура может рассматриваться и как внешнее условие производства товаров и услуг, и как неотъемлемая часть производства. Чаще всего в соответствии с выполняемыми функциями выделяют производственную, рыночную, социальную, информационную инфраструктуру. Отдельно следует выделить экологическую инфраструктуру, призванную обеспечить устойчивое эколого-экономическое развитие территории. Экологическая инфраструктура представляет собой комплекс объектов и организаций, обеспечивающих изучение, сохранение, восстановление и оптимизацию природных компонентов среды жизнедеятельности людей [4]. А.И Лычак. и Е.Е. Вацет под эко-

логической инфраструктурой понимают единую территориальную систему, которая представлена функционально различными подсистемами: блоком природно-территориальных комплексов, системой административных органов управления, системами контроля и регуляции состояния окружающей среды [3]. Как отмечают Литовка О.П. и Новиков Э.А., в экологической инфраструктуре наряду с природоохранными объектами (очистка и удаление загрязнений) должны создаваться и функционировать организации по разработке средо- и ресурсосберегающих технологий, строительству предприятий экологоресурсного воспроизводства [2]. Такая многокомпонентная структура будет способствовать повышению эффективности природоохранной деятельности в крупных промышленных центрах. При этом функциональная структура промышленного производства на территории, представляемая как система основообразующих, сопутствующих предприятий, производственной и социальной инфраструктуры, дополняется экологической инфраструктурой. Также в состав экологической инфраструктуры нужно включить систему особо охраняемых природных территорий, призванную сохранить ландшафтное и биологическое разнообразие территории, эталонные и уникальные ландшафты, и городское парковое хозяйство.

Определение состава экологической инфраструктуры позволит представить основные функции объектов, входящих в систему инфраструктуры региона и обеспечивающих процесс экологизации производства, условия воспроизводства природной среды, сохранение природно-территориальных комплексов, оздоровление населения, экологическое образование и воспитание. В соответствии с этим в ее состав следует включить: 1) очистные и обезвреживающие установки, обслуживающие основное производство и обеспечивающие процесс расширенного воспроизводства в целом (как правило, они имеют прямое отношение к процессу производства, являются её частью); 2) очистные сооружения, относящиеся к жилищно-коммунальному хозяйству; 3) полигоны по утилизации и захоронению промышленных, бытовых и иных отходов, предприятия по обезвреживанию или переработке этих отходов; 4) система ООПТ, зеленую зону городов; 5) предприятия, осуществляющие свою деятельность в сфере продвижения и реализации экологически чистой продукции, «зеленых» технологий, экологических услуг; 6) учреждения по взаимодействию, обмену опытом и повышению квалификации в сфере экологического образования и воспитания; 7) организации, обеспечивающие внутреннее и внешнее

взаимодействие объектов экологической инфраструктуры и ее функционирование как единой системы (органы охраны природной среды, экологического страхования, лицензирования и т.п.).

Основными функциями экологической инфраструктуры являются отвод, утилизация, обезвреживание, переработка отходов производства и жизнедеятельности населения с целью сохранения благоприятной экологической ситуации в регионе. Особо охраняемые природные территории вместе с зелеными зонами населенных пунктов должны обеспечивать экологическое равновесие природных и антропогенно преобразованных территорий, являющееся одной из основ устойчивого развития. «Экологизация» потребительского сознания является одной из ведущих тенденций в развитых странах мира. Значительное количество потребителей отдают своё предпочтение натуральной продукции и товарам, произведенным с минимальным негативным воздействием на природную среду или с использованием современных средозащитных технологий. Востребованы и услуги, направленные на гармонизацию взаимодействия природы и человека и обеспечивающие экологическую безопасность окружающей среды. Основной функцией предприятий, осуществляющих свою деятельность в сфере продвижения и реализации экологически чистой продукции, «зеленых» технологий, экологических услуг, является снижение экодеструктивности потребительского спроса, повышение качества потребляемых товаров и услуг. Также формированию экологической культуры производства и потребления, осознанию закономерностей взаимодействия природы и общества, признанию ответственности каждой личности за состояние окружающей среды, осмыслению необходимости постоянной заботы о ней во всех видах деятельности способствуют экологическое образование и воспитание.

Функционирование экологической инфраструктуры на территории может быть оценено при помощи показателей, которые отражают как уровень развития вышеперечисленных компонентов инфраструктуры, так и позволяют определить результаты их использования. Уровень развития экологической инфраструктуры отражают показатели:

– обеспеченность очистными и обезвреживающими установками, обслуживающими основное производство или жилищно-коммунальное хозяйство, полигонами по утилизации и захоронению промышленных, бытовых и иных отходов, предприятиями по обезвреживанию или переработке этих отходов (в процентах от необходимого объёма);

- удельный вес в общей площади региона или населенных пунктов особо охраняемых природных территорий или зеленой зоны;
- удельный вес предприятий (занятых на предприятиях, основных фондов предприятий, выручки предприятий), осуществляющих свою деятельность в сфере продвижения и реализации экологически чистой продукции, «зеленых» технологий, экологических услуг, в общем количестве предприятий (занятых на предприятиях, основных фондов предприятий, выручки предприятий);
- количество и направления деятельности учреждений по взаимодействию, обмену опытом и повышению квалификации в сфере экологического образования и воспитания;
- количество и направления нормативно-правовых актов, регулирующих природопользование на территории.

Результаты функционирования экологической инфраструктуры региона оцениваются по нескольким направлениям:

- по показателям экологической эффективности, характеризующим изменение качественного состояния природной среды;
- по социальным показателям, выражающим изменения в демографической ситуации и состоянии здоровья населения;
- по показателям экономической эффективности, отражающим влияние функционирования экологической инфраструктуры на предпринимательство в регионе.

Критериями экологической эффективности, выражающими её сущность, являются улучшение экологических параметров состояния природной среды и снижение отрицательного воздействия на неё. Социальная эффективность выражается через улучшение условий труда, состояния здоровья населения, качества потребляемых товаров. В экономическом смысле эффективность выражается через улучшение экономических результатов функционирования предприятий.

Развитая экологическая инфраструктура территории может сыграть важную роль в устойчивом развитии региональных социально-экономических систем и способна укрепить конкурентоспособность региона, улучшить инвестиционную привлекательность. Использование общей экологической инфраструктуры будет способствовать снижению общих издержек производства и повышению эффективности природоохранных затрат. Особенно востребованным функционирование экологической инфраструктуры может быть в регионах, где имеются крупные промышленные предприятия, развито сельскохозяйст-

венное производство, значительна численность населения и имеются уникальные природные объекты.

Библиографический список

1. *Борисов А.Б.* Большой экономический словарь. - М.: Книжный мир, 2003. - 895 с.
2. *Литовка О.П., Новиков Э.А.* Природно-ресурсный потенциал региональных социально-экономических комплексов. - Л.: Наука, 1991. – 128 с.
3. *Лычак А.И., Вацет Е.Е.* Экологическая инфраструктура как механизм формирования устойчивого развития региона // Культура народов Причерноморья. - 2004. - N47. - С. 123-126.
4. *Ощепкова А.З., Столбов В.А.* Экологическая инфраструктура: реальность, требующая осмысления // Проблемы и перспективы географических исследований. Юбил. сб. научных трудов. – Пермь: Пермский ГУ, 2001. – С. 70 - 84.
5. *Смирнова О.А.* Функциональный анализ инфраструктуры региона: методология и апробация // Современные наукоёмкие технологии. Региональное приложение. – 2013. - №3(35). – С.79-84.

ENVIRONMENTAL INFRASTRUCTURE OF THE REGION: MAIN FUNCTIONS AND APPROACHES TO ASSESSMENT

G. A. Sattarova
Bashkir state University
e-mail: satt-gu01@mail.ru

The article discusses the concept of ecological infrastructure, its meaning and structure. It is justified the necessity of studying the environmental infrastructure of the region, presents the main approaches to the evaluation of the functioning of the ecological infrastructure.

Key words: environmental infrastructure, functions of the environmental infrastructure, assessment of functioning of the environmental infrastructure.

**ОСНОВЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
В НАЧАЛЕ XXI В.**

Р.Г. Сафиуллин, А.К. Афанасьев
Башкирский государственный университет
450076, г. Уфа, ул. 3. Валиди, 32; e-mail: safiullinrg@yandex.ru,
afanasyev.a@bashkortostan.ru

В сообщении представлена современная территориальная социально-экономическая модель развития Республики Башкортостан (после преобразований 1985–2010гг.). Так же представлено видение на возможности и перспективы территориального развития Республики Башкортостан на период 2010–2030гг., предложены механизмы и инструменты реализации территориальной экономической политики субъекта в начале XXI в.

Ключевые слова: регион, субъект федерации, территориальные социально-экономические системы, территориальная социально-экономическая модель развития, субрегион, зона территориального развития, агломерация, территориальная экономическая политика.

Республика Башкортостан (РБ), в современных границах субъекта РФ, с момента вхождения в состав Российского государства в 1557 г. прошла большой путь с точки зрения развития опорного расселенческого и экономического региональных каркасов. За этот продолжительный промежуток времени региональная система расселения претерпела значительные видоизменения под влиянием внешних факторов на развитие региона. Эти внешние факторы были связаны с социально-экономическими, политическими и историческими как глобальными, так и сугубо Российскими мегатрендами. Например, такими как: индустриализация, эпоха нефти, заселение новых территорий Урало-Поволжского региона жителями из Центральной России и многими другими. В процессе влияния мегатрендов и мегасобытий к концу XX – началу XXI в. РБ в территориальном, социально-экономическом, индустриальном, расселенческом и геополитическом пространстве РФ занимает одно из ведущих мест среди регионов страны, находясь в ядре Урало-Поволжского расселенческого и социально-экономического мегарегиона.

Этот тезис подтверждается многими показателями социально-экономического развития региона, такими как: 1) территория 142,9 тыс. км², что является седьмым показателем для регионов Европейской

части России; 2) численность населения 4072 тыс. чел., по которому регион занимает также седьмое место в стране и входит в группу регионов с наибольшей численностью населения (от 3 до 7 млн чел.); 3) общее количество муниципальных образований – 895, из них 63 муниципальных образований высшего уровня (54 муниципальных района, 8 городских округов, 1 закрытое административно-территориальное образование), – 2–3 место в стране; 4) одна из наиболее развитых систем расселения (плотность населения 28 чел. на км², 4 крупных центра городского расселения, 8 средних и малых, высокая численность населения сельских муниципальных районов (16–80 тыс. чел., при средней 25–30 тыс. чел.), развитая система сельского расселения; 5) объем валового регионального продукта 1267,0 млрд руб. (2013 г.) является девятым показателем в стране; 6) объем производства сельскохозяйственной продукции 135,5 млрд руб. (2014 г.) – 6 место в стране; 7) численность сельского населения 1559,0 тыс. чел. – 3 место в стране после Краснодарского края и Республики Дагестан.

К особенностям территориального развития региона относятся:

- размещение региона в окружении сопоставимых, или почти сопоставимых по всем перечисленным параметрам регионов, высокая плотность размещения городов – миллионников, полумиллионников, скоплений городов с общим населением 500–1000 тыс. чел. в регионах, окружающих Республику Башкортостан, создает предпосылки обоснованно говорить о формирующемся (при достижении определенного уровня взаимосвязи между городами) Урало-Поволжском мегарегионе (границы запад-восток: линия 1 Чебоксары–Казань–Ижевск–Пермь–Екатеринбург–Тюмень, линия 2 Ульяновск (Пенза, Саратов)–Самара–Уфа (Оренбург)–Челябинск–Курган);

- высокая численность сельского населения региона и характер его расселения;

- законченность влияния индустриального этапа развития на характер системы расселения региона, что подтверждается оттоком местного населения из крупных районных центров, малых и средних городов и даже таких крупных городов, как Салават, Нефтекамск, Стерлитамак [1];

- проблемы занятости населения в сельской местности, развития каркаса расселения сельской местности, проблемы стагнации развития, а зачастую и депрессивности развития малых городов и моногородов, незавершенности строительства мегаобъектов, запланированных к реализации в предыдущие этапы развития.

Все приведенные значения показателей, говорящие о масштабности и дифференцированности социально-экономического развития территорий региона, особенности территориального развития региона свидетельствуют о необходимости выработки особого подхода в территориальной экономической политике в регионе. Если посмотреть на соседние крупные регионы или другие крупные регионы страны, критерии отнесения к которым обозначены выше, то во всех таких регионах на современном этапе пересматриваются основы территориальной экономической политики, заложенные еще в советский период. В частности создаются: 1) отдельные ведомства (Пермский край, Республика Башкортостан, Красноярский край, Новосибирская область, Ростовская область), занимающиеся развитием территорий субъекта; 2) региональные вице-премьеры курируют территориальное направление регионального развития (Пермский край); 3) разрабатываются документы, обосновывающие территориальную экономическую политику региона в современных условиях (Стратегия развития «Татарстан 2030», Концепции территориального развития РТ и Башкортостан, Стратегия территориального развития Ростовской области).

Применение, сложившихся в годы советской власти подходов в области управления территориальным развитием регионов, таких как создание и управление развитием территориальными производственными комплексами, государственное регулирование системы расселения региона, в условиях рыночной экономики, всеобщей конкуренции, как на российском, так и на мировых рынках, всеобщей экономии ресурсов, является невозможным и низкоэффективным. Необходимы новые решения.

В Республике Башкортостан первые попытки выработки инструментов для формирования территориальной экономической политики в новое время (после 1991 г.) были осуществлены в 2010-2011 гг., когда были разработаны, и утверждены региональным Правительством Программы развития Зауралья и Северо-Восточных районов Республики Башкортостан до 2015 г., как отдельных субрегиональных единиц на территории региона. Основной причиной выделения этих субрегионов в качестве объектов направленной экономической политики являлась причина отставания муниципальных районов, отнесенных к ним по основным показателям социально-экономического развития и качества жизни населения. Эти субтерритории, состоящие из нескольких преимущественно сельских районов, являются отдаленными от центра республики частями, отстающими в развитии, с другой отраслевой

спецификой развития экономик территорий, в отличие от западных территорий региона.

Основными инструментами реализации программ должны были стать проработка и формирование перечня крупных инвестиционных проектов, последующая их реализация на территории субрегионов (например, строительство Нижне-Суянского гидроузла в Аскинском районе), выделение повышающих коэффициентов при распределении госинвестиций, формирование перечня проектов развития субтерриторий, повышенное внимание к этим субтерриториям при реализации крупных инвестиционных проектов на территории региона.

Так к территории субрегиона Зауралья отнесли следующие муниципалитеты – городской округ город Сибай, муниципальные районы Учалинский район, Баймакский район, Абзелиловский район, Зианчуринский район, Бурзянский район, Зилаирский район; к территории Северо-Восточных районов – муниципальные районы Дуванский район, Мечетлинский район, Салаватский район, Караидельский район, Нуримановский район, Аскинский район, Кигинский район, Белокатайский районы [2;3].

Отдельный вопрос по обоснованности выделения границ субтерриторий, где есть противоречия в экспертных мнениях (так например, Нуримановский район, имеющий абсолютно неинтенсивные связи с территориями Салаватского или Белокатайского районов, а Бурзянский с Хайбуллинским), этот вопрос является дискуссионным и, не совсем касается применения отдельных инструментов для стимулирования развития территорий.

В этот же период пришло понимание необходимости выработки комплексного подхода к территориальному развитию региона. В 2011 г. в ходе научного исследования профессором Московского архитектурного института В.Л. Глазычевым (экспертом в области территориального развития и урбанистики) были сформулированы следующие предложения относительно перспектив территориального развития Республики Башкортостан и тезисы относительно сложившегося территориального каркаса региона:

- корректировка Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан должна базироваться на схеме стратегического зонирования территориального развития региона;
- необходимо опережающее жилищное строительство с социальной инфраструктурой в рамках территориального планирования, – применение современных концепций нового урбанизма;

- необходимо достижение баланса между Уфой и городами 2-3 ранга, формирование агломерации городов Стерлитамак-Салават-Ишимбай;
- необходимо формирование зональных территориальных агентств развития, акцент на развитие через территориальное управление;
- отчетливо можно выделить семь специфических зон: Северо-Западная (от Агидели и Нефтекамска до Бирска и по правому берегу реки Уфы); Северо-Восточная (от левого берега реки Уфы до границы с Челябинской областью); Центральная (от Уфы до городов Октябрьский–Туймазы–Белебей); Южная (от Стерлитамака до Кумертау); Южно-Уральская (Заповедная); Северное Зауралье (Белорецк–Учалы); Южное Зауралье (Сибай–Баймак) [4].

Позже в 2013-2014 гг. в рамках деятельности Агентства по территориальному развитию Республики Башкортостан, с привлечением местных и сторонних экспертов в области территориального развития (БашГУ – Сафиуллин Р.Г., ИСЭИ УНЦ РАН – Гайнанов Д.А., Гатаулин Р.Ф., «Живые города» – Визгалов Д.В., ИКРТ – Курбатова А.С.) были сформулированы основы территориальной экономической политики для Республики Башкортостан и проведен полный комплексный анализ особенностей территориального развития региона с учетом мнения всех экспертов.

Ниже приведем основные положения и тезисы, которые были подготовлены и обобщены в ходе данной работы.

Под территориальным развитием понимается поступательное улучшение качества жизни населения, проживающего на территории соответствующего муниципального района или городского округа Республики Башкортостан (субъекта административно-правовых отношений) за счет повышения конкурентоспособности экономики муниципального района или городского округа Республики Башкортостан в системе межрегиональных и международных экономических отношений и обеспечения эффективной социальной политики, направленной на личностное развитие.

Целью территориальной экономической политики региона является определение на основе системного подхода целей, набора индикативных показателей, характеризующих степень достижения выбранных целей, обозначение приоритетных задач, обоснование методов, механизмов и инструментария развития районов и городов Республики Башкортостан на долгосрочный период с учетом ресурсных возможно-

стей и стратегических способностей каждой территории, а также комплексного развития республики в целом, обеспечивающие в заданной перспективе организацию доступа населения и инвесторов к территориальным ресурсам с целью их рационального и эффективного хозяйственно-экономического и социального освоения и использования.

В качестве заинтересованных в территориальном развитии сторон, от которых зависит и (или) которые влияют на процессы территориального развития, определяются:

- представители домашних хозяйств, проживающие на территории Республики Башкортостан;
- представители бизнес-сообщества (организаций реального сектора экономики), в том числе представителей крупного бизнеса, среднего бизнеса и малого бизнеса;
- гражданские и муниципальные служащие, представители бюджетных организаций и государственных предприятий и организаций;
- представители гражданского общества и науки Республики Башкортостан, в том числе, представители общественных и некоммерческих организаций, представители образовательных учреждений, представители научно-исследовательских и академических учреждений.

Указанные группы в рамках реализации своих потребностей взаимодействуют друг с другом. Реализация потребностей заинтересованных сторон и нивелирование имеющихся разрывов в потребностях является основой для определения целей и задач территориального развития региона.

В рамках территориального развития региона определяются следующие: человеческий потенциал, ресурсы реального сектора экономики, ресурсы социального и инфраструктурного развития (социальная, транспортная, инженерная, торгово-сбытовая инфраструктура), ресурсы межтерриториального взаимодействия (вовлеченность территориальных социально-экономических систем в межтерриториальные, межрегиональные, российские и международные экономические отношения), инвестиционные, финансовые, природные, научно-инновационные ресурсы развития экономики территорий.

Под влиянием современных факторов глобализации мировой экономики и конкуренции не только на уровне фирм, но и стран, регионов, экономических районов и городов существует целый комплекс тенденций в территориальном и социально-экономическом развитии,

которые необходимо учитывать при формировании территориальной экономической политики региона: тенденции в социальной, экономической и технологической, политической и управленческой сферах.

Тенденциями в социальной сфере являются: 1) процессы депопуляции населения, выравнивания соотношения между рождаемостью и смертностью, замедления роста численности населения за счет естественного прироста населения; 2) глобальные изменения в сфере здравоохранения и образования; 3) развитие гражданского сообщества; 4) переход от надежд на помощь власти к надеждам на общественные и собственные силы; 5) рост территориальной мобильности населения.

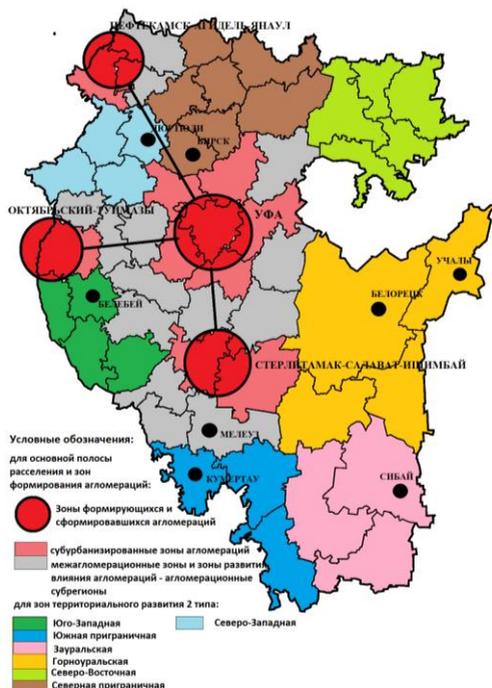
Тенденциями в экономической и технологической сферах являются: 1) превращение муниципальных образований в субъекты межмуниципальной конкуренции; 2) трансформация экономической структуры; 3) разрастание городов, развитие урбанизационных процессов, сверхконцентрация ресурсов в больших городах, интенсификация развития территорий путем формирования территориальных полюсов роста экономики.

Тенденциями в политической и управленческой сферах являются: 1) переосмысление идеологии городского развития – эпоха современного урбанизма; 2) развитие инструментов внутриагломерационного сотрудничества; 3) влияние мировой политической конъюнктуры на развитие территориальных экономических систем, особенности административно-управленческой модели страны и политико-административного устройства; 4) современные подходы в менеджменте и управлении развитием территорий, бизнеса.

Анализ степени актуальности мировых тенденций территориального развития для муниципальных образований Республики Башкортостан.

Среди ограничений, препятствующих сохранению устойчивости территориального развития Республики Башкортостан и развитию территориальной социально-экономической системы Республики Башкортостан, относятся следующие: 1) неравномерный рост основных секторов экономики региона; 2) неравномерное развитие отраслей промышленности; 3) неравномерное распределение научных и образовательных центров; 4) слабоуправляемые процессы формирования и развития городских агломераций; 5) недостаточное финансовое обеспечение деятельности органов местного самоуправления, бюджетный дефицит; 6) инфраструктурные ограничения развития; 7) не эффективное использование ресурсного потенциала территории.

В результате проведенного анализа была разработана современная территориальная социально-экономическая модель развития Республики Башкортостан, которая представлена 2 группами территорий (рис.).

Современная территориальная социально-экономическая модель развития Республики Башкортостан

Первая группа территорий – это зоны интенсивного развития, сформировавшиеся преимущественно вокруг основных экономических и расселенческих центров региона, формирующих основной каркас развития региона.

Вторая группа территорий – зоны полупериферийного, периферийного развития (монопрофильные территории, и территории без развитых обрабатывающих отраслей – периферийные территории).

С учетом обозначенной цели территориального развития, комплекса ключевых проблем, возникающих в ходе реализации данного процесса, принимая во внимания возможности и угрозы территориального развития, а также ресурсный потенциал муниципальных обра-

зования и потенциальные возможности их развития, в качестве приоритетных направлений территориального развития определяются:

1. Формирование на территории Республики Башкортостан зон территориального развития двух типов, и применение отдельных инструментов и механизмов для их развития:

– зоны территориального развития 1 типа - агломерационные с выраженной специализацией каждого (одна сформировавшаяся – Уфимская зона агломерационного развития, одна формирующаяся - Южно-Башкортостанская зона агломерационного развития, две имеющие потенциал к агломерационному развитию – вокруг городов Октябрьский-Гуймазы-Бавлы и Нефтекамск–Агидель–Янаул);

– зоны территориального развития 2 типа – формируются по остаточному типу вокруг монопрофильных городских поселений, территорий отстающего и периферийного (по отношению к основной зоне расселения региона) развития. Развитие реализуется по модели полюсов роста или по модели функционального развития (7 зон развития), с активным применением инструментов развития малого и среднего предпринимательства на этих территориях.

Главным принципом развития зон территориального развития агломерационного типа должны стать комплексность и неразрывность развития городских и пригородных территорий, повышение уровня регулируемости и управляемости процессов агломерационного развития с целью получения экономических и социальных эффектов.

Территории агломерационного развития должны составлять опорный каркас расселения республики, иметь устойчивое и динамичное развитие, связанные между собой устойчивыми связями. Три формирующиеся зоны должны стать противовесами по качеству и уровню развития Уфимской зоне. В свою очередь Уфимская зона должна стать территорией межрегионального развития.

2. Создание условий для развития на территории республики пяти кластеров: нефтегазохимического; легкой и сверхлегкой авиации; биотехнологического; сельскохозяйственного, туристско-рекреационного. В перспективе до 2025 г. – транспортно-логистического.

3. Разработка системы мер по поддержке малого и среднего предпринимательства в муниципальных образованиях в направлениях: обеспечения кадрами; содействия в координации субъектов предпринимательства; создания условий для повышения ресурсоэффективности предприятий; стимулирования выходов на новые рынки; поддержки развития инноваций; создания инфраструктуры развития; поддержки инвестиционных проектов и модернизации.

При этом *основными процессами*, реализуемыми в рамках территориального развития, определяются: 1) стратегическое территориальное планирование (зонирование территории Республики Башкортостан, формирование полюсов роста, формирование агломераций на территории Республики Башкортостан, стандартизация стратегий развития муниципальных образований в рамках ФЗ РФ №172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», актуализация схем территориального планирования в соответствии с трендами развития территорий); 2) программно-целевое планирование; 3) единое территориальное администрирование; 4) территориальный маркетинг (движение территории).

Библиографический список

1. *Доклад* о миграционной ситуации в Республике Башкортостан. Статистический сборник. – Уфа: Башкортостанстат, 2014.
2. *Среднесрочная комплексная программа* экономического развития Зауралья на 2011-2015 гг. URL: <http://prt.pravitelstvorb.ru/?p=3705> (дата обращения 11.06.2015).
3. *Среднесрочная комплексная программа* социально-экономического развития северо-восточных районов Республики Башкортостан на 2011-2015 гг. URL: <http://prt.pravitelstvorb.ru/?p=3687> (дата обращения 11.06.2015).
4. *Доклад* министра экономического развития РБ Е.В. Маврина на совещании у Президента Республики Башкортостан Р.З. Хамитова по Стратегии развития Республики Башкортостан, к отчету НИГ «Основные направления корректировки стратегии комплексного развития РБ на период до 2020 г.». URL: http://minecon.bashkortostan.ru/netcat_files/File/vystuplenie_Mavrina_Podvedenie_itogov_po_Glazychevu.pdf (дата обращения 11.06.2015).

TERRITORIAL BASIS FOR ECONOMIC POLICY REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN IN THE EARLY XXI CENTURY

R.G.Safiullin, A.K.Afanasyev
Bashkir State University

Russia, Ufa, 450076, Z. Validi Str., 32; e-mail: safiullinrg@yandex.ru,
afanasyev.a@bashkortostan.ru

The report represented the modern territorial socio-economic model of development of the Republic of Bashkortostan (after changes 1985-2010). Also presented a vision of the opportunities and prospects of territorial development of the Republic of Bashkortostan for the period 2010-2030., Proposed mechanisms and instruments for the implementation of the territorial policy of the subject at the beginning of the XXI century.

Key words: region, subject of the federation, territorial socio-economic systems, territorial socio-economic development model, sub-region, the area of territorial development, agglomeration, territorial economic policy.

**КОНЦЕПТУАЛЬНО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ
НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ Г. УФЫ**

Р.Г. Сафиуллин, Р.М. Сафиуллина, З.Ф. Ибрагимова
Башкирский государственный университет
450074, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, 32;
e-mail: SafiullinRG@yandex.ru, RMSafiullina@yandex.ru,
ZilyaF2013@yandex.ru

В статье рассматриваются стратегические направления развития г. Уфы. Рассмотрены приоритетные направления пространственного развития города. Предложены альтернативы решения проблем дальнейшего развития г. Уфы, которые помогут повысить конкурентоспособность города в российском масштабе.

Ключевые слова: генеральный план, стратегический план, развитие, пространственная организация города, экономико-географический подход.

По генплану г. Уфа развивается с 1803 г. С 2006 г. проведена корректировка очередного градостроительного документа, срок реализации которого разделен на два этапа - до 2015 г. и до 2025 г.

Город имеет опыт разработки долгосрочных планов социально-экономического развития: ТЭО генерального плана (1987 г.), Схема генерального плана Большой Уфы (1993 г.), Генеральный план города (1995 г.), Корректировка генерального плана (2006 г.), а так же серия документов проектного характера, разработанная в период 1998–2014 гг.

В 2010 г. разработана «Комплексная программа социально-экономического развития городского округа г. Уфа РБ на 2011–2015 гг.» Российской академией наук Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН. Цель программы – Устойчивое развитие города для повышения качества жизни населения [4].

В 2013 и 2014 гг. был проведен градостроительный форум UrbanБайрам, где специалистами в области городского планирования, чиновниками, администрацией города обсуждались перспективные направления пространственного развития Уфы [8]. Основные выводы и предложения планируются войти в новый генеральный план города.

Основные проблемы развития г. Уфы связаны с ее сложным географическим положением – резкими перепадами высот, 50-километровой протяженностью с севера на юг и недостаточным вни-

манием к вопросам развития инженерной и транспортной инфраструктуры, которые имели место в прошлом.

Отметим приоритетные направления социально-экономического развития г. Уфы, указанные в программных документах («Корректировка генерального плана» (2006 г.) и «Генеральный план» (1995 г.)).

В начале 2000-х гг. началось переосмысление предыдущего Генерального плана 1995 г., в результате чего появилась «Корректировка генерального плана – 2006 г.». В настоящее время разрабатывается новый генеральный план. На основе сравнительного анализа генерального плана 1995 и 2006 гг., мы выделили определяющие приоритеты (направления) развития города.

Дальнейшие градостроительные преобразования территории Уфимского полуострова предусматривают перераспределение земель в пользу селитебных зон, за счет увеличения территории для жилой и общественной застройки, зеленых насаждений общего пользования, сокращения промышленных и коммунально-складских территорий, находящихся в жилых зонах, вывода или ликвидации опасных и вредных производств, уплотнения существующих промышленных зон.

Генеральный план предполагал масштабное развитие города на восток от застроенной территории. Вместо создания гигантского спального района, по сути «второй» Уфы в поселках Шакша и Юрмаш, рассчитанного на 300 тыс. жителей. Корректировка генплана предлагается более компактное расселение на Уфимском полуострове, с использованием всех имеющихся резервов реконструкции существующего жилого и нежилого фонда и определяет направления развития города с выходом застройки за пределы Уфимского полуострова [7]:

- район Зауфимье (Елкибаево, Шакша, Нагаево-Зинино, Федоровка), расположенный в административных границах городского округа город Уфа;
- район Забелья в западной части города – поселки Ветошиново, Романовка;
- район Дема;
- внутренние районы жилищного строительства (Глумилино, Кузнецовский Затон, и др.).

В этих направлениях планируется строительство многоэтажного и малоэтажного жилья. В результате общая площадь территории, предназначенной для развития, увеличится вдвое больше существующей застроенной территории. Для развития данных территорий преду-

смотрено строительство транспортного коридора (соединяться трассы М5 и М7), который обеспечит транзитное движение автотранспорта, но который, по нашему мнению, не улучшит экологическую ситуацию в городе. Помимо развития транспортной инфраструктуры потребуются вложение значительных инвестиций в инфраструктуру, защиту от наводнений и строительство мостов через реку Белая.

Для улучшения транспортной структуры города Корректировка генерального плана рассматривает варианты скоростного трамвая, строительство наземных, подземных переходов, завершение строительства пр. Салавата Юлаева и т.д. [7].

В программе «Корректировка генерального плана – 2006 г.» центр города планируется видоизменить в основном за счет реконструкции и сноса ветхого жилья (мкр. Глумилино), а также переноса за пределы города промышленных предприятий, сокращения санитарных зон. В планах возведение полноценного «Уфа-сити». Однако созданный проект до сих пор не реализован.

В Генеральном плане и Корректировкой предполагается разуплотнение Северной промышленной зоны, где рост промышленности должен обеспечиваться за счет модернизации существующих мощностей.

В анализируемых документах не уделено должного внимания организации общественных пространств (зеленые насаждениях, «зеленые коридоры», парки, рекреационные зоны, улично-дорожная сеть).

В целом Генеральный план и Корректировка генерального плана – 2006 г. представляют собой набор привычных блоков (застройка, транспорт, инженерная инфраструктура, экология) с общими, типовыми решениями.

Нами предлагаются следующие альтернативные решения проблем дальнейшего развития Уфы, которые могут способствовать повышению конкурентоспособности города в российском масштабе:

- Необходимо изучать и анализировать мировой опыт пространственной трансформации городов с участием экспертов в сфере геоурбанистики и развития городов, представителей научных сообществ, архитекторов, которые помогут выйти на новый, более качественный уровень стратегического городского развития.

- Эффективное управление городом не может осуществляться силами одной мэрии. Городу, претендующему на глобальную конкурентоспособность, нужна корпорация развития, которая может привлечь внешние ресурсы по обеспечению развития города.

– В Уфе необходима переосмысление и трансформация градостроительной политики применительно к меняющимся рыночным условиям развития. Необходима альтернативная долгосрочная оценка стратегического пространственного развития города до 2050 г. Примером этому служит Форум UrbanБайрам, который ежегодно проводится в Уфе с 2013 г. Форум – это событие, зарекомендовавшее себя как площадка для профессиональных дискуссий среди экспертов в сфере урбанистики, городских и республиканских властей, бизнеса и общественности. Однако, пока это только «выпускания пара» в виде обсуждения накопившихся проблем пространственного социо-эколого-экономического развития Уфы.

– На площадках Форума UrbanБайрам наглядно видно, какая активная борьба развернулась между различными структурами бизнеса за финансовые ресурсы, которые сегодня и в перспективе мэрия вынуждена направлять и будет вкладывать в решение накопившихся проблем пространственного развития г. Уфы.

– Городу Уфе необходим стратегический генеральный план пространственного развития до 2050–2070 гг.

– Городские власти должны работать над обеспечением равных возможностей для всех жителей города. Определить альтернативы города: либо город для обеспечения устойчивого развития для всех или город для богатых жителей, как происходит в настоящее время.

– Необходимо развивать государственно-частное партнерство. Во многих городах развитие и управление инфраструктурой осуществляется на принципах государственно-частного партнерства.

– Стратегическое пространственное развитие Уфы должно быть ориентировано на трендовые изменения в экономической конъюнктуре, приоритетные изменения в геодемографическом развитии (старение населения, увеличение продолжительности жизни, главенство миграционного прироста населения, нарастание территориального разрыва мест приложения труда).

– Открытие направления подготовки «Градостроительство» в Башкирском госуниверситете на базе географического факультета с 2016 г. для обеспечения подготовки кадров по решению проблем стратегического пространственного развития Уфы.

– Формирование образа или репутации (бренда) Уфы, как мирового города. Это будет определять конкурентоспособность в привлечении туристов, компаний, инвесторов, профессионалов, событий, и для экспорта своих товаров и услуг.

В 2015 г. Уфе предоставлена прекрасная возможность повышения узнаваемости бренда благодаря проведению саммитов ШОС и БРИКС.

Библиографический список

1. *Анимица Е.Г., Власова Н.Ю.* Градоведение. Екатеринбург: Изд-во Урал. Гос. Экон. Ун-та, 2010. 433 с.
2. *Географическое* положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. М.: Новый хронограф, 2012. 896 с.
3. *Ибрагимова З.Ф., Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М.* Территориально-структурная трансформация города-миллионера: теоретические подходы и методы. Журнал Региональные исследования, №1 (47), 2015. с. 18-23.
4. *Комплексная* программа социально-экономического развития городского округа город Уфа Республики Башкортостан. Уфа, 2010. 122 с.
5. *Ланно Г.М.* Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.
6. *Статистический* ежегодник. Город УФА: Стат. сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2014. 78 с.
7. *Уфа.* Корректировка генерального плана. Пояснительная записка для общественных слушателей. Санкт-Петербург, 2005. 37 с.
8. *Уфа:* взгляд в будущее. Отчет о результатах рабочей сессии по разработке Стратегии развития города. Уфа: Главархитектура, 2014. 226 с.

CONCEPTUAL AND STRATEGIC DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF UFA

R. G. Safiullin, R. M. Safiullin, Z. F. Ibragimov
Bashkir State University

Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, 450074, Zaki Validi Str., 32;
e-mail: SafiullinRG@yandex.ru, RMSafiullina@yandex.ru, ZilyaF2013@yandex.ru

The article discusses the strategic directions of development of Ufa. Considered priority directions of spatial development of the city. Proposed alternative solutions to the problems of further development of Ufa that will help to improve the competitiveness of the city in the national scale.

Key words: master plan, strategic plan development, spatial organization of the city's economic-geographical approach.

РОССИЙСКИЕ ГОРОДА КАК ЦЕНТРЫ КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Д.П. Седегов, А.А. Лядова

Пермский государственный национальный

исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, e-mail: geografizpermi@yandex.ru,

seikone@yandex.ru

Научный руководитель: ассистент Лядова А.А.

В работе рассматривается понятие креативного сектора экономики, проводится территориальный анализ развития отрасли креативной экономики в российских городах-миллионерах.

Ключевые слова: креативная экономика, креативные индустрии, города-миллионеры РФ.

Постиндустриальное развитие стран привело к тому, что сформировался новый взгляд на сферу культуры и творческий потенциал людей. Возникает креативный сектор экономики (КЭ), главными источниками развития которого являются новые идеи в различных областях человеческой деятельности. Креативность и творческие способности людей становятся важными факторами формирования новой среды в городах и отдельных странах.

Россия позже, чем западные страны, вошла в зону постиндустриального развития. При этом необходимо понимать, что развития абсолютно всех элементов креативной экономики и повсеместно в России не произойдёт. Сегодня только Москву и Санкт-Петербург можно назвать сформировавшимися постиндустриальными центрами, другие города-миллионеры несут в себе больше черт индустриальной эпохи. Поэтому важно выяснить, если ли перспективы у других крупных городов для развития КЭ и как КЭ может помочь в решение их некоторых проблем.

Феномен КЭ достаточно молод, его развитие и изучение происходит в течение последних 20 лет. Поводом для его изучения стало активное включение КЭ в стратегии и программы развития городов и стран, особенно развитых. Поэтому складываются различные подходы к его изучению и определению (Дж. Хокинс, Р. Флорида, Ч. Лэндри) [2]. По нашему мнению, КЭ можно определить в качестве сектора экономики, возникшего в конце 20 в. в развитых странах, включающего в

себя создание, сопровождение, поддержку творческой деятельности (искусство, мода и др.) и деятельности в других секторах экономики с целью получения прибыли, в результате чего формируются новые культурные потребности. При этом его функционирование приводит к росту инноваций и творческой активности во всех сферах общества.

КЭ образуют креативные индустрии. Объектом исследования выступили города-миллионеры РФ. Для нашего исследования были обобщены модели креативных индустрий Великобритании и модель концентрических кругов на основе цикла производства креативного продукта, предложенного экономистом Э. Праттом [2] на основе цепочки добавленной стоимости. Цикл включает в себя 4 стадии: 1) создание идеи; 2) воплощение; 3) распространение готового творческого продукта среди профессионального сообщества; 4) тиражирование и потребление товаров и услуг. Уровень развития КЭ определяется полнотой цикла: чем больше стадий, тем выше уровень развития и тем больше постиндустриальных элементов присутствует в среде города. Наличие стадии и степень её развития определяется набором объектов, входящих в определенную стадию.

Для исследования были рассмотрены российские вузы городов-миллионеров, как места выпуска специалистов будущих творческих профессий на основе данных Федерального портала «Российское образование» [4], а также непосредственно творческие индустрии (согласно данным «ДубльГИС») [3]. Каждому из объектов присваивался балл в зависимости от положения в той или иной стадии. При этом отдельно от других рассматривалась стадия создания идей, где оценивалась не сумма баллов всех объектов, а встречаемость различных специальностей в сфере КЭ. Баллы распределились следующим образом: 0,5 балла – педагогические вузы, выпускающие специалистов в сфере культуры и искусства; 1 балл – высшие учебные заведения, выпускающие специалистов в сфере культуры и искусства, и объекты стадии цикла «Тиражирование и потребление»; 2 балла – объекты стадии цикла «Распространение»; 3 балла – объекты стадии цикла «Воплощение».

После баллы суммировались, оценивался коэффициент центральности (K_c), показывающий место в системе «центр–периферия». Факторы, определившие попадание данного центра в различный порядок центральности, оценивались по составу и соотношению объектов, а также по характеру тех мероприятий в сфере КЭ, которые в каждом центре проводятся. Коэффициент центральности рассчитывается на

основе балльной оценки каждого центра относительно максимального значения по следующей формуле:

$$K_c = \frac{L_i}{L_{\max}}, \text{ где}$$

K_c – индекс центральности, L_i – число специальностей в этом центре, L_{max} – максимальное число специальностей в центре (за данный показатель взято количество специальностей в г. Москва)

Разделение на типы центров происходит по следующим параметрам: 0,76 и более – центр первого порядка, от 0,51 до 0,75 – центры второго порядка, от 0,26 до 0,50 – центры третьего порядка, менее 0,26 – центры четвертого порядка. На основании суммы всех стадий был получен комплексный индекс центральности и следующие результаты:

Центр первого порядка – Москва ($K_c = 1$) обладает наибольшими показателями по большинству исследуемых индустрий и специальностей вузов. Единственным центром второго порядка является Санкт-Петербург ($K_c = 0,51$), отстающий по индексу центральности от Москвы в два раза. Центр также показывает тенденции в развитии самих КИ, их правового поля и привлечения местного сообщества. Центр третьего порядка – г. Новосибирск ($K_c = 0,26$), имеющий значительную численность населения и обладающий высоким человеческим потенциалом за счет развития образования и науки. Остальные 13 городов получили статус центров четвертого порядка, среди которых: Екатеринбург (наибольший $K_c=0,21$), Челябинск (0,18), Самара (0,18), Уфа (0,16), Казань (0,16), Омск (0,15), Н. Новгород (0,14), Пермь (0,13), Красноярск (0,12), Ростов-на-Дону (0,12), Волгоград (0,08), Воронеж (наименьший $K_c=0,06$). Их деятельность в основном сконцентрирована на отдельной КИ или развитию отдельных мероприятий (чаще различных фестивалей), хотя среди всех центров за пределами МСК только в Красноярске было проведено специальное исследование по КЭ.

Обобщая, можно сделать ряд выводов по состоянию КЭ в городах-миллионерах РФ:

1. В разных центрах в большей степени развиваются конкретные направления. Если в Москве и Санкт-Петербурге развитие КЭ происходит комплексно, то для остальных центров есть специфика: например в Новосибирске идет уклон на образовательные программы, в Перми и Екатеринбурге на проведение различного рода фестивалей и выставок, Красноярск выделился уникальным для России исследованием в сфере КЭ.

2. Исследование крупнейших центров страны показало, что развитие КЭ в России не представляет собой единый, целостный процесс, а существует разрозненно и изолированно, без создания единого рынка КИ. Колоссальные контрасты между Москвой, Санкт-Петербургом и остальными крупными городами говорят о том, что творческие индустрии развиваются там, где сосредоточен наибольший человеческий капитал. Сами творческие предприниматели тоже не ощущают себя частью единой творческой сферы. Инициатива в отношении формирования благоприятного культурного облика города переходит к сфере предпринимательства, которой для развития необходим высокий потребительский спрос. Задача власти создать благоприятные условия, а развитие самих КИ – дело независимых людей и организаций, причем как коммерческих, так и некоммерческих.

3. В отличие от других стран, в России творческие индустрии зародились гораздо позже. Их развитие в нашей стране сталкивается с рядом проблем: политическими ограничениями, практическими, теоретическими, социально-экономическими, культурными. Пока в России КЭ только формируется в отдельный сектор экономики.

4. Важное условие для развития постиндустриальных отраслей, в частности КЭ, интеграция как внутри страны, так и за ее пределы, необходимо развитие транспортной инфраструктуры. Налаживание регулярных связей между крупными городами может дать новые возможности для развития КЭ в РФ.

5. Необходимо развитие малого и среднего бизнеса, который являются важными двигателями для КЭ.

6. Наконец, важным элементом является развитие международных исследований и проектов. Необходимы сравнительные исследования программ поддержки творческих индустрий в разных странах для создания политических и законодательных инициатив.

Библиографический список

1. *ДубльГИС*. Городской информационный справочник. URL: www.2gis.ru (дата обращения 01.03.2015).
2. *Лэндри Ч.* Креативный город / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика XXI», 2006. – 399 с.
3. *Федеральный портал «Российское образование»*. URL: www.edu.ru (дата обращения 01.03.2015).
4. *Creative economy: A Feasible Development Options*. 2010. URL: http://unctad.org/en/Docs/ditctab20103_en.pdf (дата обращения 10.02.2015).

**RUSSIAN CITIES AS THE CENTRES OF CREATIVE ECONOMY:
GEOGRAFICAL ANALYSE**

D.P. Sedegov, A.A. Lyadova
Perm State University

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15; e-mail: geografizpermi@yandex.ru, seikone@yandex.ru

Research advisor: Teaching Assistant Lyadova A.A.

The paper deals with the concept of the creative economy, produced a territorial analysis of the development of the creative economy sector in Russian cities-millionaires.

Key words: creative economy, creative industries, the city-millionaires of the Russian Federation.

УДК 314 (571.6)

**ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ
«КРУПНЫЙ ГОРОД–ПЕРИФЕРИЯ»**

З.И. Сидоркина

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН

690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7; e-mail: sidorkina@tig.dvo.ru

В сообщении рассматриваются основные особенности и тенденции развития взаимосвязей между элементами региональной системы расселения на разных территориальных уровнях.

Ключевые слова: город, периферия, регион, расселение населения, территориальные уровни, трансформация связей.

Развитие общественной системы зависит от решения проблем ее территориальной организации, которая стала измеряться качественными показателями жизни населения. Действенность территориального управления во многом зависит от форм сочетания его с рыночными рычагами регулирования. В свою очередь, населенные пункты взаимодействуя между собой в рамках региона, являются элементами многозвенной системы «центр-периферия» [3]. В системе они находятся на разных уровнях взаимосвязи по набору выполняемых функций, величине и качеству различных социально-экономических характеристик. На региональном уровне в рамках системы «центр-периферия» выделяются – центр, полупериферия, периферия. Составные элементы системы являются мобильными и чувствительными к изменениям социально-экономической ситуации в исследуемом регионе. На наш взгляд, ведущую роль играет полупериферия, находясь на более высоком уровне

иерархии, чем периферия и имеет довольно сильные конкурентные позиции, в случае выполнения роли центра второго порядка. Развитие полупериферии стимулирует развитие центра и тянет за собой развитие периферии. Основные тенденции изменений взаимосвязей можно сделать на основе оценки свойств инерционности и динамичности социальных процессов на разных уровнях обобщения – общем государственном и макрорегиональном, уровне субъекта федерации, экономических центров – городов и формируемых первичных территориальных структур.

Один из определяющих уровней взаимосвязи для регионального развития мы принимаем отношения с центральными органами власти (республиканский центр – центр субъекта федерации). При экспортно-ориентированной модели развития РФ, когда в структуре создаваемой добавленной стоимости доминирует ресурсная составляющая и наиболее динамичное развитие получают столичные агломерации, центры дальневосточного макрорегиона становятся глубокой периферией. Специфика национальной статистики, когда доходы (от производства и экспорта) регистрируются не по месту производства, а по месту регистрации головных офисов крупных компаний, формируют у большинства субъектов РФ зависимость от столичного центра, которая становится определяющей в распределении субвенций, дотаций и т.д. [1]. Решение проблемы совершенствования ТОО, его составных элементов заключается в использовании территории в соответствии с объективными факторами развития. Региональное управление осуществляется с учетом принципов: самостоятельности регионов, самообеспечения, самофинансирования, оптимального сочетания вертикальной управленческой деятельности, социальной законности, информированности, но при патронате федеральной власти. Принятые программы развития Забайкалья и Дальнего Востока, разрабатываемые в федеральном центре, наглядно это демонстрируют.

Следующий уровень территориальной системы «центр-периферия» – это наличие контрастов в отдельном регионе. Города Владивосток и Хабаровск являются самыми крупными в макрорегионе. К их периферии можно отнести 55% территории Приморского края и более 80% Хабаровского края. Для Владивостока свойственна асимметричность в отношении ко всей подчиненной территории. Такая же асимметрия характерна и для Хабаровска, Благовещенска, Магадана, Петропавловска-Камчатского, Южно-Сахалинска, Анадыря, т.е. для всех центров субъектов федерации, кроме Биробиджана и Якутска. Это сказывается на доступности центров для населения, часть его удалена на многие

сотни километров от центра. Главным фактором в этом случае выступает малая степень включенности территории в систему экономических связей (транспортная доступность, наличие розничных рынков для производителей и создание кооперативных связей для формирования крупных партий товаров). Территориальные структуры на данном масштабном уровне оказываются очень устойчивыми, контрасты становятся даже более явными под ветром перемен. В тоже время меньшая численность населения остальных центров субъектов федерации по сравнению с южными областями, явно выраженный северный эксцентриситет, обостряют проблемы их периферийных территорий.

На уровне территориальной организации «крупный город-периферия» явно обозначено наличие в крупном городе связи между городом и пригородом. Сложившаяся система расселения вокруг г. Владивостока подразделяется на зоны: ближний пригород, полупригород, полупериферия, периферия, дальняя периферия. Границы, разделяющие разные части агломерации, определены прежде всего условиями доступности центра. Различия в доступности выступают в качестве исходного условия дифференциации для «ближнего пригорода» и «полупригорода», которые в дальнейшем усиливаются и делаются отчетливее под влиянием интенсивности связей в зоне города-спутника с городом-центром, по характеру использования территории, плотности размещения объектов, уровня транспортной обеспеченности и т.д. Транспортные магистрали, способствуют доступности основных центров, сокращая время поездок, которые сходят на нет там, где затраты времени на регулярные ежедневные поездки в город-центр превышают целесообразные пределы, с точки зрения населения.

Для региона характерна ориентация преимущественно на инвестиционные привлечения во Владивосток, с намерениями формирования крупной групповой системы расселения. Проектирование отстоящих от города новых «городов-спутников», для последующего формирования агломерации, проводится отдельно, территориально не соприкасаясь один с другим. Это стимулирует в агломерации точки роста и факторы развития прилегающих территорий. Полупериферию (пояс расселения второго порядка) образуют ближайшие города-спутники (во Владивостокской системе наиболее крупный – г. Артем). В таких поселениях высокая доля жителей, работающих в городе-центре. Обратный поток маятниковых мигрантов тоже имеет место. Это те, кто выезжает на работу в ближний пригород и полупериферийную зоны. Ближайшие спутники сходны с полупригородными районами города-центра по функциям и связям, составу населения и характеру застройки. В свою очередь,

привлекая к себе на работу жителей окружающих поселений, они раздвигают границы агломерации. Внешняя зона, окаймляющая зону города-спутника, не связана с центральным городом ежедневными трудовыми поездками населения. Наибольшее значение приобретают рекреационные связи, резко возрастающие летом. В это время агломерация отодвигает свою внешнюю границу, отмечая сезонно расширяющийся ареал, в котором замыкается недельный цикл жизнедеятельности. Часть реально безработных работают вахтовым методом на стройках, промышленных предприятиях Дальнего Востока, в морской и рыбохозяйственной отраслях.

Периферийная зона представлена сельским населением. Резкий рост пространственной вариации сельского населения за счет оттока из удаленных районов начался в перестроечные годы под влиянием географических факторов структуризации сельского пространства. Процессы, протекающие в Приморском крае вокруг краевого центра, характерны для всего Дальнего Востока. Положение на оси «пригород – периферия», если считать районы за пределами более активных районов-соседей 1-го и 2-го порядка, оказалось для сельской местности, куда важнее политических, институциональных и общеэкономических факторов.

На локальном уровне более тесно происходит переплетение экономических и социальных аспектов жизнедеятельности населения. Локальные структуры могут сохранить себя только в том случае, если они начинают образовывать сетевые связи, имеющие тенденцию к глобализации на своем уровне. Значение вертикальных иерархий резко снижается. Информация, финансирование, помощь приходят по сетям с горизонтальных уровней, а не «сверху». Все уровни при этом дистанцируются друг от друга и живут самостоятельной и самодостаточной жизнью. Разочарование электората в макрополитике – хорошая иллюстрация этого тезиса. Такие процессы роста взаимного равнодушия между горизонтальными уровнями имеют место повсеместно и отражают развивающуюся тенденцию. Население несельскохозяйственных населенных пунктов расположенных недалеко от автотрассы или железной дороги, смогло за счет продажи сельхозпродукции в город и дачникам, обеспечить доходы в семью. В наихудшем положении оказались удаленные поселки, которые катастрофически теряют население.

Импульс сохранения периферийных зон исходит из городов и связан дачным реосвоением территории, состоящий из двух уровней: первый – местная жизнь и второй – дачная жизнь. Дачное сообщество, существовавшее ранее само по себе, начало формироваться в сельских поселениях в конце 1980-х гг. Особенно это характерно стало в 2000-е гг., с

момента массовой автомобилизации. В таких селах поселяются горожане среднего достатка и с более свободным трудовым режимом и графиком работы. Пенсионеры в них живут все лето. Новые дачники покупают относительно крепкие деревенские дома. В процессе постепенного сжатия местной жизни и расширения второй дачной, социально-пространственные структуры на локальном уровне подвергаются значительному изменению [2]. Дачники, чувствуя себя диаспорой, формируют новую социальную среду, используя возможность организовать свой отдых, создают небольшие музеи и базы отдыха. Появляются новые неформальные центры социальной жизни, иногда активные и часто не зависящие от размера деревень. Сельскохозяйственная ориентация населения оказывается очень устойчивой.

На этапе постиндустриальной трансформации размер населенного пункта в отличие от предыдущих этапов перестает играть решающую роль. Именно социальные сети в целом, а не отдельные элементы хозяйственных и социальных структур на локальном уровне, становятся движущей силой развития сельской местности, способствуя созданию новой социальной среды и зарождению элементов малого бизнеса. Но лишь небольшая часть местных жителей используют возможности ведения частного сельского хозяйства. Районные власти тоже не готовы к таким инновациям. Их мышление остается консервативным. Последние действия властей по объединению сельских поселений и сокращению бюджетных расходов только стимулируют процессы обезлюдения и сжатия освоенного пространства. Осуществляются и более радикальные проекты – переселение из отдаленных малых деревень в города. Роль дачного развития удаленной от городов местности, а не только пригородов, явно недооценивается. Массовость российской сезонной дачной дезурбанизации не фиксируется статистикой. Общее количество дачников и летних жителей деревень в более близких районах определить невозможно. По мнению Т.Г. Нефедовой в депопуляционных районах спонтанно осуществляются модели экономики пространственного сжатия при ее диверсификации [2], что даст возможность, увеличив разнообразие занятий, приостановить сжатие освоенных территорий, разрушение деревень. Уход от монофункционального развития сельской местности, возможен при условии сезонного чередования видов деятельности населения в летний и зимний периоды, в виде развития сектора услуг по ремонту и строительству домов, ремонта машин, электротехнических работ, мобильной торговли (автолавки), которые существовали и раньше.

Библиографический список

1. *Михеева Н.Н., Басарева В.Г.* Особенности территориальной структуры формирования потребительского спроса и доходов населения // Проблемы управления социально-экономическим развитием регионов Сибири. Под ред. А.С. Новоселова . новосибирск:ИЭОПП СО РАН, 2013 – С. 208-221

2. *Нефедова Т.Г.* Костромская периферия в фокусе проблем периферийных районов России // Северное село: Традиции и инновации / Под ред. Н.Г. покровского. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2010 . – С. 40-69.

3. *Панасюк М.В., Руденко А.В.* Анализ развития системы «центр-периферия» региона (на примере Республики Татарстан) // Известия РАН Серия географическая – 2008 - № 1 . С. 60-72.

FEATURES OF REGIONAL RELATIONSHIPS «MAJOR CITY–PERIPHERY»

Z.V. Sidorkina

Pacific Institute of Geography FEB RAS

Russia, 690041, Vladivostok, Radio St., 7; e-mail: sidorkina@tig.dvo.ru

The report deals with the main features and development trends of the relationships between elements of the regional settlement system at different territorial levels.

Key words: city, periphery, region, population, territorial levels, transformation of relationships.

**ГОРОДСКИЕ ОКРУГА И ГОРОДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ В СИСТЕМЕ
АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ
В СУБЪЕКТАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

Т.А. Соболева

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7; e-mail: geosobol@yandex.ru,
mailto:geosobol@yandex.ru

В представленном материале рассматриваются виды муниципальных образований субъектов ДФО, образованных на уровне городов. Приводится матрица перехода городов от административно-территориальных единиц 1990 г. к единицам муниципальных образований 2013 г. Показаны характерные для субъектов особенности.

Ключевые слова: Дальневосточный Федеральный округ, субъекты, городские округа, муниципальные районы, виды; города, категории, административно-территориальные образования, муниципальные образования.

В современных условиях с проведением в стране муниципальной реформы, направленной на разграничение функций государственного и муниципального управления территориями и выделением новых территориальных единиц – муниципальных образований, возникает необходимость в новых видах классификации, в том числе, общей классификации их как объектов административно-территориального (АТ) и муниципального устройства субъектов.

Из множества различных оснований, которые могут быть применены для классификации муниципальных образований (МО) как особых экономико-географических объектов территорий, внимание заслуживает соотношение МО как единиц муниципального устройства субъектов с единицами Административно-территориальных образований (АТО), неотъемлемой частью которых они являются. В представленной статье предпринята попытка выявить характерные модели формирования МО, АТ основой которых выступают города (городских округов (ГО), городских поселений муниципальных районов (ГП МР)). А также выявить их разновидности, специфику формирования в различных субъектах, в т.ч. обусловленную особенностями их АТО.

В публикациях последних лет вопросам «увязки» «АТО» и «территорий МО» уделяется внимание учеными и специалистами различных наук и сфер деятельности (в том числе юридической, эконо-

мической; государственной и исполнительной власти субъектов). Отмечаются различные точки зрения: о целесообразности «совмещения» границ АТО и МО, т.е. создание МО в границах городов «крупных» и районного звена; о создании МО лишь на «низшем уровне» («поселков и сельских округов»). Особые дискуссии связаны с городскими округами как особо сложно организованными социально-экономическими системами территорий. Сложность территориальному устройству «крупных» ГО придают, в том числе необходимость выполнения функций по отношению к подчиненным им территориям, районам.

На примере всех представленных категорий городов в субъектах Дальневосточного ФО нами были прослежены характерные особенности преобразований их в соответствующую каждому из них категорию муниципальных образований.

С этой целью отдельно по каждому субъекту были построены матрицы перехода городов их разных категорий (Республиканского, краевого, областного, районного «подчинения») ¹, в соответствующие им муниципальные образования (определенного вида, уровня).

В матричной модели учтены следующие основные параметры:

I. На входе:

1. группы городов по категориям; 2. количество городов с субъекте, всего, в т.ч. по категориям; 3. города, утратившие в период 1990-2014 гг. статус города или приобретшие (образованные); 4. категории городов с подчиненным ему горсоветом, районом или без них.

II. На выходе:

1. вид МО: Городской Округ (ГО), Городское поселение муниципального района (ГП МР), сельское поселение МР (СП МР).

2. тип МО: 1.объединенный с другой (подчиненной) территорией в единую АТЕ; 2.разъединенный с прежней, подчиненной территорией в отдельные АТЕ.

¹ Ссылаясь на некоторые литературные источники, укажем, что:

«В соответствии с нормативными актами, существовавшими в советское время к категории городов республиканского, краевого, областного подчинения, относились населенные пункты, являющиеся экономическими и культурными центрами, имеющими развитую промышленность, с численностью населения свыше 50 тыс. чел. В Автономных округах к городам окружного подчинения относились населенные пункты, являющиеся промышленными и культурными центрами», с численностью населения «не менее 15 тыс. чел. При этом «территориальная организация Местного самоуправления напрямую привязывалась к АД (вплоть до Конституции РФ (1993г.)... прервавшей жесткую связь с АД». (В.И.Васильев. Муниципальное право России //Электронная библиотека Thelib.ru 2006-2015; др.).

Общий вид матрицы (на примере Р. Саха/Якутия) представлен в таблице. Примененный подход позволяет учесть все виды АТЕ, представленные городами в субъектах Дальневосточного ФО на период 1990г, кроме того, учесть изменения административно-территориального статуса городов, имевшие место в ряде субъектов в постсоветский период (преобразование в село, включение в черту города других населенных пунктов (НП), др.), и встраивание городов в систему единиц муниципальных образований.

Дальневосточный ФО представлен девятью субъектами: республикой (Якутия), тремя краями (Камчатский, Приморский, Хабаровский), тремя областями (Амурская, Магаданская, Сахалинская), двумя автономными округом и областью (Чукотский, Еврейская). Субъекты отличаются многообразием административно-территориальных единиц (расположены в природно-климатических зонах от арктических до умеренных широт; включают территории прибрежного, островного, полуостровного, приграничного и иных типов), и своеобразием урбанистических систем².

К началу 1990-х гг. в округе было 43 города республиканского, краевого, областного подчинения*, 25 – районного** значения. Кроме того в округе было 290 пгт. К 2013 г. их число уменьшилось более чем вдвое, осталось 139 пгт. Более 1/3 бывших пгт были переведены в сельские, т.е. перестали существовать в статусе «городских»; 10% – упразднены. Для пгт характерна большая распространенность их в административных районах. При этом для них характерна неравномерность распределения на уровне районов и субъектов.

Матрица переходов от АТЕ (1990 г.) к единицам МО (2013 г.) для Республики Саха (Якутия)

Республика Саха	Город республиканского, краевого (обла-)	ОП*	НО-ЗАО	ТО	Число городов в 1990 г.	
					всего	Из них преобразовано в 1990–2013 гг.

² Своеобразие урбанистических систем регионов (тип регионального каркаса городов) – см. Соболева Т.А. «Изменения в территориальном распределении населения Дальнего Востока в период 1990-х гг. как фактор трансформации расселения», с. 160–163, 153–181. //»Проблемы населения Дальнего Востока». Владивосток. Дальнаука. 2004.

*,** Включая г. Нюрба, г. Покровск, получившие статус города в 1997г.; ** г. Библино – в 1993г.

	стного) значения (в т.ч. с подчинённым ему горсоветом, районом) ¹				2	3		ГО	ГП МР	СП МР	В т.ч. утратили прежний АТС в результате:				
	1.1	1.2	1.3	1.4							Упразднения	Перевода в село	Объединения с подчинённой территорией/её частью*	Разъединения подчинённой территории/её частью*	другое
1.1	Я						1								
1.2		Я Н					1	Я				Я*	Ж		
1.3			М				9		М			М			
1.4															
2									А, Л, В, О, Ср, Вх, Т, У						
3															
образовано новых городов ²			Ню , П						Ню , П						
всего городов в 1990 г.		2	1												
в 2013 г.							13	1	12						

Я – Якутск, Н – Нерюнгри, М – мирный, А – Алдан, Л – Ленск, В – Вилуйск, О – Олёкминск, Ср – Среднеколымск, Вх – Верхоянск, Т – Томат, У – Удачный, Ню – Нюрба, П – Покровск

¹ Примечание. 1.1 – с внутригородскими районами; 1.2 – с НП, подчинённых городу; 1.3 – с районами, административно подчинённых городу; 1.4 – без административного подчинения внегородских территорий.

² из пгт, существовавших в 1990 г.

Ниже приведем результаты, полученные на основе анализа матриц. В субъектах ДФО Муниципальные образования созданы:

- на уровне малого города районного подчинения (регионального центра) и административных районов (всего 6, с учетом укрупненных), в т.ч. с городом районного значения (Чукотский АО)***;
- на уровне среднего города областного подчинения (регионального центра) и административных районов (от 5 до 8), в т.ч. с городом районного, областного значения с характерными для них низкими рангами людности в двух субъектах (Еврейской Автономной области и Магаданской области);
- на уровне большого города краевого значения (регионального центра); ЗАТО; пгт и административных районов (всего 11, в т.ч. с малым городом областного подчинения (Камчатский));
- на уровне города (административного центра республики), городского района, и административных районов (всего 34) с относящимися к ним городами республиканского и районного значения малой людности³, (Якутия).
- на уровне крупного и большого городов (регионального центра и подцентра) и административных районов (всего 17), в том числе с городами краевого и районного звена с малыми рангами людности (Хабаровский край, приграничный субъект).
- на уровне городов (крупного, больших, средних и малых краевого подчинения), ЗАТО, административных районов (всего 22, исключая 3 объединенных с городами в единые АТО), (Приморский край, приграничный субъект).
- на уровне всех городов областного подчинения (больших, средних и малых); ЗАТО; пгт, выделенного из состава территории административно подчиненной горсовету), и административных районов (всего 20), в т.ч. с городами районного значения (Амурская область, приграничный субъект).

Как видно, выстраиваемые «модели МО» субъектов округа разнообразны.

Наиболее распространенными являются: преобразование городов районного подчинения в ГП МР, городов краевого (областного)

*** В группе субъектов (Чукотский АО, Магаданская область, Еврейская АО) МО создавались на уровне административных центров субъектов (городов областного и районного подчинения) и административных районов, в т.ч. с городом субъектного или районного значения с характерной малой величиной людности. Центры субъектов соответственно получали статус «ГО», административные районы – статус «МР».

³ Исключение: г. Нерюнгри (58,8 тыс.чел. в 2014 г.).

значения в ГО; преобразование АР в МР в границах их прежних территорий.

Распространенным на уровне одного субъекта (Сахалинская область), не традиционным, и не распространенным в других субъектах округа, является создание МО – территорий МС, единых на уровне город и район со статусом «ГО».

Характерной моделью новой территориальной организации МС для городов республиканского, краевого подчинения является образование ими территорий МС – «городское поселение муниципального района». МО такого уровня созданы 11 городами (из 43 городов данной категории в ФО) и представлены в Хабаровском крае и Якутии.

В зависимости от особенностей создания Муниципальных образований «Городской округ» субъекты делятся на 3 группы, в которых:

1. Городские округа образованы только на уровне центра субъекта (Магаданская область, Чукотский АО, Еврейская АО); центра субъекта и крупного города (Хабаровский край); центра субъекта и территории, подчиненной городу (Якутия); центра субъекта и ЗАТО (Камчатская область)⁴ .

2. Городские округа образованы всеми городами краевого, областного значения (Приморский край, Амурская область – приграничные субъекты). В них также представлены ГО особого значения – ЗАТО.

3. Городские округа созданы на уровне административных районов и городов, как единые. В них нет МО: «городское» или «сельское поселение» (Сахалинская область).

URBAN DISTRICTS AND URBAN SETTLEMENTS OF MUNICIPAL RAIONS IN THE SYSTEM OF ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL UNITS IN THE SUBJECTS OF THE FAR-EASTERN FEDERAL DISTRICT

T.A. Soboleva

Pacific Geographical Institute, Far Eastern Branch of RAS
Russia, 690041, Vladivostok, Radio Str. 7; e-mail: geosobol@yandex.ru

In the material presented, the types of municipal entities in subjects of the FEFD formed on the level of towns are considered. The matrix of towns' transition from the administrative-territorial units of 1990 to units of municipal entities of 2013 is характерные для субъектов особенности.

Key words: Far-Eastern Federal District, subjects, urban districts, municipal raions, types; towns, categories, administrative-territorial entities, municipal entities.

⁴ Образование ГО на уровне административных центров субъектов характерно для всех субъектов в округе, вне зависимости от городского статуса и ранга людности центров.

СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЮГРЫ

С.Н. Соколов

Нижевартовский государственный университет
628605, Тюменская область, ХМАО, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56;
e-mail: snsokolov1@yandex.ru

Целью данной статьи является характеристика современного экономико-географического положения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в системе соседних административных районов страны.

Ключевые слова: экономико-географическое положение, Ханты-Мансийский автономный округ–Югра.

Основными пространственными характеристиками территории являются площадь и расстояние, как мера удаленности географических объектов или структур друг от друга [1]. Через преодоление расстояния происходит реализация географических связей и соответственно интеграционных процессов, что отражается в экономико-географическом положении (ЭГП) регионов. Поэтому необходимы анализ и оценка региональных факторов общественного функционирования, использование которых позволит резко повысить динамичность социально-экономических процессов.

Географическое положение территории раскрывается через территориальные отношения по ряду положений. Рассмотрим основные виды географического положения по Н.С. Мироненко [5].

Экономико-географическое положение показывает отношение к экономически значимым объектам. Югра граничит на севере с Ямало-Ненецким автономным округом (1716 км), на западе – с Республикой Коми (590 км), на юго-западе – со Свердловской областью (597 км), на юге – с районами Тюменской области (749 км), на юго-востоке – с Томской областью (824 км), на востоке – с Красноярским краем (257 км). Общая протяженность границ района составляет 4733 км. От крайней северной точки Северного полярного круга всего 98 км. до Население, проживающее в округе составляет 1597,2 тыс. чел. (2012 г.)

Рассмотрим более подробно подвиды экономико-географического положения Югры.

1. Промышленно-географическое положение.

А. Положение относительно источников энергии (топливно-географическое, энергогеографическое). В эпоху мирового энергетического дефицита, положение относительно основных источников энергии, является определяющим в развитии хозяйства региона. ХМАО лежит на территории крупнейшей в РФ нефтегазоносной провинции, и через его территорию проходят важнейшие линии нефте- и газопроводов на запад и восток страны. Объем нефти, извлекаемой из недр Югры (254,2 млн т), составляет около 52% всей нефти, добываемой в РФ, и 33,1 млрд м³ приходится на долю добываемого газа (4,3%) [6].

В целом регион является энергоизбыточным (более 88 млрд кВт-ч). Однако есть и изменения в энергогеографическом положении округа, например, увеличиваются затраты, особенно капитальные, на добычу и транспортировку топлива. Добыча его все более перемещается в отдаленные от мест потребления и малоосвоенные районы; в эксплуатацию вовлекаются месторождения природных ископаемых с ухудшающимися горно-геологическими условиями. Затраты на добычу 1 т нефти постоянно увеличиваются. Темпы роста энергопотребления превосходят темпы прироста выработки электроэнергии, что может привести к ее дефициту [2]. В связи с этим на Нижневартовской ГРЭС планируется ввести дополнительные мощности и окончательно ввести в действие Няганскую ГРЭС.

Б. Положение относительно источников основных видов горючего сырья и материалов. Металло-географическое положение региона является межрайонным и соседским. К юго-западу от округа расположена крупнейшая металлургическая база страны – Уральская, к юго-востоку – Кузнецкая. Связь ХМАО с первой осуществляется по железной дороге. Связь со второй базой возможна как по железной дороге, так и водным транспортом, но она менее рентабельна. В этом положении возможны сдвиги в сторону улучшения, если будет реализована идея строительства Северо-Сибирской железной дороги, которая свяжет Сургут и Нижневартовск с Томской областью, а через нее с Кузбассом [2].

Достаточно перспективно положение региона относительно месторождений Полярного и Приполярного Урала. В пределах уральской части Ханты-Мансийского автономного округа – Югры выявлены проявления цветных и черных металлов (меди, свинца, цинка, бокситов, марганца, урана, платины, титана, циркония, железных и хромовых руд) [6]. Для освоения этих месторождений требуется создание желез-

ной дороги через Ханты-Мансийск и Нягань до склонов Уральских гор. На востоке региона возможно проявление железорудных месторождений, относящихся к Западно-Сибирской группе, протягивающейся полосой от Колпашева и Бакчара (Томская область) до Норильска (Красноярский край).

Лесо-географическое положение региона не вполне благоприятно. Лесистость Запасы спелых и перестойных насаждений составляют 2077 млн м³ (4% общероссийского объёма) Преобладающими породами являются хвойные, с небольшой долей мягколиственных. По данным 2012 г. в округе 184 предприятия лесозаготовки вырубил 2,1 млн м³, хотя ежегодно можно вырубать около 5 млн м³. Основные лесозаготовительные районы (Советский, Кондинский и Октябрьский) дают более 3/4 древесины округа. Главная проблема в лесо-географическом положении – недостаточное количество лесовозных дорог.

В. Положение относительно суштов обрабатывающей индустрии. Импорт региона составляют высокотехнологичное оборудование для предприятий ТЭК, изделия из черных металлов, телекоммуникационное и компьютерное оборудование, автомобили и т.д. Относительно крупных центров обрабатывающей ЭПП округа периферийное. Крупные центры, поставляющие продукцию для работы нефтегазового комплекса, расположены на юге Тюменской области (Тюмень, Тобольск), на Урале, в Центре и Поволжье.

2. Аграрно-географическое положение.

А. Положение относительно продовольственных баз (продовольственно-географическое). Неблагоприятные природно-климатические условия региона затрудняют развитие такой отрасли агропромышленного комплекса, как сельское хозяйство. Сложным (периферийным) является продовольственно-географическое положение региона. Свой агропромышленный сектор развит не достаточно. Основные поставщики продукции расположены на юге Западной Сибири и Урала.

Б. Положение относительно баз сельскохозяйственного сырья можно признать удаленным и невыгодным. Основные базы сельскохозяйственного сырья расположены к югу и юго-западу от территории региона.

3. Транспортно-географическое положение.

А. Положение относительно морских путей. Территория региона не имеет выхода к морю, что делает невозможным осуществление прямых связей с зарубежными партнерами. Затруднен и выход

через западные и восточные порты России, учитывая их отдаленность и большую загруженность. К тому же регион не имеет прямой железнодорожной связи ни с Мурманском, ни с Архангельском. Близкое же расположение региона к морям Северного Ледовитого океана и северное направление течения основных судоходных рек из отрицательного фактора развития может превратиться в положительный. Воротами для выхода региона на мировой рынок (за исключением стран бассейна Тихого океана) могут стать порты Ямало-Ненецкого автономного округа. Протяженность водных путей – около 5000 км. Протяженность Оби в пределах округа составляет 928 км, Иртыша – 222 км. Обь связывает глубинные порты округа с Салехардом. Учитывая возможность организации перевозок «река – море», можно ожидать, что Обь станет главной транспортной магистралью для осуществления прямого выхода на мировой рынок массовых грузов региона [4].

Б. Магистральное положение. Железнодорожный транспорт – основное средство осуществления как региональных, так и межрегиональных связей региона. Железная дорога обслуживает предприятия нефтегазовой отрасли. Сейчас на территории региона проходит железнодорожные линии: Тобольск–Сургут–Когалым с ответвлением на Нижневартовск, Ивдель–Нягань–Приобье и Тавда–Междуреченский. Основным недостатком этой линии является слабая техническая оснащенность и малая пропускная способность. Для создания условий, необходимых для решения стоящих перед ними задач, обязательным является реконструкция железной дороги (создание двух путей) и окончание сооружения Северо-Сибирской магистрали, которая пройдет по линии Пермь–Ивдель–Югорск–Ханты-Мансийск–Сургут–Нижневартовск–Белый Яр–Лесосибирск–Усть-Илимск–порты Тихого океана. По новому транспортному коридору будут поставляться буровые станки, трубы и транспортное оборудование, металлоконструкции и т.п. [2].

Велика будущая роль региона и в осуществлении транзитных меридиональных связей по транспортному коридору Сургут–Нижневартовск–Белый Яр–Томск–Новосибирск и далее в Среднюю Азию. На территории округа берут начало множество магистральных нефтепроводов. Крупными направлениями нефтепроводов являются: Нижневартовск–Анжеро-Судженск, Нижневартовск–Курган–Самара с подключением к поставке нефти на экспорт по нефтепроводу «Дружба». Для передачи попутного газа построен газопровод Нижневартовск–Парабель–Кузбасс и др.

В. Положение относительно транспортных узлов (узловой).

Основная перевозка грузов в округе приходится на водный и железнодорожный транспорт, часть грузоперевозок осуществляется автомобильным и авиационным. Крупных транспортных узлов в регионе недостаточно. Самым крупным транспортным узлом региона является Сургут. В условиях реализации проекта строительства Севсиба он может быть восточным аванпортом, где грузы будут складироваться и обрабатываться [2]. Еще одна перспектива связана с функционированием трансконтинентального воздушного моста из Северной Америки, через Северный полюс в Среднюю Азию, Ближний Восток и Южную Азию. Учитывая, что аэропорты с международным статусом имеют города Нижневартовск, Сургут и Ханты-Мансийск, можно предположить, что здесь будут формироваться крупные транспортные узлы.

4. Сбыто-географическое положение. Основные продукты экспорта региона: нефть, продукты ее переработки, топливо и т.д. Для региона особое значение имеет отношение к крупнейшим рынкам. На Азиатско-Тихоокеанский регион приходится уже сейчас около 60% мирового индустриального производства, более чем 1/3 мировой торговли (вместе с восточным побережьем США). Япония стала второй после США индустриальной державой, превзойдя США по валовому национальному продукту на душу населения. В число крупнейших держав мира по объему ВВП вошёл Китай. Бурно стартовали в сфере передовой технологии новые индустриальные страны – Республика Корея, Малайзия, Сингапур, территории Тайвань и Гонконг [2]. Спрос на нефть формируется главным образом на трех крупных региональных рынках. Около 30% мировой добычи нефти потребляется в Северной Америке, почти 27% – в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и более 22% – в Европе [6]. О постепенной переориентации России на азиатские рынки говорит и тот факт, что нефтепровод из Восточной Сибири пойдет к Тихоокеанскому побережью. Газопровод из Ханты-Мансийского округа направляется через территорию Алтая в Китай, который как крупнейший производитель товаров в мире, становится и крупнейшим потребителем сырья. Именно поэтому относительная близость к этому региону говорит о соседском географическом положении ХМАО на рынках сбыта. Хотя, учитывая быстрое развитие Восточной Сибири, необходимо отметить, что этот регион со временем должен сильно потеснить Западную Сибирь на азиатском рынке.

5. Ареальное географическое положение. Для территории региона характерно геометрическое центральное положение. Территория

региона находится в центре Западно-Сибирской равнины. В регионе находится центр Западно-Сибирского экономического района (координаты $60^{\circ}40'$ с.ш. и $76^{\circ}46'$ в.д., расположенный на левобережье реки Оби в районе Нижневартовска. Центр Уральского федерального округа лежит у истока р. Ун-Вошьеган в Белоярском районе и имеет координаты $62^{\circ}30'$ с.ш. и $69^{\circ}35'$ в.д. [3]

Периферийность географического положения – важный фактор общественной жизни, который сказывается на оперативности функций управления, на географических векторах освоения территории, на размещении головных предприятий и учреждений и т.д. Это положение региона сказывается также и на социально-экономическом развитии.

С помощью центрографического метода можно определять геометрические и центры масс региона [8]. Географический центр ХМАО находится расположен в Сургутском районе, на левобережье р. Лямин, в междуречье р. Юмаяха и его левого притока, и имеет координаты $61^{\circ}56'46''$ с.ш. и $70^{\circ}37'30''$ в.д. [3]. Он находится в 138 км к юго-востоку от Ханты-Мансийска и в 167 км к северо-западу от Сургута.

Экономико-географическое положение в ареале региона отражает центр тяжести экономики. Известно, что социально-экономическое пространство неоднородно, а производительные силы размещаются по территории неравномерно. Поэтому геометрический центр региона чаще всего не совпадает с его экономико-географическим центром, который отражает размещение «экономических масс» по территории региона. Для определения центра тяжести экономики используют показатель занятости (среднесписочная численность работающих в организациях) городского населения [8].

Экономико-географический центр тяжести региона лежит в 17 км на север от Нефтеюганска и в 46 км к западу от Сургута и имеет координаты: $61^{\circ}15'$ с.ш. и $72^{\circ}29'$ в.д. (близ озера Вильент). Неподалеку от него, на реке Ватинский Ёган к западу от оз. Сомтолор располагается демографический центр региона (по данным на 2009 г.) с координатами $61^{\circ}10'$ с.ш. и $76^{\circ}28'$ в.д. Он находится к северо-западу от Нижневартовска (25 км), и к северо-востоку от Мегиона (25 км).

На северо-востоке региона вблизи границы с Ямало-Ненецким автономным округом находится географический центр бывшего СССР с координатами – $62^{\circ}30'$ с.ш. и $82^{\circ}30'$ в.д. Здесь расположен также географический центр Западно-Сибирской равнины – на юге Нижневартовского района в истоке р. Кульеган и имеет координаты 60° с.ш. и 76° в.д. [7].

Таким образом, ЭГП можно рассматривать как основной ресурс любого региона, оказывающее большое влияние на формирование хозяйства, как во времени, так и в пространстве. ЭГП – один из факторов изменения функций, экономической и территориальной организации объектов (регионов), причем, эти объекты, развиваясь, сами начинают влиять на ЭГП.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (Проект №15-12-86003 а(р)).

Библиографический список

1. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350с
2. *Большаник П.В.* Географическое положение // Социально-экономическая география и природопользование региона. Ханты-Мансийск: Информационно-издательский центр, 2007. С.10-20.
3. *Булатов В.И.* Физическая география и экология региона. – Ханты-Мансийск, 2006. С.8–10.
4. *Еремينا Е.* Где-то есть корабли // Эксперт. Урал. 2007. № 31. С.20–22.
5. *Мироненко Н.С.* Страноведение. Теория и методы: учеб. пособие. М., 2001. 268 с.
6. *Рянский Ф.Н., Середовских Б.А.* Введение в историческую географию Среднего Приобья и его урало-сибирских окрестностей. Нижневартовск, 2007. 405 с.
7. *Соколов С.Н.* Экономико-географическое положение Нижневартовского региона // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. Серия «Естественные науки и науки о Земле». 2012. №1. С. 21–31.
8. *Червяков В.А.* Количественные методы в географии. Барнаул, 1998. 259 с.

MODERN ECONOMIC AND GEOGRAPHICAL POSITION OF YUGRA

S.N. Sokolov

Nizhnevartovsk State University

Russia, 628605, Khanty-Mansiysk Autonomous District, Nizhnevartovsk, Lenina Str. 56;
e-mail: snsokolov1@yandex.ru

The purpose of this article is to characterize modern economic and geographical position of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra in the system of the neighboring administrative areas of the Russian Federation.

Key words: economic-geographical position, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В ГОРОДАХ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

И.А. Соловьев

Северо-Кавказский федеральный университет
355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1; e-mail: soloivan@mail.ru

В сообщении рассматриваются пространственно-временные трансформации адаптации мигрантов в городах Ставропольского края. Проведен анализ миграционной подвижности новоселов на основе официальной статистики в городах разного типа.

Ключевые слова: миграция населения; адаптация мигрантов; приживаемость мигрантов; миграционная подвижность новоселов.

Миграционные процессы на Ставрополье во многом зависят от успешности приживаемости переселенцев. Высокой актуальностью при изучении адаптации новоселов обладает городская местность. В урбанизированных территориях края на протяжении многих лет происходят активные пространственные движения населения. Как правило, городская местность является аттрактивной в миграционном отношении. В городском расселении Ставропольского края представлены поселения разного функционального типа, со значительной миграционной дифференциацией. Целью исследования является выявление пространственно-временных особенностей адаптации мигрантов в городах Ставропольского края в 1988–2007 гг.

Информационной основой исследования выступают статистические данные по продолжительности проживания, по последнему месту жительства, извлеченные из талонов выбытия населения на постоянное место жительства (пункт №9) заполняемые в паспортных столах. Листы выбытия были обработанные с помощью автоматизированного программного комплекса «Анкета» [1]. Выборка составила по данному пункту анкеты выбытия 10299 мигрантов (когорты трудоспособного и старше трудоспособного возраста). Ключевыми датами были выбраны 1988, 1995, 2001, 2007 г., что позволяет проследить трансформацию изучаемого показателя в различные этапы по характеру миграции населения. В 1980 г. преобладали миграции «село-город», в 1990-е гг. на первую роль вышла вынужденная миграция, а в 2000-е гг. лидерство снова перешло к тренду из села в город. Таким образом, исследование охватывает три принципиально отличающихся этапа по характеру миграционных процессов.

Для рассмотрения территориальных аспектов адаптации мигрантов в городах нами использовался критерий численности населения с разделением на следующие группы: малые города; средние города; крупные города; большие города. Основу выборки составили следующие территории: Изобильный, Светлоград (малые города), Минеральные Воды, Михайловск (средние города), Невинномысск, Пятигорск (крупные города), Ставрополь (большой город). Отдельно составлены отчеты по поселкам городского типа (ключевые пгт – Солнечнодольск, Рыздвянный). По причине не сплошного охвата потока выбытия это исследование не претендует на роль исчерпывающего. Имеющаяся в нашем распоряжении статистическая база позволяет рассматривать адаптационные процессы в контексте изучения приживаемости. Под этим Ж.А. Зайончковская, понимает процесс перехода новоселов в состав постоянных жителей мест вселения. Это понятие применяется только к новоселам [2].

В работе известного демографа Л.Л. Рыбаковского при анализе закономерностей приживаемости новоселов делается одна из первых попыток определить срок в течение, которого новоселы переходят в старожилы. По его мнению, этот период составляет, как правило, 10 лет [3]. Исходя из этого, при обработке статистических данных по продолжительности проживания мигрантов по последнему месту жительства нами был принят 5-летний интервал. Всего было выделено 5 групп значений по данному показателю: 0–5 лет; 5–10 лет; 10–15 лет; 15–20 лет; более 20 лет. Такой подход позволяет из общего потока выбывших вычленить новоселов, которые условно относятся к первым двум группам проживающих от года до 10 лет, остальные когорты относятся к постоянному населению (проживающие более 10 лет). Рабочей гипотезой исследования можно допустить то, что проблемы адаптации мигрантов определяют более высокую миграционную подвижность среди новоселов, чем у населения проживающего более 10 лет.

Исследование показало, что по всем ключевым годам миграционная подвижность новоселов значительно выше, чем у старожильческого населения. В 1988 г. в потоке выбытия количество новоселов в пгт. составляло 81,1%, малых городах – 85,5%, в средних городах – 85%, в крупных городах – 75,4%, в большом городе – 89%. При этом доминировала когорта мигрантов проживающих по последнему месту жительства до 5 лет, над группой мигрантов от 5 до 10 лет. Число первой группы превышало вторую в пгт в 7,1 раза, в малых городах – в 11,8 раза, в средних городах – в 3,6 раза, в крупных городах – в 3,2 раза, в большом городе – в 4,5 раза. Более высокая миграционная подвижность населения

1-й группы населения (проживающих до 5 лет) по нашему мнению связана с большими трудностями в приживаемости новоселов в 1980-е гг., в малых городах и пгт., чем в более крупных городских поселениях. В условиях преобладающих экономических детерминант в миграции населения, очевидно, что средние, крупные и большие города имели лучшие предпосылки для приживаемости новоселов.

В первой половине 1990-х гг. миграционную подвижность в потоке выбытия также преимущественно определяли новоселы. При этом характер стрессовых миграций и ухудшение социально-экономической ситуации в стране привели к повышению миграционной подвижности во 2-й группе новоселов (проживающих по последнему месту жительства 5-10 лет). В целом число 1-й группы новоселов над второй в 1995 г. превышало в пгт в 4,1 раза, в малых городах в 3,2 раза, в средних городах в 1,7 раза, в крупных городах в 2,4 раза. Вместе с тем доля первой группы была самой высокой в пгт и малых городах Ставрополя. Возможно, это может свидетельствовать обо все ещё заметной разнице в приживаемости между малыми городскими поселениями с одной стороны и средними и крупными городами с другой стороны. Тем не менее, существенный рост миграционной подвижности второй группы новоселов и резкое снижение разницы между этими группами говорят о схожести условий и характера адаптации мигрантов между городами края разной величины.

В начале 2000-х гг. миграционные процессы все больше стали определять экономические факторы. В этих условиях в городской местности Ставрополя в миграционной подвижности населения произошли закономерные трансформации. В пгт почти в два раза увеличилась миграционная подвижность среди новоселов 2-й группы (5–10 лет). Это говорит о том, что вынужденные мигранты как первой половины 1990-х гг., так и второй половины этого десятилетия почти в равной интенсивности по причине осложнения адаптационных процессов стали покидать непривлекательные территории. В малых, средних и крупных городах ситуация кардинально не изменилась.

В 2007 г. когда уже вынужденная миграция свелась к нулю, а на первые роли вернулись классические миграции, детерминированные экономическими факторами, произошли более существенные изменения по сравнению с предыдущим временным отрезком. В пгт миграционная подвижность практически сравнялась между обеими группами новоселов, в малых городах также наблюдалось почти трехкратное увеличение доли лиц проживающих по последнему месту жительства

5–10 лет, существенный рост этого показателя произошел в крупных городах и незначительный подъем отмечался в средних и больших поселениях. Это может являться фактом увеличения сроков приживаемости мигрантов в более сложных социально-экономических условиях, чем в советские годы. Территориальные особенности адаптации мигрантов определялись более высокой долей новоселов в структуре выбытия. В 2007 г. этот показатель в пгт и малых городах составил 84,7%, в средних городах 76,94%, в крупных городах – 57,49%, в большом городе – 78,61%. Предположим, что отмечаемая разница по городам разного типа свидетельствует о более успешной адаптации мигрантов в средних, малых и больших городах Ставропольского края.

Подведем итог, исследование показало, что на первом этапе (1980-е гг.) в процессе адаптации мигрантов отмечался территориальный раскол главным образом между малыми городами (с учетом пгт) и более крупными городскими поселениями. Большинство новоселов приживались в течение первых 5 лет, меньшая их часть справлялась с этой проблемой за 10 лет. В 1990-е гг. в условиях жесточайшего кризиса и вынужденного характера миграции населения в целом осложнили адаптационные процессы и значительной степени нивелировали былую дифференциацию между городами края разной величины. Срок адаптации для многих новоселов существенно вырос. По мере восстановления экономики страны и снижения стрессовых миграций адаптационные процессы стали более дифференцированы между городами разной величины.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 13-06-00462).

Библиографический список

1. Белозеров В.С., Маслиев Р.О., Панин А.Н., Соловьев И.А. Программный комплекс обработки и хранения анкетных данных «Анкета» / зарегистрирован Отраслевым фондом алгоритмов и программ России, свидетельства об отраслевой регистрации разработки № 2826. – М., 2003.
2. Зайончковская Ж.А. Новоселы в городах (методы изучения приживаемости). М.: Статистика, 1972. 19 с.
3. Рыбаковский Л.Л. Региональный анализ миграций. М.: Статистика, 1973. 54 с.

SPACE-TIME ASPECTS OF ADAPTATION OF MIGRANTS IN CITIES STAVROPOL REGION

I.A. Soloviev

North-Caucasus federal university

Russia, 355009, Stavropol, Pushkin Str., 1; e-mail: soloivan@mail.ru

The report discusses the spatiotemporal transformation adaptation of migrants in the cities of Stavropol Territory. The analysis of migration mobility settlers based on official statistics in the different types of cities.

Key words: migration; adaptation of migrants; survival migrants; migration mobility of new settlers.

УДК 338.264

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ КАПИТАЛОМ ТЕРРИТОРИИ

В.А. Столбов

Пермский национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: Stolbov210857@mail.ru

Статья содержит основные положения концепции регионального капитала: раскрывает его структуру, функции, особенности формирования и функционирования. Раскрываются процессуальные аспекты эволюции капитала территории, анализируется покомпонентные связи, определяется целевая направленность капитализации региона. Концептуальные основы управления капиталом территории могут быть использованы в системе стратегического и территориального планирования, складывающейся в современной Российской Федерации. Сообщение предлагает логику построения плановых документов, их содержание и взаимосвязь. Особое внимание уделяется применению принципов региональной капитализации в документах стратегического планирования, которые являются новыми обязательными документом для субъектов Российской Федерации и, несомненно, вызовут много трудностей при разработке и реализации у действующих администраций.

Ключевые слова: региональный капитал, потенциал территории, природно-ресурсный потенциал, капитализация региона, стратегическое и территориальное планирование, управление капиталом территории, человеческий капитал.

Капитал региона (территории) представляет собой сумму накопленных материальных и нематериальных ценностей, которыми регион может распоряжаться с целью получения максимальной добавленной стоимости. В отличие от регионального богатства капитал имеет непреходящую ценность, обладает высокой степенью мобильности и компактности, может быть облечен в стоимостную форму, способен воспроизводиться, совершать кругооборот с получением добавленной

стоимости. Главными отличительными чертами регионального капитала является его общепризнанная ценность (не только в пределах регионального сообщества, но также в масштабах страны и мира), территориальная целостность, комплексность, многообразие (полиструктурность и поликомпонентность), динамизм, воспроизводство, процессуальная направленность, управляемость, наличие конкурентных преимуществ, способность к концентрации и накоплению, соответствие конъюнктуре рынка и т. д.

В основе регионального капитала лежит потенциал территории – богатства территории, созданные в результате деятельности людей и находящиеся в ее ведении. Традиционно потенциал рассматривается как средства, возможности, способности, ресурсы, которые могут быть привлечены для выполнения какой-то работы. Потенциал, как социально-экономическая категория, характеризует общественные отношения, возникающие в процессе освоения территории, и «очерчивается» возникает только в процессе общественной деятельности. Это не только деятельность по преобразованию ресурсов, это деятельность по их выявлению, изучению, оценке, переосмыслению и трактовке (в виде определенных категорий, образов, символов, брендов, качеств и свойств, присущих территории). Все то, что придает территории ценность, значимость, весомость для общества.

Богатство территории обладает рядом значимых качеств – оно объективно, ценно, значимо и, главное, – способно к актуализации – преобразованию в региональный капитал. Потенциал территории можно понимать, как скрытые возможности, способность региона осваивать, перерабатывать, использовать в процессе хозяйственной деятельности богатства территории для удовлетворения общественных потребностей. Он отражает прогрессивные потенции территориальной общественной системы.

Таким образом потенциал территории, с точки зрения ее капитализации, следует рассматривать в качестве:

- важнейшего фактора роста богатства территории;
- результата хозяйственного освоения территории, итога общественной деятельности;
- показателя максимальных производственных возможностей территории;
- основного источника формирования регионального капитала;
- средства удовлетворения общественных потребностей;

– критерия эффективности использования ресурсов территории.

Традиционно потенциал территории подразделяется на частные потенциалы по функционально-компонентному признаку. В составе регионального потенциала обычно выделяют:

- природно-ресурсный потенциал;
- научно-технический потенциал;
- кадровый потенциал;
- производственный потенциал;
- строительный потенциал;
- сельскохозяйственный потенциал;
- потенциал инфраструктуры;
- информационный потенциал;
- организационный потенциал;
- туристско-рекреационный потенциал и т. д.

На основе определенной части регионального потенциала формируется соответствующий компонент капитала. Капитал региона – это часть его потенциала, обретшая реальную потребительскую ценность и стоимость и поэтому свободно обращающийся на рынке. Масштабы и степень востребованности потенциала и определяют, в конечном счете, основные черты регионального капитала.

Региональный капитал обладает более укрупненной структурой, что объясняется, с одной стороны, менее тщательной проработкой концепции, относительной молодостью самого базисного понятия, с другой – соответствие предлагаемой структуры реальным потребностям сегодняшнего дня, ее достаточности для адекватного объяснения конструктивной значимости концепции. В составе капитала территории целесообразно выделять следующие функциональные блоки или компоненты, соответствующие частные капиталы: 1) природный (природно-ресурсный); 2) производственный; 3) финансовый; 4) человеческий; 5) имиджевый.

Каждый из этих блоков имеет собственную компонентную базу, индивидуальную целевую функцию и конкретный механизм формирования и функционирования.

Выступая в качестве одного из важнейших компонентов национального и регионального богатства, природно-ресурсный потенциал в форме природного капитала в значительной мере определяет возможности и темпы социально-экономического развития территории. Природные условия и ресурсы, несмотря на казалось бы прогрессирующее «отстранение» человечества от окружающей среды и кажущуюся неза-

висимость от естественного окружения, были, есть и всегда останутся определяющим фактором общественной деятельности. Во-первых, природно-ресурсный капитал является источником природной ренты – до настоящего времени главной движущей силой социально-экономического развития страны и многих ее регионов. Во-вторых, косвенно, природный капитал присутствует в других сферах хозяйственной деятельности, способствуя снижению издержек, росту конкурентоспособности и, в конечном счете, повышению эффективности. В частности, базисом многих территориальных систем является туристско-рекреационный потенциал, включающий природные, культурно-исторические, этно-демографические, хозяйственные и иные компоненты. Потенциал этот должен обладать свойствами комфортности, привлекательности, емкости, надежности, безопасности, в чем немалую роль играет природно-ресурсный фактор. Только в этом случае он станет мотивом путешествия и частью регионального капитала.

Природно-ресурсный капитал может существовать и успешно функционировать только в сочетании с производственным (произведенным) капиталом. Природные ресурсы, вовлеченные в процессы регионального общественного воспроизводства, становятся капиталом. Эти ресурсы воплощаются в зданиях, сооружениях, товарах, услугах, произведениях искусства, памятниках природы, культуры, истории и т. д. Обретая вторую жизнь они, при умелом использовании, становятся источником другой – исторической ренты, извлекаемой посредством туристического бизнеса, притока инвестиций, мигрантов, интеллектуальной собственности, имиджа территории, региональных брендов и других нематериальных активов.

Все компоненты регионального капитала напрямую зависят от качественного и количественного состояния территориальной общности людей. Только человеческая деятельность, труд, приложенный к определенным природным или производственным объектам, делает их частью капитала и позволяет генерировать добавленную стоимость. Эффективность этого труда, его производительность и качество напрямую зависят от качеств труженика. Эти качества, а также численность населения и его состав определяют величину человеческого капитала территории – главной составляющей всего регионального капитала. Человеческий капитал уже сейчас составляет до 2/3 национального богатства развитых стран мира и в перспективе его доля будет только расти. Люди из категории «главного элемента производительных сил» приобретают в статус главной цели национального и

регионального развития. Фундаментальность и долговременность реализации этой цели диктуют необходимость четкого осознания перспективных целей и задач, обоснование ресурсов, источников и механизмов их достижения. К перспективам формирования человеческого капитала (величины, структуры, свойств и качеств территориальной общности людей) страны и территории должны подходить особенно ответственно. Считается, что наиболее востребованными в перспективе будут такие качества как креативность, инновационность, гражданская активность, ответственность и толерантность. В современной «экономике проектов» все больший удельный вес занимают нематериальные активы – интеллектуальная собственность (программное обеспечение, произведения культуры и искусства, технологии, открытия в области медицины, биологии и т. д.).

Финансовая часть регионального капитала представляет собой финансовые активы прямо или косвенно находящиеся в распоряжении региона. Это не только бюджет территории, но и ресурсы банковской сферы, страхового рынка, финансы предприятий, организаций, учреждений, а также сбережения домохозяйств. Денежные потоки играют роль кровеносной системы, способствующей перетеканию капитала, трансформации одной части регионального капитала в другую, поддержанию баланса между компонентами. Финансы составляют немалую часть национального и регионального богатства и могут даже определять специализацию (международные финансовые центры), а также формировать имидж территории, способствуя ее инвестиционной привлекательности.

Все компоненты регионального капитала «работают» на основной нематериальный актив территории – ее имидж. В формировании имиджа участвуют все элементы территориальной общественной системы региона. Образ территории, который складывается у мирового сообщества по поводу того или иного региона, представляет собой «мозаику», соединяющую в единое целое самые разнородные кусочки. В составлении этой мозаики участвуют и отдельные региональные бренды – уникальные природные и исторические объекты, корпорации и фирмы, товары, услуги, символы, легенды, выдающиеся личности т. д. Во многом, имидж территории – это накопленный капитал, служащий источником исторической ренты.

Процессуальный механизм капитализации региона можно характеризовать как способ организации и функционирования расширенного воспроизводства регионального капитала со свойственными

ему формами, методами, экономическими и социальными стимулами и правовыми основами. Он основан на действии объективных законов и нацелен на эффективное развитие социоэкономики региона. Механизм капитализации охватывает все сферы, виды деятельности и звенья территориального хозяйства, представляя собой совокупность и взаимодействие производственных, социальных, семейно-бытовых, этнических и прочих связей, функционирующих в виде определенных организационных форм (в том числе и территориальных) общественного воспроизводства.

Система управления процессом региональной капитализации включает в себя следующие основные элементы:

– планирование и прогнозирование, как центральное, ведущее звено в системе управления экономическим и социальным развитием территории, представленную комплексом мониторинговых, плановых, отчетных и оценочных показателей. Этот элемент системы регионального управления получил достаточно четкую правовую форму в виде федерального закона № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации». В законе регионы обязаны, а территории (муниципалитеты) получили законодательно закрепленную возможность разрабатывать долгосрочные стратегии социально-экономического развития. В результате в стране выстраивается достаточно четкая и логичная система стратегического планирования, которая прежде отсутствовала. Закон предусматривает конкретный список документов (их 28), относящихся к системе стратегического планирования РФ. Процесс стратегического планирования в России – прерогатива федерального уровня. 16 из 28 типовых документов разрабатываются на федеральном уровне, семь пунктов приходятся на уровень субъекта федерации, в компетенции муниципалитетов – лишь пять. Но в этой системе стратегического планирования, с точки зрения региональной капитализации, есть ряд «белых пятен». Наряду с несомненно положительным введением уровня макрорегионального планирования (два субъекта федерации и более), отсутствует аналогичный микрорегиональный уровень (два муниципалитета и более). Региональный капитал (особенно природно-ресурсный), как известно, «не признает» ни границ субъектов федерации ни границ муниципалитетов. Его эффективное использование возможно только при согласовании усилий всех заинтересованных территорий. На уровне субъектов федерации такая законодательная возможность теперь имеется, на уровне муниципалитетов – по прежнему нет. Другой момент связан с отсутствием в компе-

тенции субъекта федерации отраслевого направления планирования. Объясняется подобная ситуация нарушением логики документа. В законе на уровне субъекта РФ «изъят» раздел «Документы, разрабатываемые в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципу», имеющийся на верхней ступени. Муниципалитеты разрабатывают документы стратегического планирования (за исключением, документов, предусмотренных бюджетным кодексом) исключительно по желанию. Стратегия социально-экономического развития муниципалитета и план мероприятий по ее реализации в законе упоминаются, т.е. они будут иметь соответствующий правовой статус, о прогнозе и других документах речи в документе не идет (статья 39);

- организационные формы и структуру управления, как систему построения органов управления;
- методы хозяйствования. Сочетание методов экономического стимулирования с ограничивающими и репрессивными методами, обеспечивающее согласование общегосударственных, корпоративных, частных, коллективных, территориальных и личных интересов;
- общественные связи, их классификацию, структуру и принципы развития;
- формы участия населения в управлении развитием региона, как предпосылки формирования гражданского общества и реализации интересов территориальной общности людей;
- систему законодательно-правовых форм и методов регулирования процессов общественного воспроизводства на территории;
- систему политических, идеологических, конфессиональных, этнических, социально-психологических и пр. факторов и отношений, обеспечивающих нормальное функционирование механизма региональной капитализации.

MANAGEMENT OF TERRITORY CAPITAL: CONCEPTUAL FRAMEWORK

V.A. Stolbov

Perm State University

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15; e-mail: Stolbov210857@mail.ru

The article consists of the main conceptual framework of regional capital: structure, functions, aspects of formation and function.

Key words: regional capital; territory potential; natural-resources potential; capitalization of region; strategic and territorial planning; management of territory capital; human capital.

РЕГИОН В СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Т.В. Субботина, Е.М. Бояршинова

Пермский государственный научно-исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: ada @psu.ru

В сообщении рассматривается формирование природно-общественных систем, их строение и эволюция, специфика и новое видение региона. Предлагается социально-эколого-экономическое районирование Пермского края, постановка проблем и пути их разрешения в рамках социально-экологической политики.

Ключевые слова: регион, природно-общественная система, социально-эколого-экономическое районирование, пространственная организация, социально-экологическая политика.

Результат эволюции земной цивилизации в настоящее время представлен трансформацией природы и общества. Изменение биологического вида от *homo sapiens* до *homofaber* и *homosocium* предусматривает формирование общности людей, объединенных сначала конкретной территорией, а затем и в целом земным пространством, включая ноосферу (сферу разума). В настоящее время эта сфера может быть представлена информационной средой, выходящей за рамки земного пространства. Создание глобальных информационных систем или сетей обуславливается спутниковой связью. Расширение информационного пространства заставляет по-новому посмотреть на природно-общественные системы и регионы.

Комплексные природно-общественные системы формировались на основании систем природопользования (аграрной, индустриальной, неоиндустриальной или постиндустриальной) со временем меняя свои приоритеты, содержание и окружение.

Так при аграрной системе хозяйствования формируется природно-общественная система с повышенной ролью природы. Хозяйство региона основывается на использовании агроприродных ресурсов. Земля выступает средством, фактором производства и главной производительной силой. Жизнь в этой системе носит выборочный характер. Приоритеты направлены на выживаемость населения. Однако в данной системе можно выделить ядро (некую общность людей) и окружение (природу с небольшим вкраплением элементов экономической-аграрной сущности). Формируются локальные места совместного проживания людей, проводится зонирование территории. Данная при-

родно-руральная система привязывается к конкретной территории. Эволюция имела большие временные границы. Ее содержание со временем наполнялось такими инфраструктурными элементами как линии передвижения (дороги) и водоснабжения. Появляются элементы воспитания и образования. В данном случае мы не ставим себе цели основательно характеризовать все процессы становления данной аграрной системы выявили лишь основные тенденции, штрихи.

С конца XIX в. заявляет о себе природно-общественная система с акцентом хозяйственной деятельности на индустриализацию. Развитие промышленности обуславливает развитие регионов. Здесь много разработок относительно различных территориальных образований: ЭПЦ Н.Н. Колосовского [1], ТПК Ю.Г. Саушкина [2]. В основу формирования индустриальной природно-общественной системы были положены принцип комплексности, выявление причинно-следственных связей. Помимо общих мест проживания (населенных пунктов), здесь формируются пути сообщения, транспортные и экономические центры и как следствие – опорный каркас территории. При приоритетном экономическом развитии в данной системе появляются элементы, влияющие на повышение уровня жизни населения (сфера обслуживания). По всем позициям эта система стала соответствовать территориальной общественной системе (ТОС), так как в ней представлены все элементы общественной жизни.

По нашему мнению в настоящее время имеет смысл говорить о территориальных социальных эколого-экономических системах (ТСЭ-ЭС), самым завершенным и сложным по своему содержанию образованиям. ТОС в данном случае имеет ядро – территориальную общность людей (ТОЛ) и окружающую среду. Причем если ТОЛ изменяется качественно и количественно, то окружение расширяется, можно выделить такие виды окружения как экономическую, так и общественную среды с выделением таких составляющих как духовной, социальной, политической, экологической, информационной и т.д. [3].

В этой системе приоритеты меняются. Повышается роль информации, инноваций, духовности, политической активности. Это обуславливается новыми видами деятельности: оказанием различных услуг. Здесь приоритеты нацелены на качество жизни населения. Со временем данный уровень развития природно-общественной системы должен перейти к ноосферному – сформируется планетарная система: формирование гуманного общества. В данном случае на территории разного иерархического уровня формируются интегральные регионы:

самодостаточные и с ограниченными возможностями, перспективные и проблематичные. Возникает необходимость регулирования их поступательного развития.

Сбалансирование возможностей и потребностей региона позволит обеспечить оптимизацию их пространственной организации. Для этого необходимо провести дифференциацию территории региона по всем составляющим ее потенциала: природного, экономического, социально-духовного, информационного, управленческо-организационного. Данная дифференциация может быть проведена на основе социально-эколого-экономического районирования.

Структурный каркас Пермского края сформировался под влиянием р. Кама и ее притоков. Кама была главной транспортной артерией и ведущим фактором расселения населения, она исторически являлась главной планировочной осью организации опорного и экономического каркаса территории. По мнению М.Д. Шарыгина опорными центрами являются Красновишерск, Соликамск, Березники, Пермь, Краснокамск, Добрянка, Кунгур, Верещагино, Нытва, Оханск, Чайковский, Чернушка [4].

Анализ пространственной организации социально-эколого-экономических районов (СЭЭР) позволяет выявить диспропорции и несовершенства его пространственной организации, в том числе административно-территориального деления. Так на территории Пермского края было выделено 11 социально-эколого-экономических района (рисунков).

Для гармоничного развития выделенных районов, в рамках социально-экономической политики в качестве приоритетных должны быть следующие стратегические цели: 1) стабилизация численности населения; 2) формирование социально безопасной среды; 3) повышение эффективности и прибыльности бизнеса, осуществляющего деятельность на территории Пермского края; 4) увеличение доходов населения; 5) повышение качества инфраструктуры регионального значения; 6) развитие межрегиональных и международных транспортных связей; 7) привлечение инвестиций и улучшение инвестиционного климата в Пермском крае; 8) обеспечение безопасной экологической среды.

Для наиболее проблематичных территорий кроме общих направлений необходимо проработать частные мероприятия.

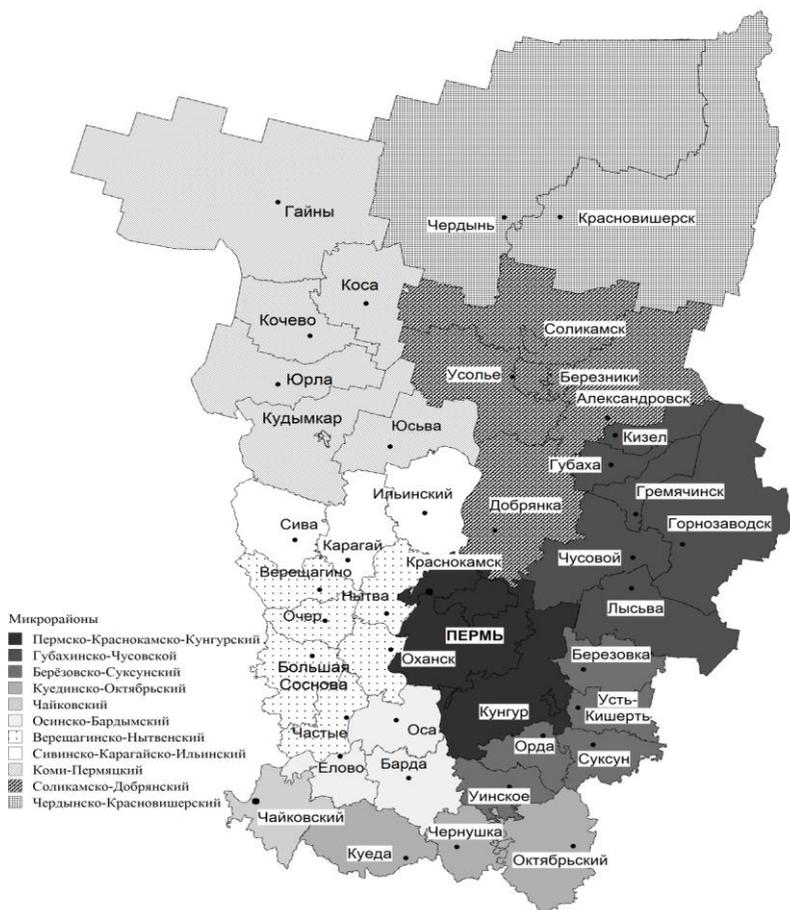
В основе логики выбора данных пяти социально-эколого-экономических районов лежит региональная политика, выбранные

районы служат основой для реализации региональной политики в области территориальных диспропорций и совершенствования административно-территориального деления, оптимизации территориальной организации Пермского края.

Чердынско-Красновишерский СЭЭР имеет средний уровень развития экологической ситуации, напряженную экономическую, социально-демографическую ситуацию. Этим обусловлен низкий уровень жизни населения и высокий миграционный отток, отрицательный естественный прирост населения. Для территории характерен ряд проблем связанных с несовершенством пространственной организации территории: малая людность населенных пунктов (менее 50 чел.) – д. Черепаново, д. Тиминское, д. Ньюзим, с.Тулпан, д. Русиново, с. Большой Кикус, д. Слобода, д. Верхний Шакшыр; отсутствие круглогодичной транспортной доступности поселений, отсутствие социально-бытовой, экономической, культурной инфраструктуры – п. Сыпучи, п. Акчим; наличие двух ядер тяготения в Чердынском муниципальном районе и конкуренция центров (г. Чердынь, пгт Ныроб). В районе предлагается переселение населения из ряда населенных пунктов, с последующей их ликвидацией в рамках государственной программы о переселении, укрупнение и изменение статуса населенных пунктов.

Коми-Пермяцкий СЭЭР (Гайнский, Кочевский, Косинский, Юрлинский, Юсьвинский, Кудымкарский муниципальные районы, городской округ Кудымкар) характеризуется низким уровнем развития экономики, средним уровнем развития социально-демографической ситуации и относительно хорошей экологической обстановкой. В Кудымкарском районе в связи с отсутствием круглогодичной транспортной доступности, очень малой людностью поселений (1–3 чел.), отсутствием социально-экономической, культурной и другой инфраструктуры планируется переселение населения из следующих населенных пунктов: Белоевское сельское поселение – деревни Гордина, Королева, Осипова, Ошибское сельское поселение – деревня Сенькашор, поселок Шавроль, Верх-Иньвенское сельское поселение – деревни Подволочная, Таскалева, Еремушкина, Кузулова, Ленинское сельское поселение – деревни Косогор, Каномова, Спасова, Степановское сельское поселение – деревня. Боярская. В Юрлинском районе переселение необходимо в Усть-Зулинском сельском поселении – п. Усть-Пышья в связи с отсутствием круглогодичного транспортного сообщения, отсутствием социально-бытовой и социально-культурной инфраструктуры.

Сивинско-Карагайско-Ильинский СЭЭР состоит из Сивинского, Карагайского, Ильинского муниципальных районов. Он имеет средний уровень развития социально-экономической и высокий уровень развития экологической ситуации. Ильинский муниципальный район разделен естественным барьером – заливом р. Кама на северную и южную части, вследствие чего существуют проблемы несовершенства административно-территориального деления (два крупных ядра тяготения – г. Чермоз и пгт. Ильинский). Северная территория может тяготеть к Верещагинско-Нытвенскому социально-эколого-экономическому микрорайону, южная часть территории – к Пермско-Краснокамско-Кунгурскому социально-эколого-экономическому микрорайону. Второй сценарий развития может быть обусловлен повышением статуса районного центра и перенос его в Чермоз. В этом случае район будет функционировать в традиционных границах.

Интегральное социально-эколого-экономическое районирование Пермского края

Осинско-Бардымский СЭЭР (Осинский, Бардымский, Еловский районы) имеет высокий уровень развития демографической и средний уровень развития социально-экономической ситуации. Разделение водным барьером Осинского муниципального района привело к несовершенству административно-территориального деления, связанного с тем, что часть населенных пунктов оторвана от основной территории района и не имеет транспортного сообщения с районным центром, который в свою очередь не является ядром тяготения для них. Предла-

гается отнести эти населенные пункты к прилегающему Оханскому району. В частности, территория Верхнедавыдовского сельского поселения прилегает к территории Оханского муниципального района. Поселение не имеет круглогодичного транспортного сообщения с Осинским районом и его центром. Беляевское сельское поселение Оханского муниципального района берет на себя все социально-культурные и социально бытовые инфраструктурные функции.

Соликамско-Добрянский СЭЭР включает Соликамский, Усольский, Александровский, Добрянский муниципальные районы, городские округа – Соликамск, Березники. Уровень развития демографической ситуации здесь ниже среднего: высокая смертность, очень низкая рождаемость, высокий миграционный отток населения. По уровню развития экономической ситуации достаточно высокие показатели, особенно выделяются Усольский и Александровский районы, города Березники и Соликамск. Низкий уровень развития социально-экономической и экологической ситуации. Проблемы Соликамского муниципального района обусловлены отсутствием транспортной инфраструктуры поселка Красный Берег, автобусное сообщение осуществляется через г. Красновишерск. Предлагается изменение в административно-территориальном делении, отнести пос. Красный Берег к территории Красновишерского муниципального района. Укрупнение мелких населенных пунктов с численность населения менее 50 чел. – деревни Бурена, Ульва, Никино и переселение населения из поселков Усть-Сурмог, Дерюкрутики.

В Усольском муниципальном районе разделение территории водным барьером приводит к тяготению населения к разным центрам – г. Березники, г. Соликамск и г. Усолье. Предлагается укрупнение населенных пунктов с численностью населения менее 50 чел. – деревни Володина Камень, Пимшино, Верхние Новинки, Малютина, Жуклино.

Разделение Соликамского и Усольского муниципальных районов водным барьером привело к тому, что правобережные и левобережные территории этих муниципальных районов имеют тяготение между собой и могут быть объединены.

Таким образом, для различных регионов, в том числе и для Пермского края характерен ряд проблем пространственной дифференциации территории, связанный с неравномерностью его развития, базирующегося как на традиционные (экономические, природные, человеческие), так и инновационные (информационные, управленческо-организационные, социально-духовные) факторы.

Библиографический список

1. *Колосовский Н.Н.* Теория экономического районирования. М., 1969. 215 с.
2. *Саушкин Ю.Г.* Географические циклы круговоротов веществ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. У. География. 1978. №4. С. 3–11.
3. *Субботина Т.В., Шарыгин М.Д.* Территориальные социально-эколого-экономические системы. Пермь, 2011. 310 с.
4. *Шарагин М.Д.* Территориальное управление и планирование: учеб. пособие; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – 2-е изд., перераб. Пермь, 2014. 236с.

РЕГИОН В СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

T.V. Subbotina, E.M. Boyarshinova
Perm State University
Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15; e-mail: ada@psu.ru

The report describes formation of natural-social systems, their structure and evolution, specificity, and a new vision of the region. Social-ecological-economics zoning of Perm Region is offered. Also posing problems and ways of their solving within the framework of social and environmental politics.

Key words: region, natural-social system, socio-ecological-economic regionalization, space organisation, socio-ecological policy.

УДК 911.8

РОЛЬ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ В РАЗВИТИИ СТРАХОВОГО СЕКТОРА РОССИИ

Л.А. Суменкова

ФГБУН Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН
664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1; e-mail: passwrд@mail.ru

В тексте рассматривается развитие страхового сектора в рыночных условиях РФ. Представлен анализ динамики основных общероссийских показателей страховой сферы. Выполнена характеристика нормативно-правовой базы страхования РФ.

Ключевые слова: нормативно-правовая база страхования; уставной капитал страховых организаций; договора страхования; добровольное страхование; обязательное страхование.

Новый этап становления страхового сектора связан с началом рыночных, в том числе институциональных преобразований в стране и принятием пакета документов о создании Российской страховой компании (Постановление Правительства РФ «О создании Российской

государственной страховой компании» от 10.02.92 г. № 76). Тогда произошло акционирование Госстраха РСФСР и образовался Росгосстрах [3;5]. За последующие двадцать лет было принято 12 законов, 13 постановлений 24 приказа, 1 указ и 2 распоряжения, что суммарно составляет более полусотни (включая главы в кодексах) нормативно-правовых актов, реформирующих отечественную страховую деятельность.

С установлением правовой государственности урегулировалась система страховых отношений (основных положений ведения деятельности), которая напрямую зависела от социально-экономических процессов в стране. Наиболее наглядно сложившуюся ситуацию отражает динамика основных страховых показателей. Так, например, после вступления в силу Закона N 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 [2], были определены участники страховой деятельности и появились возможности открытия страховых организаций (рис. 1).

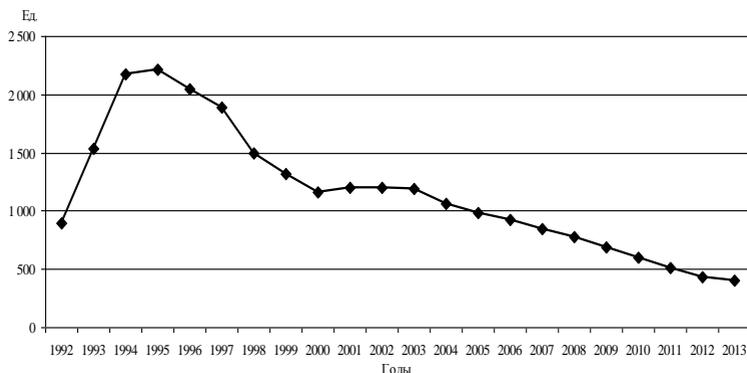

Рис. 1 Динамика страховых организаций России (составлено по [1])

За период 1992–1995 гг. общее число страховых организаций возросло в 2 раза (с 900 до 2000). Однако после дефолта 1998 г. их число стало сокращаться и на начало 2000-х достигло минимума (чуть больше 1000). Небольшой подъем наметился до 2002 г. (с приходом международных страховщиков). Однако общая тенденция за 10 лет наблюдается в сторону сокращения числа игроков страховой деятельности. На 2013 г. – около 500 организаций, что в 2 раза меньше, чем в 1992 г. Преобладающая часть страховщиков сосредоточена в Центральном Федеральном округе (ФО), а наименьшая – в Дальневосточном ФО и, начиная с 2004 г., в Южном ФО. В каждом ФО наблюдается общероссийская ситуация по сокращению страховых организаций [1].

Однако общая сумма уставного капитала страховых организаций наоборот, имела тенденцию к возрастанию (рис. 2).

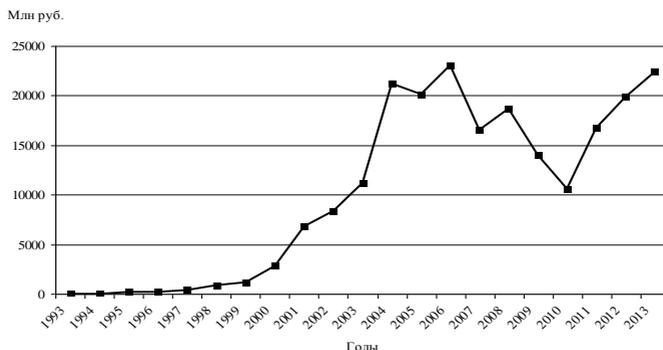

Рис. 2. Динамика совокупного уставного капитала страховых организаций РФ (по всем видам собственности (составлено по [1]))

В период становления рыночных условий общая сумма уставного капитала страховых организаций составляла около 3 млн руб. За 1994-1996 гг. значение показателя увеличилось в 70 раз (около 200 млн руб.). Несмотря на уменьшение числа страховых организаций и фиксируемого недоверия со стороны страхователей, к началу 2000-х сумма по уставному капиталу приблизилась к 2 млрд руб. Резкий подъем наблюдался в последующий пятилетний период (2001–2006 гг.), когда максимальный уставной капитал составил более 23 млрд руб. Именно тогда произошло «закрепление» страховой деятельности в отраслях экономики страны и приход на рынок иностранных страховщиков. В годы мирового финансового кризиса наблюдается снижение данного показателя почти в 2 раза (до 14 млрд руб.). Однако, начиная, с 2011 г. намечается положительная динамика по увеличению уставного капитала страховых организаций (более 22 млрд руб. на 2013 г.) [1].

От количества страховщиков и экономической обстановки страны зависит общее число заключаемых договоров (рис. 3). Так, за 1992 г. было заключено около 100 млн договоров страхования. С 1995 г. начинается резкий спад и через 3 года число заключаемых договоров снижается до минимума (чуть больше 70 млн). Основной причиной выступает нестабильная экономическая ситуация в России и, естественно, недоверие населения к услугам страховщиков. За следующие 5–7 лет данный показатель достигает уровня 1992 г. Начиная с 2006 г. фиксировалась новая волна подъема и число договоров приближалось к 150 млн. Однако годы мирового экономического кризиса снова понижают показатель. Увеличение значений началось после 2010 г. и продолжалось до 2013 г. В на-

стоящее время общее число заключаемых договоров страхования насчитывает около 140 млн в год. Общероссийская ситуация практически полностью повторяется только в Центральном ФО. В других округах общее число договоров страхования всегда было незначительно. Самые максимальные показатели зафиксированы на начало 1990-х гг. (Приволжский ФО около 40 млн). Особых подъемов или спадов не наблюдалось (за исключением 2007 г.) в Северо-Западном ФО, с максимумом за весь период около 20 млн сделок). Однако общее число постепенно снижается во всех округах, исключая Центральный ФО [1].

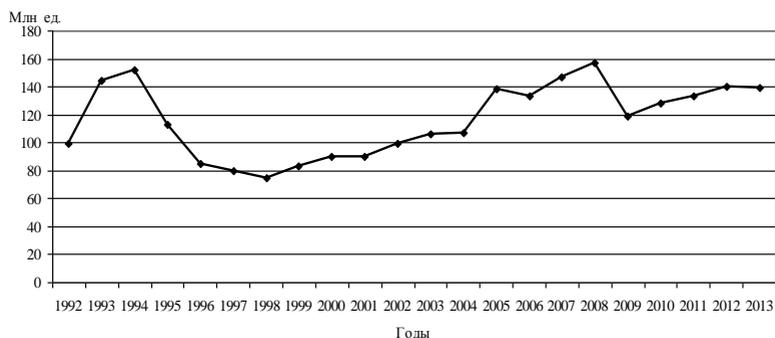

Рис. 3. Динамика заключаемых договоров России (составлено по [1])

Рис. 4. Динамика соотношений страховых премий по добровольному и обязательному страхованию (составлено по [1])

Отношение к страхованию как к социально значимому инструменту рыночной экономики относят к периоду обсуждения проекта

закона об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев автотранспорта (2000 г.) [7]. В новых условиях рыночной экономики в России закономерно возникает ряд предпосылок для развития как классических видов страхования (по мировым образцам), так и специфических, в том числе конъюнктурных [4]. В структуре собираемых премий в период 2007–2011 гг. на долю физических лиц приходилось приблизительно 25%. Начиная с 2012 г. данный показатель по собираемым премиям увеличился вдвое и составил более 50%. При этом 1/3 часть всех премий физических лиц приходится на добровольные виды страхования (усиление роли населения в страховой деятельности). Таким образом, графически выраженное соотношение объемов страховых взносов физических лиц (население) и юридических лица (организации, предприятия) имеет волнообразный тренд. В целях урегулирования системы страхования происходит усиление роли обязательного страхования у населения (рис. 4).

С началом рыночных преобразований в России доминировали добровольные виды страхования (до 90%). Однако и в обязательном страховании наметились положительные перспективы (1996 г. более 40%), но к началу 2000-х гг. общие объемы увеличились в сторону добровольного (до 80%). Причем, введение целого ряда законодательных документов (Федеральный закон № 52-ФЗ от 28.03.1998 «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы...», Федеральный закон № 40-ФЗ от 25.04.2002 «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» и т.д.) не исправило ситуацию [6, 7]. Тем не менее, за следующее десятилетие объемы по обязательным видам превысили показатели 1990-х гг. (2008–2010 гг. – более 60%). Этому способствовало увеличение покупательской способности граждан (доступные кредиты) на приобретение автотранспорта, повышение объемов транспортных услуг. Резкий подъем показателей добровольного страхования фиксируется после мирового экономического кризиса в 2012–2013 гг. (около 80%) [1]. Возможно, данное положение связано с относительным повышением общего благосостояния населения, а также расширением функций и развитием инфраструктуры страховых услуг.

Библиографический список

1. *Единая* межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. – URL: <http://fedstat.ru/> (дата обращения 15.05.2015).

2. Закон Российской Федерации от 27.11.1992 N 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации».

3. Лаховская О. История страхования от царских времен / О. Лаховская // газета Копейка. – № 39 (от 4 октября 2006 г.).

4. Научная концепция развития страхования на среднесрочную перспективу [Электронный ресурс]. – URL: [http:// www.insur-info.ru/press/35472/](http://www.insur-info.ru/press/35472/) (дата обращения 27.05.2015).

5. Постановление Правительства РФ «О создании Российской государственной страховой компании» от 10.02.92 г. № 76.

6. Федеральный закон от 28.03.1998 N 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы».

7. Федеральный закон от 25.04.2002 N 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

ROLE OF NORMATIVE LEGAL BASE IN DEVELOPMENT OF INSURANCE SECTOR OF RUSSIA

L.A. Sumenkova

V. B. Sochava Institute of Geography of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Science, FG BOC
Russia, 664033, Irkutsk, Ulan-Batorskaya Str., 1; e-mail: passwd@mail.ru

In the text development of insurance sector in market conditions of the Russian Federation is considered. The analysis of dynamics of the basic all-Russian parameters of insurance sphere is presented. The characteristic of normative legal base of insurance of the Russian Federation is executed.

Key words: normative legal base of insurance; the authorized capital of the insurance organizations; contracts of insurance; voluntary insurance; obligatory insurance.

УКОРЕНЕННЫЙ СЕКТОР В ПЛАНИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Н.М. Сысоева

Иркутский научный центр СО РАН, Институт географии

им. В.Б. Сочавы СО РАН, ИГУ

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 134, e-mail: syssoeva@oresp.irk.ru

В статье предлагается пересмотр объекта регионального планирования, в качестве которого должен выступать сектор так называемой укорененной экономики. Его критерий в виде доли доходов населения от предпринимательства и от собственности позволяет оценить вовлеченность активной части местного сообщества в воспроизводственную деятельность, рассматриваемой в социально-экономических программах развития как наиболее важный фактор развития региона. Из всего спектра предпринимательства анализируются интеллектуальные виды деятельности в сибирских регионах, как наиболее привлекательные для молодежи.

Ключевые слова: стратегическое планирование, укорененность экономики, резидентский сектор, малое и среднее предпринимательство, интеллектуальные виды деятельности.

В настоящее время государственная политика по отношению к регионам осуществляется через стратегическое планирование развития отдельных частей страны. Такая же система планирования реализуется на региональных уровнях. Федеральный закон «О стратегическом планировании» регулирует все ее аспекты.

Региональные власти в Сибири всегда опираются на ключевые звенья региональных хозяйственных систем, на предприятия по добыче и переработке природного сырья. При получении регионами, их управляющими органами, самостоятельности в планировании и управлении экономикой эти производства ушли из их сферы воздействия. Зависимость этих отраслей и их конкретных предприятий от местных трудовых ресурсов и земли оказалась несоизмеримо меньше, чем зависимость всей региональной системы от их решений, принимаемых вне территории, но влияющих на ее состояние. Поэтому все требуемые процедуры по программному планированию территориального развития в регионах выполняются, но их результаты не приводят к значимым сдвигам в экономическом облике территорий. Основные составляющие таких планов, особенно в ресурсных регионах – углубление переработки сырья и повышение технологического уровня производ-

ства – не могут выполняться силами региона, а корпорации в них не заинтересованы.

В ведении регионов остается другая часть экономики, которая в плановом хозяйстве не выделялась и не идентифицировалась, а в сущности своей имела вспомогательное значение в приоритетах общественного развития, хотя именно она во многом определяла реальное благосостояние местного населения. В рыночных условиях эта среда также не получила отражения в экономической и географической науках в форме единой теории или даже термина. Но именно эта часть экономического комплекса региона является основой развития самоорганизации в обществе, формирует базу для предпринимательства широких слоев населения и является реальным объектом регулирования для региональных органов власти.

Эту часть экономики региона можно назвать резидентским сектором, который может быть идентифицирован кругом производств, зарегистрированных на этой территории и платящих в налоги в ее бюджет. Сами региональные правительства выделяют его в виде малого и среднего бизнеса. Эти понятия не тождественны, хотя можно сказать, что большая часть малого и среднего бизнеса зарегистрирована в регионе. Роль этого сектора – накопление собственного экономического богатства в регионе, воспроизводственного потенциала, который зависит от самого общества.

Для анализа резидентского сектора мы использовали понятие укорененности региональной экономики в общественные структуры, ее зависимости от местного сообщества [5;8]. То есть внутренним двигателем развития для территории являются какие-либо активы резидентов региона, которыми они могут распоряжаться, и их предпринимательская активность. Соответственно критерием такой укорененности мы представили долю доходов населения от собственности и предпринимательства. Этими двумя факторами самая активная часть общества привязана к территории [7]. При этом необходим анализ того, чем именно занимаются резиденты, т.к. высокий уровень укорененности может быть обусловлен большой долей вынужденного предпринимательства, связанного с поиском средств существования при отсутствии рабочих мест, которая не выделяется в структуре малого и среднего бизнеса. Двигает развитие добровольное предпринимательство, который повышает статус человека в обществе и дает ему более высокое материальное благополучие по сравнению с работой по найму.

Наиболее привлекательными для добровольного предпринимательства являются так называемые интеллектуальные виды деятельности. В любой программе при описании потенциала региона указывается образовательный уровень населения, который связывается с инновационными перспективами. При этом мы осознаем, что значительная его часть уходит во внешние структуры и развивается вне резидентского сектора.

К сожалению, статистика, дает укрупненные виды деятельности, не подразумевающие таких категорий. Поэтому мы взяли промежуточные итоги статистического обследования малого и среднего бизнеса, которое проводится Росстатом раз в пять лет. В этих обследованиях используются более дробные группы видов деятельности. В окончательных итогах таблицы содержат уже стандартные для Росстата категории. Следующее обследование должно произойти в 2015 г. В выборке от 2010 г. к интеллектуальным видам деятельности могут быть отнесены финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и ИТ, научные исследования и разработки [2].

В структуре занятости в малом и среднем бизнесе эти 4 позиции составляют по стране – 8,4%, а в сибирских регионах – 8,1%, т.е. почти общероссийский уровень. Но среди регионов Сибирского федерального округа существуют достаточно большие различия. Низкий уровень – с одной стороны, это бедные регионы: Республики Алтай, Тыва, Забайкальский и Алтайский края, а с другой – северные богатые районы: Ямало-Ненецкий округ, место добычи газа, и Югра – наш основной нефтяной район. Этим районам такая деятельность и не требуется – это внутренние колонии страны. Выше среднего – Кемеровская область – лидер, за ней Новосибирская, Томская и Омская области, т.е. развитые области с перерабатывающей промышленностью.

В структуре интеллектуальной деятельности преобладает занятость в операциях с недвижимостью – и в стране, и в Сибири, при этом в Сибири их доля несколько выше. Абсолютный лидер – также Кемеровская область, этим и обеспечившая себе первое место в общем объеме интеллектуальных услуг малого и среднего бизнеса. Весьма незначительна доля финансовой деятельности, связанной с территорией, что обусловлено концентрацией финансовых ресурсов в столицах. Две оставшихся позиции – деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий и научные разработки относятся к категории деловых услуг, которые в Глобальном

мониторинге предпринимательства выделяют как оказывающие наибольшее воздействие на экономическое развитие через свой инновационный потенциал [1]. Доли занятых в этих услугах невелики как в России, так и в Сибири, но в Сибири чуть меньше. Лидер здесь – Томская область, более чем в два раза превосходящая российский уровень. Именно эти две позиции вместе дают крайне высокую отрицательную корреляцию (- 0,8) со средними данными по миграции за последние 10 лет для сибирских регионов. Т.е. эта маленькая доля является своеобразным индикатором отношения населения, особенно молодого, к своему региону.

Во всех выделенных видах деятельности доля выручки в общей выручке страны или региона, как правило, меньше, чем занятых, за исключением финансовой деятельности. Можно сказать, что эти отрасли менее доходны на одного занятого, чем материальные отрасли. Однако эта сфера – наиболее трудная для контроля за доходами, т.е. ее показатели всегда занижены, а в случае использования налога на вмененный доход они отражают только минимальную оценку дохода предприятия.

Можно сказать, что в таких ресурсных регионах, как сибирские, местные власти не могут развивать интеллектуальные виды деятельности, поскольку на них объективно низкий спрос. Но пример Томской области, нефтедобывающего региона, показывает, что развитие научного сектора – это результат не рыночных сил, а вполне конкретных действий. В 1990-х – начале 2000-х гг. в этот сектор были целенаправленно вложены деньги «Юкоса».

Подобные начальные вливания реальны на уровне регионов, но они размываются в общих фондах по поддержке малого предпринимательства независимо от вида деятельности, при этом предпочтение отдается материальным производствам. Кроме того, на региональном уровне возможно устранение других препятствий для накопления капитала в этих отраслях. Так отрицательное воздействие оказал закон 94 о государственных закупках, по которому в качестве главного ориентира для закупок продукции, для государственных нужд, в том числе и интеллектуальных услуг, выступала цена, а не содержание или уровень услуги. Вслед за государством оплату этих услуг стал снижать и частный сектор. Кроме того, нестандартность и уникальность таких услуг стали дополнительным фактором коррупции в тендерах, ухода от налогов [3]. При попустительстве региональных властей в тендерах

крупных компаний всегда проигрывают местные поставщики товаров и услуг [4].

В докладе приведены данные по малому и среднему предпринимательству в регионах, но это только часть укорененного бизнеса. Традиционная версия укорененности, основанная на социальных взаимосвязях и формировании на их основе сетевых структур, которые связывают территорию с внешним миром [6;8], дает теоретическую базу для включения в эти взаимосвязи внешних экономических игроков (финансово-промышленных компаний) на основе повышения их зависимости от региональной институциональной среды и субконтрактных связей с местными производствами. То, о чем мечтает местная власть – повысить глубину переработки сырья – идет через потенциал местного сообщества, потому что в дело вступают уже новые технологии, расширяются возможности инноваций, двигается вперед инженерная мысль и расширяется поле приложения интеллекта для местного населения. Пример этому – та же Томская область.

Задача власти – вживлять эти сети в свое сообщество и на этой основе генерировать их дальнейшее развитие, т.е. часть управления этими сетями должна осуществляться уже на месте, резидентами, и капитал, заработанный этими сетями, накапливаться на территории. Это не только производство, это региональные банки, другие местные инвестиционные институты, которые должны отразиться не столько в стоимости ВРП, сколько в доходах резидентов территории. И тогда, при развитии множества таких самостоятельных экономических центров, способных наращивать собственные связи, можно будет говорить, об интеграции национального экономического пространства, и далее – об интеграции в мировую экономику в качестве экономически сильных субъектов, а не поставщиков сырья. Поэтому стратегическое планирование развития региона не должно дублировать корпоративные стратегии, а формировать собственные концепции наращивания укорененного бизнеса, уяснив возможности использования интеллектуального и предпринимательского потенциала регионального сообщества и ставя своей целью накопления инвестиционного и потребительского капитала его гражданами, а не государством.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 14-46-04145).

1. *Глобальный мониторинг предпринимательства*. Россия 2013. Национальный отчет. URL: <http://gemconsortium.org/country-profile/104>. (дата обращения: 20.07.2015)

2. *Итоги* сплошного наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства в 2010 г. Федеральная служба государственной статистики.

3. *Кетова Н.П., Овчинников В.Н.* Интеллектуальные услуги в экономике России: факторы развития, структура, мотивация продвижения в регионы. Научные труды ДонНТУ. Серия экономическая. – 2013. – № 4 (46). – С. 61–70.

4. *Красноштанова Н.Е.* Социально-экономические изменения в районах развития нефтегазовой промышленности на севере Иркутской области // Развитие географических знаний: научный поиск и новые методы исследования / Материалы XVIII научн. конф. молодых географов Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2014. – С. 170–171.

5. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – Санкт-Петербург: «Алетейя», 2002. – 320 с.

6. *Радаев В.В.* Экономическая социология. М.: ГУ ВШЭ, 2005. – 603 с.

7. *Сысоева Н.М.* Концепция укорененности экономики в региональном развитии // Трансформация социально-экономического пространства Евразии в постсоветское время: сборник статей / отв. ред. Н.И. Быков, Д.А. Дишин. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2014. – Том. 1. – 386 с. – С. 29–33.

8. *Granovetter M.* Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. – *American Journal of Sociology*. – 1985. – Vol. 91. – P. 481–510.

EMBEDDED SECTOR IN PLANNING OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

N.M. Sysoeva

The Irkutsk Scientific Center SB RAS, The V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, ISU Russia, 664033 Irkutsk, Lermontova str., 134; e-mail: sysoeva@oresp.irk.ru

The report proposes a revision of the object of regional planning, that should act as a sector-of so-called embedded economy. Its criterion as a share of income of the population from the business and the property enables to evaluate the involvement of the active part of the local community in reproductive activity that is regarded as the most important factor of regional development. The intellectual activities in the Siberian regions are analyzed. They are chosen from the entire spectrum of local business due to their attractiveness to young people.

Key words: strategic planning, embeddedness of economy, resident sector, small and medium business, intellectual activities.

УДК 913.1/913.8(571)

БАНКОВСКИЙ СЕКТОР СИБИРИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ (1817–1987 гг.)

О.В. Сысоева

Иркутский научный центр СО РАН

664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова 134, e-mail: st-olya@mail.ru

Выделены два этапа в развитии банковского сектора на исследуемом промежуток времени. Проанализированы особенности банковского сектора на каждом этапе. Показана связь развития банковской деятельности и территориального развития Сибири. Сделаны выводы о пространственных особенностях в территориальной организации банковского сектора в Сибири.

Ключевые слова: банковская система, городские общественные банки, география банковской деятельности, пространственные особенности, Сибирь.

В период 1817–1987 гг. можно выделить два основных этапа в развитии банковского сектора в Сибири: начальный (до 1917 г.) и советский (1917–1987 гг.). В целом, они повторяют историю формирования банковского дела в России и СССР, но в сибирских регионах приобретают свои особенности.

Первый банк в урало-азиатской части России появился в 1817 г. Это отделение банка долгое время оставалось самым восточным, обслуживающим огромную сибирскую территорию. Негосударственные кредитные учреждения Сибири были образованы в 30-40-х гг. XIX в. в виде городских общественных банков. Инициаторами их создания было купечество: банк сиропитательного дома Е.М. Медведниковой (Иркутск, 1836) и Сибирский общественный банк купца А.Я. Попова (Томск, 1843). Однако это были единичные кредитные организации, не влиявшие решающим образом на развитие хозяйства сибирских территорий. Создание сети банков было связано с фундаментальными реформами 60-х гг. XIX в.

На первом этапе банковский сектор Сибири был представлен отделениями Государственного банка (1-й, верхний уровень банковской системы) и частными кредитными учреждениями (2-й уровень), среди которых наиболее важную роль играли акционерные коммерческие банки, пришедшие в основном из европейской части императорской России, и уже упоминавшиеся городские общественные банки, которые по сути являлись местными кредитными учреждениями. К концу XIX в. последних насчитывалось почти полтора десятка. Они действовали во всех сибирских регионах: в Тобольской (Тобольск, Тюмень, Тара, Ишим, Тюкалинск, Курган), Енисейской (Красноярск),

Иркутской (Иркутск, Верхнеудинск, Троицкосавск), Томской (Томск, Бийск, Барнаул) губерниях, в Акмолинской области (Омск). Поскольку банки находились в городской собственности, получаемая ими прибыль шла на развитие и благоустройство города, социальных учреждений.

Акционерные коммерческие банки получили существенное развитие в конце 90-х гг. XIX в. во многом вследствие строительства Транссибирской железной дороги. В капитале данных учреждений принимали участие иностранные средства, поэтому, за счет большого объема имеющихся ресурсов, они кредитовали крупные, инфраструктурные, промышленные проекты, достаточно быстро вытеснив из этой сферы местные кредитные учреждения, вынужденные обслуживать более мелкие производства, торговлю и крестьянские хозяйства. Так, французо-русский банковский синдикат (Учетно-ссудный банк, Петербургский международный банк, Русский банк и Торгово-промышленный банк) стал учредителем акционерного общества «Алтайская железная дорога», целью деятельности которого являлось строительство железной дороги Новониколаевск – Семипалатинск. В Сибири и на территории Дальнего Востока вплоть до 1917 г. так и не было создано ни одного местного акционерного банка. Можно предположить, что географический фактор в виде территориальной удаленности крупных городов друг от друга, т. е. разобщенности мест концентрации капиталов и слабой транспортной доступности не способствовали образованию акционерных обществ.

Формирование территориальной системы банков Сибири происходило под влиянием нескольких региональных факторов, среди которых особое значение имеют два основных: 1) интенсивное развитие сети железных дорог в Азиатской России; 2) результаты геологических изысканий Горного департамента в 1880–1890-х гг., которые подтвердили предположения М.В. Ломоносова и его последователей об огромных запасах минерального сырья в недрах Сибири. Спрявление тракта резко снизило значение макрогеографического положения важнейшего таможенного центра востока России – г. Троицкосавск, который навсегда потерял свое исключительное положение. В целом, развитие железных дорог сделало эффективными перевозки крупнотоннажных грузов (лес, уголь, железная руда и др.) на большие расстояния, поэтому в узлах их формирования стали развиваться полюса роста второго уровня с отделениями столичных коммерческих банков (Барнаул, Бийск, Курган, Чита).

Среди общероссийских факторов, повлиявших на становление пространственной системы банков – денежная реформа Витте, столыпинская земельная реформа, обеспечившая внедрение в сельскохозяйственный оборот новых земель и огромный сдвиг производительных сил на восток страны. Так, за период 1906–1913 гг. в Сибирь из европейской части императорской России переселилось около 3 млн чел. (только в Алтайском крае было основано порядка 3 тыс. населенных пунктов).

Развитие банковской сферы на территории Сибири происходило неравномерно. В XIX в. выделялись два ведущих финансово-кредитных и торговых центра – Томск и Иркутск, превосходившие другие сибирские города по численности населения и купеческого сословия. Наиболее крупные отделения Государственного банка в Сибири – отделения 2-го разряда (от разряда зависели возможности отделений по объемам кредитных займов), – базировались именно в этих городах. Однако в начале XX в. они уступили свои позиции Омску и Новониколаевску, хотя продолжали играть заметную роль в социально-экономическом развитии макрорегиона. К 1917 г. в Сибири была сформирована опорная сеть (каркас) из отделений Государственного банка, акционерных коммерческих банков и городских общественных банков, которая сохранила свои основные пространственные черты на многие десятилетия, даже несмотря на смену государственного строя страны [4].

Банковский сектор СССР после Гражданской войны и образования нового государства фактически не имел вектора развития, его реорганизация в первое послевоенное десятилетие проходила в определенной степени под воздействием рыночных факторов. Однако взятый политический курс страны внес свои коррективы в функционирование кредитных учреждений, которые в дальнейшем перешли в государственную собственность и развивались по другим, нерыночным законам.

Ключевыми характеристиками второго этапа развития банковского сектора являются его централизация и функционирование на принципах командно-административного управления. Становление банковской сферы Сибири в годы советской власти не имеет ярко выраженной специфики и повторяет черты, присущие банковской системе СССР, поэтому рассмотрение функционирования кредитных учреждений на территории СФО может быть сведено к анализу принципов построения банковской системы страны в целом.

В 20-е гг. XX в. с развертыванием новой экономической политики (НЭП) произошел виток активации коммерческо-банковской деятельности. Коммерческий кредит и вексельное обращение являлись важнейшими чертами хозяйственной жизни страны [3]. К 1925 г. сформировалась развитая система кредитных учреждений [2]. Деятельность банковских организаций носила конкурентный, коммерческий характер: банки самостоятельно устанавливали процентные ставки по вкладам, искали ссудополучателей и регулировали другие параметры своей работы. Однако развитие по такой траектории продолжалось всего несколько лет.

Экономическая ситуация в стране стала ухудшаться ко второй половине 1920-х гг. Импульсы, данные НЭПом, перестали работать. Одновременно происходила централизация управления кредитными потоками. Изменения были связаны и с установлением процентных ставок, и с распределением кредитов: эти показатели стали строго регламентироваться. Таким образом, была вымыта сущность коммерческих основ кредита. В дальнейшем (в конце 1920-х–начале 1930-х гг.) в СССР была проведена кредитная реформа, коммерческий кредит был окончательно упразднен. Все операции по кредитованию стали осуществляться через конторы и отделения Госбанка СССР и отделения банков долгосрочных вложений (Промбанк, Сельхозбанк, Всекобанк и Цескомбанк). Основные задачи функционирования Госбанка страны были сформированы в соответствии с принципами советской плановой экономики: в его руках сосредоточились все вопросы, связанные с движением денежно-кредитных средств, перераспределением капитала внутри экономики. На последующие 60 лет Госбанк СССР стал единым эмиссионным, расчетно-кассовым центром, центром кредитования отраслей народного хозяйства и международных расчетов, а с 1962 г. после передачи в его управление системы сберегательных касс – самым крупным банком в мире по объему активов [1].

Взятый курс на индустриализацию изменил характер ссудных операций. Если в период НЭПа преобладали краткосрочные займы, то ввод в строй за период 1928–1940 гг. около 9 тыс. крупных промышленных предприятий требовал, в первую очередь, значительных долгосрочных ресурсов. Нужды капитального строительства удовлетворялись в значительной степени с помощью государственных займов, то есть, за счет средств населения. Промышленное освоение Сибири способствовало урбанизационному росту. В советский период появились Норильск, Саянск, Шелехов, Усть-Илимск, Ангарск, Железногорск,

Стрежевой, Саяногорск, Северобайкальск, Селенгинск, Борзя и другие населенные пункты. Необходимость в аккумуляции денежных ресурсов привела к развитию сети сберегательных учреждений в сельской местности. Число сберегательных касс стремительно увеличивалось: если к концу 1926 г. их количество достигало 14,5 тыс., то в 1979 г. функционировало чуть менее 80 тыс., таким образом, произошел существенный рост показателя обеспеченности населения банковскими офисами. При общем низком уровне жизни в стране аккумуляция средств физических лиц и их трансформация в инвестиции сыграли весомую роль в осуществлении планов по ускоренному наращиванию промышленного потенциала.

Становление банковской системы полностью зависело от направлений развития народного хозяйства. Основное отличие территориальной организации банковского сектора страны на данном этапе от территориальной организации банковского сектора досоветского, начального, периода состояло в плановом, административном характере ее формирования. Принятие решения об открытии очередного подразделения исходило из финансового центра – г. Москвы. До 1919 г. по особенностям размещения кредитных организаций можно было косвенно судить об общем уровне социально-экономического развития регионов. С 1930-х гг. концентрация банковских отделений, осуществлявших финансирование отдельных отраслей экономики, предопределялась «сверху» и не являлась следствием конкурентных административных, финансовых или социально-экономических преимуществ данной территории, хотя и была связана с необходимостью реализации планов по индустриализации.

К концу первого этапа развития банковского сектора Сибири была создана двухуровневая система деятельности банков. К 1917 г. был в значительной мере определен банковский ландшафт Сибирского макрорегиона, сохранивший свои черты и в настоящее время. При этом местные банковские учреждения возникали достаточно быстро, но они не успевали нарастить активы для конкуренции с внешними кредитными структурами. Из крупных промышленных секторов они вытеснялись капиталом банковских организаций, пришедших с европейской части России. Расширение пространственной структуры банковских подразделений в Сибири обусловлено действием совокупности факторов. Если в Российской Империи важную роль сыграло создание транспортной инфраструктуры и повышение роли Сибири как посредника в торговле с востоком, то в советский период первосте-

пенное значение имело промышленное освоение с единым центром управления.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект 14-46-04145).

Библиографический список

1. *Государственный банк СССР* [Электронный ресурс] // Центральный Банк Российской Федерации [Официальный сайт]. – URL: <http://www.cbr.ru/today/?PrtlId=gbsssr>. (Дата обращения: 18.03.2015).
2. *Елизарова Е.Ю.* Какими были банки России? // ЭКО. – 1998. – №4. – С. 162–165.
3. *Маневич В.Е.* Ликвидация НЭПа и дальнейшая эволюция кредитно-финансовой системы // ЭКО. – 1988. – №10. — С. 142–156.
4. *Сысоева О.В.* Развитие территориальной системы банков Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.) / О.В. Сысоева // Изв. Иркутского гос. ун-та. Сер. : Науки о земле. – 2015 б. – Т.11. – С. 117–127.

BANKING SYSTEM IN SIBERIA: SPATIAL CHARACTERISTICS (1817–1987)

O.V. Sysoeva

The Irkutsk Scientific Center SB RAS

Russia, 664033, Irkutsk, Lermontov Str., 134; e-mail: st-olya@mail.ru

Two stages in the development of the banking sector are highlighted within 1817–1987. The features of the banking system are analyzed at every stage. The connection between banking system and territorial development of Siberia is shown. The conclusions about the features of the spatial organization of the banking sector in Siberia are made.

Key words: banking system, city public banks, geography of banking, spatial characteristics, Siberia.

ГЕОГРАФИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

И.Е. Требушкова

Курский государственный университет

305000, г. Курск, ул. Радищева, 33; e-mail: irinatrebushkova@ya.ru

В статье анализируется состояние аграрного сектора Курской области. Представлены результаты производства основных видов продукции растениеводства, животноводства. Рассмотрены инвестиционные проекты в АПК области.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, сельское хозяйство: растениеводство, животноводство, инвестиционные компании.

Курская область относится к числу аграрных регионов развитого сельского хозяйства, где земельные ресурсы являются основным средством производства. Агропромышленный комплекс – один из основных секторов экономики региона. Вид экономической деятельности «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» является вторым по значимости после промышленного производства видом деятельности в экономике Курской области.

Сельское хозяйство является важнейшей сферой АПК Курской области, развитию которого способствуют плодородные почвы и благоприятные агроклиматические ресурсы. Именно сельское хозяйство играет основную роль в производстве продуктов питания для населения, кормов для животноводства, сырья для пищевой промышленности. На долю сельского хозяйства приходится более 15% валового регионального продукта Курской области.

Пищевая промышленность связана с сельским хозяйством, использует сырье растительного и животного происхождения. В настоящее время из общей земельной площади области (2560,5 тыс. га), сельскохозяйственные угодья занимают 93,3% (2389,8 тыс. га), на долю пашни приходится 74,6% (1910,5 тыс. га) [3]. На душу населения приходится около 2,6 га земель, в том числе 2,2 га сельскохозяйственных угодий, из них 1,7 га пашни. Эти показатели свидетельствуют о высоком уровне обеспеченности населения сельскохозяйственными угодьями, в том числе и пашней.

Производством сельхозпродукции в области занимаются 156 крупных сельскохозяйственных предприятий различных форм собственности с многоотраслевым укладом деятельности (за ними закреплено 1864,2 тыс. га земли), а также 1360 крестьянско-

фермерских хозяйства (К(Ф)Х) (258,6 тыс. га), 231 тыс. личных подсобных хозяйств (ЛПХ) населения (151,1 тыс. га) [3]. Малым формам организации труда уделяют особое внимание, потому что этот сектор экономики способен быстро перестраиваться в рыночных условиях.

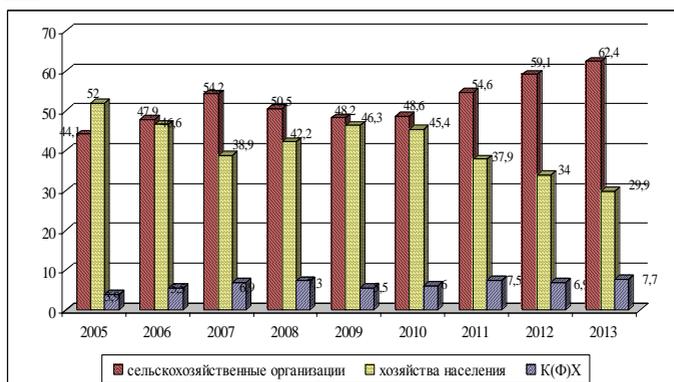

Рис. 1. Структура продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств, %

Анализ рис. 1 показывает, что с 2010 г. в структуре сельскохозяйственной продукции сокращается удельный вес личных подсобных хозяйств населения, при этом увеличивается удельный вес сельскохозяйственных организаций и в незначительной степени крестьянских (фермерских) хозяйств.

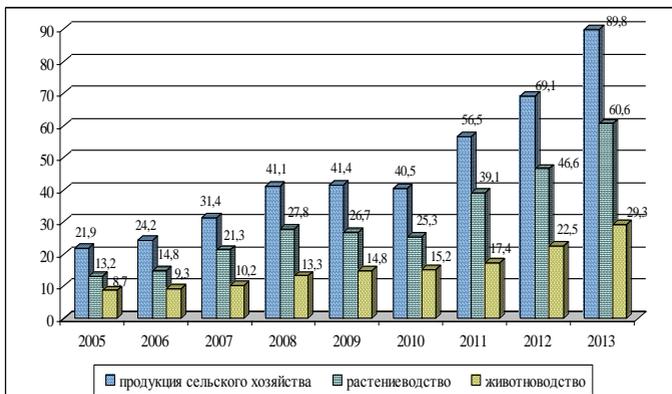
По данным 2013 г., сельскохозяйственные организации специализируются в основном на производстве сахарной свеклы (93,4%), зерна (84%), мяса (86,5%) и молока (44,1%); а также картофеля, овощей, доля которых незначительна. Личные подсобные хозяйства производят 94,6% картофеля, 94,1% овощей, 50,5% молока, 13,2% мяса от общего объема производимой продукции.

Основной сферой деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств остается земледелие, доля продукции растениеводства в них составила 95% (2013 г.). Курскими фермерами было произведено 15,5% от общего объема зерна, 6,2% – сахарной свеклы, 0,5% – картофеля и 2,4% – овощей. Средний размер земельного участка у фермеров составляет 190 га [3]. В основном земельные участки увеличиваются за счет аренды земельных долей, прежде всего – сельских пенсионеров. Животноводство слабо развивается из-за низкой рыночной конъюнктуры и необходимости значительных первоначальных капитальных вложений, которых у фермеров, как

правило, нет.

В настоящее время в агропромышленном комплексе реализуются 22 соглашения о долгосрочном сотрудничестве с инвестиционными компаниями в реализации проектов, направленных на развитие агропромышленного производства в регионе. Под управлением инвесторов функционирует более 80 предприятий, входящих в сферу сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности области. В распоряжении крупных компаний и холдингов находится 956 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения (40% всех земель сельскохозяйственного назначения). Наибольшие площади земель сосредоточены в следующих компаниях: ООО «Иволга-Центр», ООО УК «Русский Дом», ОАО «Группа «Разгуляй», ООО «Агропромкомплектация», ЗАО «Курский агрохолдинг», ЗАО «Агрокомплекс «Мансурово», ООО «Межрегиональная агропромышленная компания», ООО УК «Объединенные кондитеры», ОАО «Моснефтегазстройкомплект», ООО «Группа компаний «Продимекс» и ООО «Агропромышленный холдинг «Мираторг». В 2013 г. инвесторами было произведено более 70% сахарной свеклы, 45% валового сбора зерна, третья часть мяса и более четверти всего молока, производимого сельскохозяйственными предприятиями области. В агрофирмах инвесторов сосредоточено 32% поголовья крупного рогатого скота, 33 % поголовья коров и 46 % поголовья свиней [1].

Удельный вес продукции растениеводства в 2013 г. составил 67,4%, животноводства – 32,6%. В структуре продукции сельского хозяйства доля продукции растениеводства сократилась на 20,2%, при этом удельный вес продукции животноводства увеличился на 11,5% (рис. 2). Резкое снижение объемов производства сельскохозяйственной продукции во всех категориях хозяйств является следствием неурожая в результате неблагоприятных погодных условий лета 2010 г.

**Рис. 2. Продукция сельского хозяйства
(в фактически действовавших ценах; млн руб.)**

Животноводство области специализируется на молочно-мясном скотоводстве, свиноводстве и птицеводстве. Первое место в реализации продукции животноводства принадлежит свиноводству, второе место занимает птицеводство.

Производство зерновых культур является основой зернопромышленного подкомплекса и всего сельскохозяйственного производства области. В структуре посевных площадей на долю зерновых культур области приходится 65,3%. В 2013 г. посевы зерновых культур в хозяйствах всех категорий занимали 1008 тыс. га, это на 21% больше показателей 2005 г. Увеличение посевов обусловлено уменьшением площадей, занятых под картофелем, овощами, кормовыми культурами [3].

В структуре посевных площадей всех сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий среди районов ЦЧР Курская область занимает 2-е место, уступая Воронежской и Тамбовской областям (рис. 3).

По данным 2013 г. доля Курской области составила более 3,9% от общего сбора зерна (2 место в ЦФО). География посевов характеризуется относительно равномерным размещением зерновых культур по территории Курской области.

Производство сахарной свеклы является основой развития свеклосахарного производства области. Эта культура выращивается на всей территории Курской области (за исключением окрестностей г. Курска), но наиболее четко проявляется специализация на посевах данной культуры в западных, юго-западных, юго-восточных и

восточных районах области. Здесь самые высокие концентрации посевов и показатели валового сбора сахарной свеклы.

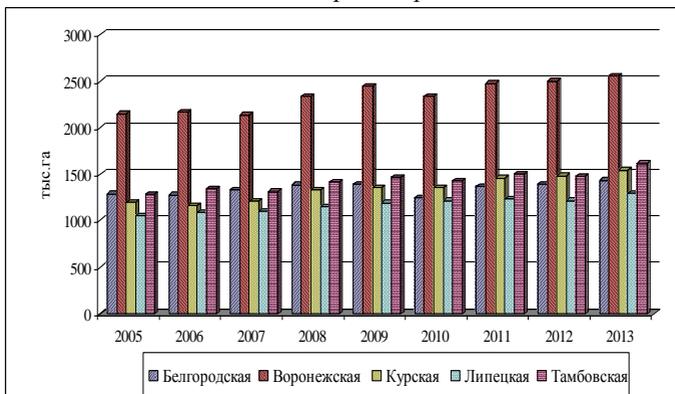

Рис. 3. Посевные площади всех сельскохозяйственных культур ЦФР в 2005–2013 гг. (в хозяйствах всех категорий; тыс. га)

На долю посевов сахарной свеклы в 2013 г. приходится 6,1% в структуре посевных площадей всех сельскохозяйственных культур. В общем объеме производства по Российской Федерации в 2013 г. доля Курской области по валовому сбору сахарной свеклы составляла 9,4%, по Центральному Федеральному округу область занимала 4 место среди регионов (3719,9 тыс. т) [2].

Этому благоприятствуют природно-ресурсный потенциал, который определяется качественным составом земель, а также климатическими условиями (оптимальное сочетание тепла и влаги для выращивания этой требовательной культуры).

Таким образом, в Курской области удалось сохранить за собой лидирующие позиции по производству основных видов продукции растениеводства, в максимальной степени реализовать имеющийся аграрный потенциал. Этому способствовало продуктивное использование основного природно-ресурсного потенциала – плодородных черноземных почв, а также внесение удобрений. Положительная динамика внесения минеральных удобрений (в 2,5 раза больше по отношению к 2005 г.) говорит о целенаправленной работе в сфере химизации сельского хозяйства.

Основным направлением деятельности сельхозпредприятий в растениеводстве является внедрение почвозащитной системы земледелия с расширенным воспроизводством плодородия почвы и постепенным переходом на почвозащитное, малозатратное, энергосберегающее

земледелие с основами биологического земледелия [4]. С применением ресурсосберегающих и почвозащитных технологий в регионе возделывается свыше 65% зерновых, 6% сахарной свеклы, 4% картофеля.

В сельском хозяйстве пик инвестиционной активности пришелся на 2006–2007 гг. Именно в эти годы инвестиционными компаниями были направлены значительные средства на приобретение сельскохозяйственной техники, а также начался ввод в действие животноводческих комплексов, построенных с привлечением государственного финансирования в Курской области.

В рамках национального проекта «Развитие АПК» и областной целевой программы «Развитие сельского хозяйства» за период с 2006 по 2010 г. было построено 28 животноводческих комплексов по выращиванию крупного рогатого скота, свиней, производству молока [4]. Построено 79 производственных площадок, из них 67 мясных и 12 молочных. Инвестирование животноводства в Курской области обеспечивается 9 компаниями (ООО «Иволга-Центр», ООО УК «Русский Дом», ООО «Суджа-Агроинвест», ООО «Межрегиональная Агропромышленная Компания», ОАО «Михайловский ГОК», ЗАО «Моссельпром», ООО УК «Объединенные кондитеры», ОАО «Моснефтегазстройкомплект», ООО «АгроАльянс»).

В сельскохозяйственных предприятиях, находящихся под управлением инвестиционных компаний, сосредоточено 26% поголовья крупного рогатого скота, 26% – поголовья коров и 29% – поголовья свиней от общего поголовья сельскохозяйственных животных, содержащихся в хозяйствах области. В 2014 г. агрофирмами инвестиционных компаний было произведено 41,7 тыс. т молока и 16 тыс. т мяса КРС, свиней и птицы на убой в живом весе, что составляет соответственно, 25% и 35% от общего объема производства по хозяйствам. Достигнутые результаты и перспективы развития компаний свидетельствуют о высокой эффективности функционирования хозяйственных агропромышленных формирований, значительном потенциале производства, способствующем укреплению продовольственной безопасности Курской области.

В настоящее время инвестиционные компании продолжают развивать имеющиеся в районах производственные базы, строить новые мощности, приобретать современную технику, открывать перерабатывающие производства [1]. В Администрацию Курской области поступили инвестиционные проекты по строительству животноводческих комплексов еще от 13 предприятий. Развитие отраслей животноводства в регионе экономически выгодно и имеет дальнейшие перспективы развития в Курской области.

В ближайшее время собственником ОАО «Курская птицефабрика» – компанией ЗАО «Моссельпром» планируется приступить к масштабной реконструкции птицефабрики (на эти цели будет выделено 2,5 млрд руб.). В сельскохозяйственном производстве используется система государственной поддержки страхования урожая сельхозкультур. Это позволяет повысить финансовую устойчивость организаций, дает возможность осуществлять своевременные расчеты с кредиторами, бюджетами всех уровней, внебюджетными фондами.

В области реализованы и реализуются следующие областные целевые программы: «Развитие сельского хозяйства», «Создание регионального типа мясных овец для условий ЦЧР России на 2001–2010 гг.»; «Совершенствование симментальского скота в Курской области на 2001–2010 гг.»; «Социальное развитие села на 2004–2010 гг.»; «Государственная поддержка животноводства Курской области на 2005–2010 гг.» и «Государственная поддержка сельскохозяйственной авиации Курской области на 2006–2010 гг.»; «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.». Перспективы развития сельского хозяйства и пищевой промышленности в условиях рынка повысят эффективность и конкурентоспособность отрасли в целом и будут способствовать решению продовольственной проблемы [4].

Таким образом, сельскохозяйственное производство является мощной сырьевой базой для пищевой промышленности. Рыночные реформы повлекли за собой отраслевые и территориальные сдвиги в АПК. В сельском хозяйстве Курской области, как и других субъектов РФ, произошла трансформация собственности предприятий, образовались новые формы хозяйствования, сменилась форма землевладения и землепользования. Растениеводство избежало заметного спада объемов производства, быстрее адаптировалось к рыночным условиям. В животноводстве же и на современном этапе сохраняется кризисная ситуация.

На сегодняшний день важным является сохранение стабильности производства. Необходимо закрепить достигнутые результаты и продолжить создание надежной основы для дальнейшего наращивания объемов производства сельскохозяйственной продукции, глубокой ее переработки и насыщения рынка качественными и доступными продуктами питания. Реализация государственных программ позволила создать в области надежные предпосылки для стабилизации и наращивания объемов продовольственных ресурсов, увеличить производство пользующейся спросом у населения продукции, улучшить ее качество, технически перевооружить предприятия всех отраслей пищевой про-

мышленности, внедрить современные технологии, укрепить техническую базу заводов и их сырьевых зон.

Библиографический список

1. *Агропромышленный* комплекс Курской области: [сайт]. URL: <http://apk.rkursk.ru/> (дата обращения: 05.08.2015).
2. *Российский* статистический ежегодник. 2014: Стат.сб./Росстат. - Р76 М., 2014. 693 с.
3. *Статистический* ежегодник Курской области. 2014: Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – Курск, 2014. 445 с.
4. *Требушкова И.Е.* География пищевой промышленности Курской области. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2013.197 с.

THE GEOGRAPHY OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE KURSK REGION

I. E. Trebushkova

Kursk state University

Russia, 305000, Kursk, Radishcheva street, 33, e-mail: irinatrebushkova@ya.ru

The article analyzes the state of the agricultural sector of the Kursk region . The results of the main types of crop production , animal husbandry. We consider investment projects in the field of agribusiness .

Key words: agribusiness , agriculture: crops, livestock , and investment companies .

УДК 314.74

ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ: ТИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИЕЗЖЕГО И МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

З.А. Трифонова

Чувашский государственный университет

428015, Чувашская Респ., Чебоксары, Московский просп., 15;

e-mail: zoyatrifonova@mail.ru

В статье рассмотрены процессы межэтнических взаимоотношений в Республике Чувашия, связанных с приезжими мигрантами, представляющих иные этнические группы. В результате подобных процессов стали проявляться очевидные и скрытые особенности новых межэтнических взаимодействий между местным населением и приезжими. В работе определяются преобладающих типы взаимодействия приезжего и местного сообщества в Чуваши, а также рассматриваются стратегии аккультурации мигрантов.

Ключевые слова: трудовая миграция, аккультурация, стратегии аккультурации, миграционные процессы, Республика Чувашия, межэтнические взаимоотношения.

Чувашия относится к многонациональному региону, поскольку на ее территории представлено два народа с высоким удельным весом (чуваши и русские), кроме того, здесь сравнительно высока доля татар, мордвы, марийцев. В связи с этим регион интересен с позиций изучения проблематики межэтнического взаимодействия местного и приезжего населения. На фоне традиционных взаимоотношений этнических групп, длительно проживающих в Чувашской Республике, появился новый тип межэтнических взаимоотношений, связанный с приезжими мигрантами, представляющих иные этнические группы. В результате появились очевидные и скрытые проявления новых межэтнических взаимодействий между местными и приезжими.

В работе была поставлена задача определения преобладающих типов взаимодействия приезжего и местного сообщества в Чувашии.

В исследовании были использованы идеи J.W. Berry, С. Бочнера, Л.М. Лебедевой и др. Оптимальной нам показалась методика выявления типов аккультурации мигрантов, предложенная J.W. Berry. Сам автор скептически относится к термину аккультурация. Он считает, что аккультурация – нейтральный термин (изменение может иметь место в одной или обеих группах), на практике, как правило, аккультурация вызывает большое количество изменений в одной из групп (группа аккультурации), чем в другой [5]. Л.М. Лебедевой было обосновано, что в результате иммиграции, местные сообщества становятся культурно многоукладными. В многоукладных сообществах существуют различные культурные группы. Одни из них вступают в процесс аккультурации добровольно, в то время как другие участвуют в нем по необходимости (например беженцы или коренное население). Другие группы вступают в контакт из-за того, что они переместились на новое место, в то время как в жизнь других новая культура была привнесена. И наконец, среди мигрировавших групп некоторые остаются на постоянное проживание, а другие – на временное (например, студенты международных учебных заведений и приглашенные рабочие, а также лица, ищущие убежища, которые, в конечном счете, могут быть депортированы). Несмотря на такое разнообразие культурных групп, процесс аккультурации протекает одинаково. Варьируются направление, уровень сложности, и возможные ее результаты.

Концептуальная структура включает четыре стратегии аккультурации. Положительное или отрицательное отношение к поставленным проблемам (ответы «да» или «нет») позволяет выделить четыре стратегии аккультурации. Эти стратегии имеют различные названия, в

зависимости от того, какой тип группы (доминирующий или недоминирующий) рассматривается в данный момент. Недоминирующим группам, члены которых не стремятся сохранить культурное своеобразие и ежедневно ищут взаимодействие с другими культурами, соответствует стратегия *ассимиляции*. Напротив, стратегия индивидов, пытающихся сохранить свою исконную культуру и, в то же время, пытающихся избежать влияния других культур, определяется как *отделение или сепарация*. Когда же речь идет о желании не только сохранить культурную самобытность, но и непрерывно взаимодействовать с другими группами, мы имеем дело со стратегией *интеграции*. В этом случае сохраняется определенная культурная целостность, а также проявляется стремление участвовать на правах интегрального члена в более широкой социальной сети. Наконец, в случае если интерес либо возможность сохранения культуры невелика (часто по причине навязанного отказа от культуры), и заинтересованность в отношениях с другими практически отсутствует (по причине исключения из коллектива или дискриминации) имеет место стратегия *маргинализации*.

Эта классификация основана на допущении, что недоминирующие группы и их отдельные члены имеют свободу выбрать свой способ аккультурации. В иных случаях, например, ограничения выбора недоминирующих групп или индивидов, следует использовать другие термины. Например, люди могут иногда выбрать отделение, но если отделения требует от них доминирующее общество, это не что иное, как сегрегация. Точно так же, желанию ассимилироваться, противопоставлено понятие «плавильного котла». В случае маргинализации, выбор индивида также редко бывает добровольным [3].

Население Чувашии составляет 1243431 чел. На территории Республики проживает 106 этносов. 67,7% это чуваша. С целью трудовой деятельности в республике в 2014 г. въехало и было зарегистрировано около 2125 иностранных граждан [1].

Отметим увеличение численности иностранных граждан на территории Чувашии (рис. 1). В 2014 г. в Чувашии была установлена квота на привлечение иностранной рабочей силы в количестве 1345 чел. Дополнительно, по данным Минздравсоцразвития Чувашии, от работодателей поступили заявления на увеличение размера привлечения иностранных работников в количестве 1200 чел.

Состав мигрантов в 2000-х гг. поменялся. Если в первой половине преобладали мигранты из Казахстана и Украины (более 50%), то во второй стала увеличиваться доля мигрантов из Узбекистана, Тад-

жикистана (до 30%). В 2014 г. поток мигрантов из Украины и Молдовы увеличился почти в 4 раза и составил 44,56% от числа всех мигрантов. Среднестатистический портрет иностранного трудового мигранта Чувашии следующий: это мужчина (62,6% от общего числа), трудоспособного возраста (82%), со средним образованием (более 40 %), сфера его занятости, в большинстве случаев, не требует высокой квалификации. Семейное положение различается в зависимости от пола мигрантов. Среди мужчин никогда не состоявших в браке – 44%, а среди женщин – 48%. Обстоятельства, которые заставляют менять мигрантов место жительства, в основном связаны с семейными причинами (30%), учебой (26%).

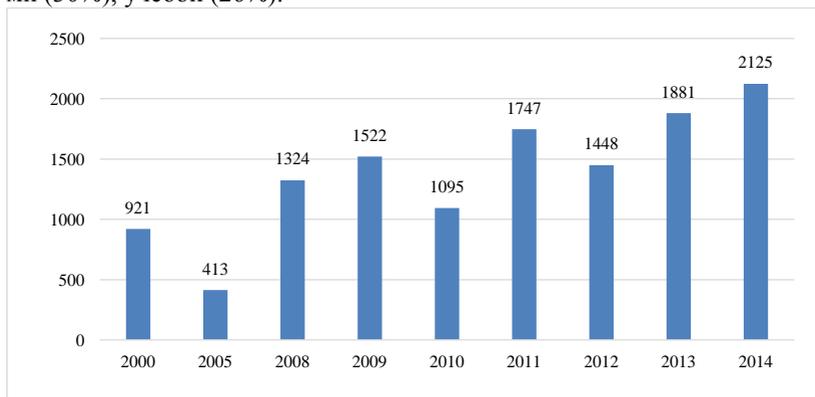

Рис. 1. Динамика прибывших международных мигрантов, чел.

По данным УФМС по Чувашской Республике трудовые мигранты в 2014 г. были привлечены в основном в промышленность (62%), строительство (22%), торговлю и сельское хозяйство по 6%. В распределении мигрантов по территории республики отмечаем их концентрацию в г. Чебоксары и Чебоксарском районе (60 %) (рис. 2).

Результаты опроса, проведенного в период с 2013г. по 2014 г., показали, что к мигрантам местные жители относятся отчужденно. К такому выводу пришел И.И. Бойко [2]. Как отмечает автор, в анкете опрошенным задавался вопрос о возможности ограничения приезда в Чувашию жителей из российских республик Северного Кавказа и государств Закавказья и Средней Азии. Оказалось, что почти 60% респондентов, высказалось за подобные ограничения. При этом И.И. Бойко подчеркивает, что реальная ситуация с трудовыми мигрантами в

Чувашии далека от напряженности: доля иностранных рабочих в составе трудоспособного населения республики составляет около 0,2%.

В ходе исследования мы исходили из того, что в Чувашии межэтническое взаимодействие между местным населением и мигрантами довольно слабое [4]. Для проверки этой гипотезы был проведен экспертный опрос в период с февраля по май 2015 г. В качестве экспертов выступили: 1) работодатели, в штате которых имеются мигранты (33%); 2) управленцы – специалисты УФМС по Чувашии, эксперты органов местной власти (23%); 3) представители общественных организаций, работающих по приоритетному направлению «международное сотрудничество» (44%). Всего было опрошено 90 чел., из них 95% имеют высшее образование, 64% женщин и 46% мужчин.

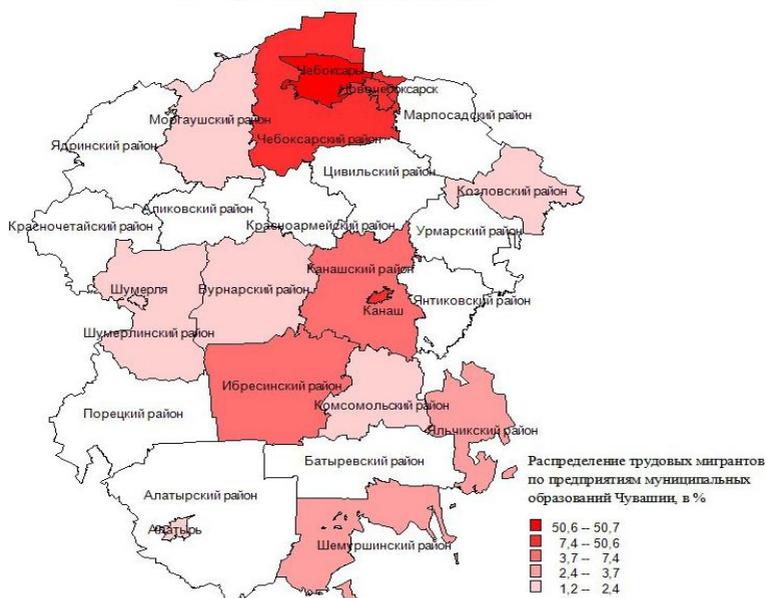

Рис. 2. Распределение мигрантов по предприятиям муниципальных образований Чувашии, %

В анкете были вопросы, позволяющие определить выбранную мигрантами стратегию аккультурации, согласно J.W.Веггу, и выявить доминирующие типы (рис. 3).

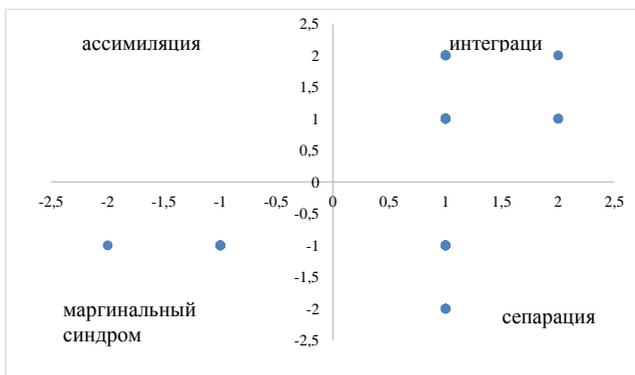

Рис. 3. Модель взаимодействия населения Чувашии и международных мигрантов (по результатам опроса экспертов)

В итоге мы пришли к выводу, что для трудовых мигрантов Чувашии характерна интеграция с идентификацией как со своей «родной», так и с новой «русско-чувашской» культурой. Наблюдаются элементы сепарации и маргинализации, в связи с тем, что пребывание мигрантов на территории республики ограничено, это для них временное явление, как отметил один из экспертов: «они заработают деньги и вернуться обратно к себе в аул, а русский они изучают в связи с требованием законодательства». Важно то, что эксперты понимают проблему. Так председатель Азербайджанского сообщества, который проживает на территории Чувашии 26 лет, отметил необходимость увеличения встречных взаимодействий. Он отметил, что со своей стороны восхищается чувашской кухней, не хуже местных знает, что такое «шурпе» и «шортан», как это готовится и с чем подается. Он говорил, что не позволяется приезжать на эту землю абы кому, для них очень важен авторитет, уважение, признание. Аналогично высказался, председатель Таджикского этнического сообщества.

Работа выполнена по гранту РГНФ 14-12-21004 а/В.

Библиографический список

1. *Аналитический обзор миграционной ситуации и деятельности УФМС по Чувашской Республике по реализации государственной политики в сфере миграции в Чувашской Республике.* Чебоксары, 2014 / URL: fms21.ru/files/analiticheskiy...ufms...polugodie-2014...
2. *Бойко И.И.* Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике // Вестник чувашского университета, 2013, №4. С. 5–9.

3. *Лебедева Н.М.* Теоретические подходы к исследованию взаимных установок и стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России / Н.М. Лебедева / Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сб. научных статей / под ред. Н.М. Лебедевой. – М.: РУДН, 2009. – С. 10–63.

4. *Трифонова З.А., Васильева С.В.* Трудовые мигранты в Чувашии: опыт взаимодействия местного и приезжего населения / Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. профессора, д-ра геогр. наук В. С. Белозерова. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. С. 187–191.

5. *Berry J.W.* Acculturation: Living successfully in two cultures. / J.W. Berry // International Journal of Intercultural Relations. 2005. No 29. – P. 697–712.

MIGRANT WORKERS: THE TYPES OF INTERACTION BETWEEN THE MIGRANTS AND THE LOCAL COMMUNITY (BASED ON THE STUDY OF THE CHUVASH REPUBLIC)

Trifonova Z.A.

Chuvash State University

Russia, 428015, Chuvashia, Cheboksary, Moskovsky pr.,15; e-mail:zoyatrifonova@mail.ru

The article describes the process of inter-ethnic relations in the Republic of Chuvashia related to migrants, representing different ethnic groups. As a result of these processes began to show obvious and hidden features of the new inter-ethnic interactions between the local population and migrants. In the work researches types of interaction the visitor and the local community in Chuvashia and discusses strategies of acculturation of migrants.

Key words: labor migration, acculturation, acculturation strategies, migration processes, Chuvash Republic, inter-ethnic relations.

УДК 338.1 (571.56+985)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНОВ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Е.А. Ушаков

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН,

690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7; e-mail:

ushakov.tig.dvo@gmail.com

Арктические районы Республики Саха (Якутии) располагают богатейшим природно-ресурсным потенциалом, освоение которого ограничивается совокупностью негативных природно-климатических и социально-экономических факторов. В настоящее

время Арктические районы являются одними из самых депрессивных территорий в республике Саха (Якутии). Однако, рациональное использование природно-ресурсного потенциала суши и моря, создание производственной и социальной инфраструктуры, возрождение Северного морского пути, могут обеспечить участие этих административно-хозяйственных территорий в эффективных интеграционных экономических отношениях (международных и внутрироссийских) и повысить уровень жизни населения.

Ключевые слова: административно-хозяйственная территория, социально-экономическое развитие, территориальное управление, муниципальный уровень, арктическая зона, проблемы развития, республика Саха (Якутия).

В РФ в последние десятилетия стоит вопрос об эффективности региональной политики на всех уровнях территориального управления: федеральном, региональном и муниципальном. Это вызвано значительными диспропорциями в социально-экономической сфере регионов, а также острой проблемой внутри муниципальных образований в самих регионах.

По мнению П.Я. Бакланова в России всегда существовали и существуют различные территориальные структуры хозяйства, которые востребованы (в зависимости от конкретных исторических условий) в практике сложившегося управления. Выделяются несколько уровней территориального управления: низовой (предприятия, компании, организации), муниципальный, региональный. В рыночных условиях основной объем функций хозяйственного управления реализуется на первом, низовом уровне предприятий и компаний). На муниципальном уровне реализуются преимущественно нормативные и координационные функции управления. Все сочетания предприятий в рамках экономического центра, муниципального района в управлении на этом уровне практически не участвуют. Здесь управляются только относящиеся к муниципальной собственности предприятия сферы жилищно-коммунального хозяйства, инфраструктуры, здравоохранения, образования. На региональном уровне предприятия также не охватывается целостной системой управления. Сложившееся региональное управление сводится только к определенному законодательному регулированию, нормативному и координационному управлению. Значительно больший объем функций управления выполняется на федеральном уровне, где разрабатываются и принимаются основные законодательные и нормативные акты, осуществляется управление всеми сферами хозяйства, в т.ч. осуществляется контроль за их деятельностью [2].

Административно-хозяйственная территория (АХТ) для районов нового освоения, под которой понимается законодательно оформленное разделение территории страны на целостные части (административные образования), со специфическим сочетанием факто-

ров и условий социально-экономической деятельности, хозяйственной специализацией и особой системой республиканских и местных органов власти и управления. В районах нового освоения она отличается низкой социально-экономической освоенностью территории, решающей ролью природно-ресурсных факторов и выгодного экономико-географического положения в формировании и развитии хозяйства, преимущественно добывающей структурой экономики, слабым развитием социальной и производственной инфраструктуры, подвижностью административно-хозяйственных границ.

Арктическую зону России можно рассматривать как особую административно-хозяйственную территорию нового освоения, располагающей всеми признаками экономического района (сочетанием факторов районообразования, специализацией, комплексностью и управляемостью) [1].

В Республике Саха (Якутия) в Арктическую зону России входят 5 муниципальных районов: Анабарский, Булунский, Усть-Янский, Аллайховский, Нижнеколымский районы. Общая площадь территории Арктической зоны Якутии 605,1 тыс. км², что составляет 20% от общей площади республики. Общая численность населения в этих районах 26447 чел. (2,8 % от общей численности населения Якутии). Показатели, характеризующие социальную сферу, находятся на среднерегionalном уровне, но учитывая высокую стоимость проживания на севере региона, следует считать уровень жизни в Арктических районах значительно ниже регионального. Доходы и расходы местных бюджетов практически в два раза выше среднерегionalного уровня, но доходная часть этих муниципальных образований более зависима от дотации, субсидий и субвенции из регионального бюджета (табл.1).

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели Республики Саха (Якутия) и её арктических северных территорий в 2013 г.

<i>Показатель</i>	<i>Саха (Якутия)</i>	<i>Арктические северные территории</i>	<i>Доля в республиканском значении или от республиканского¹</i>
Площадь	3083,5	605,1	20,0
Численность населения	954803	26447	2,8
Естественный прирост населения, %	0,87	0,52	–
Миграционное сальдо, %	-0,96	-3,33	–
Прирост населения, %	-0,09	-2,81	–
Среднемесячная заработная плата ¹	46542	47738	102,6
Инвестиции в основной	203209	85315	42,0

капитал на 1 чел ¹			
Площадь жилища м ² на 1 чел ¹	20,6	21,7	105,4
Ввод в действие жилых помещений м ² /ч ¹	0,44	0,15	33,0
Сельское хозяйство			
Олени, голов	191100	70399	36,8
Мясо, т	39300	754	1,9
Молоко, т	170400	158,9	0,1
Местный бюджет			
Доходы, руб./чел. ¹	73664	140301	190,5
Расходы, руб./чел. ¹	72406	137889	190,4
Доля собственных доходов, %	26,3	18,0	–

Развитие северных арктических районов идет неоднородно. Более благополучная ситуация сложилась в Анабарском районе, в первую очередь, за счет успешной работы ведущего вида экономической деятельности – добыча полезных ископаемых (добыча алмазов). В других муниципальных районах социально-экономическая ситуация сложная, эти районы долгое время являются депрессивными (табл. 2).

Таблица 2

Социально-экономические показатели арктических северных муниципальных районов Республики Саха (Якутия) за 2013 г.

Показатель	Анабарский	Булунский	Усть-Янский	Аллаиховский	Нижнеколымский
Площадь, км ²	55600	235100	120300	107300	86800
Численность населения	3403	8507	7359	2764	4414
Естественный прирост населения, %	+1,47	+0,68	+0,20	-0,07	+0,41
Миграционное сальдо, %	-1,53	-5,53	-2,96	-3,31	-1,33
Прирост населения, %	-0,06	-4,85	-2,76	-3,38	-0,92
Среднемесячная заработная плата	69707	42755	41595	44806	40046
Инвестиции в основной капитал на 1 чел	648728	852	3439	2343	2193
Площадь жилища м ² на 1 чел.	16,3	16,4	27,7	22,2	25,8

Ввод в действие жилых помещений м ² /ч	0,6	0,1	0,1	0	0,2
Сельское хозяйство					
Олени, голов	13922	14153	20903	1044	20377
Мясо, т	94,0	117,2	170,2	3,8	369,8
Молоко, т	0	75,3	68,4	7,8	7,4
Местный бюджет					
Доходы, руб./чел.	170266	99677	144356	183269	161826
Расходы, руб./чел.	167748	101903	143681	176555	150335
Доля собственных доходов, %	50,7	17,3	12,5	8,6	7,0

Все существующие проблемы данных районов можно объединить в несколько групп:

1) Природно-климатические – экстремальные природно-климатические условия для проживания, географическая удаленность от центральных районов республики.

2) Демографические – население районов сокращается из-за большого миграционного оттока. За последние 25 лет численность населения сократилось в 3 раза и приблизилась к уровню 1960 г.

3) Важнейшие экономические проблемы связаны с низкой производительностью труда, износом инфраструктуры, высокими транспортными затратами, отражающимися на себестоимости выпускаемой продукции, например, из-за отсутствия межпоселенческих дорог общего пользования, низкая инновационная привлекательность, слабое развитие строительной инфраструктуры.

4) Социальные проблемы связаны с угрозой сокращения рабочих мест, дефицитом высококвалифицированных кадров, большими затратами на компенсацию сложных и экстремальных условий работы на ряде предприятий, низкими доходами большей части населения, с реальной безработицей, старением населения, алкоголизм значительной части населения, низкий уровень медицинских услуг, сокращение больничных коек и врачей.

5) Экологические проблемы обусловлены отсутствием водоочистительных сооружений, что обуславливает выбросы больших объе-

мов неочищенных сточных вод (от муниципальных котельных, предприятий алмазодобывающей промышленности).

б) Территориального управления, связанные с несовершенством сложившейся системы разделения полномочий между федеральными, региональными и муниципальными структурами власти, проблемы межрайонных и межсубъектных социально-экономических отношений. Например, существует большая зависимость населения и хозяйства от подачи электроэнергии в Нижнеколымском районе из Чукотского автономного округа. Негативные особенности сложившегося транспортно-географического положения Арктической зоны Якутии заключаются в том, что при значительной удаленности от более развитых в социально-экономическом отношении регионов страны транспортные связи с ними очень слабы [3].

Современное состояние отрасли структуры экономики субъектов Арктической зоны России говорит о том, что они находятся в основном на начальных стадиях освоения территории, которые характеризуются освоением тех территориальных сочетаний природных ресурсов суши и моря, разработка которых приносит максимальную прибыль в короткий срок с наименьшими затратами капитала. В перспективе, по мере развития не только специализированных, но и вспомогательных, обслуживающих производств в субъектах Арктической зоны страны размещение производства будет более равномерным, хотя и более дифференцированным по сравнению со среднероссийскими показателями. Этому должны способствовать приоритетные направления хозяйственного развития регионов Арктической зоны России (развитие нефтегазового комплекса, горнопромышленного, рыбопромышленного, лесопромышленного комплексов, туризма и рекреации, развитие инфраструктуры). Для Арктической зоны Республики Саха (Якутии) в качестве наиболее перспективных выделяются: горнопромышленный комплекс, морехозяйственный комплекс (рыбное хозяйство, морской транспорт), туризм и рекреация [3;4].

Важно отметить ряд благоприятных факторов для развития рассматриваемых районов:

1. Минерально-сырьевая база. По рассматриваемым районам лидером по видовому разнообразию месторождений является Усть-Янский район, где представлено 6 видов минеральных ресурсов, причем в районе сосредоточено 2/3 месторождений свинца, и 1/4 месторождений ртути арктической зоны России. Здесь можно развивать также добычу золота до 2 т в год, а вот возможности разработки боль-

ших месторождений олова ограничена из-за высокой себестоимости добычи сырья и низких цен на него на мировых рынках. На Анабарский район приходится 3/4 месторождений алмазов Арктической зоны страны [6].

2. Использование транзитно-транспортного потенциала Арктических районов за счет развития Северного морского пути может позволить привлечь приток инвестиции, усилить экспортную специализацию территории, создать ряд обрабатывающих производств (прежде всего в пищевой промышленности), обеспечить возможность использования запасов местного угля, упростить доставку грузов в другие внутренние северные территории, усилить социально-экономические связи с другими Арктическими регионами страны (например, с Чукотским АО через Нижнеколымский район).

3. Морские биоресурсы. Рассматриваемые районы в настоящее время добывают более половины рыбы в Якутии и существует возможность нарастить объемы добычи в 2 раза и возродить предприятия по переработке рыбной продукции при государственной поддержке.

Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН (№ 44П) «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации».

Библиографический список

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. М: Мысль, 1977. 199 с.
2. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. М: Наука, 2007. 240 с.
3. Бакланов П.Я., Мошков А. В., Романов М.Т. Географические и геополитические факторы и направления долгосрочного развития Арктической зоны России // Вестник ДВО РАН 2015. №2. С. 5–15.
4. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Пространственная дифференциация структуры экономики регионов Арктической зоны России // Экономика регионов. 2015, №1 С. 53–63.
5. Горкин А.П. География постиндустриальной промышленности. Методология и результаты исследований. 1973–2012 гг. Смоленск: Ойкумена, 2012. 348 с.
6. Ткаченко Г.Г. Территориальная дифференциация месторождений минерально-ресурсного сырья Арктической зоны России //

Структурные трансформации в геосистемах Северо-Восточной Азии. Владивосток: Дальнаука, 2015. С. 300–304.

**PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE ARCTIC REGIONS
THE REPUBLIC JO SAKHA (YAKUTIA)**

E. A. Ushakov

Pacific Geographical Institute of FEB RAS

690041, Vladivostok, Radio Str., 7; e-mail: ushakov.tig.dvo@gmail.com

The Arctic areas of the Republic of Sakha (Yakutia) has a rich natural resource potential, development of which is limited to a set of adverse climatic and socio-economic factors. At present, the Arctic regions are among the most depressed areas in the Republic of Sakha (Yakutia). However, the rational use of natural-resource potential of land and sea, creating industrial and social infrastructure, the revival of the Northern Sea Route, may ensure the participation of the administrative-economic areas in the effective integration of economic relationships (international and domestic) and to raise the standard of living of the population.

Key words: administrative-economic area, socio-economic development, territorial management, the municipal level, the Arctic zone, problems of development, the Republic of Sakha (Yakutia).

УДК 911.3

**ГОРОДСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ:
ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)**

Ю.В. Фаронова

Башкирский государственный университет

450076, Уфа, ул.3. Валиди, 32; e-mail: faronova2012@mail.ru

Рассмотрен экономико-географический подход к формированию интегрированных городских систем на локальном уровне с использованием формулы гравитационного взаимодействия. Рассмотрена роль миграции по направлению «село—город» как механизм роста численности населения городов. Проведён географический анализ гравитационного взаимодействия между городами как потенциал формирования миграционных связей между городами.

Ключевые слова: регионы миграционного взаимодействия, изолированные города с низким потенциалом миграционного взаимодействия, сельско-городская миграция, образовательные регионы.

Экономико-географический подход в формировании городского планирования означает изучение территориальной составляющей в социально-экономическом развитии. Объект исследования – это города, предмет исследования – роль городов и городских систем в формировании социально-экономического благополучия территории. Города

рассматриваются с позиции новой экономической географии [1]: города как центры агломерирования, города как центры создания рабочих мест, города как драйверы экономического развития территории. Система городского расселения в формировании занятости. Система городских поселений формирует локальную занятость, формирует межгородские миграционные связи, трудовые миграции. Были рассмотрены возможные миграционные связи между городскими населёнными пунктами в РБ, между городскими населёнными пунктами РБ и соседних субъектов РФ. Потенциальные миграционные связи были определены на основе применения гравитационной модели (сила взаимодействия определяется как произведение численности населения двух городов, соотносённое с квадратом расстояния между городами).

Регионы миграционного взаимодействия республиканского уровня.

1) *Меридиональный регион максимального миграционного взаимодействия.* Включает город Благовещенск – с минимальным удалением от Уфы (48 км) и численностью населения 35 тыс.чел. – и г. Стерлитамак – второй по численности населения город РБ и удаленностью на 121 км от Уфы. Опорный каркас из городов и транспортных магистралей с максимальной силой гравитационного взаимодействия в РБ включает меридиональное направление Благовещенск–Уфа (показатель 17), Уфа–Стерлитамак (показатель 21). Географически направление Уфа–Благовещенск представляет общую территориальную структуру: промышленная зона северной части Уфы переходит в промышленную зону южной части Благовещенска.

Агломерирование между Уфой и Стерлитамаком затруднено из-за временной изолированности городов (время в один конец 2 ч), данное направление характеризуется активными субурбанизационными процессами: от Уфы к Стерлитамаку расположены современные точки «городов на краю» (Ашан, Леруа Мерлен, Метро), пригородные поселки коттеджной застройки (Цветы Башкирии, Лебяжий, Зубово, Чесноковка, Булгаково). Расстояние от Уфы до Булгаково 29 км, время транспортировки 30 мин. Село Толбазы (12 тыс. чел.) – центр Аургазинского района (расположено на расстоянии 85 км, время транспортировки 1 ч 6 мин. от Уфы, на расстоянии 46 км со временем транспортировки 40 мин. от Стерлитамака) находится в зоне экономического влияния как Уфы (гравитационное взаимодействие=1,8), так и Стерлитамака (гравитационное взаимодействие=1,5), разделяя две зоны агломерационного влияния.

Стерлитамак – более сильный гравитационный центр по сравнению с Уфой, так как максимальное гравитационное взаимодействие характерно для направлений Стерлитамак – Салават (48,0), Стерлитамак – Ишимбай (18,0). В РБ Стерлитамак – уникальный центр, окружённый городами в пределах 30-минутной доступности (Салават, Ишимбай), городами в пределах 2-часовой доступности (Давлеканово, Кумертау, Мелеуз).

2) *Широтный регион миграционного взаимодействия.* Потенциальное миграционное взаимодействие, максимально выраженное в широтном простирании, – это географическое направление Уфа – Октябрьский (гравитационное взаимодействие 4,2, г. Октябрьский – четвёртый город РБ по численности населения, 112 тыс. чел.) с расстоянием 170 км, проходит транспортная магистраль М5. Октябрьский – центр гравитационного взаимодействия в зоне 1-часовой доступности с г. Туймазы (показатель 15,0), пгт Уруссу (5,3), г. Бугульма (3,7), г. Азнакаево (1,1).

Перспективные географические направления миграционного взаимодействия столицы и других городов РБ:

1) *Географические направления с показателем гравитационного взаимодействия 3,0: Уфа – Давлеканово (расстояние 93 км), Уфа – Нефтекамск (222 км).*

Нефтекамск – третий по численности город РБ с численностью 137 тыс. чел. с ярко выраженным соседским экономико-географическим положением на стыке Башкортостана, Татарстана, Удмуртии. Перспективы локального рынка труда зависят от сложившейся в советской экономике специализации города (машиностроение, лёгкая промышленность, пищевая промышленность, электроэнергетика). Усиление роли Нефтекамска как регионального центра для привлечения населения может быть связано с образовательной функцией (имеются филиалы ВУЗов РБ: Башгосуниверситета, УГАТУ, колледжи машиностроительного, нефтяного, педагогического профилей).

Потенциальное миграционное взаимодействие Нефтекамска больше географически выражено по направлению к Ижевску (показатель 5,0) по сравнению с Уфой (показатель 3,0), Казанью (0,6). Нефтекамск может быть привлекательным миграционным центром для населения городов с 1-часовой доступностью Сарапул (показатель 2,6), Янаул (1,4), Агидель (1,3). Альтернативой для определения перспектив развития города могут быть географические взаимосвязи между городскими поселениями. В настоящее время перспективы городов нев-

нятно определяются инвестиционными проектами, которые завязаны на имеющихся промышленных предприятиях. Изолированному внедрению на рынок предприятий, которые тянут за собой городскую экономику, могут успешно противостоять географические объединения городов – городские агломерации. Пример Нефтекамска показывает его географическую изолированность от Уфы и его возможности возглавить города на стыке двух субъектов – РБ и Удмуртии – и сформировать новое жизненное пространство.

Давлеканово – город с численностью населения 24 тыс. чел., монофункциональный промышленный центр (пищевое производство с монопольным положением молочной компании «Вимм-Билль-Дан», обувное производство) с выгодным транспортно-географическим положением (железная дорога Самара–Уфа–Златоуст). Давлеканово географически центрально расположен относительно городов Уфа (93 км), Стерлитамак (112 км), Белебей (99 км). Перспективы географического взаимодействия с городами могут быть связаны с новой специализацией г. Давлеканово – планомерным превращением города в центр туризма на основе использования рекреационного потенциала оз. Асылкуль. Такая специализация усилит отраслевое взаимодействие с с. Шафраново (35 км, время транспортировки от Давлеканово 50 мин) – центром санатория «Шафраново» (Альшеевский район), с санаторием «Глуховская» (Белебеевский район). Географическое взаимодействие специализированных центров, городов-потребителей туристско-рекреационных услуг может привести к управлению формированием туристско-рекреационного кластера в РБ.

Изолированные города РБ с низким потенциалом географического взаимодействия на республиканском и локальном уровнях (Белебей, Сибай, Белорецк). Отсутствуют города в пределах 1-часовой транспортной доступности (исключение составляют Сибай и Баймак, между которыми 35 км).

Изолированное городское положение г. Белебей определено удаленностью городов: в пределах 100-километровой зоны от города расположены Давлеканово, Абдулино, 150-200-километровой зоны – г. Стерлитамак, 200-210-километровой зоны – Уфа, Бугуруслан. Для г. Белебей характерно низкое гравитационное взаимодействие с городами Уфа (1,6), Стерлитамак (0,6), Давлеканово, Абдулино (0,1), Бугуруслан (0,06).

Зональная изоляция г. Сибай: в 100-километровой удаленности расположен г. Магнитогорск (гравитационное взаимодействие 2,5), на

расстоянии 180–230 км расположены города Белорецк, Медногорск, Орск, Новотроицк, Учалы.

Зональная изоляция г. Белорецк: на расстоянии 92–108 км расположены Магнитогорск, Учалы, на расстоянии 200–290 км расположены Миасс, Уфа, Стерлитамак, Челябинск.

Стирание административных границ проявляется в гравитационном взаимодействии городов РБ Сибай и Белорецк с г. Магнитогорск Челябинской области (показатели соответственно 2,5 и 3,2).

Формирование конкурентоспособной экономики с географической точки зрения означает формирование конкурентоспособного городского пространства, элементами которого должны быть не изолированные проблемные города, а взаимосвязанные городские населённые пункты. Возможные регионы городского взаимодействия (выделенные на основе расчета гравитационного взаимодействия) могут рассматриваться как городские зоны регулирования (по аналогии со свободными экономическими зонами). Для них актуальна разработка территориальных проектов развития, которые будут означать стирание административных границ – актуальных барьеров развития российских территорий, не вписанных в рамки административных границ. Социально-экономическая успешность регионов городского взаимодействия возможна только при управлении формированием новой специализации городов. Одинаковое расстояние между городами приводит к разной силе гравитационного взаимодействия (например, расстояние Уфа – Салават и Уфа – Ишимбай соответственно 151 км и 146 км, а гравитационное взаимодействие соответственно 7,6 и 3,4, так как численность городов различается в 2,3 раза). Следовательно, необходимо наращивать численность населения городов для усиления их взаимодействия.

Основной источник роста численности населения – сельская местность, особенно для субъектов РФ с низким уровнем урбанизации. Сельско-городская миграция как механизм и источник роста численности городского населения в РФ перестает «работать» в результате распада сложившихся в советское время городских сил притяжения и появления рыночных механизмов, которые снижают силу тяжести городов для сельчан и появлению избирательной, а не массовой сельско-городской миграции. Константой городской силы тяжести для действия сельско-городской миграции всегда были образовательные учреждения высшего и средне-специального образования, которые выполняют важную функцию не только подготовки квалифицированных

трудовых ресурсов, но и функцию интеграции в современную городскую экономику и городской образ жизни сельских жителей. Поэтому конкурентоспособные городские системы как географические образования и объекты управления нуждаются в формировании не только современной специализации, но и адекватной современным региональным потребностям развития научной, исследовательской, образовательной системы в городах. Например, в Европе сложилась сеть из 90 европейских регионов исследований и инноваций [2], включает 13 тематических групп (производство и наноиндустрия, здоровье, биоэкономика, информационно-коммуникационные технологии, smart-города, туризм, общественные исследования, инновации и инвестиции, дизайн, транспорт, энергетика и климатические изменения).

Город Уфа занимает почти равноудаленное расстояние от городов-миллионеров Уральского и Поволжского экономических районов: 538 км, 537 км, 421 км соответственно до Перми, Екатеринбурга, Челябинска, 500 км и 473 км до Казани и Самары. При значительном удалении от Уфы городов-миллионеров по сравнению с городами РБ гравитационное взаимодействие между Уфой и городами-миллионерами выше, чем между Уфой и городами РБ. Гравитационное взаимодействие Уфа–Челябинск равно 7, Уфа–Самара – 6, Уфа–Екатеринбург, Уфа–Казань – 5, Уфа–Пермь – 4.

Усиление интегрированности между городами может происходить при росте численности населения отдельных городов, при росте численности городских систем локального уровня на основе агломерирования (промышленного, городского, бизнес-сетевое), механизма сельско-городской миграции, механизма образовательных регионов на основе разработки конкурентоспособной специализации на локальном и региональном уровнях. Интегрированные городские системы могут более активно создавать рабочие места и усиливать миграционный приток сельского населения по сравнению с изолированными городами вследствие эффекта масштаба и агломерационной выгоды для населения и для хозяйствующих субъектов.

Библиографический список

1. *Новый* взгляд на экономическую географию: доклад о мировом развитии – 2009. М.: Весь мир, 2009. 385с.
2. *European regions. Research and innovation network* // URL: <http://errin.eu/> (дата обращения 20.07.2015).

URBAN PLANNING ECONOMIC-GEOGRAPHICAL APPROACH

J.V. Faronova

Bashkir State University

Russia, 450076, Ufa, Z. Validi Str., 32; e-mail: faronova2012@mail.ru

The role of urban systems at local and regional levels in migration between rural areas and cities are considered in this paper. The model of gravitational interaction is used for calculating the migration cooperation between cities of Bashkortostan and neighboring subjects.

Key words: regions of migration cooperation, cities of low migration cooperation potential, migration between rural areas and cities.

УДК 911.3

ОЦЕНКА ТРАНСПОРТНО-КОММУНИКАЦИОННЫХ УСЛОВИЙ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Н.В. Хамина

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН

664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1; e-mail: postman@irigs.irk.ru

Дается оценка развития транспортной сети и коммуникационных услуг Байкальского региона. Отмечается их центр-периферийный характер развития на внутри-региональном уровне.

Ключевые слова: транспортная сеть, коммуникационные услуги, Байкальский регион, центр, периферия.

На постсоветском этапе в Сибири, как и во всей стране, отмечается резкое усиление социально-экономических контрастов на внутри-региональном (межмуниципальном) уровне по линии «центр-периферия». В социально-экономическом отношении регионы России пространственно дифференцированы часто по зонам транспортной доступности. В центрах сосредоточены основные зоны доступности (аэропорт, железная дорога, магистрали и т.д.), вдоль транспортных магистралей сосредоточены городские поселения, по мере удаления от центра в периферийные районы степень заселенности уменьшается и ухудшается транспортная доступность. Положительным кажется облегчение коммуникаций, информационная революция. Но и здесь распространение Интернета и мобильных телефонов не меняет ситуации: на большей части периферийных территорий население отстраняется от связи из-за удорожания услуг и снижения доходов, а во многих районах обыкновенный телефон до жителей деревни так и не дошел, радиосвязь отмирает, почтальоны не обслуживают отдаленные пункты.

Территория Байкальского региона, составляющая более 1 млн км², включает в себя 3 субъекта Восточной Сибири: Республику Бурятия, Забайкальский край и Иркутскую область.

Транспортная инфраструктура Байкальского региона развита слабо. Так, плотность железнодорожных и автомобильных сетей на территории региона значительно ниже среднероссийских, что обусловлено пространственно-территориальными особенностями региона. Плотность железнодорожных путей практически не меняется с 1990 г., плотность автомобильных дорог с твердым покрытием имеет положительную тенденцию роста, хотя при этом отстает от среднероссийских показателей практически в два раза [1].

Основу автодорожной сети Байкальского региона составляют 7 федеральных автомобильных дорог: М-53, М-55 «Байкал», «Вилуй», Култук-Монды, Улан-Удэ-Кяхта до границы с Монголией, Чита-Забайкальск, «Амур». Большая часть федеральных дорог региона проходит по густонаселенным пунктам, создавая трудности для движения автотранспорта, увеличивая аварийную обстановку на дороге и ухудшая экологическую ситуацию в населенных пунктах. Автомобильная дорога Байкал проходящая по территории Республики Бурятия практически на всем своем протяжении находится в границах центральной экологической зоны и расположена в узком коридоре между озером Байкал и горным массивом Хамар-Дабан.

Общая протяженность автомобильных дорог Байкальского региона – 64 тыс. км, из них с твердым покрытием – более 45 тыс. км (таблица). Протяженность федеральных автомобильных дорог Байкальского региона составляет более 4 тыс. км (около 10% сети федеральных дорог), обеспечивая выход на международные автомобильно-пешеходные пункты пропуска с Китаем и Монголией. Наибольшая протяженность дорог с твердым покрытием – в Иркутской области (78% – от общей протяженности дорог общего пользования), наименьшая – в Республике Бурятия (64%), в Забайкальском крае – 65%. Участки дорог, проходящие по территории трех регионов, имеют высокую степень изношенности, переходный тип дорожного покрытия, которое было сделано при строительстве дорог в 1960-е гг. (черногравийное покрытие методом смешения на дороге). Федеральные дороги М-53 «Байкал» и Култук-Монды до сих пор имеют грунтовые разрывы более 150 км.

**Протяженность автомобильных дорог субъектов Байкальского региона в 2013 г.
(на конец года; км)**

Территория	Общая протяженность автомобильных дорог общего пользования	из общей протяженности – дороги с твердым покрытием общего пользования				
		всего	из них с усовершенствованным покрытием	в том числе значения		
				федерально-го ¹	регионального или межмуниципального ¹	местного ²
РФ	1 395 586,3	984 573,7	617 042,6	50,6	460,7	473,2
СФО	247 008,8	177 301,6	85 361,9	9,3	82,7	85,3
Республика Бурятия	13 443,0	8 589,7	4 343,1	837,6	3 311,5	4 440,6
Забайкальский край	21 985,9	14 335,5	5 307,9	1 722,6	8 027,0	4 585,9
Иркутская область	28 547,0	22 349,9	8 772,6	1 675,5	10 773,7	9 900,7

¹⁾ По данным Росавтодора

²⁾ По данным Росстата.

Транспортно-коммуникационные условия субъектов Байкальского региона имеют центрально-периферийный характер развития.

В Республике Бурятия дороги с твердым покрытием в основном связывают г. Улан-Удэ с районными центрами. Основные автомобильные дороги регионального значения представлены ответвлениями от федеральной дороги «Байкал» в меридиональном направлении. Региональная сеть дорог представлена переходными – 34% и усовершенствованными – 57% типами покрытий, 281 км (9%) остаются грунтовыми. В периферийных районах республики (Окинский, Муйский районы) не развита сеть автомобильных дорог, большинство сельских населенных пунктов административных районов не имеют связей с центром республики по дорогам с твердым покрытием. По отдельным направлениям (Баргузинский, Прибайкальский, Еравнинский) действуют участки грунтовых дорог, что ухудшает условия движения легкового транспорта и туристских автобусов. В 2014 г. в Республике Бурятия построены и реконструированы участки автомобильных дорог Улан-Удэ – Турунтаево – Курумкан – Новый Уоян.

В Иркутской области основная дорожная сеть сконцентрирована у крупных городов, особенно в южных промышленно освоенных районах области, а также вдоль транссибирской железнодорожной магистрали.

Чем больше удален регион от центра, тем в большей степени ощущается его транспортная оторванность. Отсутствует круглогодичная автодорожная связь Мамско-Чуйского, Катангского, Киренского, Бодайбинского районов с сетью автомобильных дорог общего пользования и с административным центром области. Более 280 сельских населенных пунктов не имеют связи с транспортной сетью региона по дорогам общего пользования с твердым покрытием. Состояние сети автомобильных дорог регионального значения в Забайкальском крае характеризуется как неудовлетворительное. Дороги нуждаются в ремонте, а их покрытие является твердым условно. В удаленном от центра Александрово-Заводском районе, в пригранично-периферийных Забайкальском и Кыринском районах наименьшая доля твердого покрытия автодорог. В северном периферийном Тунгиро-Олекминском районе отсутствует сеть автомобильных дорог с твердым покрытием.

Байкальский регион отличается различиями в уровне доступности для населения полного спектра современных коммуникационных услуг. Наиболее развита инфраструктура связи в административных центрах и прилегающих к ним районах. Территории, непосредственно примыкающие к Транссибирской магистрали, характеризуются высокой развитостью сетевой инфраструктуры и доступом к магистральным каналам связи, на большей части остальной территории доступ к магистральным каналам связи осуществляется только по спутниковым каналам. Большая часть населенных пунктов на территории Байкальского региона, удаленных от транспортных магистралей, обеспечивается связью через протяженные (от 200 до 2000 км) аналоговые линии связи, построенные в 1960–80-х гг., без гарантии необходимого качества предоставления таких услуг, как высокоскоростной доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, передача информации [2]. При движении в периферийные районы качество предоставления услуг связи ухудшается, а во многих сельских населенных пунктах отсутствуют стационарная связь, подвижная радиотелефонная связь, интернет, радиовещание.

В последнее время Государство уделяет большое внимание формированию развитой экономики и комфортной среды обитания населения регионов Сибири [2]. Снятие инфраструктурных ограничений и создание транспортно-коммуникационных условий для устойчивого социально-экономического развития, обеспечения территориальной целостности и национальной безопасности страны – один из важнейших стратегических приоритетов Байкальского региона.

Библиографический список

1. Рубан В.А. Транспортный потенциал Байкальского региона // Российское предпринимательство. 2015. № 4 (274). С. 593–600.
2. *Стратегия* социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.: [Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. N 2094-р] – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96571 (дата обращения: 2.07.2015 г.).

THE ASSESSMENT TRANSPORT AND COMMUNICATION CONDITIONS OF BAIKAL REGION

N.V. Khamina

The V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS
Russia, 664033, Irkutsk, Ulan-Bator Str., 1; e-mail: postman@irigs.irk.ru

The assessment of development transport system and communication services Baikal region is made. Center-peripheral form of development on intraregional level is notes.

Key words: transport system, communications, Baikal region, core and periphery.

УДК 911.3

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

М.З. Хачатуров

Ульяновский государственный педагогический университет
им. И.Н. Ульянова

432700, Ульяновск, площадь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина,
дом 4; e-mail: marat-hachaturov@rambler.ru

Научный руководитель: к.г.н., доцент Фёдоров В.Н.

В данной работе рассматриваются понятия «образовательных округов». В системе муниципального образования рассматриваются факторы позволяющие выделить образовательные округа. Определяются ведущие факторы районирования. На основе проведенного анализа выдвигаются главные зоны обслуживания, характеризующие степень концентрации образовательных учреждений. Определяется важность образовательного районирования для Ульяновской области.

Ключевые слова: территориальные образовательные округа, образовательный потенциал территории, автономный образовательный центр.

Образовательное пространство есть неотъемлемая часть системы образования, в соответствии с этим возникает необходимость систематизировать территориальные знания о данной системе. Классиче-

ским направлением экономической географии является территориальное районирование. Районирование позволяет не просто систематизировать имеющиеся знания об объекте, но и рационализировать возможности территориального ресурса. Районирование ведётся с учётом уровней эконом-географического исследования. Выделяют 4 основных уровня:

1. Макрорегиональный (крупные экономические районы или федеральные округа);

2. Региональный (субъекты Российской Федерации);

3. Внутрирегиональный (части субъектов Федерации);

4. Районный (низовые административные районы).

Каждый из уровней организации имеет как преимущества, так и недостатки, которые выявляются при районировании территории. Так, макрорегиональное районирование позволяет систематизировать большие территории, но не позволяет учитывать локальных особенностей и наоборот, районирование на локальном уровне позволяет учесть отдельные особенности всех малых территорий, но не позволяет сложить общей картины. Наиболее объективная информация о территориальных особенностях формируется на региональном и внутререгиональном уровне.

Ульяновская область относительно остальных субъектов федерации имеет небольшую территорию, поэтому наиболее целесообразно исследование на внутререгиональном уровне или надмуниципальном. На данном уровне можно проследить чёткие различия групп районов друг от друга учитывая локальные особенности территориальных объектов.

При выделении отдельных образовательных округов учитывались следующие факторы:

1. Коммуникационно-инфраструктурные факторы. Любое хозяйство нуждается в инфраструктуре и коммуникациях, поэтому для районирования территории учёт данного фактора имеет огромное значение. Так, например, социальная инфраструктура Заволжского образовательного округа значительно развита за счёт близости двух крупных городов Ульяновска и Димитровграда. Южный образовательный округ не имеет на своей территории городов и это является одной из причин плохого развития инфраструктуры.

2. Финансово-экономические факторы. Одни из главных факторов, влияющих на территориальное размещение, развития системы образования.

Так, например, сильна внутререгиональная дифференциация по экономическому показателю. Отдельные муниципалитеты области являются дотационными (к ним обычно относятся окраинные муниципалитеты), тем временем как прочие (обычно близкие к областному, краевому, республиканскому центрам) могут находиться на экономическом подъёме.

3. Культурно-исторические факторы. Современное состояние системы образования, есть отражение длительного исторического развития и, несомненно, культурных особенностей. Периферийные территории Ульяновской области развиваются в ключе сельской культуры, отсюда особенности содержания образования и «рисунка» образовательных учреждений.

4. Институциональные факторы. Современная система образования это не только заказ общества, но и государства. Институционализация это один из ведущих процессов современного общества так же влияющий на систему образования. В сельской местности на образование значительно влияет институт семьи (прежде всего дошкольную ступень), в городской среде ведущая роль принадлежит институту народного образования.

5. Географические факторы. Группа факторов, как правило, прямо не влияющие на систему образования, но косвенно находят своё проявление во всех перечисленных, поскольку именно территория является связующим звеном всех выше перечисленных факторов.

Таким образом, граница эконом, социо-географического района, может быть обусловлена как природными факторами, так и факторами созданными человеком.

На основании данных факторов на территории Ульяновской области можно выделить четыре образовательных округа (Восточный, Центральный, Заволжский, Южный и автономный образовательный центр г. Ульяновске). Главным и ведущим фактором определяющим выделение округов является географическое положение.

Основные показатели образовательных округов

<i>Образовательный округ</i>	<i>Площадь, км²</i>	<i>Население, чел.</i>	<i>Плотность населения чел./км²</i>	<i>Финансирование муниципальной системы образования в тыс. руб.*</i>	<i>Количество общеобразовательных организаций**</i>	<i>Количество начальных и средних профессиональных организаций**</i>	<i>Количество высших образовательных организаций**</i>
Западный	9993,3	191283	19,14	1182232,2	91	4	1
Центральный	10383,1	190479	18,34	960963,3	111	6	–
Заволжский	8929,7	244036	27,32	721128,6	74	4	2
Южный	7219,97	93017	12,88	505585,9	63	5	–
Образовательный округ г. Ульяновск	316,9	624600	1970,9	2692524	79	32	10

* – [2]; ** – [1]

Площадь по округам распределена равномерно (исключая автономный образовательный центр г. Ульяновск). Население, в отличие от территории, по округам распределено крайне неравномерно. Такое распределение населения создаёт диспропорции в развитии (рисунок).

В каждом образовательном округе имеются каркасообразующие сети, как правило образованные авто и железнодорожными магистралями, по данным линиям осуществляется передвижения информационных ресурсов и концентрируется значительная часть образовательных ресурсов образуя коридор обслуживания. При этом населённые пункты вдоль магистралей будут выполнять функцию узловых центров. Конфигурация образовательного каркаса может быть представлена как одной линией, так и несколькими, так и в виде сложных фигур.

Важным условием выделения округа является степень социально-экономического развития территории и направленность экономики. Так, в Ульяновской области наиболее развитым является Центральный образовательный округ, уровень его экономического развития высок, об этом свидетельствуют статистика промышленных предприятий концентрируемых на данной территории.

всего профессиональных учреждений) не способна полностью удовлетворить потребности города (таблица).

Образовательный потенциал округов может быть математически выражен. Математический метод анализа даёт наиболее объективную картину формирования образовательных округов [3].

Таким образом, районирование Ульяновской области, основанное на принципе анализа муниципальной системы образования, имеет как теоретическое значение, так и практическое для социально-географических исследований.

Библиографический список

1. *Данные* по формам федерального статистического наблюдения № 76-рик на 2013–2014 учебный год / Департамент общего образования министерства образования и науки Ульяновской области. – Ульяновск, 2014 г.

2. *Финансовая* отчётность Министерства образования на 2013–2014 учебный год / Департамент общего образования министерства образования и науки Ульяновской области. – Ульяновск, 2014 г.

3. *Хачатуров М.З., Фёдоров В.Н.* Образовательный потенциал как фактор развития территории // Омский научный вестник. – Омск, 2015. Вып. №2. – С.235–238.

GEOGRAPHICAL FEATURES OF MUNICIPAL EDUCATION SYSTEM ULYANOVSK REGION

M.Z. Khachaturov

Ulyanovsk State Pedagogical University

Russia, 432700, Ulyanovsk, the area of the 100th anniversary of Lenin's birth, Building 4;

e-mail: marat-hachaturov@rambler.ru

Research advisor: Candidate of Geography, Associate Professor Fedorov V.N.

This paper examines the concept of «educational districts». The system of the municipality considers the factors allowing to allocate educational district. Determined leading factors zoning. Based on the analysis put forward the main service area, characterizing the degree of concentration of educational institutions. It is determined by the importance of education for the regionalization of the Ulyanovsk region.

Key words: territorial education district; the educational potential of the territory; an autonomous educational center

**РАЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ РЕГИОНОВ – ОСНОВА
ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.**

Т.М. Худякова

Воронежский государственный педагогический университет
394043, Россия, Воронеж, ул. Ленина, 86; e-mail: ekgeo@vspu.ac.ru

В статье рассматриваются вопросы совершенствования производственно-территориальной структуры специализированных комплексов регионов для целей повышения эффективности функционирования отраслей хозяйства на основе рационального использования природных ресурсов, социально-экономических предпосылок территории.

Ключевые слова: специализированный хозяйственный комплекс, рациональная структура хозяйства, регионы РФ, территориальная организация общества и хозяйства, функции производств.

Одна из главных задач социально-экономической географии на современном этапе – решение проблем территориальной организации Российского общества. Вопрос установления рациональной «территориальной организации общества» СССР еще в 1970-е гг. поставил Ю.Г. Саушкин [9]. Эту задачу успешно решали экономико-географы и экономисты. Одними из первых применительно к промышленности рассмотрели эффективность территориальной организации отраслей А.Т. Хрущев [11] и А.Е. Пробст [7]. Вопросы территориальной организации сельскохозяйственного производства глубоко исследованы А.Н. Ракитниковым [8] и В.Г. Крючковым [4]. Обобщающий анализ «территориальной организации советского общества» представлен в работе Б.С. Хорева, где дано определение понятия «территориальная организация общества» и выявлены структурные элементы этого термина [10]. В трудах Э. Б. Алаева также раскрыты территориальные аспекты развития общества [1]. Толкование понятия «территориальная организация общества» учеными имеет сходные черты. Сущность их подхода сводится к следующему. Территориальная организация общества представляет собой взаимодействие функциональных структур (системы хозяйства, расселение населения и территориальное сочетание природных ресурсов) объединенных системой управления (рис. 1)

Рис. 1. Территориальная организация общества [1;10]

Центральное место в решении проблем «территориальной организации общества» занимают вопросы территориальной организации хозяйства. Важный методологический подход к исследованию территориальной организации хозяйства разработал И. В. Никольский [5;6]. Он обосновал необходимость совершенствования развития и размещения производительных сил страны на основе специализированных комплексов, используя идеи формирования ТПК Н.Н. Колосовского [3]. И. В. Никольский изучил различие содержания понятий «территориальная структура производства» и «территориальная организация производства». Главным направлением анализа он считает выявление эффективности различных форм организации общественного производства (специализации, концентрации, интеграции, кооперирования и т. д.). В 1980-е гг. углубление общественно-территориального разделения труда и внедрение достижений НТП в производство привели к углублению интеграционных процессов в экономике. Экономисты и экономико-географы глубоко исследовали эти процессы и обосновали понятие «межотраслевой комплекс».

На современном этапе развития хозяйства страны в условиях рыночной экономики, задачи совершенствования территориальной организации производства сохраняют свою значимость и актуальность. Социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации находится под влиянием сложных процессов: глобализации, интеграции, инновационных технологий и геополитики. Наряду с традиционными факторами развития и размещения отраслей хозяйства появились новые факторы, а именно: многообразие форм собственности, конкуренция и свобода внешнеэкономической деятельности пред-

приятий. Экономико-географы обращаются к исследованию новых сложных задач. Так П.Я. Бакланов глубоко изучил территориальные структуры хозяйства и их роль в региональном управлении [2]. Теоретические исследования М.Д. Шарыгина и В.А. Столбова направлены на разработку концептуальных основ территориальной организации Российского общества[12].

Используя накопленный опыт, отметим основные направления анализа производственно-территориальной структуры специализированных хозяйственных комплексов регионов (далее специализированные комплексы). В основе формирования производственно-территориальной структуры специализированных комплексов лежит процесс территориального разделения труда, определяющий специализацию хозяйства регионов по выпуску товаров и предоставлению услуг для населения. Специализированные комплексы представляют собой производственно-территориальные системы, формирующиеся вокруг главного процесса на основе использования ресурсного потенциала территории. Их структура включает разнообразные группы производств в соответствии с выполняемыми функциями: стадии основного процесса, обслуживающие, сопутствующие и вспомогательные производства (рис. 2).

Рис. 2. Хозяйственный комплекс РФ

Как видим, здесь генерализованно отражены все элементы хозяйства региона. Центральное место занимают специализированные комплексы, именно они отражают роль районов в территориальном разделении труда. Сочетания производств формируются на основе

имеющегося природно-ресурсного потенциала и социально-экономических предпосылок, обеспечивающих конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность территории. На рисунке отражена также инфраструктура регионального значения (топливная, энергетическая, строительная, водоснабжение и канализация). Помимо этого на схеме показаны природные ресурсы многоцелевого назначения данной территории (земельные, водные, лесные агроклиматические, минерально-сырьевые). При расчетах эффективности хозяйственного комплекса региона необходим учет потребности предприятий в трудовых ресурсах. Это в свою очередь обуславливает необходимость обеспечения региона объектами социальной инфраструктуры (здравоохранения, образования, социальной защиты и т. д.). Расчеты позволяют определить оптимальное сочетание производств, как в структуре специализированных комплексов, так и сочетание самих специализированных комплексов на территории региона.

Итак, рациональная структура специализированных хозяйственных комплексов регионов – это оптимальное сочетание функционирующих производств и их связей основе использования прогрессивных форм общественной организации производства (специализации, размещения, концентрации, комплексирования, комбинирования, кооперирования и интеграции) с учетом оценки природных, социальных и экономических условий и ресурсов территории для целей получения экономического эффекта.

Выдвинутые положения о выявлении рациональной структуры специализированных комплексов регионов основаны на следующих этапах исследования:

1. Выделение среди всего многообразия отраслей и сочетаний производств, формирующихся в субъектах федерации, главных отраслей, которые являются отраслями специализации, отличающимися конкурентоспособностью.
2. Определение уровня развития производств на основе анализа многообразных экономических и социальных связей.
3. Выявление потребностей предприятий специализированных комплексов в ресурсах многоцелевого назначения и обоснование приоритетных направлений развития региона.
4. Анализ территориальной структуры производственного комплекса и картографирование пространственных взаимоотношений его объектов.

5. Выделение внутрорегиональных различий в развитии производительных сил на основе метода экономического районирования.

В качестве примера специализированного комплекса представим структуру АПК региона, поскольку агропромышленные комплексы наиболее типичны и сформировавшиеся в регионах России (рис. 3).

Рис. 3 Структура специализированного АПК региона

В заключение подчеркнем, что мы проследили лишь главные направления исследования рациональной территориальной структуры специализированных комплексов регионов, не раскрывая научно-методические подходы различных этапов анализа. Главная цель автора – привлечь внимание экономико-географов и экономистов к изучению территориальной организации хозяйства субъектов Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь / Э. Б. Алаев. – М.: Мысль, 1983 – 350 С.
2. *Бакланов П.Я.* Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении / П.Я. Бакланов. – М.: Наука, 2007. – 239 с.
3. *Колосовский Н.Н.* Избранные труды/Н.Н. Колосовский. – Смоленск: Ойкумена, 2006. – 336 с.
4. *Крючков В.Г.* Территориальная организация сельского хозяйства /В. Г. Крючков – М.: Мысль, 1978 – 267 С.

5. *Никольский И.В.* Теоретические основы региональной экономической географии / И. А. Никольский. Минск: Изд-во БГУ. 1976. – 80 С.
6. *Никольский И.В.* Территориальная организация районного производственного комплекса //Известия АН СССР. Серия География. – 1985, №1. –С. 49–52.
7. *Пробст А.Е.* Эффективность территориальной организации производства /А. Е. Пробст.- М.: Мысль, 1968. – 208 С.
8. *Ракитников А.Н.* География сельского хозяйства (проблемы и методы исследования) /А. Н. Ракитников – М.: Мысль, 1970. – 342 С.
9. *Саушкин Ю.Г.* Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль. 1973 – 559 С.
10. *Хорев Б.С.* Территориальная организация общества/Б. С. Хорев. – М.: Мысль, 1981. – 320 С.
11. *Хрущев А.Т.* География промышленности СССР/А. Т. Хрущев. – М.: Мысль, 1994. – 273 С.
12. *Шарыгин М.Д., Столбов В.А.* Концептуальные основы территориальной организации общества /М. Д. Шарыгин, В. А. Столбов // Территориальная организация общества и управления в регионах: материалы IX Всероссийской науч.-практ. конф. – Воронеж: ВГПУ, 2012. – С. 258–263.

**RATIONAL STRUCTURE OF SPECIALIZED ECONOMIC COMPLEXES
OF REGIONS – THE BASIS OF THE TERRITORIAL ORGANIZATION RUSSIAN
SOCIETY**

Т.М. Hudyakova

Voronezh State Pedagogical University

Russia, 394043, Voronezh, Lenin Str., 86; e-mail: ekgeo.vspu@yandex.ru

In article questions of improvement of production and territorial structure of specialized complexes of regions for increase of efficiency of functioning of branches of economy on the basis of rational use of natural resources, social and economic prerequisites of the territory are considered.

Key words: specialized economic complex, rational structure of economy, regions of the Russian Federation, territorial organization of society and economy, functions of productions.

**ГОРОДСКИЕ АГЛОМЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА
ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)**

С.Р. Хуснутдинова

Казанский федеральный университет

420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 8; e-mail: hsvr@yandex.ru

Статья посвящено изучению агломераций на современном этапе социально-экономического развития регионов на примере РТ. Рассмотрены условия, влияющие на формирование агломераций, и даны основные характеристики трех агломераций РТ.

Ключевые слова: город, агломерация, урбанизация, регион, социально-экономическое развитие.

Формирование городских агломераций как очередной этап урбанизационных процессов активно обсуждалось во второй половине XX в. Однако описание будущих городских агломераций было сформулировано еще в начале XX в. А.А. Крубером, раскрывшем процессы «освобождения» городов «от избытка населения» и одновременного роста новых поселков, тесно связанных с городом «в хозяйственном отношении и представляющих собою, по большей части, фабричные или дачные местности» и предложившим противопоставить понятиям административный и географический город – «город в хозяйственном отношении, то есть со всем зависящим от него округом». А.А. Крубер также определял границы «хозяйственного округа» там, где «кончается зона быстро растущего по численности населения поселков и начинается зона поселков с малым приростом населения или даже обнаруживающим убыль его». Кроме того, тем же автором было указано, что наличие или отсутствие «хозяйственного округа», а также его размеры могут служить критерием промышленного развития города [4, С.337–339].

В отечественной литературе советского периода городские агломерационные процессы рассматривались исследователями эконом-географами первоначально как раздел географии населения, затем географии городов. Достаточно привести в качестве примера общеизвестные исследования Г.М. Лаппо, касающиеся путей формирования городских агломераций «от района» и «от города», классификации и характеристик агломераций, пространственной структуры и определения

агломерационных границ по изохронам доступности и ряда других вопросов [5].

В настоящее время интерес к процессам урбанизации, в том числе городским агломерациям переживает новый этап подъема, что объясняется рядом причин, среди основных – рост численности городского населения за счет крупных и крупнейших городов и их агломераций, увеличение мобильности населения, изменение городских функций в сторону усиления постиндустриальных отраслей, изменение городского образа и качества жизни, усложнение процессов управления городом. Именно в связи с усложнением городской жизни, ее разнохарактерными проявлениями, в том числе в пространственном плане, усиливающимися благодаря агломерационным процессам, наиболее объективные исследования урбанизированных территорий могут лежать лишь в плоскости междисциплинарных исследований – географии, градостроительства, социологии и антропологии, территориального управления.

Процессы урбанизации в России, к которым, несомненно, относится появление и становление городских агломераций, с одной стороны, находятся под влиянием глобальных явлений, а, с другой, имеют особые черты, связанные с историей XX в. На протяжении большей части прошлого века процессы урбанизации в СССР шли под влиянием активной индустриализации страны в условиях планового управления хозяйством, что коренным образом сказалось на всех сторонах городской жизнедеятельности – от пространственной и функциональной структуры до городского образа жизни и облика городов. Управление городом, формирование пространственной структуры и социально-экономическое функционирование, а также создания новых городов строилось на принципах главенства производственных целей, а социальные функции, третичный сектор играли вспомогательную роль. Один из основных методологических принципов урбанизации в СССР, по мнению Ю.Л. Пивоварова, можно сформулировать как: «...резке преувеличение роли производственно-экономической составляющей в развитии процессов урбанизации и формирования городов и соответственно недооценка его социальных, культурных, цивилизационных и интеллектуальных основ, связанная с недостаточным осознанием значения человека как альфы и омеги урбанистического развития страны» [6, С.14].

Города, выполняя роль узлов опорного каркаса расселения, были основой промышленной базы экономики, при этом человек рассматривался как «трудовой ресурс» производства и, соответственно,

сложилось отношение к социальной сфере города как второстепенной «неэкономической» функции, цель, которой заключалась в обеспечении необходимых условий для воспроизводства трудовых ресурсов за счет комплексного развития территории – обеспечение жильем, детскими садами, школами, магазинами и т.п. Нужно отметить, что качество жизни населения городов, несомненно, повысилось при создании комплексной типовой застройки – горожане получили благоустроенное жилье, центральный водопровод и отопление, а также возможность получения детьми образования и не только среднего и высшего, но и дополнительного – музыкальные, художественные и спортивные школы.

Социально-экономические трансформации конца XX в. существенным образом повлияли на отечественные города. В первую очередь, в связи появлением новых методов хозяйствования и управления, основанных на рыночных механизмах. Диверсифицированная экономика крупных городов, имеющиеся здесь образовательные центры, быстро формирующиеся объекты постиндустрии с разнообразными местами приложения труда и соответствующая городская среда способствуют миграции населения в крупные города и качественное изменение городской пространственной и функциональной структуры, с одной стороны. С другой стороны, напряженная жизнедеятельность города, стресс, обилие информации и другие характерные черты современного крупного города, а также, в определенном смысле, упрощение приобретения загородного жилья, увеличение продолжительности дачного сезона за пределы летнего времени и фактически перевод дач во второе жилье, более низкая цена загородного жилья по сравнению с городскими квартирами в целом способствует усилению влияния крупного города на окружающую территорию. Немаловажным фактором, способствующим агломерационным процессам, становится мощная автомобилизация населения и растущая мобильность людей. Перечисленные моменты касались внутренней жизни страны. Однако включение постсоциалистических стран в мировую экономику привело к тому, что глобальные процессы развития стали дополнительным фактором, с которым пришлось столкнуться отечественным городам с конца XX начала XXI в. Одним из таких глобальных факторов признается усложняющийся динамичный процесс децентрализации урбанизированных территорий, распространяющийся на обширные пространства. Как отмечает, П. Холл: «...полицентрический глобальный мегагородской регион – новая действительность урбанизации XXI в.» [8, с.25].

Отечественные города столкнулись при вхождении в мировое экономическое пространство при переходе на рыночные формы хозяй-

ствования и управления с другим немаловажным фактором – конкуренцией городов за инвестиции и человеческий капитал. Как уже упоминалось, переход от командно-административной экономики к рыночной коренным образом изменил методы управления городами и регионами, в т.ч. замена директивного на индикативное планирование городского развития. Правовые основы стратегического планирования в стране устанавливаются Федеральным Законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

В Республике Татарстан разработана «Стратегия социально-экономического развития РТ до 2030», в которой трем городским агломерациям – Казанской, Камской и Альметьевской – отведено место лидеров территориального развития. И одна из целей пространственного развития республики состоит в формировании к 2030 г. «трехъядерного Волго-Камского метрополиса сетевого типа» на основе указанных трех агломераций [7].

Городские агломерации Республики Татарстан

<i>Агломерация</i>	<i>Состав (муниципальные образования)</i>	<i>Население, тыс. чел. на начало 2015 г.</i>
Казанская	Казань (городской округ), Зеленодольский, Верхнеуслонский, Высокогорский, Лаишевский, Пестрчинский муниципальные районы	1501930
Камская	Набережные Челны (городской округ), Елабужский, Менделеевский, Нижнекамский, Тукаевский муниципальные районы	951924
Альметьевская	Азнакаевский, Альметьевский, Бугульминский, Лениногорский муниципальные районы	459866

Составлено: по данным официальных сайтов Проекта «Татарстан-2030» и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан [7:9].

В таблице показан состав агломераций в границах муниципальных районов согласно «Стратегии социально-экономического развития РТ до 2030» и общая численность населения агломерации на начало 2015 г. Население Республики Татарстан составляет на тот же период 3855037 чел., в трех указанных агломерациях проживает 2913720 чел. или 75,58% всего населения республики. Все три агломерации имеют свой характер специализации, свои особые черты. Про Казанскую агломерацию, крупнейшую по численности населения в республике, можно сказать, что она имеет богатую индустриальную историю и активно включена в постиндустриальную экономику, за счет системы высшего образования, научно-исследовательских разработок, ИТ-

индустрии и туризма [2]. Новые города – спутники в Казанской агломерации – Иннополис и Смарт-сити имеют специфику сугубо постиндустриальную.

Камская агломерация – агломерация индустриальная, ее основу составляет автомобильный промышленный комплекс и нефтехимия. Активный рост численности населения приходится на конец 1960–1970 гг. за счет строительства и образования в 1969 г. Камского комплекса заводов по производству большегрузных автомобилей в Набережных Челнах и предприятий нефтехимии в Нижнекамске [3].

Альметьевская агломерация – классический пример формирования городской агломерации «от района». Отраслью специализации является совместная разработка муниципальными образованиями, входящими в состав агломерации, природных ресурсов – добыча нефти юго-востока республики. Альметьевская агломерация формируется на основе Альметьевско-Бугульминского промышленного узла и характеризуется ростом численности населения в Альметьевске. Город является местом расположения управляющих структур добывающих компаний и часто неформально именуется «нефтяная столица республики» [1]. За счет чего формирующуюся агломерацию уже можно считать скорее моноцентрической, чем полицентрической, что и отражается в ее современном названии.

Таким образом, можно сказать, что городские агломерации, имея разнообразную специализацию и концентрируя большую долю населения региона, не только сохраняют свою значимость как форма расселения в настоящее время, но и усиливают свою значимость с точки зрения долгосрочного территориального развития.

Публикация статьи осуществлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта №15-13-16004 а(р).

Библиографический список

1. *Алексеев С.А., Хуснутдинова С.Р., Федорова В.А.* Агломерационные процессы в районах добычи сырья для нефтехимического комплекса Республики Татарстан//Вестник Казанского технологического университета. 2014, Т.17, №8 – С. 359–361.
2. *Алексеев С.А., Хуснутдинова С.Р., Федорова В.А.* Постиндустриальные трансформации крупного города с традиционной специализацией на продукции химической и нефтехимической отрасли //Вестник Казанского технологического университета. 2014, Т.17, №24 –410–414.

3. *Алексеев С.А., Хуснутдинова С.Р., Федорова В.А.* Устойчивое развитие городской агломерации в условиях функционирования нефтехимического комплекса//Вестник Казанского технологического университета. 2014, Т.17, №4. 368–370

4. *Крубер А.А.* Общее землеведение. Часть III (БИО- и АНТРОПОГЕОГРАФИЯ) – Государственное издательство. Главное управление. Москва 1922, 404 с.

5. *Ланно Г.М.* География городов: Учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 480 с.

6. *Пивоваров Ю.Л.* Основы геурбанистики: Урбанизация и городские системы: Учеб. Пособие для студ. Высш. Учеб. Заведений. – М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 1999. – 232с.

7. *Стратегия* социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 г. URL: <http://tatarstan2030.ru> (дата обращения 30.06.2015).

8. *Холл П.* Мировые города и глобальные города //Агломерации сегодня /под ред. Б.Голдхоорна, Э.Мавлютова, О.Григорьева – НИИПИ Генплана Москвы, 2012. – С.11–31.

9. *Численность* населения муниципальных образований Республики Татарстан на начало 2015 г. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан URL: <http://tatstat.gks.ru/> (дата просмотра 30.06.2015).

**CITY AGGLOMERATION ON THE MODERN STAGE OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGION
(CASE-STUDY OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)**

S.R. Khusnutdinova
Kazan Federal University
Russia, 420008, Kazan, Kremlevskay Str., 18; e-mail: hsvr@yandex.ru

The article is devoted to the study of agglomerations at the present stage of socio-economic development of regions on the example of the Republic of Tatarstan. The conditions that affect the formation of agglomerations are considered. There are the main characteristics of the three agglomerations RT in the article.

Key words: city, city agglomeration, urbanization, region, socio-economics development.

УДК 911.3.63

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ РЕГИОНА

О.Г. Чаплыгина, С.А. Рудакова, В.Р. Нестеров,

А.С. Плохих, Е. А. Симченко

Курский государственный университет

305004, г. Курск, ул. Радищева, 33; e-mail: ogchapygina@mail.ru

Рассматриваются тенденции развития сельского хозяйства Курской области и уровень обеспеченности региона продовольствием.

Ключевые слова: сельское хозяйство, продовольственная безопасность, регион, продовольственная обеспеченность.

Дальнейшее развитие и укрепление экономики России и ее регионов зависит в значительной степени от уровня функционирования и состояния аграрного производства. Количественный и качественный рост объемов производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности отрасли будет способствовать обеспечению продовольственной безопасности страны и ее территорий. Наиболее распространенным пороговым значением, характеризующим продовольственную безопасность, является показатель удельного веса импорта в ресурсах продовольствия. Превышение этим показателем доли в 20% означает, что страна потеряла продовольственную независимость, и требуются экстраординарные меры для обеспечения её продовольственной безопасности [4]. Непременным требованием обеспечения продовольственной безопасности является создание продовольственных резервов федерального уровня, а также резервных фондов регионов, достаточных для того, чтобы не допустить всплеска цен на продукты питания в непредвиденных чрезвычайных ситуациях. Изучение состояния продовольственной обеспеченности территории является важной стороной агрогеографических исследований и представляет существенный интерес.

Курская область располагается в лесостепной зоне, обладает благоприятными агроприродными и социально-экономическими условиями, входит в число основных агропроизводящих регионов России. Агропромышленный комплекс и его базовая отрасль – сельское хозяйство являются ведущими системообразующими сферами экономики области, формирующими агропродовольственный рынок, продоволь-

ственную и экономическую безопасность, трудовой и людской потенциал сельских территорий.

Агропромышленный комплекс изучаемого региона характеризуется достаточно стабильным развитием. По производству многих видов продукции сельского хозяйства и масштабам модернизации в агропромышленном комплексе область вошла в число лучших регионов Центрального федерального округа (ЦФО), а по некоторым показателям и Российской Федерации. В структуре сельскохозяйственного производства продукция растениеводства составляет 70%. Основные направления растениеводства – производство зерновых и кормовых культур, сахарной свёклы, картофеля.

На протяжении последних лет по объему полученных доходов зерно занимает первое место среди продукции растениеводства [1]. Валовой сбор зерновых и зернобобовых культур в 2013 г. в целом по области составил 3602,5 тыс. т, что на 251 тыс. т больше, чем в рекордном 2008 г. Реализация зерна сельскохозяйственными организациями в 2012 г. составила 1397,6 тыс. т, картофеля 32,5 тыс. т, сахарной свеклы 3119 тыс. т. Вывоз зерна, включая экспорт из Курской области, в 2013 г. достиг 1935 тыс. т. Запасы на конец периода составили 1832,7 тыс. т, что на 679,9 тыс. т меньше, чем в 2008 г. Валовой сбор свеклы составил в 2012 г. 4739,8 тыс. т, что на 2016,4 т больше, чем в 2008 г. [2].

В связи с неблагоприятными погодными условиями производство сахарной свеклы в 2014 г. несколько сократилось и составило 3,3 млн т. Однако это не отразилось на обеспечении сырьем сахарных заводов области. На перспективу ставится задача стабильного обеспечения сырьем всех девяти сахарных заводов области, для чего необходимо производить не менее 4 млн т.

Всеми сельхозпроизводителями области в 2013 г. получено 896 тыс. т картофеля (на 242,6 тыс. т меньше, чем в рекордном 2011 г.). В 2014 г. произведено 944 тыс. т картофеля и 142 тыс. т овощей, что вполне обеспечивает потребности населения области в этой продукции. Прогнозными показателями развития агропромышленного комплекса Курской области на период до 2020 г. предусмотрено увеличить объем производства овощей до 181 тыс. т, а овощей защищенного грунта, как основного источника свежей продукции во внесезонный период, до 40 тыс. т. В этих целях проводится работа, направленная на увеличение производства овощей защищенного грунта в пределах региона. Построенный на территории Курской области тепличный

комплекс «Сейм-Агро» (Курский район), применяя энергосберегающую технологию выращивания овощей в защищенном грунте, позволяет ежегодно производить 1,5 тыс. т овощей. В 2015 г. предприятие планирует увеличить производство овощей за счет ввода в эксплуатацию дополнительно построенных теплиц площадью 4 га. В настоящее время ведется строительство современного тепличного комбината площадью 11 га ООО «ТК «Агро Парк» в юго-западной части области (Глушковский район). Природные условия позволяют получать сельскохозяйственным производителям зерновых культур до 60, сахарной свеклы – до 550, силосных культур – до 600, картофеля – до 300 ц/га.

За последние годы область стала крупным производителем масличных культур. В 2014 г. посевы масличных культур увеличены до 295 тыс. га, что на 39 тыс. га или на 15% превысило уровень 2013 г. Валовой сбор масличных культур составил 510 тыс. т и превысил уровень 2013 г. на 43 тыс. т, а уровень 2012 г. на 148 тыс. т или в 1,4 раза.

Второй важной отраслью аграрного сектора является животноводство, ситуация в котором отличается сложностью. Развитие данной отрасли ведется в рамках развития внутриобластной кооперации, повышения загрузки имеющихся производственных мощностей перерабатывающих предприятий области. Объемы животноводческой продукции сократились в 2012 г. на 3%, в том числе в хозяйствах населения и фермерских хозяйствах на 6 и 7% соответственно. В животноводстве сохраняются тенденции сокращения объемов производства молока и яиц. В 2012 г. по сравнению с 2008 г. во всех категориях хозяйств объем производства мяса сократился на 0,6%, шерсти – на 4%, яиц – на 5%, молока – на 6%.

В регионе ведется работа по улучшению положения в данной отрасли аграрной сферы. Начиная с 2006 г. и по настоящее время, 24 сельскохозяйственных предприятия в 20 районах реализовали крупные инвестиционные проекты по реконструкции и новому строительству животноводческих комплексов. Построено 84 производственных площадки, из которых 72 мясных и 12 молочных.

Поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий в 2012 г. составило 194226 голов, что на 41874 голов меньше, чем в 2008 г., поголовье коров уменьшилось на 19594 голов, свиней выросло на 493327 голов, овец и коз увеличилось на 10998 голов, лошадей сократилось на 5985 голов. Производство скота и птицы на убой в живом весе составило в 2012 г. 163991 т, что на 47632 т выше, чем в 2008 г. По итогам 2013 г. хозяйствами всех категорий произведено 217,7 тыс.

т мяса с ростом на 80% к 2012 г. Около 60% общего баланса мяса составляет свинина. По выращиванию свинины область занимает второе место в ЦФО.

По производству молока регион занимает 4 место в ЦФО. В 2013 г. в хозяйствах всех категорий произведено 359,4 тыс. т молока. При этом наблюдается спад производства на 8,8% к 2012 г. Для увеличения производства молока в регионе проводится работа по стабилизации и наращиванию маточного поголовья, прежде всего коров. С участием агрокомпаний и инвесторов ведется строительство современных молочных комплексов. В 2012 г. было вывезено за пределы Курской области скота и птицы 26029,9 т, молока – 16285,7 т, что на 4405,9 т. выше, чем в 2008 г. Производство яиц уменьшилось на 16,7 млн шт., что составило в 2013 г. 223,7 млн шт. Положительны результаты развития животноводства в 2014 г. Хозяйствами всех категорий произведено 386,3 тыс. т мяса, что на 100 тыс. т или на 35% больше уровня 2013 г. Половину общего баланса мяса составляет свинина. С учетом ввода в эксплуатацию птицеводческого комплекса ЗАО «Курский Агрохолдинг», положение с производством мяса птицы значительно улучшилось. В 2014 г. птицефабриками области произведено 130 тыс. т. мяса птицы, что в 2 раза превысило уровень 2013 г.

В настоящее время основным сдерживающим фактором развития животноводства является продолжающееся сокращение поголовья скота, что влечет за собой существенное снижение объемов производства мяса и молока, а также дисбаланс отечественного продовольственного рынка по этим видам продукции. Поголовье крупного рогатого скота во всех категориях хозяйств области за последние пять лет сократилось на 40%, свиней – на 46%, овец и коз – на 21%, птицы – на 17%. Ускоренное развитие животноводства является основным направлением приоритетного национального проекта «Развитие АПК». Учитывая социальную и экономическую значимость продукции животноводства для стабилизации продовольственного рынка области, улучшения обеспечения населения продуктами питания, предусматриваются мероприятия, направленные на: внедрение новых технологий и передового опыта, что будет способствовать повышению продуктивности скота и птицы [3].

Представляет интерес рассмотрение особенностей потребления основных продуктов питания жителями Курской области (на душу населения в год). В 2013 г. по сравнению с 2000 г. отмечается рост потребления мяса (на 46%), молока (на 16%), рыбы и рыбопродуктов

(на 62%) овощей (на 7%), фруктов (на 39%). Это положительные тенденции. Практически не изменилось потребление сахара. Несколько снизилось потребление картофеля и хлебных продуктов. Имеет место увеличение потребления общего объема продуктов (на 15%). Анализируя структуру потребления основных продуктов питания на душу населения в указанные годы, удалось установить, что наибольшую долю составляют молочные продукты – 37% (не изменился удельный вес в рассматриваемый период), хлеб и хлебобулочные изделия – 22 % (некоторое уменьшение в 2013 г.), овощи и продовольственные бахчевые – 17 %, мясо и мясопродукты – 12% (небольшой рост в 2013 г.), фрукты и ягоды – 8 % (незначительный рост в 2013 г.), растительное масло – 2 %.

В целом аграрная сфера Курской области развивается достаточно динамично. Имеют место положительные тенденции развития отраслей растениеводства. Животноводческий комплекс находится в сложном положении, но наметились определенные позитивные направления. Регион обеспечивает потребности населения и перерабатывающего комплекса в сельскохозяйственной продукции, а также вывозит продовольствие. Выполнение федеральных и региональных программ развития отраслей АПК, инновационное развитие этого сектора экономики будут способствовать улучшению продовольственной обеспеченности региона, росту уровня жизни населения (положительно скажется на нормах и структуре питания жителей), устойчивому развитию сельской местности.

Библиографический список

1. *Курская область в цифрах. 2014: Краткий статистический сборник /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – Курск, 2014. – 70 с.*
2. *Статистический ежегодник Курской области. 2012: Статистический сборник /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – Курск, 2012.– 440 с.*
3. *Официальный сайт Администрации Курской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rkursk.ru/other/adm.html> (дата обращения: 30.04.2015).*
4. *Чаплыгина О.Г. О подходах к изучению продовольственной безопасности России // Аграрная география в современном мире. Под редакцией В.Н. Тюрина. Краснодар, 2014. С. 52-54.*

REGION'S FOOD PROVISION

O.G. Chaplygina, S.A. Rudakova, V.R. Nesterov, A.S. Plokhikh, E.A. Simchenko
Kursk State University
Russia, 305004, Kursk, Radishcheva Str., 33; e-mail: ogchaplygina@mail.ru

The main trends in development of the agricultural sector and level of the food provision of the Kursk's region are considered.

Key words: agricultural sector; food security; region; food provision.

УДК 913.8

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В КУЛЬТУРЕ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

А.Д. Чеботкова
e-mail: alevtina1419@yandex.ru

В сообщении рассматриваются исследования языка и культурных традиций коренного народа Коми-Пермяцкого округа. Приводятся примеры сохранения культурных традиций и появление инноваций.

Ключевые слова: коми-пермяки; культура коми-пермяков; традиции в культуре; инновации в культуре.

Население Коми-Пермяцкого округа представляет собой территориальное общество людей (ТОЛ), объединяемое генетическими, экономическими, социальными, культурными, политическими и иными связями. А. В. Шмидт, М.В. Талицкий считают, что коми-пермяки стали складываться в единое этническое образование с V в. н.э. Они являются коренным народом Приуралья. Язык коми-пермяков вместе с коми-зырянским и удмуртским входит в пермскую группу языков финно-угорской (уральской) языковой семьи. В настоящее время, несмотря на сильную и неизбежную интеграцию коми-пермяков с русскими и даже ослабление проявления ряда этнических факторов, подавляющее большинство коми-пермяков оценивают родной язык как важнейший признак, способствующий их самосознанию. По данным переписи населения в 2010 г. коми-пермяки составили 54,4% и 75% назвали родным языком язык своего народа, что позволяет утверждать, что родной язык прочно выступает этническим определителем народа.

Для географа пермяцкая страна представляет интерес не только благодаря физико-географическим особенностям: древности ландшафта и богатству природных ресурсов. Она привлекает внимание и наличием богатых вещественных следов её покорения человеком – остатками материальной культуры и языковыми отложениями в географических названиях. Обильную классификацию народы коми дают лесному

ландшафту: например, возвышенное облесенное елью место называется парма; возвышенное же место, покрытое сосновыми насаждениями (сосновый бор, часто беломошник) – яг; ровное сухое место с берёзовыми насаждениями – рас и др. В современной научно-географической литературе пармой называют просто возвышенное облесенное место, без уточнения характера растительности. Коми-пермяцкий народ всю территорию ласково называет Пармой.

Творческая деятельность коми-пермяцкого народа в области своего быта носит во многом отпечаток влияния природы, но определяется не только этим, но и историческими судьбами этого народа, общими экономическими условиями этого края и всего Приуралья. Поэтому в быту новое и старое часто переплетаются между собой. Так, в качестве строительного материала для жилых построек чаще всего применяли сосну. Но в некоторых сёлах вплоть до недавнего времени можно было встретить дома, построенные из лиственницы. Это дерево более крепкое, чем сосна и не так быстро поддаётся гниению в сыром климате. Лиственница, если она растёт в ближайших лесах, и теперь иногда используется для нижних венцов сруба, матицы и подоконников.

С незапамятных времён коми-пермякам приходилось считаться с суровыми природно-климатическими условиями. Из-за морозной и снежной зимы (снежный покров к концу зимы достигал до 60–80см), короткого и чаще дождливого лета большинство пермяцких изб было покрыто тёсом в два слоя. По этой же причине у коми-пермяков была распространена двускатная крыша, чтобы снег сам скатывался и не проламывал крышу, на самцах с князевым бревном, скрепляющим оба ската. Конец князевого бревна обрабатывали часто в виде причудливой головы животного (коня) или птицы. Такие дома строились из-за недостатка гвоздей, их заменяли деревянными втулками, украшенными иногда деревянной резьбой. Окна строились с косяками, под которые закладывались куски бересты, предохраняющие дерево от сырости и загнивания. Рамы в большинстве изб были двойные. Наличники и карнизы нередко украшались резьбой. Орнамент состоял из парных рядов пропиленных зубцов, кружков, соединённых квадратом и др. Верхний край наличников отдельными зубцами, а нижние концы вырезали в виде сердечек или треугольников. На некоторых наличниках имелись накладные розетки с расходящимися от них лучами. Встречались также накладные солнечные диски. Солярный орнамент вообще очень характерен для народного искусства коми-пермяков.

Коми-пермяцкая кухня, по мнению И.Н. Смирнова, В.Н. Белицер, уходит своими корнями вглубь веков, как история самого народа. В дорусский период пермяцкий народ умел самостоятельно выращивать злаки, превращать их в муку и крупы. Уже умел вялить мясо, печь и

жарить, парить, знал сметану, творог, сыр, рыбу. И это было освоено, выработано так же самостоятельно, как и в свое время освоена обработка зерна, его превращение в крупу, муку, то есть были понятия ступы и песта. Основными продуктами питания в прошлом служили зерна злаков: ржи, ячменя и овса. Зерно мололи в большинстве случаев на водяных мельницах, которые стояли на многочисленных речках региона, самого простого устройства. В небольшом количестве для личных потребностей зерно мололи на ручных жерновах.

Хлеб («нянь»), по народным представлениям, являлся символом богатства и счастья, как и соль (самый дорогой продукт в пермском крае, даже в поговорке народ оставил об этом память: пермяк – соленые уши, который за ведро соли отдавал сорок соболиных шкур) свидетельствовала о достатке семьи. Хлеб и в настоящее время в любой семье коми-пермяка – первая необходимость. Именно поэтому немало пословиц родилось и рождается в народе о главном продукте питания: сей хоть в золу, да в пору; каков хлеб – такова и песня и др. Да и невесту прежде выбирали по тому признаку, умеет ли она печь хлеб.

Мясо в северных охотничьих районах в прошлом являлось повседневной пищей и бедных, и зажиточных крестьян. В южных земледельческих районах мясо в будни было только на столе богатых крестьян, большинство же ели его лишь по праздникам, но не всегда. Население в пищу употребляло, главным образом, мясо коров, овец, свиней, а в северных районах – мясо оленей. Рыба издавна занимала большое место в питании, особенно у населения, живущего по берегам рек и озер. Ели ее в самом разнообразном виде: солёную, мороженую, вяленую, жареную, запеченную в хлебе. Молоко и молочные продукты в прошлом потреблялось далеко неравномерно по отдельным районам. Подсолнечное масло было привозным, а льняное и конопляное изготавливали на месте. Повсеместно употребляли в пищу молодые побеги борщевика («пикан»). Стебли этого растения рубили и варили. В пищу употребляли щавель и молодой полевой хвощ (пистик). Широко употреблялись в пищу ягоды (клюкву, бруснику, землянику, чернику и др.), грибы (белые, подосиновики, маслята, грузди, рыжики). В каждой семье имелись самые разнообразные лукошки («чуман») из бересты, коробов, корзинок для ягод и грибов. Большое количество ягод и грибов носили за спиной в пестерях, сплетенных из бересты с лямками. Из напитков был распространен чай, квас («ырбш»), брага («сюрюмка»), пиво («сур»), березовый сок («кызва») и др. Коми-пермяцкие крестьяне, за исключением небольшой верхушки, для чая заваривали травы (зверобой, душицу, мяту – «чай турун»).

Многие традиционные кушанья и напитки продолжают и теперь готовить (пельмени, пироги и кашу из полевого хвоща, суп из пиканов, брагу и др.). Работники кафе «Блюз» г. Кудымкара активные участники на международных чемпионатах по кулинарии национальной кухни, нередко занимают призовые места. Так в Турции завоевали серебряную медаль. Меню победителей состоял из следующих блюд: 1) суп-крем из пиканов с картофельными куликами и морковным пудингом; 2) мясо лоса в маринаде из таежных трав в сопровождении суфле из пистиков и паренки из брюквы, с грибами, стручковым горошком и с соусами из брусники и морошки; 3) сырники творожные с ореховой мукой и кедровыми орешками и карамельным соусом; творожный крем с ягодным землянично- малиновым соусом.

По мнению исследователей прикладного искусства И.Н. Смирнова, Н.И. Шишкина, В.Н. Белицер, пермяки достигли высокого мастерства во всех областях своей рукотворной деятельности: в обработке дерева, плетении, ткачестве, вышивании, вязании и т.д. Одной из основных частей народного творчества был орнамент. Им украшались различные бытовые предметы из дерева, ткани и меха. Самое широкое и разнообразное воплощение он нашёл в текстильных изделиях. Искусство орнамента передавалось из поколения в поколение. У пермяков была обычная и праздничная одежда. Первая была очень удобна, приспособлена к местным природным условиям, вторая – цветиста и пышна, но мало удобна. Это – кокошники и шамшуры – оригинальные женские головные уборы, вышитые бисером и украшенные перламутровыми пуговками или блёстками; сарафаны или набивные дубасы. Домотканый холст, из которой шились рубашки, кофты у женщин, как и полотенца и скатерти, украшались набивными разноцветными узорами и вышивками на мотивы из животного и растительного мира.

Основными изделиями нестаночного узорного ткачества являются пояса, которые были узкие и широкие. Их носили мужчины (поверх рубашки) и женщины (по сарафану и фартуку). Узорное вязание на пяти спицах в конце XIX–начале XX вв. бытовало почти по всей территории; украшались в основном рукавицы и чулки, реже перчатки.

Еще в далеком прошлом население Коми-Пермяцкого округа и сопредельных с ним районов Пермской и Кировской областей создавало замечательные произведения, в которых нашли широкое и своеобразное выражение мотивы животного и растительного мира. Эти мотивы образовали особый вариант в изобразительном стиле эпохи – «пермский звериный стиль». Благодаря исследованиям археологов, этнографов и географов (А. В. Шмидта, М.В. Талицкого, др.) известно, что изделия пермского звериного стиля (в виде небольших металличе-

ских литых скульптурных изображений) наиболее высокого художественного уровня достигли в VI–VIII вв. В них умело сочеталась фантастика с реальными чертами птиц и зверей, пластические формы этих существ с различными видами орнамента. По мнению исследователей звериного стиля В.А. Оборина и др., предметы звериного стиля были тотемными изображениями. Звери, птицы, рыбы могли служить родовыми, племенными знаками-символами, указывающими на фантастического, легендарного предка – зверя. Наиболее крупные собрания пермского звериного стиля имеются в Государственном Эрмитаже, Государственном Историческом музее, Пермском краевом музее и Чердынском районном музее, сожалению в местном краеведческом остались лишь два экспоната.

Созданный в 1930 г. один из старейших коллективов Западного Урала Коми-Пермяцкий национальный орден «Знак Почета» драматический театр им. М.Горького стал сегодня главным объектом культуры Коми-Пермяцкого округа. Играя спектакли на коми-пермяцком и русском языках, театр строит свой репертуар на лучших произведениях мировой драматургии. Группу составляют выпускники Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, Московского театрального училища им. Б. Щукина, Екатеринбургского театрального института, Пермского института искусства и культуры.

Постоянно участвует в региональных, межрегиональных и международных фестивалях. Популярностью в округе и за его пределами пользуются фольклорные коллективы, ведущие работу по пропаганде народного наследия, – коми-пермяцкий ансамбль песни и танца «Шондйбан» («Лик солнца»), который на IV Международном фестивале-конкурсе национальных культур и фольклора «Народные истоки» в г. Сочи в номинациях «Фольклор» и «Танцы мира» получил Диплом I степени, Большекочинский фольклорный ансамбль «Мича асьв» («Ясное утро») Кочевского района, группа «Старики» с. Юсьва, оркестр русских народных инструментов Пожвинского дома культуры, этнографический ансамбль д. Кукушка Кочевского района и др. Большую роль в художественно-эстетическом воспитании подрастающего поколения играют детские музыкальные школы, детские школы искусств. Баяндин Георгий, учащийся Кудымкарской музыкальной школы, участвовал в сводном детском хоре в Сочи на Олимпиаде. Как и любой народ, коми-пермяки имеют свою музыкальную культуру, основоположником которой был профессиональный композитор А.И. Клещин.

В современном искусстве округа наряду с развитием традиционных видов народного творчества все больше растет интерес к раз-

личным жанрам изобразительного, театрално-декорационного искусства и книжной графики. Яркой страницей театралного искусства является творчество Д.С. Евстигнеева. Народный характер искусства Кудымкара с традициями декоративно-прикладного искусства отразился в творчестве керамиста И.И. Канюкова. Реализм произведений В.Н. Онькова по своей природе не только пронизан национальными фольклорными преданиями и образами, он насыщал старые сюжеты сегодняшними чертами жизни. Прикладным творчеством детей от 7 до 18 лет занимается детско-юношеский центр «Радуга», основное направление которого – художественное: обработка бересты с художественной росписью, резьба по дереву, флористика и т.д. Государственное краевое бюджетное учреждение культуры «Коми-Пермяцкий этнокультурный центр» проводит конкурсы, фестивали, организует деятельность творческих коллективов, осуществляет деятельность по изданию литературы на русском и коми-пермяцком языках, оказывает содействие национально-культурным общественным объединениям в деятельности, направленной на сохранение и развитие национальной культуры и языка, в том числе творческим союзам писателей, художников, мастерам ремесленного труда.

Главным музейным учреждением округа является Коми-Пермяцкий краеведческий музей им. П.И. Субботина-Пермяка. В его фондах хранится разнообразный материал. Интересными и содержательными являются коллекции этнографии и прикладного искусства: орудия труда, предметы быта, одежда, текстильные изделия (пояса, полотенца, салфетки, украшенные ремизным и браным ткачеством), деревянные, берестяные и другие изделия. Специализированная детско-юношеская школа олимпийского резерва имени Л.И. Голева – это особенная гордость округа. За время работы школы спортсмены показывали и показывают высокие спортивные результаты: трижды чемпионка Европы по самбо – Нина Радостева, бронзовые и серебряные чемпионки Европы Светлана Аверушкина, Эльмира Викилова и двукратный чемпион Мира по самбо среди мужчин мастер спорта Международного класса Игорь Беглеров.

Каждый этнос обладает оригинальным стереотипом поведения, который есть не что иное, как способ адаптации к ландшафту, и своей собственной внутренней структурой. Свой собственный стереотип поведения этнос нередко воспринимает как единственно возможный и правильный. К сожалению, непохожесть на себя часто объясняется на бытовом уровне необразованностью, а то и дикостью соседа или встречного. Но нет плохих и хороших этносов, нет также диких и цивилизованных. Просто все другие и разные (Гумилёв Л.Н.).

Библиографический список

1. *Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народов Коми. М., 1958.
2. *Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 2002.
3. *Климова Г.Н.* Текстильный орнамент коми. Кудымкар. 1995.
4. *Оборин В.А.* Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. Иркутск, 1990.
5. *Смирнов И.Н.* Пермьяки. Историко-этнографический очерк. Казань, 1898.
6. *Талицкий М.В.* К этногенезу коми. Т.9. М., 1941.
7. *Чеботкова А.Д.* Территориальные особенности качества и образа жизни населения Коми-Пермяцкого округа Пермского края.: Канд. дисс. на соиск. учён.степ. – Пермь, 2010. Чеботкова А.Д., Шарыгин М.Д. Население Коми-Пермяцкого округа (уровень, качество и образ жизни). Пермь, 2012.
8. *Шишкин Н.И.* Коми-пермяки. М., 1948
9. *Шмидт А.В.* К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. Л., 1927.,

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN KOMI-PERMYAK CULTURE

Chebotkova A.D.

e-mail: alevtina1419@yandex.ru

The article analyses researches in language and cultural traditions of Komi-perm region, views examples of saving of tradition and innovations appearance.

Key words: komi-permyak; komi-permyak culture; traditions in culture; innovations in culture.

УДК 911.37:314.02:314.72

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СУБЪЕКТАХ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Л.Ю. Чекменева, П.В. Незговорова, Н.Д. Еропкина

Пермский государственный национальный

исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15;

e-mail: L.Chekmeneva@mail.ru; nezgovorova.polya@yandex.ru

В статье рассматривается влияние социальных факторов на формирование демографической ситуации на современном этапе развития Уральского экономического района. На основе балльной оценки приводится сравнительный анализ социально-демографической ситуации в субъектах Уральского региона.

© Чекменева Л.Ю., Незговорова П.В., Еропкина Н.Д., 2015

Ключевые слова: демографическая ситуация, социально-демографическая ситуация, уровень жизни, качество жизни, стиль жизни.

Уральский экономический район (УЭР), включающий 7 субъектов: две республики – Башкортостан и Удмуртскую, четыре области – Курганскую, Оренбургскую, Свердловскую, Челябинскую и Пермский край – один из важнейших регионов России в индустриальном отношении. Разнообразие и богатство природных ресурсов Уральского экономического района способствовали формированию многоотраслевой промышленности. Здесь развивается черная и цветная металлургия, химическая, нефтяная и газовая промышленность, разнообразное машиностроение, лесная, целлюлозно-бумажная промышленность и индустрия строительных материалов. В 2013 г. в Уральском экономическом районе проживало 18,92 млн чел., что составило около 13% численности населения России. Субъекты Уральского региона отличаются друг от друга уровнем экономического развития, численностью населения, складывающейся социально-демографической ситуацией.

Тенденции социально-экономического развития Уральского региона схожи с российскими тенденциями, однако, переход субъектов УЭР к постиндустриальному обществу будет опираться на собственные конкурентные преимущества, в том числе на человеческий потенциал. На формирование человеческого потенциала оказывает влияние социально-демографическая ситуация – один из ключевых факторов развития региона.

Для исследования особенностей и внутренних взаимосвязей социально-демографической ситуации УЭР использовались два блока показателей: демографический и социальный. Демографический блок представлен общими коэффициентами рождаемости и смертности, ожидаемой продолжительностью жизни, коэффициентом младенческой смертности, коэффициентом миграционного прироста и демографической нагрузки. Социальный блок рассматривался через категории уровня, качества и стиля жизни населения, которые были представлены группой социально-экономических показателей [2]. Наличие связей между демографическими и социальными показателями установлено с помощью корреляционного анализа, на основе которого был произведен отбор показателей социального блока. При исследовании внутрирегиональных различий социально-демографической ситуации использовался метод балльно-рейтинговой оценки.

Современная демографическая ситуация в УЭР складывается в условиях относительной стабилизации общей численности населения

(с 2010 г.) и устойчивого миграционного оттока в большинстве субъектах. Особенностью современной демографической ситуации в УЭР является повышение рождаемости во всех субъектах региона и увеличение продолжительности жизни. Наиболее благоприятная демографическая ситуация складывается в Республике Башкортостан, Удмуртской Республике и Свердловской области. В этих субъектах самые низкие показатели смертности населения (это относится как к общему показателю, так и к показателю младенческой смертности), относительно низкая демографическая нагрузка, более высокая ожидаемая продолжительность жизни населения. Неблагоприятная демографическая ситуация наблюдается в Курганской области: по всем рассматриваемым показателям она занимала последнее место в рейтингах.

По отдельным показателям социальной ситуации регионы находятся на разных позициях в рейтинге, но при этом выделяются 2 субъекта: Свердловская область, занимающая 1 (лучшее) место в рейтинге, и Курганская область, занимающая последнее место. Корреляционный анализ показал достаточно тесную связь между общим коэффициентом рождаемости и среднемесячной начисленной заработной платой (коэффициент корреляции $R_{xy} = 0,73$), что может свидетельствовать о влиянии уровня жизни, материального достатка на планирование семьи и рождение детей в УЭР.

Качество жизни также оказывает влияние на демографическое поведение населения. Наличие собственного жилья и полученного образования позволяет человеку быть уверенным в своем будущем, предоставляет возможность создания семьи и рождения детей. Об этом свидетельствует теснота связи между общим коэффициентом рождаемости и общей жилплощадью, приходящейся в среднем на 1 жителя, а также уровнем образования (коэффициенты корреляции 0,55 и 0,80).

В то же время демографические отношения являются отражением стиля жизни, так как он определяет физическое и духовное благополучие человека, следовательно, предпосылки для дальнейшего развития личности. Связь между общими коэффициентами брачности и рождаемостью в России является существенной и определяющей ($R_{xy} = 0,97$) [1]. Однако в Пермском крае, где достаточно высокий показатель брачности, связь отсутствует ($R_{xy} = -0,03$). Из этого можно сделать вывод, что для Пермского края характерна высокая доля отложенных рождений в молодых семьях, а также пренебрежение институтом семьи, т.е. рождение детей вне зарегистрированного брака. В 2013 г. Пермский край лидировал по этому показателю среди субъектов экономического района (33% появились на свет у женщин, не состоящих в браке).

Другой показатель стиля жизни – смертность в результате дорожно-транспортных происшествий. Так, самый высокий показатель смертей в результате ДТП по экономическому району в Курганской области: в 2013 г. он составил 29,6 чел. на 100 тыс. чел. населения. По этому показателю область занимает 7 место по России. На основе набранных баллов все субъекты УЭР были поделены на три группы: с благоприятной, менее благоприятной и неблагоприятной социально-демографической ситуацией (рис. 1).

Первая группа субъектов включила республику Башкортостан и Свердловскую область. Высокие по региону уровень и качество жизни населения обеспечивают более благоприятную демографическую ситуацию. Так, в Свердловской области находится крупнейший на Урале центр торговых услуг и высшей школы, выше, чем в среднем по России, жилищные показатели, здесь повышена экономическая активность населения и активно формируется средний класс, а рост доходов в годы экономического подъема находился на одном из самых высоких по стране уровней.

Социально-демографическая ситуация в УЭР

Вторая группа самая многочисленная (охватывает 51% населения УЭР) и, на наш взгляд, самая неустойчивая в процессе становления более благоприятной демографической ситуации. В этих субъектах медленно идут качественные экономические преобразования, сла-

бо развивается малый и средний бизнес, что тормозит рост уровня и качества жизни населения. Поэтому социальные факторы – уровень и качество жизни действуют на демографические процессы разрозненно, менее эффективно. Стиль жизни также может вносить коррективы в формирование демографической ситуации. Так, в Пермском крае наблюдается высокий, относительно Уральского региона, уровень жизни, и низкий уровень культуры вождения автомобилей, что проявляется в высоких показателях смертности от ДТП.

К субъектам с неблагоприятной социально-демографической ситуацией относится Курганская область (5% населения УЭР). Неблагоприятная социально-демографическая ситуация в Курганской области обусловлена тем, что области тяжелее всех субъектов УЭР было выходить из кризиса 1990-х гг., так как здесь не было крупных промышленных предприятий, а с сельским хозяйством выходить из кризиса намного сложнее. В результате, в области самые низкие социальные показатели, наблюдается устойчивый отток населения. Всё это сказывается на формировании неблагоприятной демографической ситуации.

Так как субъекты по-разному выходят из социально-экономического кризиса 1990-х гг., требуется разработка программ развития с учетом индивидуальных интересов территории. Каждый субъект УЭР обладает рядом преимуществ, развивая которые, можно улучшить социально-демографическую ситуацию.

Библиографический список

1. *Иванова М.Б., Чекменёва Л.Ю.* Образ жизни и демографические процессы (региональный аспект) // Территориальная организация общества и управление в регионах: материалы VIII Всероссийской науч.-практ. конф. / Под ред. Т.М. Худякова. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2009. С. 221 – 223.

2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE SUBJECTS OF THE URAL REGION

L.U. Chekmeneva, P.V. Nezgovorova, N.D. Eroпкина
Perm State University
Russia, 614990, Perm, Bukireva St., 15;
e-mail: L.Chekmeneva@mail.ru; nezgovorova.polya@yandex.ru

The article discusses the impact of social factors on the formation of the demographic situation at the present stage of development of the Ural economic region. Based on the evaluation points in a comparative analysis of the social and demographic situation in the subjects of the Ural region.

Key words: demographic situation, social and demographic situation, the standard of living, quality of life, lifestyle.

УДК 911.3

ПОСТСОВЕТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

К.А. Чернышев

Вятский государственный университет
610000, Киров, ул. Московская, 36; kochern@rambler.ru

В докладе рассматриваются важнейшие изменения в социально-культурной сфере Кировской области за последние почти 25 лет.

Ключевые слова: Кировская область, социально-культурная сфера, постсоветская трансформация.

Разрушение СССР и связанные с этим событием преобразования на десятилетия вперёд определили тенденции социального и демографического развития как России в целом, так и отдельных её регионов. Кировская область оказалась в числе большой группы депрессивных регионов, которые пережили существенный спад в экономике (так, объём промышленного производства в области за 1991–2014 гг. сократился в два раза). Процесс депрессии помимо спада производства характеризовался ростом безработицы, снижением уровня жизни, распространением негативных социальных явлений. Изменения территориальной организации отраслей социально-культурной сферы являются объектом географических исследований, осуществлённых на материалах депрессивных регионов – Курганской, Смоленской, Псковской областей. Трансформация социально-культурной сферы в депрессивных субъектах РФ проявилась, в первую очередь, в сокращении сети

учреждений, которое происходило в результате совместного действия как экономического, так и демографического факторов.

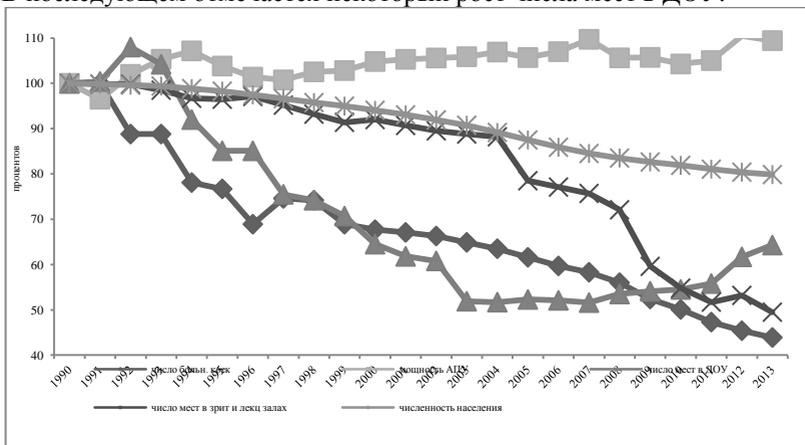
Согласно Рисунку кардинальные изменения в демографической сфере определили динамику сети учреждений социально-культурной сферы в Кировской области. Депопуляция отмечается в регионе в течение всего постсоветского периода, и, начиная с 2000 г., дополняется миграционной убылью, которая с 2010 г. стала играть основную роль в сокращении численности населения региона. Это определило сокращение численности потребителей услуг, поскольку население, потребительский фактор является главным для развития и размещения учреждений социально-культурной сферы. Соответственно изменялось количество учреждений предоставлявших услуги. Негативное воздействие демографического фактора на социальную сферу усиливалось проблемами финансового характера. Переход страны к рыночным отношениям сопровождался нехваткой бюджетных средств, проведением различных реформ в социальной сфере (здравоохранения, образования и пр.). Возможности поддержания сети учреждений социально-культурной сферы за счёт развития платных услуг и местных бюджетов на большей части территории региона были и остаются ограниченными. Кроме того, за столь длительный период произошли объективные изменения в значимости для населения и принципах оказания отдельных видов услуг.

Для оценки количественных параметров изменения социально-культурной сферы имеет значение, что показатель числа учреждений не в полной мере отражает возможности населения для получения услуг, ввиду разной мощности учреждений социальной сферы. В связи с этим для характеристики изменения параметров социальной сферы необходимо использовать натуральные показатели наиболее распространённых типов учреждений.

Характеристика изменений системы здравоохранения наиболее подробно отражается через показатели развития больниц и амбулаторно-поликлинических учреждений (АПУ). Уровень развития больничных учреждений выражается показателем обеспеченности больничными койками, который самый высокий в ПФО. Однако показатель обеспеченности койками не даёт объективного представления о качестве предоставляемых медицинских услуг. За 1990–2013 гг. претерпела также изменения сеть АПУ, количество которых увеличилось, мощность и обеспеченность населения врачебными АПУ возросли. Это обусловлено политикой здравоохранения предполагающей, в частно-

сти, приоритет развития местной системы оказания медицинских услуг, переводу участковых больниц в амбулатории, где это позволяет сделать транспортная доступность центральных районных больниц.

С демографическими изменениями наиболее тесно связана трансформация региональной системы образования. Для Кировской области, как и для других депрессивных регионов России, характерно уменьшение числа общеобразовательных и дошкольных образовательных учреждений (ДОУ). Наиболее информативный – показатель числа мест в ДОУ. До 2008 г. этот показатель ежегодно снижался, что было обусловлено рядом факторов: сокращением расходов государства на содержание ДОУ, сложностью экономического положения предприятий, имевших на своём балансе ДОУ, неспособностью многих семей оплатить пребывание ребёнка в ДОУ, а также низкой заполняемостью. В последующем отмечается некоторый рост числа мест в ДОУ.

Изменение параметров социально-культурной сферы в Кировской области

К наиболее распространённым учреждениям сферы культуры относятся библиотеки и культурно-досуговые учреждения (клубы, дома культуры и пр.). Однако значимость показателя размеров библиотечного фонда за рассматриваемый период ввиду объективных причин снизилась. Показатель числа мест в зрительных залах учреждений культурно-досугового типа снижался пропорционально изменению численности населения, однако с 2005 г. темпы снижения увеличились, что объясняется сокращением числа учреждений. Таким образом, сеть учреждений социально-культурной сферы Кировской области претерпела за постсоветский период значительные изменения, обу-

словленные совместным действием финансового и демографического факторов. Сокращение сети учреждений в настоящее время чаще носит вынужденный характер и является реакцией властей на снижение численности населения.

**POSTSOVIET TRANSFORMATION OF SOCIO-CULTURAL SPHERE
OF KIROV REGION**

K.A.Chernyshov
Vyatka State University;
Russia, 610000, Kirov, Moskovskaya Str., 36; kochern@rambler.ru

The author views the most important changes of socio-cultural sphere of Kirov region in postsoviet time.

Key words: Kirov region, socio-cultural sphere, postsoviet transformations.

УДК 314.93/911.3

**СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ НА ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТЕ ЮГА
РОССИИ: ИЗМЕНЕНИЯ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ПОЛВЕКА**

В.В. Чихичин

Северо-Кавказский федеральный университет
355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1; wawachi@yandex.ru

В статье анализируется место Ставропольского края на этнической карте Юга России, его переходное положение на границе языковых семей и ареалов проживания отдельных народов. В качестве основных факторов усиления полиэтничности населения Ставрополя определяются его географическое положение, а также особенности миграционных и демографических процессов.

Ключевые слова: этнический состав населения, Юг России, Ставропольский край, полиэтничность, динамика этнических процессов, этнические миграции.

Россия – многонациональное государство, несмотря на то, что абсолютное большинство (около 80%) её населения представители одного народа – русских. К сожалению, факт полиэтничности нашей страны часто оборачивается разногласиями между носителями разных этнических и конфессиональных идентичностей. Особенно это касается отдельных регионов, среди которых самый сложный – Северный Кавказ, или шире – Юг России (в границах Южного и Северо-Кавказского федерального округов).

Первый шаг к решению указанной проблемы – изучение состава населения, анализ изменений, выявление конкретных болевых точек. Только объективное знание, доведенное до сведения наших граждан,

способно избавить их от расхожих мифов о почти катастрофических изменениях на российской этнической карте. Хватает подобных мифов и на Ставрополье, и о Ставрополье, которое расположено в самом центре Юга России. Покажем на примере Ставропольского края, как сильно может поменяться этнический состав населения территории за полвека и почему это происходит. Данный текст во многом основан на «Этническом атласе Ставропольского края», который имеет уже два издания [1, 2]. Последнее подготовлено коллективом ученых кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Северо-Кавказского федерального университета, среди которых и автор этой статьи. Атлас издан в рамках Государственной программы Ставропольского края «Межнациональные отношения и поддержка казачества».

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Ставропольском крае проживает более 120 народов. Подавляющая часть его жителей (более 90%) относятся к индоевропейской языковой семье: славянская (2,3 млн чел., или 81,5% всего населения), армянская, греческая, иранская, новоиндийская, германская группы. Доля народов северокавказской (107 тыс. чел.) и алтайской (105 тыс. чел.) семей составляет более 3,5% каждая, картвельской – 0,3%, уральской – 0,2%. За последние полвека удельный вес этносов индоевропейской семьи уменьшился на 6%, северокавказской и алтайской – вырос на 3 и 2% соответственно, уральской и кавказской – остался практически на прежнем уровне. Изменилась и очередность наиболее многочисленных народов, проживающих на территории Ставрополья. В 1959 г. в первую пятерку входили русские, украинцы, армяне, ногайцы, туркмены. В настоящее время – русские, армяне, даргинцы, греки, цыгане.

По численности греков, цыган и туркмен Ставропольский край занимает 1-е место в России, 2-е место – по численности армян (после Краснодарского края), даргинцев, ногайцев, табасаран (после Дагестана), карачаевцев, абазин (после Карачаево-Черкесии), кабардинцев (после Кабардино-Балкарии), 3-е место – по численности турок-месхетинцев (после Ростовской области и Кабардино-Балкарии), черкесов (после Карачаево-Черкесии и Краснодарского края), езидов (после Краснодарского края и Нижегородской области).

На этнической карте Юга России Ставрополье – переходная зона между более моноэтничными Ростовской областью (русских – 90%) и Краснодарским краем (88%) и полиэтничными северокавказскими республиками. Территория Ставропольского края является частью аре-

ального расселения отдельных народов, проживающих на Юге России: армян (юго-восточная часть ареала), украинцев (юго-восточная часть), даргинцев (северо-восточная часть), кабардинцев (северная часть), карачаевцев (северо-восточная часть), осетин (северная часть), ногайцев (восточная часть), а также туркмен в пределах Ставрополья. Целый ряд этносов расселяются по территории Юга России фрагментарно, как бы отдельными сгустками, при этом такие участки есть и в пределах края (азербайджанцы, греки, грузины, евреи).

Основной этнос на Ставрополье, как и в стране, – русские – 2 млн 232 тыс. чел., или 80% от всего населения. Однако их доля заметно сокращается: в 2002 г. – почти 82%, в 1989 г. – 84%, в 1970 г. – около 90%, а в 1959 г. – 91%. Численность еще только одного этноса, проживающего на территории края, – армян – превышает 100 тыс. чел. и составляет 161,3 тыс. чел., или почти 6% его населения (против 5,5; 2,9 и 1,5% соответственно в 2002, 1989 и 1959 гг.).

Численность еще восьми народов: даргинцев, греков, цыган, украинцев, ногайцев, азербайджанцев, карачаевцев и туркмен – составляет от 15 до 50 тыс. чел., а их суммарная доля в населении края равна почти 8%. Все эти этносы увеличивали свою численность, кроме украинцев, чья доля сократилась с 2,5% в 1959 г. до 1% в 2010 г. Доля даргинцев резко выросла с 0,04% в 1959 г. до 1,8% в 2010 г. Относительно стабильным все эти годы был удельный вес греков, численность которых сократилась в 2000-е гг. (всего на 500 чел.), ногайцев и туркмен. Рос он у цыган, азербайджанцев и карачаевцев.

Численность трех этносов – чеченцев, татар, турок-месхетинцев – колеблется в интервале от 10 до 15 тыс. чел., на их долю приходится 1,2% населения края. Чеченцы в крае появились в 1970-е гг., удельный вес татар долгие годы остается стабильным, а турки-месхетинцы активно мигрировали сюда в 1980–1990-е гг. Еще 2,6% жителей Ставрополья – это народы, представленные численностью от 5 до 10 тыс. чел.: аварцы, кабардинцы, осетины, лезгины, грузины, белорусы, табасараны, корейцы, кумыки, немцы. Группу народов численностью от 1 до 5 тыс. чел. образуют 14 этносов: абазинцы, езиды, лакцы, узбеки, черкесы, евреи, ингуши, казахи, курды, молдаване, агулы, рутульцы, мордва, чуваша. Все вместе они составляют 1% населения края.

Этнический состав населения Ставропольского края по данным переписей населения, %

Этнос	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Русские	91,3	89,7	87,8	84,0	81,6	80,1
Армяне	1,5	1,5	1,8	2,9	5,5	5,8
Украинцы	2,5	2,5	2,4	2,6	1,7	1,1
Даргинцы	0,04	0,3	0,7	1,3	1,5	1,8
Греки	0,7	0,8	0,9	1,1	1,2	1,2
Белорусы	0,5	0,6	0,6	0,6	0,4	0,3
Немцы	0,1	0,3	0,5	0,5	0,3	0,4
Чеченцы	0,02	0,2	0,5	0,7	0,5	0,4
Ногайцы	0,5	0,6	0,6	0,6	0,8	0,8
Туркмены	0,4	0,4	0,4	0,5	0,5	0,5
Цыгане	0,2	0,2	0,4	0,5	0,7	1,1
Татары	0,3	0,4	0,4	0,4	0,5	0,4
Карачаевцы	0,1	0,3	0,5	0,5	0,6	0,6
Прочие	1,84	2,2	2,5	3,8	4,2	5,5

По характеру динамики численности населения этносы, проживающие на Ставрополье, можно разделить на четыре группы:

1) с высокими темпами прироста – за 1970–2010 гг. их численность выросла в 5 и более раз: азербайджанцы (в 10 раз), аварцы (в 8 раз), даргинцы (в 7 раз), цыгане (в 6,5 раза), армяне, корейцы, кумыки. В этой категории есть народы, которые появились позже 1970 г.: чеченцы (в 1970-е гг.), лезгины, табасараны и турки-мехетинцы (в 1980-е гг.). Количество чеченцев и кумыков сокращается с 1990-х гг., а корейцев – с 2002 г.;

2) со средними темпами прироста – в 2–4 раза: абазины, лакцы, карачаевцы, греки, грузины, кабардинцы, казахи, ногайцы, туркмены, осетины. Правда, количество греков и грузин с 2002 г. сокращается;

3) с низкими темпами прироста численности – менее чем в 2 раза: русские, татары, черкесы, калмыки. Количество татар с 2002 г. сокращается;

4) с сокращением численности: евреи (в 2,4 раза), украинцы и белорусы (в 1,6 раза). Количество немцев стало сокращаться с 1989 г. (в 2,3 раза).

Основной и наиболее очевидный фактор усиления полиэтничности населения Ставропольского края – его географическое положение. Данный регион хоть непосредственно не находится на государственной границе России, но его территория является своеобразной переходной зоной (экотоном) между православием и исламом, между индоевропейской, северокавказской и алтайской языковыми семьями. Край расположен в самом центре Предкавказья, в окружении семи

республик: Калмыкия, Дагестан, Чечня, Ингушетия (общей границы нет, но близко), Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Ни один другой субъект Российской Федерации не может «похвастаться» таким колоритным набором соседей. Все эти территории отличаются низким уровнем социально-экономического развития¹ при активных демографических процессах и избытке трудовых ресурсов, почти все – периодически вспыхивающими очагами этнической напряженности, а Чечня и Дагестан – и вовсе террористическими актами. В 1990-е – начале 2000-х гг. – Чечня – горячая точка, опалившая весь Северный Кавказ.

Все эти трудности буквально выталкивали и продолжают, хотя и меньшими темпами, выталкивать население из северокавказских республик, причем не только русских, но и представителей коренных этносов. И первое спокойное место жительства для них – Ставропольский край. Не стоит сбрасывать со счетов и Закавказье, откуда также не от хорошей жизни с конца 1980-х гг. уезжали в Россию как славяне, так и армяне, греки, азербайджанцы, турки-месхитинцы. Заметную их часть принял край опять же как ближайшая более или менее стабильная территория. Так, в 1995 г. регион принял 6% армян, приехавших в Россию, в 1997 г. – 11%, в 2000 г. – 13%, в 2006 г. – 6,5%.

Миграционные процессы усиливали полиэтничность населения Ставропольского края, особенно последние тридцать лет. Этнические миграции способствовали увеличению численности и удельного веса одних этносов (кавказских народов) и уменьшению других (русских). Так, если в 1992 г. в структуре миграционного прироста населения края русские составляли 73%, в последующие годы их удельный вес сокращался: в 1997 г. – 70%, в 2000 г. – 57%, в 2002 г. – 41%. После 2005 г. это значение остается в пределах 50%.

Миграция в Ставропольский край представителей этносов с традициями многодетной семьи привела к тому, что их численность увеличивается не только механически, но и путем естественного прироста. По характеру динамики этого процесса в последние 25 лет народы, проживающие на территории Ставрополя, можно разделить на три группы:

¹ В Рейтинге социально-экономического положения субъектов РФ (итоги 2014 г.), составленном агентством РИАрейтинг, Дагестан занимает 55-е место, Чечня – 74-е, Кабардино-Балкария – 76-е, Северная Осетия – 77-е, Карачаево-Черкесия – 78-е, Ингушетия – 79-е. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2015.pdf (дата обращения: 14.07.15).

– этносы с нарастающей естественной убылью: русские, украинцы, белорусы, немцы, евреи;

– этносы с естественным приростом в 1990-е гг. и естественной убылью в 2000-е гг.: армяне, греки, татары, осетины, грузины;

– этносы с постоянным естественным приростом, снижающимся в 2000-е гг.: аварцы, азербайджанцы, даргинцы, кабардинцы, карачаевцы, кумыки, лезгины, ногайцы, табасараны, турки-месхетинцы, туркмены, черкесы, чеченцы, цыгане.

Демографические процессы, характерные для разных этносов, напрямую отразились на их возрастной структуре. Самые «молодые» этносы – цыгане, турки-месхетинцы, даргинцы, чеченцы, аварцы, ногайцы и туркмены, а самые «старые» – украинцы, русские, татары и греки. Учитывая возрастную структуру, можно предположить, что высокие рождаемость и естественный прирост населения, а также его общая положительная динамика сохраняются у «молодых» этносов, так как повышенная доля молодых людей дает и повышенную рождаемость.

Таким образом, благодаря своему исключительному этногеографическому положению Ставропольский край характеризуется многонациональным составом населения. При этом продолжающиеся миграции представителей северокавказских народов из соседних республик, активное демографическое поведение отдельных народов будут и в дальнейшем усиливать полиэтничность. Это потребует принятия эффективных мер по гармонизации межэтнических отношений, основанных на максимально объективном изучении процессов.

Библиографический список

1. Белозеров В.С., Панин А.Н., Приходько Р.А., Чихичин В.В., Черкасов А.А. Этнический атлас Ставропольского края. Ставрополь, 2014. 304 с.

2. Белозеров В.С., Панин А.Н., Чихичин В.В. Этнический атлас Ставропольского края. Ставрополь, 2008. 208 с.

**STAVROPOL TERRITORY IN THE ETHNIC MAP OF THE SOUTH OF RUSSIA:
CHANGES OVER THE PAST HALF CENTURY**

V.V. Chikhichin

North-Caucasus Federal University

Russia, 355009, Stavropol, Pushkin Str., 1; wawachi@yandex.ru

The article analyzes the place of the Stavropol Territory in the ethnic map of the South of Russia, its transitional provision on the border of language families and areas of residence of individual nations. The main factors strengthening multiethnicity population of Stavropol determined by its geographical location as well as features of migration and demographic processes.

Key words: ethnic composition of the population, South Russia, Stavropol Territory, multi-ethnicity, the dynamics of ethnic processes, ethnic migration.

УДК 504.03:711

**ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО
РАССЕЛЕНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ**

Н.В. Чугунова, Ю.В. Литовченко, С.А. Игнатенко

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

308015, г. Белгород, ул. Победы, 85; e-mail: Chugunova@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются результаты социально-экономических изменений в системе сельского расселения Белгородской области за постсоветский период, степень его устойчивости в новых социально-экономических условиях страны по ряду показателей.

Ключевые слова: сельское, расселение, устойчивость, регион, проблемы, развитие, муниципальные образования.

Достижение устойчивого развития сельских территорий стало для России особо актуальным с началом нового этапа социально-экономических преобразований, ориентированных на повышение продовольственной безопасности, улучшение уровня и качества жизни населения в условиях интенсивной трансформации системы расселения последних десятилетий. Система сельского расселения, являясь сложной, многомерной историко-географической и социально-экономической категорией, обладает закономерностями развития и специфическими характеристиками, но регионы руководствуются своими подходами к развитию сельских территорий, часто не учитывая сложившейся ситуации на районном уровне, особенности местного

расселения. Это тормозит процесс устойчивости развития [8], снижает результативность управления территориями всех уровней.

Типичными характеристиками сельского расселения последних десятилетий большинства районов (муниципальных образований – МО) Белгородской области стали: высокий уровень депопуляции сельского населения, приводящий к обезлюдению сёл и деревень; процессы центр-периферийной модели развития, формирующие поляризацию территорий; системная хроническая безработица из-за недостатка рабочих мест; низкий уровень доходов, порождающий бедность населения и ряд др. проблем. Миграция сельского населения в большие города приводит к социально-экономическому опустыниванию периферийных МО и концентрации населения в пригородах агломераций, а интенсивное развитие товарного животноводства – к загрязнению окружающей среды и росту антропогенной нагрузки на территорию, возникновению экологических рисков для здоровья населения.

В качестве объекта исследования данной работы выступают сельские территории муниципальных образований Белгородской области. Предметом исследования являются процессы, определяющие устойчивое развитие сельского расселения региона. Основной задачей работы мы считали выявление и анализ главных проблем устойчивого развития систем сельского расселения муниципальных районов Белгородской области для определения основных направлений изменений сельского расселения в перспективе.

Остановимся на наиболее существенных, создающих определенные вызовы качественному социально-экономическому росту региона. К ним мы относим демографические проблемы, которые являются фундаментальными в устойчивом развитии территории, отражаясь на социально-экономических процессах. Интенсивное сокращение численности сельского населения в результате естественной убыли и оттока населения [9], отрицательный социальный отбор [6] стали укрепившейся негативной тенденцией сельской местности.

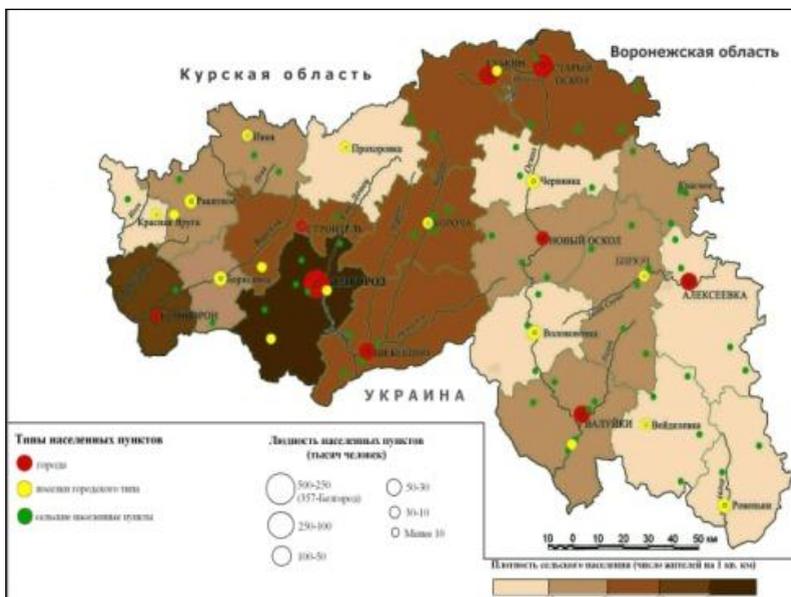
Имеющей далеко идущие последствия является накопление в структуре сельского населения лиц пожилых возрастных групп при снижающейся доле инновационно-активного населения [4] и численности детей и подростков. Оценка уровня старения населения сельской местности (W_{60}) с 2002 по 2012 г (по методике [3]) свидетельствует о высоких значениях коэффициента – 29,9–24,7% в благополучной по многим показателям, с положительным сальдо миграции области.

Важным показателем, характеризующим качественный уровень жизни в муниципальных районах, является уровень благоустройства населенных пунктов и обеспеченность населения жильем.

Белгородская область отличается достаточно высокими показателями газификации и обеспеченности населенных пунктов водопроводами, качественными дорогами. Но в жилищном строительстве муниципальных образований региона появились негативные тенденции, свидетельствующие о стагнации жилищного строительства в муниципальных образованиях: в Ракитянском районе площадь введенных в действие жилых домов с 2008 г. сократилась на 19 %, в Новооскольском районе на 36 % [7].

Характерной особенностью МО становится экистическая деградация. В сельском расселении пространственно-временные сдвиги привели к значительному и стойкому сокращению числа населенных пунктов, плотности населения и населенных пунктов в периферийных восточных и юго-восточных МО, концентрации населения и поселений вокруг города Белгорода (плотность населения между Белгородским и Вейделевским районами отличается уже в пять раз) (рисунок).

Рассчитанный индекс территориальной локализации сельского населения (ИЛН) по муниципальным районам области на 2014 г. (по методике [2]) показал, что только в семи районах, находящихся в непосредственной близости к городским округам (Белгородская и Старооскольско-Губкинская агломерации), сельское население размещено равномерно. К территориям с неравномерным размещением сельского населения относятся преимущественно районы юго-восточной и восточной частей (периферии) области – депрессивные районы с системной безработицей, моноспециализацией на сельском хозяйстве, ярко выраженными процессами депопуляции, мелкоселенностью и, как итог, – неустойчивым развитием при неизменности ситуации и в будущем времени.

Расселение населения Белгородской области. 2012 г. (рассчитано по [5])

Анализ важнейшего экологического индикатора устойчивости сельской местности – загрязнения атмосферного воздуха от стационарных объектов – показал его высокий уровень. Количество выбросов в Корочанском районе за шестилетний период увеличилось в 5 раз, Ракитянском – в 4, в Ровеньском в 11 раз. Причиной негативных изменений стало интенсивное развитие животноводческих и птицеводческих промышленных комплексов по производству мяса, от которых в атмосферу на значительные расстояния распространяются оксид углерода, диоксид серы, оксиды азота, углеводороды, оказывающие негативное влияние на комфортность проживания и здоровье населения. Длительное воздействие загрязненного воздуха на население отразилось уже на показателях заболеваемости органов дыхания у детей и взрослых. Коэффициент парной линейной корреляции (рассчитанный по [1]), показал, что в Корочанском районе зависимость болезней органов дыхания детей от загрязнения атмосферы стационарными источниками составила 0,75, Ровеньском 0,80, т.е является высокой. Существенные корреляционные связи средней силы установлены в Новооскольском МО ($r=0,63$).

Основные выводы. Проведенное исследование показало, что сельское расселение в новых социально-экономических условиях приобрело черты неустойчивости, достигающие высокого уровня на периферии и минимального – в пригородах Белгорода и Старого Оскола. Поступательное развитие окраинных сельских территорий может быть затруднено (или ограничено) качеством человеческого капитала, вызванного длительным миграционным оттоком инновационно-активного населения. Возникающие экологические риски стимулируют миграционный отток жителей, дестабилизируют устойчивость системы расселения. Для повышения устойчивости сельского расселения властным институтам МО необходимо разработать систему оценочных социально-эколого-экономических критериев развития сельских населенных пунктов разного иерархического уровня с последовательным их исполнением.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-13-31001.

Библиографический список

1. *Воронеж:* среда обитания и зоны экологического риска: монография / С.А. Куролап, С.А. Еприцев, О.В. Клепиков и др. Воронеж: издательство «Истоки», 2010. – 207 с.
2. *Житин Д.В.* Демографические аспекты геоэкономического положения Восточной Сибири и Дальнего Востока // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Санкт-Петербург - Ростов-на-Дону. 2013. №2. С. 205–220.
3. *Кирик О.Б.* Социальное прогнозирование // Прогнозирование социально-экономических процессов. – 2010. – Режим доступа: <http://elib.me/ekonomicheskikh-sotsialno-prognozirovanie/sotsialnoe-prognozirovanie.html> (дата обращения: 13.05.2015)
4. *Лисецкий Ф.Н., Чугунова Н.В.* Расселение населения муниципальных образований Белгородской области как основной фактор в реализации концепции «Район-Парк» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, Политология, Экономика, Информатика. – 2014, № 1 (172). Выпуск 29/1 С. 46–55.
5. *Муниципальные образования и численность населения Белгородской области на 1 января 2013 г:* инф. изд. / Белгород: Белгородстат, 2013. – 84 с.

6. *Нефедова Т.А., Никулин.* Сельская Россия: пространственное сжатие и социальная поляризация. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/analit02.php> (дата обращения: 10.09. 2012).

7. *Основные* показатели социально-экономического положения муниципальных районов и городских округов Белгородской области. Стат. сб. / Белгород: Белгородстат, 2014. – 280 с.

8. *Стратегия* устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г. Режим доступа: <http://government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf> (дата обращения: 16.04. 2015).

9. *Чугунова Н.В.* Сельская местность региона: расселение – прошлое и неопределенное будущее // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Санкт-Петербург - Ростов-на-Дону. 2014. №3. С. 122–134.

PROBLEMS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL SETTLEMENTS IN THE BELGOROD REGION UNDER NEW SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS

N.V. Chugunova, Y.V. Litovchenko, S.A. Ignatenko

Belgorod State National Research University, Belgorod. 308015, Belgorod, Pobedy St., 85;

e-mail: Chugunova@bsu.edu.ru

The results of socio-economic changes in the rural settlements system of the Belgorod region over the post-Soviet period, the level of its sustainability for certain indicators under new socio-economic conditions of the country are observed in the article.

Key words: rural, settlement, stability, region, problems, development of the municipality.

УДК 910.1

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ-ВРЕМЕНИ

Л.Б. Чупина

Пермский государственный университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: chupina@psu.ru

Изучение геопространства-времени является важной задачей современной географии. Особого внимание исследователей заслуживает эволюция пространства-времени. Изменение пространственно-временного континуума обеспечивается изменением его отдельных частей – частных пространств.

© Чупина Л.Б., 2015

Ключевые слова: географическое пространство-время, развитие, эволюция, структура геопространства-времени.

Представление о географическом пространстве-времени является основополагающим для современной географической науки и находится в стадии формирования. В философском смысле географический пространственно-временной континуум – планетарно ограниченная часть материи со всеми её формами, свойствами, особенностями. В рамках этого подхода, как правило, формируется понятие географического пространства-времени, определение которому давали многие ученые (П.Я. Бакланов, Ю.Г. Саушкин, А.М. Смирнов, А.М. Трофимов, М.Д. Шарыгин и др.).

Пространственно-временной континуум включает в себя материальные и нематериальные объекты (чья природа связана со свойством отражения) во всём их многообразии. Каждый из объектов имеет 4 пространственно-временные характеристики (3 – пространственные и 1 – временную). Между объектами могут устанавливаться прямые и опосредованные, устойчивые и кратковременные связи. Географическое пространство-время одновременно и устойчиво, и динамично. Эти свойства не противоречат, а дополняют друг друга, отражая развитие геопространства-времени.

Исследование развития географического пространства времени – одна из важнейших и сложнейших задач, стоящих перед современными исследователями. Сложность обусловлена неоднородностью самого пространства-времени, многообразием геообъектов в него входящих. С течением времени географическое пространство изменяется, т.е. изменение временной характеристики связано с изменением пространственных параметров. При этом многообразии геообъектов, в целом, возрастает. В развитии выделяют более длительные периоды преимущественно количественных изменений, и более кратковременные – качественных. В философии первые называют эволюцией, вторые – революцией. Однако за пределами философской науки термины «эволюция» и «развитие» используются как синонимы, мы последуем этому.

Французский термин «эволюция» – «развертывание, раскрытие» довольно точно, на наш взгляд, характеризует изменение, развитие геопространства-времени. Разворачиваясь географическое пространство-время формирует многослойную структуру, в которой слои тесно переплетаются, взаимопроникают друг в друга, формируя уникальные

сочетания географических компонентов, как правило, в виде геосистем.

Первыми в геопространстве-времени сформировались абиотические компоненты, которые составляют как самостоятельные системы, так и выступают частью более сложных геосистем. Абиотические компоненты имеют самую большую долю в геопространстве-времени, в геоверсуме. Они объединены в крупные системы – литосферу, атмосферу, гидросферу. Эти системы складывались на протяжении самых длительных периодов времени.

Для появления биотических компонентов и формирования биосферы потребовался меньший срок, о чём свидетельствует геологическая история Земли. Скорость формирования новых частей пространственно-временного континуума – био- и педосфер, значительно возросла. Ещё более высокой она стала при появлении человека и формировании ноосферы.

Сегодня в структуре геопространства-времени выделяют отдельные слои, части, пространства, состоящие из однородных компонентов, и не все из них имеют материальную природу. Появление таких частей, как социальное, культурное, духовное пространства связано с человеком и его жизнедеятельностью. Изучение этих частей геопространства-времени имеет определённые особенности, связанные с широким использованием методов, предложенных гуманитарными науками. В целом, можно сказать что эти части геопространства-времени менее исследованы, хотя в этой области заметна активизация исследовательской деятельности.

Геопространство-время неоднородно. Одним из ведущих принципов развития пространственно-временного континуума и его отдельных частей является принцип «центр-периферия». Его действие заметно не только в социально-экономической части геопространства-времени, например в развитии биосферы реализацию этого принципа раскрывает учение о мировых центрах происхождения культурных растений.

В пространственно-временном континууме могут одновременно или последовательно появляться несколько центров, выступающих очагами новаций, которые, перейдя в форму инновации, затем распространяются дальше. Эта особенность была замечена и раскрыта Т. Хегерстрандом и его последователями.

Благодаря длительности формирования абиотических и биотических компонентов современные исследователи довольно могут точ-

но определить последовательность и время возникновения того или иного компонента геосферы. Однако история человечества в геологических масштабах мала, что затрудняет оценку эволюции геопространства-времени в его социально-экономической части.

Развитие геопространства-времени разнонаправлено. Изменяется и весь пространственно-временной континуум, и его отдельные части. Два основных процесса здесь – это диффузия и концентрация. Они могут одновременно проявляться в разных частях пространства, могут сменять друг друга. Диффузия и концентрация являются основой диссонирования геопространства-времени, создавая уникальные сочетания компонентов геOVERСУМА, способствуя многообразию геоторий. Диссонирование геопространства-времени обеспечивается и тем, что формирование отдельных пространств начинается в разные моменты времени и протекает с разной скоростью. Например, скорость изменения абиотических пространств значительно ниже, чем биотических. Для пространств, связанных с деятельностью человека, характерна ещё более высокая скоростью изменений.

Изучение временной составляющей геопространства-времени имеет определённые трудности, и является относительно новой и необычной задачей для географов. Однако раскрытие вопросов изменения пространственно-временного континуума открывает для географов новые поля исследований и обеспечивает создание полной картины окружающего мира.

EVOLUTIONARY PROCESSES IN GEOGRAPHIC SPACE-TIME

L.B. Chupina

Perm State University

Russia, 614990, Perm, street Bukireva, 15; e-mail: chupina@psu.ru

The study of geospace-time is an important task of modern geography. Special attention of researchers deserves the evolution of space-time. Changing the space-time continuum provided by changing its parts - private spaces.

Key words: geographic space-time, the development, evolution and structure of geospace-time.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕГИОНЫ:
ПРОБЛЕМЫ ПОЗНАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ**

М.Д. Шарыгин

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, e-mail: seg@psu.ru

В сообщении раскрываются проблемы познания и организации социально-экономических регионов, намечаются пути их решения.

Ключевые слова: регион; территориальная общественная система; организация; структура.

Понятие «регион» появилось в середине XX столетия в США для отражения территориальных единиц комплексного сочетания. Основатель Ассоциации региональной науки У. Айзард полагал, что для познания такого сложного территориального образования, как регион, необходимы междисциплинарные исследования с привлечением географов, экономистов, социологов, экологов, математиков и др. Понятие «регион» первоначально использовалось для отражения нетаксонированных, обычно обширных территорий транснационального, трансграничного и трансрайонного типов. Позднее оно стало использоваться для выражения конкретных таксонов.

Понятие «регион» получило распространение во всех странах, в том числе и в отечественной науке и практике. В конце XX в. оно стало активно вытеснять понятие «район», которое было основополагающим во всей системе географических наук. Особенно ощутимо это замещение проявилось в социально-экономической географии с ее мощным районным направлением, научно-методологическим обоснованием и конструктивными результатами.

Вызовы обновляемого общества, рыночная социально ориентированная экономика, совершенствование территориальной организации жизни людей предъявляют новые требования к территориальным исследованиям, которые традиционная районная школа удовлетворить уже неспособна. Необходима трансформация всей исследовательской деятельности, отказ от экономического детерминизма, переход на антропоцентрические позиции, обновление методологического базиса, разработка новых теорий, концепций, парадигм. Появилась потребность повышения координации и консолидации общественно-

географических исследований, которые может взять на себя Ассоциация российских географов-обществоведов (АРГО).

Замена понятия «район» на «регион» особых новаций не несет, но позволяет выйти на «конкурентное поле» со смежными научными дисциплинами и мировой науки в целом¹. Появление «конкурентного поля» обусловлено не только сложностью феномена «регион», но и снижением активности географических исследований. В литературе термин «регион» используется чрезвычайно широко, что расширило круг конкурентов. Регионом называют практически любое территориальное образование, включая небольшие участки земли и огромные трансконтинентальные системы. Границы и содержание регионов определяются в зависимости от интересов представителей разных научных направлений. Так появились физико-географические, экономические, политические, социальные, культурные, экологические, сельскохозяйственные, транспортные и иные регионы. Каждый из них имеет свое определение и толкование.

Среди множественной совокупности регионов особе место занимают социально-экономические регионы – предмет познания районного направления общественной географии. Они характеризуются такими основополагающими свойствами, как территориальная (геоториальная) целостность, социально-экономическая комплексность, специализация, управляемость, перспективность и др. Социально-экономические регионы отличаются разнообразием состава внутренних компонентов, включающих абиотические, биотические, технические, экономические, демографические, социальные, культурные, рекреационные, духовные, политические и иные элементы. Сложный состав материальных и духовных компонентов объединяется множеством связей и отношений. Одним из важных компонентов является территория (геотория), выполняющая функции субстрата жизнедеятельности людей, природно-хозяйственного ресурса, внешней среды человеческого бытия, интеграции и консолидации региональных явлений и процессов.

Отличительная особенность социально-экономических регионов заключается в том, что они рассматриваются как целостные территориальные общественные системы (ТОС) – пространственно-временные формы организации общества. Региональные ТОС – это пространственно локализованные части общества, в которых взаимосвязано и

¹ В отечественной литературе термины «регион» и «район» часто употребляются как синонимы, хотя между ними есть и различия.

взаимообусловлено сочетаются все сферы жизнедеятельности людей, создаются благоприятные условия для жизни человека. Ядром ТОС является человек, интегрированный в территориальную общность людей.

Познание сущности социально-экономических регионов, механизма их организации и развития наиболее продуктивно путем исследования структурных образований ТОС. Структура (*лат. structura* – строение) – это устойчивая совокупность объектов, их связей и отношений, которая обеспечивает целостность системы. В каждом регионе формируются такие структурные образования, как секторальная, функциональная, иерархическая, территориальная, временная, управленческая и др.

Наиболее распространенной является структуризация по функциональным признакам. В составе региональных ТОС развиваются следующие структурные образования (подсистемы): 1) территориальная общность людей; 2) природно-ресурсная; 3) экономическая; 4) социальная; 5) рекреационная; 6) духовная; 7) управленческая; 8) производственно-инфраструктурная; 9) рыночно-инфраструктурная; 10) социально-инфраструктурная; 11) эколого-инфраструктурная; 12) рекреационно-инфраструктурная; 13) духовно-инфраструктурная; 14) военно-инфраструктурная; 15) институционально-инфраструктурная и др. Каждая подсистема является предметом исследования конкретного научного направления общественной географии, что позволяет познать все аспекты развития социально-экономических регионов. Синтезирование результатов исследований дает общее представление о структуре и функциях регионов. В современных условиях стало очевидно, что информация о параметрах функционирования каждой подсистемы и многообразии связей между и внутри них необходимы для экономических расчетов и принятия регулирующих решений региональными органами управления.

Для более глубокого познания всех сторон функционирования социально-экономических регионов важно выявить их иерархическую и территориальную структуры. В Российской Федерации иерархическая структура сложилась в форме макро-, мезо- микро-, топо- и нано-регионов (районов). Макроуровень представлен федеральными округами и основными экономическими районами, мезоуровень – регионами – субъектами РФ, микроуровень – социально-экономическими (межмуниципальными) округами, топоуровень – муниципальными рай-

онами и городскими округами, наноуровень—городскими и сельскими поселениями, внутригородскими районами.

Иерархическая структура придает многослойную устойчивость пространственно-временной организации общества. Многослойная устойчивость поддерживается регулируемыми воздействиями органов регионального управления и местного самоуправления. Слабость современной иерархической структуры заключается в закостенелости сетки мезорегионов и субъективности организации других таксонов. Назрела острая необходимость научного обоснования границ регионов всех уровней на основе нового социально-экономического районирования. Следует подчеркнуть, что районирование всегда было «стержнем» районного направления в географии. Проблема заключается в том, что традиционное районирование было экономическим, а современным условиях оно должно стать социально-экономическим (общественным), нацеленным на территориальное членение всего обновляемого общества.

Методология социально-экономического районирования не исключает видového разнообразия территориальной дифференциации. Наиболее активно проявляются два вида районирования: признаковое и когерентное. Признаковое районирование, осуществляемое по каким-либо отличительным признакам, способствует решению тактических задач и используется в исследовательской и учебной деятельности. Когерентное районирование осуществляется на основе анализа взаимосвязей между всеми сферами жизнедеятельности людей. Учету подлежат не только экономические, но социальные, семейные, культурные, конфессиональные, информационные, духовные и иные отношения. Они интегрируют территорию в единое социально-экономическое целое. В результате когерентного районирования формируется сетка научно обоснованных регионов каждого таксономического ранга. Внутренние связи и отношения в каждом регионе более мощные по сравнению с внешними связями.

Социально-экономические регионы отличаются внутренней территориальной неоднородностью, сочетанием участков территориальной концентрации и деконцентрации. В узловых регионах формируются центры, субцентры и тяготеющее к ним пространство. Создается территориальная структура, которая упорядочивает систему городского и сельского расселения, организует функционально-пространственные пояса и ареалы. В территориальной структуре обычно выделяется центр и периферия, состоящая из концентрических

поясов и секторов. Более глубокому познанию территориальной организации регионов способствуют конструкции типа «центр–периферия» и «опорного каркаса расселения и хозяйства».

Социально-экономические регионы находятся в постоянном движении: функционировании, развитии, воспроизводстве. Функционирование обычно сопровождается количественным увеличением (уменьшением) числа объектов, объема производства и потребления товаров, услуг; развитие – качественными изменениями. Региональное воспроизводство протекает циклически со структурными усложнениями и качественными преобразованиями. В полном цикле можно выделить фазы зарождения, подъема, расцвета, спада, депрессии, трансформации (зарождения нового цикла). Продолжительность цикла и амплитуда колебания волны отражают мощность региона, степень реализации инновационных процессов.

Познание цикличности развития регионов позволяет выявить их место в социально-экономическом пространстве страны и мира, а также тенденции их перспективного функционирования. Это особенно важно при анализе структурной организации разных регионов страны, развивающихся не только неравномерно в одном цикле, но и в разных циклах. Одни регионы функционируют в доиндустриальном (аграрном) цикле, другие – в индустриальном, третьи – в постиндустриальном.

Для познания сущности этих регионов необходимо использование адекватных методов исследования. Изучение регионов аграрного типа желательно осуществлять на основе отраслевого метода с выходом на формирование межотраслевых (агропромышленных) комплексов. Индустриально развитые регионы следует анализировать с помощью энергопроизводственных циклов и производственных кластеров, способствующих формированию территориально-хозяйственных комплексов и территориальных социально-экономических систем. Для изучения регионов постиндустриального типа можно использовать методы комплексов, циклов и кластеров, делая упор на метод энергосубстанциальных циклов (процессов). Последние формируются на основе использования регионального потенциала: природных ресурсов и человеческого капитала. Источником организации циклов является энергия человеческого разума, умственной деятельности, научных знаний. Они включают как традиционные материальные процессы превращения потенциала в капитал, так и интеллектуальные процессы по созданию новых веществ, товаров, услуг, информации, техники и техноло-

гии. Циклы проявляются не только в региональном производстве, но и в социальной, рекреационной, культурной, духовной сферах. Региональное сочетание энергетических циклов образует основу ТОС как современных форм пространственно-временной организации общества.

Проблемы совершенствования внутренней организации регионов и их позиционирования в социально-экономическом пространстве страны и мира кардинально решаются путем регулирующих воздействий управленческих структур. Региональное управление и местное самоуправление опираются на совокупность научно обоснованных принципов, методов, форм и средств целенаправленного воздействия на социально-экономические и иные региональные процессы. Территориальное управление требует интеграции знаний о социально-экономических регионах, новой региональной политике, стратегических планах, концепциях и программах их развития. В системе этих знаний важное место должны занять результаты общественно-географических исследований пространственно-временной организации общества и процессов развития социально-экономических регионов всех иерархических уровней.

**SOCIO-ECONOMIC REGIONS: PROBLEMS OF KNOWLEDGE
AND ORGANIZATIONS**

M.D. Sharygin

Perm State University

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15; e-mail: seg@psu.ru

The report reveals the problems of knowledge and the organization of socio-economic regions, and outlines ways to address them.

Key words: region; territorial societal system; organization; structure.

УДК 910.3

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ ВОЗМОЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕСТРУКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЭТНИЧЕСКОЕ ПОЛЕ

П.С. Ширинкин

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Пермская государственная академия искусства и культуры
614000, Пермь, ул. Газеты Звезда, 18; e-mail: ethnic1@ua.ru

Представлено современное концептуальное понятие этнического поля, описание его химеризации, деформации и раскола. Показаны возможные направления воздействия на этническое поле и организация эффективного противодействия данным процессам. Дано описание последствий деградации «советского» этнического стереотипа поведения и одноименного этнического поля в бывших республиках СССР.

Ключевые слова: Теория этногенеза Л.Н. Гумилева, этническое поле, этническое сознание, этническая память, этнический стереотип поведения, деформация этнического поля, направления деструктивного воздействия на этническое поле и организация эффективного противодействия.

Одним из интересных направлений в теории этногенеза Л.Н. Гумилева является концепция этнического поля. В последние годы ему уделялось немало внимания – от жесточайшей критики и опровержения, до горячей поддержки. По нашему мнению, концепция этнического поля уже порядка двадцати лет используется на практике в геополитических целях для организации «оранжевых» революций и так называемой заокеанской политики «управляемого хаоса». Совершенно не подозревая об этой стране и этносы Латинской Америки, Восточной Европы, Северной Африки, Ближнего Востока, Средней Азии и, конечно, России, находятся под целенаправленным информационным воздействием, направленным на деформацию этнического поля, его дрейфа, химеризации и даже раскола.

Отечественная наука пока находится в состоянии осмысления этих сложных процессов, в то время как за рубежом проводится целенаправленное и ежегодно финансируемое воздействие, завуалированное под развитие демократии, прав и свобод человека. Среди специалистов, уделяющих внимание этому вопросу, можно назвать И.Н. Михеева, В.А. Кореняко, А.В. Чеканова, В.Г. Крысько и др.

Наиболее точно, по нашему мнению, концепцию этнического поля интерпретирует А. Чеканов, хотя исследователь во многом не соглашается с Л.Н. Гумилевым. Согласно теории этногенеза Л.Н. Гумилева утверждается, что этническое поле, обладая строго определенной частотой колебаний, способно воздействовать на подсознание людей, творя из разрозненных групп единый неповторимый этнический коллектив. Этническое поле способно целенаправленно воздействовать на психику человека, программируя определенным образом его отношение к окружающей действительности, вырабатывая определенный стереотип поведения.

Этническое поле Гумилева в эти представления вносит определенные коррективы. Необходимо признать, что субъективный мир человека непосредственно связан с объективным миром не только в виде среды обитания, но и в форме взаимодействия человека и этнического поля. Этническое поле не только снабжает человека энергией (пассионарностью), но и структурирует его психику в полном соответствии с частотой собственных колебаний. Представления о том, что человек абсолютно свободен в своих действиях – сильно преувеличены. Свобода воли строго ограничена информационными и энергетическими рамками этнического поля. Не последнее место в поведении человека занимают программы, заложенные в подсознание человека этническим полем [9].

«Реализация определенного видения мира и представляет собой процесс строительства структуры данного этноса в полном соответствии со структурой соответствующего этнического поля. Однако прежде, чем человек создаст неповторимую структуру собственного этноса, она должны родиться в голове человека. Иными словами в природе имеет место сущность (этническое поле), которая способна воздействовать на мозг человека, реконструируя в полном соответствии с этой сущностью мышление человека» [9]. Из чего следует, что можно порождать встречный процесс: через образование, воспитание, систему информационных потоков, – создавать химерные когнитивные конструкции, которые будут захватывать определенные социальные и возрастные группы внутри этноса, безусловно, обладающие определенной долей этнической энергетики и пассионарности. Вслед за этим, в достаточно короткий временной период, могут начать появляться своеобразные очаги «затемнения» общего этнического поля этноса, которое, подобно вирусной инфекции, будут захватывать все большие участки в до недавнего времени стабильном этническом поле.

Далее раскачать ситуацию достаточно просто: нужен эксцесс – какое-либо этническое событие, радикально затрагивающее интересы кон-

курирующих субэтнических групп внутри этноса: вспышка насилия, которую, естественно, влияющие извне силы будут сопровождать информационно в необходимом для них ключе. Поводов для возникновения эксцессов достаточно много: религиозная разобщенность, ухудшающаяся социально-экономическая ситуация, теракт и т.д., с обязательным быстрым поиском «виновных» и немедленным доведением «нужной» информации до уже готовых к конфликту структурных единиц этноса. Так происходит раскол этнического поля, чему уделил немало внимания И.А. Михеев, иллюстрируя данным процесс на примере так называемого «евромайдана» – своеобразной информационной волны, запущенной даже не столько из Европы, сколько из США, и прокатившегося по Восточной Европе, Северной Африке, Кавказскому региону, и нашедший своих сторонников и... жертв вплоть до России. «Раскол же этнической системы в фазе надлома есть упрощение сложной этнической структуры. При расколе происходит высвобождение структурной энергии. Той энергии, которая была затрачена при формировании сложной структуры этноса и суперэтноса на образование этносистемных связей, то есть традиции. Тратится же высвобождающаяся при разрыве связей энергия на две вещи. Во-первых, на дальнейшее яростное разрушение традиции, скрепляющей этническую систему в целостность. Поэтому раскол этнического поля часто происходит в форме революции, то есть, радикального уничтожения традиции. Во-вторых, энергия тратится на междоусобные, то есть, гражданские, религиозные и внешние войны» [7, с. 14–15].

Пока в России теория этногенеза Л.Н. Гумилева уже практически признана своеобразной метатеорией, относящейся к околонучной сфере, куда традиционно принято относить уфологов, хиромантов, астрологов и др., возникает впечатление, что за рубежом эта теория не просто признана, а эффективно применяется для манипуляции массовым сознанием организации «оранжевых» революций и концепции «управляемого хаоса». Среди отечественных специалистов растет число публикаций, разбирающих теорию Л.Н. Гумилева «по косточкам» и находящих слабые места, навешивая на автора термины «поверхностный», «слабый», «бездоказательный», собирая для этого целые системы фактов и примеров, которые, впрочем, часто можно легко опровергнуть.

Действительно, в теории немало «сложных» мест, требующих узкопрофильных междисциплинарных и многолетних исследований. Грандиозность замысла Л.Н. Гумилева состояла как раз в том, что нам предлагается совершенно новое видение многих аспектов, считающихся либо «не требующими доказательств» многовековыми аксио-

мами, либо не «объективно» переносимых с живых сообществ на этносы. Одним из таких направлений теории является концепция «этнического поля». В определенном смысле сам Гумилев, не углубив это направление, дал шанс не только специалистам критиковать понятие этнического поля, но и позволил многочисленным ненаучным кругам фантазировать на данную тематику. Якобы речь идет о каком-то особом, еще не известном науке физическом «поле», оставшемся не открытым и не изученным. Между тем, утверждать подобное, значит становиться в общий ряд с теми, кто либо отрицает теорию Гумилева, либо рассматривает ее как новую схоластическую философию в жизни современного общества. Методология этого нигилизма кроется в достаточном расплывчатом определении этнического поля, данного самим автором: этническое поле – возникающее на основе пассионарного поля поле поведения и аттрактивности членов этнической системы [2].

Следует разделить понятие этнического поля на два важнейших гносеологических направления:

1. Биоинформационные поля, обнаруженные еще в 20 в., и сравнительно подробно изученные многими специалистами, в том числе, и новосибирскими авторами [3]. Речь идет о бессознательном использовании животными и даже растительными сообществами, а также, без сомнения, этническими сообществами и человеком персонально естественных электромагнитных полей планеты. Так что как внутри этнической системы, так и при межэтнических контактах такие этнические поля, «работающие» на бессознательном уровне, действительно имеют место и, в ряде случаев («этнические конфликты», «этническая конкуренция»), «играют», вероятно, определяющую роль. Отмеченное направление оставим за пределами данной статьи, как требующее особых исследований, в частности, биофизиками и генетиками.

2. Этническое поле, представленное информационной средой так, что, по сути, подлинным этническим полем, описанным нами в пункте 1, не является. Однако влияние информационной среды и всех ее составляющих столь велико на жизнь современных этносов, что именно в этом направлении и конструируются многочисленные этнические химеры и громоздкие (а часто очень примитивные) когнитивные конструкции, захватывающие умы не только многих социальных групп, но и целых этнических сообществ. Именно это направление и используется в пропагандистских целях с тем, чтобы создавать для «нужных» этнических групп и целых регионов особое восприятие реальности и... других этносов с тем, чтобы уже в следующем поколении «белое» становилось «черным» и наоборот. Так, например, в Япо-

нии, помяная жертв атомной бомбардировки в августе каждого года, «случайно» упускается факт непосредственного виновника этого деяния – США. Правящие круги Японии ради перспектив отношений с заокеанским соседом пошли на сделку с совестью и с историей. Так, что многие социологические опросы в «Стране восходящего солнца» показывают, что как минимум треть современной японской молодежи считают ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки действием не выясненных «внешних сил», либо ... СССР(!) в связи с... существующей проблемой двусторонних отношений северных территорий!

Таких массовых манипуляций этническим сознанием во второй половине 20 в. и в первой декаде 21 в. мир увидел уже немало. Достаточно привести в пример инцидент в Тонкинском заливе (август 1964 г.), ставшим поводом для развязывания США Вьетнамской войны [1;6] или «поиском и находением» (!) оружия массового поражения в Ираке с последующим вторжением без санкций ООН. Можно привести десятки других примеров, однако, по многим из них, документы будут засекречены еще многие десятки лет, хотя практически для всех замысел и цели таких «спектаклей» очевидны.

Несмотря на примитивность и состряпывание таких когнитивных метаконструкций для мировой общественности применяются зачастую простейшие ходы, «шитые белыми нитками», целые страны и континенты на долгие годы (а, возможно, и навсегда) оказываются во власти таких иллюзий. Более того, пересматриваются уроки, очевидные факты и события недавней истории, так что уже практически никто не верит в объективную реальность. Особенно это воздействие оказалось эффективным на молодые возраста через систему образования. Итог не замедлил проявиться в виде многочисленных жертв и социально-экономической деградации во многих странах Восточной Европы (Югославия, Молдавия, Украина, Прибалтика, Грузия и т.д.).

Именно этому направлению деструктивного воздействия на этническое поле, выходящего за рамки основополагающих канонов теории Гумилева, предлагается уделять особое внимание, поскольку есть определенная уверенность в том, что такие методы активно применяются зарубежными политиками, бизнес-кругами и даже, позволим себе термин, специальными институтами по «этническому маркетингу».

Этническое поле объективно формируется и возникает из системы этнических стереотипов поведения живущих людей, которые из поколения в поколение, по ряду каналов, передают базовые постулаты, свойственные восприятию данного этноса. Кроме уже упомянутой

нами системы образования на всех уровнях сюда можно отнести влияние этнической памяти, культурного и исторического наследия, новых культурных течений, субкультур и т.д. Примечательно, что в этом, казалось бы непрерывном процессе передачи этнической и общечеловеческой информации нельзя встроить хотя бы одну химеру или нигилистическую конструкцию. Этому эффективно препятствуют разновозрастные группы этнических индивидов, которые на себе лично ощутили «остроту времени», эпоху и «железную поступь» истории. Через свидетелей и очевидцев событий, казалось бы, не может пройти никакая «достоверная ложь», однако именно в этом месте и находится уязвимое место этнического поля. Теперь становится понятным, что в действительности имел в виду В.И. Вернадский в своей формулировке понятия ноосферы. С очевидностью можно сказать, что современная глобальная информационная среда и, в первую очередь Интернет, является той самой ноосферой, повелевающей умами миллионов, и сравнительно легко «делающая» одни этносы культурными, цивилизованными и «хорошими», а другие, «нуждающиеся» в окультуривании, доучивании и развитии демократии, прав и свобод. И вот уже никто не сомневается в том, кто именно должен быть «врачом», а кто «пациентом». Доказать свою точку зрения, даже при очевидных фактах, оказывается практически не возможно, потому что любые доказательства с использованием среды Интернет и современных мультимедийных средств можно «создать» и довести до конкретной целевой аудитории, в данном случае, целых стран и народов.

Попробуем раскрыть возможные направления и механизм деформации (и даже деградации) этнического поля за сравнительно небольшой временной промежуток. По нашим подсчетам на это требуется, в среднем, от 3 до 20 лет. Данный механизм является двунаправленным. С одной стороны, корректируется этническое поле собственного субъекта – идет т.н. формирование общественного мнения в рамках этноса, страны, континента, с другой стороны – влияние на объект, в данном случае этнос (группа этносов), чье этническое поле будет подвергаться «необходимому» воздействию.

Этническое поле «объектов» подвергается воздействию по следующим направлениям:

1. Создание диссидентских групп и персоналий, в первую очередь, в среде оппозиционных политиков, известных ученых, деятелей культуры, искусства и т.д. В свое время в ЦРУ были поражены тому, как содержание всего нескольких десятков диссидентов привело к

дрейфу общественного мнения в СССР и, в итоге, к развалу страны. Действительно, всеми уважаемые люди, обычно известные каждому в своем этносе, «не могут врать», и если они не довольны действующей властью, состоянием экономики и социальной сферы, значит... они правы, к ним следует прислушаться и пойти вслед за ними. Особенно легко «продавливается» сознание молодежи, которая «пока» не имеет в своей этнической памяти войн, репрессий, авторитарных режимов, экономических кризисов, голода и по свойственной закономерности для любой этнической жизни нуждается в создании собственного этнического стереотипа поведения, отличного от «отцовского», – чем не благодатная почва для включения идей диссидентов и оппозиционеров в свою жизненную концепцию?

2. Образование и наука. Введение по всем иерархическим уровням образовательной системы частичной или полной платной составляющей, что уже в ближайшие годы скажется на качестве подготовки выпускников дошкольных учреждений, школ и вузов, – ведь образование будут получать не люди, потенциально имеющие к этому возможности благодаря своим способностям и талантам а, в первую очередь, индивидуумы, имеющие финансовый ресурс, предоставляемый родственниками и родителями. Такая система образования будет с каждым годом становиться все более коррумпированной и ее будет постоянно лихорадить от непрекращающихся реформ и оптимизации, так, что она начнет «пожирать» изнутри саму себя, «выбивая» целые научные школы, системы отраслевых вузов всего лишь на принципе... конкуренции (!), подкрепленном постоянно урезаемым финансированием страны с сырьевой экономикой.

3. Здравоохранение. Система деградации отрасли, отвечающей за здоровье нации (этноса), проходит по аналогичной схеме с образованием и наукой. Главное – истощить систему здравоохранения бесконечными реформами, ввести в ее суть принцип нарастающей конкуренции, которая практически никак не скажется на качестве лечения, зато очень быстро сократит количество медицинских учреждений и ведущих специалистов. Более того, это будет приводить к сокращению и исчезновению учреждений образования и здравоохранения в отдаленных от федеральных центров районах и муниципалитетах; будет лавинообразно вызывать в них демографический коллапс, вслед за которым приходит социально-экономическая деградация. Но главное, чего пытаются добиться в этом разделе для деградации этнического поля, это введение повсеместно платных медицинских услуг и привязка их к динамике экономики в стране, которая сделает медицину всего за не-

сколько лет совершенно недоступной для большей части населения. Не случайно Х. Клинтон недавно заявила, что главная задача США не допустить возрождения в РФ бесплатной медицины и образования [8].

4. Социальная сфера и пенсионное обслуживание. Настоящий блок, подобно карточному домику, будет разваливаться в стране следом за образованием и здравоохранением. Объективно возникнет необходимость, в целях экономии бюджетных средств, сокращать социальные льготы, делать непопулярные шаги в сфере пенсионного обеспечения, что будет скорее напоминать «латание дыр» или «перетягивание одеяла». В попытках сэкономить на пенсионных накоплениях на фоне слабеющего здравоохранения скорее всего придут к идее об увеличении продолжительности трудового стажа.

5. Базовые принципы экономики: вопросы земли, частной собственности, развитие конкурентоспособных отраслей промышленности и т.д. Получая доходы от реализации на мировом рынке сырья и ресурсов, все больше средств будет направляться не только на поддержание бюджетных отраслей, армии и полиции, но и на закономерное расширение аппарата чиновников и сырьевых монополий, срастающихся с административной государственной машиной. В этих условиях банковская сфера становится чрезвычайно уязвимой от колебания мирового рынка, по сути эта система становится легко управляемой извне и в ней можно искусственно порождать структурно-отраслевые кризисы. Значительная часть населения, не обладающая существенной долей частной собственности, земли и теряющей работу, в закрывающихся и ужимающихся отраслях промышленности, становится благодатной почвой для организации раскола этнического поля.

6. Очернение правящей власти и лидеров и одновременно их демонизация в этносе «субъекта». С помощью прессы, оппозиционных групп и сравнительно не дорогих инструментов распространения информации, можно достаточно быстро организовывать очернение региональных и федеральных властей, тем более, что по выше перечисленным блокам она итак с каждым днем теряет популярность внутри этнической системы.

7. Силловые структуры и армия. Поступление значительных финансовых средств, реформирование армии и полиции, с одной стороны, должно укреплять сложившуюся этническую иерархию и власть в стране, в то же время, названные структуры становятся чрезвычайно восприимчивы к изменению финансирования, содержания и довольствия, что со временем может привести к потере лояльности данных структур к власти.

Мы лишь кратко остановились на возможных блоках, чувствительных точках, рычагах, которые под видом «реформ», «развития», «совершенствования» социально-экономической сферы жизни этноса без осознания им происходящих процессов планомерно и неуклонно, извне, как, впрочем, и изнутри, может приводить к деформации этнического поля и его расколу. Крайне важно понимать «чувствительные» точки и направления возможной химеризации и деформации этнического поля и противодействовать этому путем создания новых государственных институтов и общественных структур мониторинга возможных информационных и административных воздействий по проблемным аспектам, проводить необходимые социально-экономические реформы с полным осознанием возможных последствий на этническое поле.

За последние двадцать лет можно констатировать, что так называемый «советский» этнический стереотип поведения, преемственником которого стал «российский», планомерно, неуклонно, и в то же время ненавязчиво «вытравливается» и «вытесняется» из бывших республик СССР. Под определенным воздействием находятся и отдельные регионы России, в частности, национальные регионы Кавказа, Башкортостан, Татарстан и др. В Прибалтике, Молдавии, на Украине, в Закавказье, Казахстане, Средней Азии, вслед за «отступлением» советского этнического поля деградировала социально-экономическая сфера, после чего «подключались» достаточно простые механизмы разжигания национально-этнической и религиозной розни, застарелых территориальных конфликтов. Устойчивые практически в течение семидесяти лет этнические поля деградировали в одночасье. Возможные направления, причинно-следственная взаимосвязь и сценарий именно такие, как уже описано нами выше. Наконец, с младших школьных возрастов, под видом реформ в образовании начинают «слегка скорректировать» ведущую историческую концепцию и... раскол этнического поля будет окончательно закреплен на следующие 50–100 лет – «управляемый хаос» обеспечен.

Библиографический список

1. Дэвидсон Ф.Б. Война во Вьетнаме (1946–1975) / Перевод А. Колина. – М.: Эксмо, 2002.
2. Ермолаев В.Ю. Толковый словарь понятий и терминов. Под ред. Л.Н.Гумилева. в книге Л.Н.Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Изд-во ЛГУ. 1989.

3. *Казначеев В.П., Михайлова Л.П.* Биоинформационная функция естественных электромагнитных полей. Новосибирск: Наука, 1985.
4. *Коренько В.К.* Критике концепции Гумилёва // Этнографическое обозрение. – 2006. - № 5. - С. 22-35.
5. *Крысько В.Г.* Этническая психология. 4-е изд. М.: Академия, 2008. - 320 с.
6. *Макнамара Р.С.* Вглядываясь в прошлое: трагедия и уроки Вьетнама / Перевод Е. А. Любимова. М, 2004.
7. *Михеев И.А.* Евромайдан как эпизод раскола русского поля или поставят ли в Киеве памятник Гитлеру // Евромайдан и русская весна (история, факты, аналитика). Сб. статей / сост. Е.В. Семенова. М.: Традиция, 2014. С.3-98.
8. *Райбман Н.* США могут пересмотреть доктрину «перезагрузки» // Ведомости. 07.12.2012.
9. *Чеканов А.В.* Труха в этническом поле России: электр. ресурс. Режим доступа: <http://rusgen02.h1.ru/RU-Et-Sub/TruhaRU-2.htm>.

**ON THE QUESTION ON ISSUE OF POSSIBLE DIRECTIONS
OF DISTRACTIVE INFLUENCE ON ETHNIC FIELD**

P.S. Shirinkin

Perm State University

Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15

Пермская государственная академия искусства и культуры
Russia, 614990, Perm, Gazety Zvezda, 18; e-mail: ethnic1@yandex.ru

Presents a modern conceptual notion of ethnic field, a description of its chimerization, warping and splitting. The possible ways of influence on the ethnic field and the organization of effective counteraction to these processes. Given the description of the consequences of the degradation of the «Soviet» ethnic stereotype of behavior and the eponymous ethnic fields in the former USSR republics.

The theory of ethnogenesis L.N. Gumilev, ethnic, field, ethnic consciousness, ethnic memory, ethnic pattern, the deformation of the ethnic field, the direction of destructive influence on the ethnic field and the organization of effective counteraction.

**ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ
НА ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Б.В. Шкуринский

Западно-Казахстанский государственный университет
09000, Казахстан, Уральск, пр. Достык-Дружба, 162, e-mail:
bronislav_86@mail.ru

В статье рассматривается применение методов медико-географического районирования. В качестве его составной части предлагается медико-социальное районирование, раскрывается суть предложенной автором методики его проведения. В статье содержатся результаты проведенной автором оценки социальных, экономических и медицинских условий, влияющих на заболеваемость населения и карта медико-социальных районов Западно-Казахстанской области.

Ключевые слова: заболеваемость населения, социально-экономические факторы заболеваемости, Западно-Казахстанская область.

Здоровье населения является одной из наиболее важных характеристик развития общества и уровня жизни, которое в значительной мере зависит от социально-экономических условий и факторов окружающей среды. В последнее время уровень заболеваемости населения Западно-Казахстанской области (ЗКО) (согласно материалам официальной статистики Министерства здравоохранения РК) по основным группам болезней продолжает оставаться высоким. Например, ЗКО среди областей Казахстана выделяется высокой заболеваемостью туберкулезом, онкологическими заболеваниями, а также общей смертностью населения [1]. Это обусловлено воздействием ряда факторов, среди которых большое значение имеет влияние неблагоприятных для жизни и здоровья населения социально-экономических условий.

Социально-экономические условия, наряду с природными, оказывают значительное влияние на здоровье и распространение болезней населения Западно-Казахстанской области. Их изучение имеет важнейшее значение для выявления особенностей медико-географической обстановки в регионе, так как они являются «управляемыми» и имеют тенденцию к постоянному изменению. Изучением влияния социальных и гигиенических факторов, которые оказывают влияние на здоровье людей занимались Айриян А.П., Куролап С.М., Ермолаева С.В., Воложин А.И., Амлаев К.Р. и др. [2, 3, 4, 5, 6, 7].

Весь набор социально-экономических условий был подразделен автором на 3 группы: 1) социальные, 2) экономические и 3) медико-санитарные. Все статистические данные взяты в разрезе административных районов за период с 1990 по 2010 гг. Для определения влияния социальных, экономических и медицинских условий на здоровье населения, по каждому социально-экономическому фактору были определены суммы прямых и обратных коэффициентов корреляции, которые помещены в таблицу корреляционных связей (табл. 1).

Корреляционный анализ значения социально-экономических факторов в уровне заболеваемости населения Западно-Казахстанской области показывает, что наиболее «социально-обусловленными» группами болезней являются: рак ($\Sigma r = 2,5$), болезни органов пищеварения ($\Sigma r = 2,4$), болезни эндокринной системы ($\Sigma r = 2,1$), туберкулез ($\Sigma r = 2,0$), а также травмы и отравления ($\Sigma r = 1,0$).

Анализ территориальной дифференциации социально-экономических условий позволил провести медико-географическую оценку социально-экономических условий, влияющих на формирование медико-географической ситуации, по результатам которой проведена типология территории ЗКО. Поскольку все статистические данные, характеризующие социально-экономические условия за период с 1990 по 2010 гг., взяты в разрезе административных районов области, то границы медико-социальных районов совпали с границами административных районов области. Таким образом, каждый медико-социальный район включает определенное количество административных районов ЗКО.

На территории области мы выделили 6 социально-экономических районов, отличающихся различным набором социальных, экономических и медицинских факторов, влияющих на заболеваемость и смертность населения. Для оценки степени влияния каждого социально-экономического фактора, нами была разработана таблица ранжирования социальных, экономических и медицинских условий (табл. 2). Чем выше значение какого-либо фактора, тем выше его ранг, за исключением показателя «уровень безработицы». В этом случае, районы с более высоким уровнем безработицы имеют менее высокий ранг.

Таблица 1

Корреляционная зависимость между социально-экономическими условиями и заболеваемостью населения ЗКО

<i>фактор</i> <i>болезнь</i>	<i>обеспеченность жильем</i>	<i>уровень зарплат</i>	<i>уровень безработицы</i>	<i>обеспеченность авто- транспортом</i>	<i>обеспеченность врачами</i>	<i>обеспеченность медсест- рами</i>	<i>количество станций ПСМП</i>	<i>обеспеченность койками</i>
X ₁	-0,1	-0,3	0,5	-0,1	0,4	0,7	-0,3	0,8
X ₂	0,3	-0,7	0,5	0,8	-0,2	-0,3	0,7	-0,5
X ₃	-0,3	-0,6	0,5	-0,5	0,04	0,5	-0,3	0,3
X ₄	-0,4	-0,4	0,3	-0,5	-0,4	0,1	-0,4	0,1
X ₅	0,4	0,6	-0,2	0,4	0,3	0,1	0,1	0,1
X ₆	-0,4	-0,7	0,7	-0,5	-0,1	0,5	-0,6	0,4
X ₇	0,4	0,2	-0,2	0,2	0,01	-0,04	-0,02	-0,03
X ₈	0,3	0,01	0,2	0,2	0,3	0,5	0,04	0,1
X ₉	0,1	0,1	-0,3	0,02	-0,3	-0,4	0,04	0,3
X ₁₀	0,7	0,5	-0,4	0,5	0,4	-0,04	0,2	-0,2

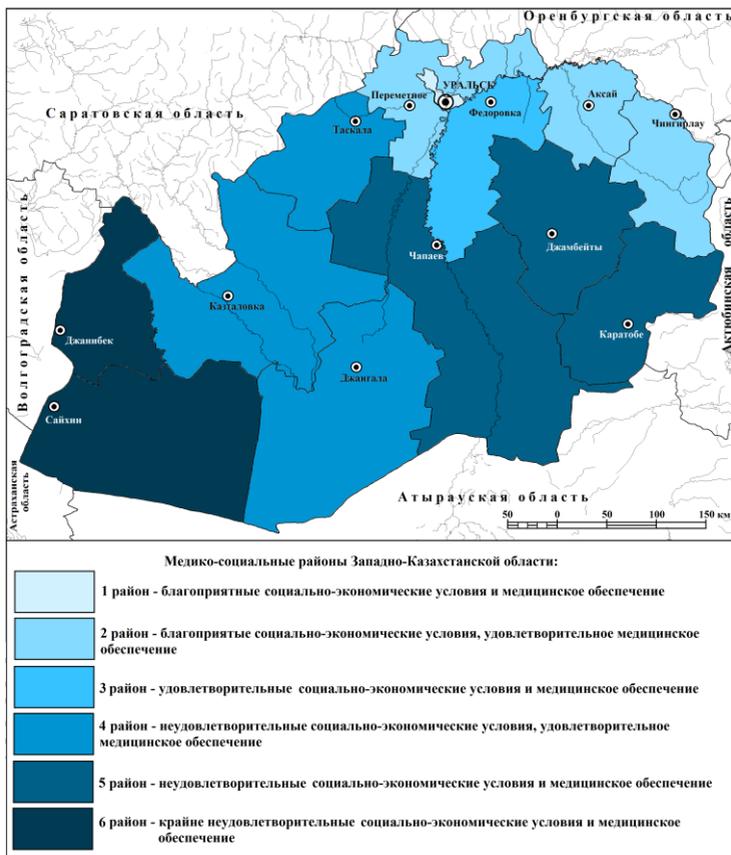
Группы заболеваний: X₁ – туберкулез, X₂ – все случаи рака, X₃ – болезни эндокринной системы, X₄ – болезни органов кровообращения, X₅ – болезни органов дыхания, X₆ – болезни органов пищеварения, X₇ – болезни мочеполовой системы, X₈ – болезни кожи, X₉ – болезни скелетно-мышечной системы, X₁₀ – травмы и отравления.

Таблица 2

Ранжирование социальных, экономических и медицинских условий по административным районам Западно-Казахстанской области

<i>Районы</i> \ <i>Фактор</i>	<i>Обеспеченность жильем</i>	<i>Уровень зарплат</i>	<i>Уровень безработицы</i>	<i>Обеспеченность автотранспортом</i>	<i>Обеспеченность врачами</i>	<i>Обеспеченность медобслуживанием</i>	<i>Обеспеченность койками</i>	<i>Количество учреждений ПСМП</i>	<i>Сумма ранговых мест</i>
Акжайыкский	12	6	5	12	8	10	10	4	67
Бокейординский	9	10	13	10	10	2	4	10	68
Бурлинский	2	1	2	2	2	11	11	3	34
Джангалинский	10	4	11	9	7	6	3	10	60
Джанибекский	11	12	12	13	9	3	2	9	71
Зеленовский	3	3	4	4	3	13	13	2	45
Казталовский	7	13	10	7	6	5	7	6	61
Каратобинский	13	9	6	11	5	9	5	9	67
Сырымский	8	11	9	6	11	4	8	7	64
Таскалинский	4	7	7	3	12	8	9	10	60
Теректинский	6	5	1	5	13	12	12	5	59
Чингирлауский	5	8	3	8	4	7	6	10	51
г. Уральск	1	2	8	1	1	1	1	1	16

Уровень социально-экономического развития и медицинского обеспечения определен суммированием ранговых мест на территории каждого административного района области. Каждый административный район имеет определенный уровень социально-экономического развития и медицинского обеспечения населения. По этому критерию они образуют естественные группы, которые представляют собой медико-социальные районы. Таким образом, была составлена оценочная карта медико-географического анализа социально-экономических условий ЗКО (рис. 1). На этой карте нами выделено 6 районов.

Медико-географическая оценка социально-экономических условий Западно-Казахстанской области

Выделенные нами медико-социальные районы на территории ЗКО имеют одинаковый набор факторов социальных, экономических и медицинских условий, оказывающих влияние на заболеваемость населения. Необходимо отметить разную степень интенсивности их проявления в различных выделенных районах. Это влияет на различные сочетания групп болезней, которыми может заболеть местное население.

Результаты исследования могут быть использованы в организациях, занимающихся исследованиями в области экологии человека и охраны здоровья населения, а также для более эффективного распределения бюджетных средств и медперсонала. Картограмма медико-

географической оценки социально-экономических условий ЗКО иллюстрирует современную картину вероятности заболевания населения болезнями, обусловленными проявлениями факторов социально-экономической среды, и может служить материалом для совершенствования системы здравоохранения, так как она базируется на достоверных данных медицинской статистики.

Библиографический список

1. *Официальный сайт* Министерства здравоохранения РК: www.mz.gov.kz
2. *Айриян А.П.* О социально-экологической очаговости болезней человека. – Ереван: Айастан, 1985. – 124 с.
3. *Амлаев К.Р.* К вопросу об изучении влияния некоторых социально-экономических факторов на здоровье // Профилактика заболеваний и укрепление здоровья. – № 5, 2007. – С. 8-11.
4. *Амлаев К.Р.* Комплексная оценка воздействия различных факторов на здоровье населения. – Ставрополь: Сервисшкола, 2008. – 103 с.
5. *Габимова П.И.* Эколого-географическая, социально-экономическая обусловленность и прогноз заболеваемости злокачественными новообразованиями населения горных районов Республики Дагестан. Автореф. дисс. канд. биол. наук. – Махачкала, 2008. – 24 с.
6. *Ермолаева С.В.* Состояние здоровья детского населения Ульяновской области в напряженных экологических и социальных условиях. Автореф. дисс. канд. биол. наук. – Ульяновск, 2006.
7. *Петров П.П.* Социально-гигиенические аспекты здоровья населения [Сборник статей]. – Алма-Ата: НИИ гигиены и профзаболеваний, 1990. – 231 с.

INFLUENCE OF SOCIOECONOMIC CONDITIONS ON PUBLIC HEALTH IN THE WEST KAZAKHSTAN REGION

B. Shkurinskiy

West Kazakhstan State University

Kazakhstan, 09000, Uralsk, Dostyk-Dryzhba avenue, 162; e-mail: bronislav_86@mail.ru

The article discusses the application of methods of medico-geographical zoning. As part of his proposed health-social zoning, proposed by the author reveals the essence of its methodology. This article contains results of the author estimates of social, economic and medical conditions that affect the population morbidity and map natural health district of West Kazakhstan region.

Key words: morbidity, socio-economic factors of morbidity, West Kazakhstan region.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А		Р	
Афанасьев А.К.	136	Райда Г.И.	101
Б		Ридевский Г.В.	105
Бояршинова Е.М.	185	Рудакова С.А.	258
Быков Н.И.	101	С	
Г		Саввинова А.Н.	112
Гнатюк Г.А.	112	Салиев А.С.	118
Е		Саматов И.Р.	125
Еропкина Н.Д.	269	Саттарова Г.А.	131
И		Сафиуллин Р.Г.	136, 146
Ибрагимова З.Ф.	146	Сафиуллина Р.М.	146
Иванова М.Б.	20	Седегов Д.П.	151
Игнатенко С.А.	283	Сидоркина З.И.	155
Л		Симченко Е.А.	258
Литовченко Ю.В.	283	Соболева Т.А.	161
Лядова А.А.	6, 151	Соколов С.Н.	167
М		Соловьев И.А.	174
Мифтякова Э.Ф.	11	Столбов В.А.	178
Мошков А.В.	14	Субботина Т.В.	185
Н		Суменкова Л.А.	192
Нагорнюк О.И.	21	Сысоева Н.М.	198
Начинова Ю.В.	27	Сысоева О.В.	204
Незговорова П.В.	269	Т	
Нестеров В.Р.	258	Требушкова И.Е.	210
Николаев Р.С.	34	Трифорова З.А.	217
О		У	
Обедков А.П.	40	Ушаков Е.А.	223
Осипов А.В.	47	Ф	
Осипов В.А.	53	Фаронова Ю.В.	230
Осоргин К.С.	60	Федорко В.Н.	112
Ощепкова А.З.	64	Федоров В.Н.	11
П		Х	
Петров Ю.В.	71	Хамина Н.В.	236
Плачинта И.Г.	76	Хачатуров М.З.	240
Плохих А.С.	82, 258	Худякова Т.М.	246
Поляков Н.Е.	89	Хуснутдинова С.Р.	252
Пономарева З.В.	95		
Преображенский Ю.В.	71		

Ч

Чаплыгина О.Г.	258
Чеботкова А.Д.	263
Чекменева Л.Ю.	269
Чернышев К.А.	274
Чихичин В.В.	277
Чугунова Н.В.	283
Чупина Л.Б.	288

Ш

Шарьгин М.Д.	292
Ширинкин П.С.	298
Шкуринский Б.В.	314

Научное издание

ГЕОГРАФИЯ И РЕГИОН

Том III

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Материалы
международной научно-практической конференции
(23-25 сентября 2015 г.)

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка *Е.Л. Гатиной*

Подписано в печать 16.09.2015. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 18,37. Тираж 300 экз. Заказ 427

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ГСП, ул. А.И. Букирева, 15